Wiener Slawistischer Almanach · Sonderband · 26a

(eBook - Digi20-Retro)

Юрий К. Щеглов

Романы И. Ильфа и Е. Петрова

Спутник читателья
Том 2
Золотой теленок

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20"
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

http://verlag.kubon-sagner.de

Ю. К. Щеглов

Романы И. Ильфа и Е. Петрова

Спутник читателя

Том 2

Золотой теленок

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 26/2

Wien 1991

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 26/2
LITERARISCHE REIHE, HERAUSGEGEBEN VON
AAGE A. HANSEN-LÖVE

EIGENTÜMER UND VERLEGER

Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien (Wien)

REDAKTION DIESES BANDES

Tilmann Reuther

DRUCK

E. Zeuner
Buch- und Offsetdruck
Peter-Müller Str. 43
D-8000 München 50

ISSN 0258-6835

СОДЕРЖАНИЕ

Том 2

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК (1930-31)

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК

1930-1931

От авторов

1. — *Как мы пишем вдвоем?....Как братья Гонкуры. Эдмон бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые.*

3b. Сходная шутка по поводу соавторства — в повести С.Заяицкого "Жизнеописание С.А.Лососинова": "Говорят, Гракхи за едою сочиняли свои речи. Пока один брат сочинял, другой совал ему в рот пищу" [стр. 111; указано Г.Суперфином].

2. *Что за смешки в реконструктивный период?*

1/2. Реконструктивный период — период социалистической реконструкции хозяйства, провозглашенной официальной политикой партии и государства в 1928-29. Одним из частых клише в агитпропе 1929-30 было "Задачи того-то (партработы, профсоюзов, РАПП-а, драматургии, крестьянских писателей...) в реконструктивный период".

3. *Дайте такому гражданину-аллилуйщику волю.....*

2. Слово "аллилуйщик" в эпоху ЗТ было неологизмом [см. ТД 09.1930, стр. 77]. Согласно академическому словарю, аллилуйщик — "человек, чрезмерно восхваляющий что-либо в ущерб делу" [ССРЛЯ, т. 1, стр. 96]. Строгий гражданин в предисловии к ЗТ, очевидно, подходит под это определение.

Термин "аллилуйщина" употреблялся и в расширенном значении, обозначая вообще скучную торжественность и назойливую патетичность, будь то в восхвалении или критике советских порядков. В одном из тогдашних очерков выведена "критическая" разновидность данного персонажа: "Не так-то легко в быту и на производстве уйти от этих

аллилуйщиков, нытиков, маловеров. На официальных собраниях эта публика принимает постный или торжественно-напыщенный вид и так или иначе подделывается под собрание. Но в обычной обстановке....эта публика ворчит без конца, отравляя настроение своим товарищам по работе.... — Ну что же из того, что прошло двенадцать лет со дня революции. Времени ушло действительно много, да толку-то мало. Половина населения неграмотна. Хулиганства хоть отбавляй, водка рекой льется. Живем мы в тесноте, грязи, кое-как, по-свински... А тут твердят кругом: культурная революция, культурная революция!.. Много попов, мало детских садов... Жрать нечего, живем, как сельди в бочке...." и т. п. [П.Баранников, Наша культура, КН 45.1929].

"Аллилуйщик" могло означать также человека пассивного, медлительного, нерадивого: так, в статье "Аллилуйщина в Центросоюзе" [Пр 22.07.30] критикуются вялость работы, слабая связь с жизнью, отсутствие руководства.

4. *....подхватив под руку какого-то кустаря-баптиста, которого он принял за стопроцентного пролетария, повел его к себе на квартиру.*

1. Деятельность баптистов (евангелистов) часто и неодобрительно освещалась в прессе 20-х гг. Отмечалась, среди прочего, их способность мимикрировать, "ловко перестраивать свои ряды в легально-советскую шеренгу". Баптисты соблюдали, напр., советские праздники, придавая им религиозную окраску (Первое мая — "праздник братской внеклассовой солидарности всех верующих в Иисуса Христа"), имели свой "христомол", параллельный комсомолу, пели в своих молитвенных домах "Интернационал", "Марсельезу", "Вихри враждебные" и другие революционные песни, перекраивая их на свой лад (*Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем / Любовь и правда воцарятся, / В сердцах не будет зла совсем*), возносили молитвы за Советскую власть, имели свой агитпроп по образцу советского, свою прессу (журнал "Баптист") и т. п. Влияние их было особенно заметным среди кустарей и текстильщиков. По-видимому, именно провербиальная мимикрия баптиста позволяет ему сойти за "стопроцентного пролетария". [Лев Римский, Вороньи гнезда, КН 18.1929; Ник.Ассанов, Корпуса, которые не сдают, НМ 02.1930 и др.]

5. *....Повел описывать скучными словами, повел вставлять в шеститомный роман под названием "А паразиты никогда!"*

1. Объемистые идеологически выдержанные романы в духе психологического реализма XIX в. культивировались так наз. пролетарской литературой под эгидой РАПП-а (ср. известное требование дать "красного Льва Толстого").

Название романа взято из "Интернационала" в пер. А.Я.Коца: *Лишь мы, работники всемирной / Великой армии труда, / Владеть землей имеем право, / Но паразиты — никогда!* [цит. по кн. Песни русск. рабочих, стр. 197].

ГЛАВА 1

О том, как Паниковский нарушил конвенцию

1. *Пешеходов надо любить.*

2. Первая фраза романа следует формуле, употребительной в журнальной прозе 20-х гг. Ср.: "У промысловой кооперации недостаточно средств, чтобы стать на ноги. Ей нужно помочь"; "Во многих домах бьют детей. Их надо защитить"; "Смычке надо помочь"; "Конечно, нужно всячески любить и поощрять статистику" и т. п. [Из 14.05.27; О маленьком народе, КН 27.1929; Пр 12.08.30; Лицом к статистике, Пр 09.01.29].

3а. В записной книжке Ильфа первая фраза ЗТ "примеривается" в контексте других фраз о пешеходе, построенных по известным журналистским шаблонам: "В защиту пешехода. Пешеходов надо любить. Журнал 'Пешеход'" [Собр. соч., т. 5, стр. 187]. В юмореске "Меблировка города" соавторы ЗТ пишут: "Пешехода надо любить. Его надо лелеять и по возможности даже холить" [подпись: Ф.Толстоевский, Ог 30.07.30]. "Детей надо любить" — название одного из их фельетонов [Собр. соч., т. 3, стр. 127].

В очерке В.Катаева "Москва этим летом" сочувственно цитируется высказывание "одного из друзей" (Ильфа?), что "социализм — это страна пешеходов" [ТД 09.1930, стр. 62].

2. *Это они....установили, что из бобов сои можно изготовить сто четырнадцать вкусных питательных блюд.*

1. "С выставок — на кухню. Институт сои изготовил 100 рецептов разных блюд из сои", — извещает "Правда" в августе 1930. На показательных обедах в Москве и в Харькове осенью того же года фигурировало до 130 соевых угощений, в том числе суп, борщ, котлеты, голубцы, хлеб, пудинг, кофе; гостьям давали также пробовать китайские кушанья, сыры, салаты, паштет, шоколад, конфеты, торты, пирожные, пряники и печенье — все из сои. Среди мастеров искусств, выступавших перед делегатами IX съезда комсомола в январе 1931, были знаменитый бас Пирогов, танцовщица Абрамова и шеф-повар Брагин, предлагавший гостям меню в десять блюд из сои. Средства информации превозносят питательные качества сои (1 кг соевой муки = 3,5 кг мяса = 6 десятков яиц = 14 кружек молока!), призывают расширять посевы этой культуры ("Сейте жареное мясо и цельное молоко! Сейте бисквиты и яичницы!"). Весной 1930 производились в крупном масштабе посевы сои; для изучения ее был организован особый научный институт при академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. "Что можно сделать из сои? — Все, кроме автомобиля!" — любили повторять энтузиасты сои. Из их восторженных описаний, однако, вполне ясна крайняя трудоемкость превращения сои в молоко, мясо и фрукты [см. Пр 01.08.30; Кольцов, Провожая на вокзалы, в кн. Действующ. лица; Вл.Василенко, Ближе к сое! КН 32.1930; С.Мар, Ешьте сою! ТД 08 1930 и др.]

Соевое поветрие симптоматично для первых лет пятилетки, когда продовольственные трудности стимулировали изыскание новых источников питания. Но нетрудно видеть и идеологическую характерность утопического стремления свести все сущее (в данном случае в гастрономической сфере) к единой субстанции, заменить демократическим, "красным" суррогатом все разнообразие "буржуазной" культуры пищи, равно как и стремления решить сложные социальные и хозяйственные проблемы одним махом, с помощью некой панацеи или "большого скачка".

3a. В фельетоне Ильфа и Петрова "Когда уходят капитаны" (1932) среди других халтурных произведений упоминается "'Соя спасла'. Драматическое действо в пяти актах. Собственность Института сои" [Собр. соч., т. 3, стр. 119]. См. также примечание 3(и) к ЗТ 19.

3b. Эксцессы соевой кампании служили пищей для юмористов. Ср. стихотворение, появившееся на юмористической странице "Огонька" [10.10.30, подпись: Дарвалдай]:

ПЕСНЯ О СОЕ.

Ты послушай песнь мою.
Песнь о Сое пропою.
Всей душой люблю я Сою,
Я пленен ее красою.

Нынче главный лозунг мой:
"Больше сей и больше Сой!"
Будем жить теперь, не ноя:
Нам придет на помощь Соя!

Удивительным она
Плодородием сильна.
Это правило усвоя,
Говори: товарищ Соя!

Ощетинился кулак:
Он увидел новый злак.
Пусть подходит, волком воя,
Нам в беде поможет Соя!

Нам, кулак, не возражай:
С Соей — крепче урожай.
Кулакам могилу роя,
Нам в беде поможет Соя!

Влюблены в нее весьма
И Дементий и Кузьма.
Ермолаю и Сысою
Воспевать отрадно Сою.

К урожаю лютый враг,
Полон злобы, гнева, врак, —
Пусть не крадется лисою,
Засевать мы будем Сою...

Солнце свет на Сою льет,
Соя зреет и цветет,
Вся обрызгана росою...
Голосую я — за Сою!

3. *Вот идет он из Владивостока в Москву,....держа в одной руке знамя с надписью: "Перестроим быт текстильщиков".*

1. Положение в текстильной промышленности, условия труда и быта "текстилей" — одна из горячих проблем конца 20-х гг. В печати часто поднимается вопрос о тяжелых жилищных условиях в крупных текстильных центрах, о недостатке бытовой электроэнергии, отсутствии канализации, нехватке больниц, яслей и библиотек. Отмечается катастрофический уровень алкоголизма и неграмотности. В очерке "Обстоятельства" (1928), посвященном жизни текстилей Иваново-Вознесенска, М.Кольцов, с теплотой отзываясь об этой старинной отрасли рабочего труда, романтически описывая фабрику с ее "ровным, негромким текстильным гулом", призывает: "Скорей, культурная революция! Ты запаздываешь, без тебя становится трудно двигаться дальше". Пресса 1927-30 сообщает об экстренных мерах для улучшения быта текстильщиков: строятся новые жилые кварталы, "входят в рабочее жилище зубная щетка и чистое белье", возводится фабрика-кухня в Иваново-Вознесенске — одно из первых и передовых для своего времени предприятий этого рода в СССР. [См. Постановление ЦК ВКП(б) о состоянии и перспективах текстильн. промышленности, Пр 08.05.29; М.Лукьянов, Город ткачей, НД 03.1929; его же, Столица ткачей, НМ 02.1932 и др.]

4. *Это советский пешеход-физкультурник....*

1/3b. Туристы, преодолевающие большие расстояния пешком (а также на лыжах, велосипеде и т. п.), часто с той или иной агитационной нагрузкой, — заметное явление в жизни 20-х гг. Пресса сообщает, напр., о пешем путешествии немецких комсомольцев в Москву, во время которого они сами добывали себе пропитание [По СССР, КН 39.1926] или о лыжной эстафете Хабаровск — Москва с письмами к ЦК ВКП(б) и правительству [Ог 30.03.30]. Путешествия подобного рода совершались также под знаком изучения успехов СССР, укрепления дружбы между народностями и т. п. В.Гусев в стихотворении о пролетарских туристах, обходящих страну "по путевке месткома", подчеркивает именно эти цели:....*Кричат удивленные птицы — / Глядеть, отдыхать и учиться / Пошли по дорогам Союза, / По рекам, озерам, морям. // Литейщики Тул и Коломен, / Начальники лысьвенских домен, / Веселые парни из вузов, / Динамовские токаря, // Пошли не спеша и надолго / Узнать, как работает Волга, / Как поезд бежит по Турксибу, / Как Днепр усмиряют, узнать. // Бродить над рекой вечерами, / Беседовать с мастерами, / Московское наше спасибо / Украинцам передать....*[Ог 30.10.30].

Мода на пеший туризм нередко становилась мишенью юмористов, совлекавших с него романтический флер: так, сатирик Д'Актиль описывает злоключения путешественника, который *Верен гордому завету / Собрался пешком по свету..../ И пришел-таки к маршруту: / Вниз по Волге, вниз по Пруту, / Мимо озера Ильмень / В Порт-Саид через Тюмень....*, но не смог осуществить этих планов, поскольку был раздет грабителями около Сокольников [На суше и на море: поэма о туризме, рис. Б.Ефимова, Ог 26.06.27]. К этой же иронической линии относится рассказ Е.Петрова "Знаменитый путешественник" (1930) [Собр. соч., т. 5, стр. 434], равно как и данное место ЗТ.

5. *....который вышел из Владивостока юношей и на склоне лет у самых ворот Москвы будет задавлен тяжелым автокаром, номер которого так и не успеют заметить.*

3с. Архетипическим фоном этого физкультурника является фигура паломника, отправляющегося в далекое путешествие и гибнущего на пороге желанной цели. Пример — легенда о смерти Иегуды бен Галеви, еврейского поэта из Толедо XII в., который в преклонном возрасте отправился в паломничество в Иерусалим и погиб у самых его ворот, пронзенный копьем проносившегося мимо всадника-сарацина. Иегуде бен Галеви посвящена известная поэма Г.Гейне. Он упоминается также в автобиографическом рассказе И.Бабеля "Дорога", где герой, с огромными трудами дойдя до Петербурга, сваливается там от усталости и

болезни и пытается "вспомнить имя человека, раздавленного копытами арабских скакунов в самом конце пути. Это был Иегуда Галеви" (опубл. в 1932).

6. ***Или другой, европейский могикан пешеходного движения. Он идет пешком вокруг света, катя перед собой бочку.***

1. В печати появлялись сообщения о западных туристах, чьи пешеходные путешествия сопровождались немалой дозой рекламы и эксцентрики. "Современные путешественники-оригиналы чаще всего совершают свой путь пешком....Некий Гарри Розен из Сан-Франциско решил прославиться тем, что обойдет всю землю, играя на скрипке.... Немец Фред Мориан держал пари, что он в течение 6 месяцев совершит путь из Кельна до Берлина через Майнц и Мюнхен, катя перед собой огромную винную бочку,....разукрашенную рекламами немецких виноделов: 'Пейте только немецкие вина!'" Этим эксцессам противопоставляется "тот крепкий и здоровый идеал пролетарского туризма, за который теперь ведется кампания в нашей общественности по хорошему почину 'Комсомольской Правды'. Турист-пешеход, изучающий народности, природу, хозяйство различных областей Советского Союза, соединяющий спортивные задания с законным удовлетворением любознательности, — вот нарождающийся представитель советского туризма....Пусть другие катят бочки, играют на скрипках или идут задом наперед — уральский металлист или иваново-вознесенская ткачиха полетят на аэроплане, выиграв путешествие в лотерею Осоавиахима" [Альде, Будем путешествовать! Ог 06.02.27].

7. *Вход Бендера в г. Арбатов и его визит в горисполком* [от слов "Гражданин в фуражке с белым верхом...." до слов "— К вам можно?"]

3. Вход героя в город — типичный романный зачин, о котором см. примечание 1 к ДС 5. В данной сцене ряд деталей находит параллели в классическом романе (Бальзак, Гоголь, Достоевский), а некоторые черты восходят и к более древним образцам. Приведем лишь несколько примеров:

Гражданин в фуражке с белым верхом, какую по большей части носят администраторы летних садов и конферансье.... — Для первого появления персонажа на страницах романа характерны элементы овнешненного описания его фигуры и одежды, обычно путем отнесения к каким-то известным типам, моделям, изображениям в искусстве и проч. "[У молодого незнакомца] была прическа а ля Каракалла, ставшая модной благодаря школе Давида...." [Бальзак, Дом кошки, играющей в мяч]. "У неизвестного была крупная голова с шапкой густых волос, с широким сумрачным лицом, какие нередко встречаются на полотнах Каррачи" [Вендетта]. "Путешественник....сидел на коне будто влитой,

как сидят старые кавалерийские офицеры" [Сельск. врач]. Ср. у Чехова: "По одежде [незнакомца] можно было принять даже за аристократа....Перчатки с модными застежками, какие мы видели ранее у вице-губернатора" [Злоумышленники (рассказ очевидца)].

Он двигался по улицам Арбатова пешком, со снисходительным любопытством озираясь по сторонам....Город, видимо, ничем не поразил пешехода в артистической фуражке. — Приезжий с интересом, хотя и без удивления, разглядывает новое место: "[Путешественник] любовался пейзажем, ничуть не изумляясь его разнообразию" [Бальзак, Сельск. врач]. "Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам" [Гоголь, Мертв. души, гл. 1]. "Иностранец окинул взглядом высокие дома,....причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало....Чему-то он снисходительно усмехнулся...." [Булгаков, Мастер и Маргарита, гл. 1].

Он увидел десятка полтора голубых, резедовых и бело-розовых звонниц.... [и далее до конца сцены с Талмудовским, до слов:] — *Нет, это не Рио-де-Жанейро.* — Сценки местной жизни, развертывающиеся перед глазами приезжего, показываемые через его восприятие, — еще один типичный элемент начала романа: так обстоит дело в "Мертвых душах", в "Сельском враче", в "Мастере и Маргарите" (Воланд наблюдает спор между Бездомным и Берлиозом) и др.

Девушки....бросали на приезжего трусливые взгляды. Он проследовал мимо взволнованных читательниц парадным шагом. — Не только гость смотрит на город, но и город с интересом (восхищением, страхом...) взирает на него, — однако герой не обращает внимания на производимое им впечатление. "Юный денди, поглощенный тревожным ожиданием, не замечал своего успеха: насмешливо-восторженные возгласы, неподдельное восхищение — ничто его не трогало, он ничего не видел, ничему не внимал" [Бальзак, Блеск и нищета куртизанок, начало].

— *Вам кого? — спросил его секретарь....— Зачем вам к председателю? По какому делу?* — Незнакомец проникает в нужное ему место, преодолевая сопротивление сторожей, охранников, секретарей, лакеев, швейцаров и др. В "Вендетте" Бальзака некий корсиканец добивается аудиенции у Наполеона, офицер охраны его не пропускает, однако подъехавший Люсьен Бонапарт узнает соотечественника и проводит его во дворец. "Тридцатилетняя женщина" начинается с того, что старика и его дочь не пропускают на парад в Тюильрийский сад; затем начальник караула, узнав девушку, отменяет запрет. Заглавный герой "Петера Шлемиля" Шамиссо является на виллу богатого покровителя, швейцар учиняет ему допрос. В "Идиоте" кн. Мышкин долго препирается с ла-

кеем, прежде чем получить доступ к генералу Епанчину [I.2]. Стражник отгоняет Тома Кэнти от ворот дворца, принц велит его впустить [Марк Твен, Принц и нищий, гл. 3]. Драматург Максудов, придя в первый раз в театр, остановлен швейцаром: "Человек маленького роста с бороденкой, в куртке с зелеными петлицами, преградил мне дорогу. — Вам кого, гражданин? — подозрительно спросил он и растопырил руки, как будто хотел поймать курицу" [Булгаков, Театральн. роман, гл. 1]. Перед нами, очевидно, типовая форма ретардации, оттеняющей момент попадания героя в важную зону, где ему предстоит действовать. Она встречается уже в античной литературе: напр., "Эдип в Колоне" Софокла открывается диалогом Эдипа и сторожа, который не решается впустить слепого странника в город. Стук в дверь, испрашивание разрешения на вход — элемент многих ритуалов (напр., прибытие английского монарха в парламент, похороны испанских королей и др.).

Вместе с тем, препирательство с секретарем, не допускающим посетителя к начальнику, — ходячий элемент советской сатиры на бюрократов [см. следующий пример]. Как обычно, у Ильфа и Петрова советский мотив налагается на общелитературный.

Как видно, посетитель тонко знал систему обращения с секретарями....Он не стал уверять , что прибыл по срочному казенному делу. — По личному, — сухо сказал он, не оглядываясь на секретаря и засовывая голову в дверную щель. — Приоритет личных дел перед казенными в канцеляриях должностных лиц — черта, известная из фельетонов эпохи. Ср.: "— Товарищ, — уже настойчиво повторил неизвестный. — Шестой год знаю, что товарищ... [ответил секретарь]. Вам чего? — Да вот, заведующего нельзя ли... — Вам по личному делу? — Нет, по служебному. — До среды приема не будет" [Свэн, Обыкновенн. история, в кн. Сатирич. чтец-декламатор, стр. 140].

8. *Храм спаса на картошке.*

1/2. Лингвистический фон остроты Бендера – формулы типа "храм Спаса на крови", "Спаса на бору", "Николы на песках" и т. п. Исторический фон — массовое закрытие властями церквей и монастырей, их разрушение или приспосабливание для целей, ничего общего не имеющих с религиозным культом. В бывших церквях размещались клубы, кинотеатры, школы, музеи (предпочтительно антирелигиозные), кооперативы, библиотеки, склады (зерна, сена, инструментов, утильсырья и всякого хлама), колонии для беспризорных, общества политкаторжан и т. п. Колокола с большой помпой, под звуки "Интернационала" сбрасывались с колоколен и шли на переплавку для нужд индустрии якобы по требованию самих верующих. В прессе раздавались требования ускорить и ужесточить кампанию по отъему церквей у населения, высмеи-

вались верующие, собиравшие подписи под письмами протеста [Ю.Ларин, Чу 15.1929; Г.Рыклин, Чу 26.1929 и др.]. Пиками этого движения были снос в июле 1929 одной из старейших святынь руского православия — Иверской часовни в Москве и взрыв в январе 1930 Симонова монастыря, описанного Карамзиным в "Бедной Лизе". Данное место — одно из немногих отзвуков этих событий в ЗТ; другой намек, более завуалированный, см. в ЗТ 25 [примечание 8].

2/3с. Острота Бендера имеет и другую культурно-текстовую подоплеку. В семинарской фразеологии пришедшая в упадок и небрежение церковь нередко именовалась "овощным хранилищем". Выражение это почерпнуто из Псалтири: "Приидоша языцы в достояние Твое, оскверниша храм святый Твой, положиша Иерусалим яко овощное хранилище" [псалом 78].

9. *Фанерная арка со свежим известковым лозунгом: "Привет 5-й окружной конференции женщин и девушек".*

1. Ср. лозунги: "Привет московской областной конференции" [Пр 15.09.29], "Привет Всесоюзному пионерскому слету", "Наш привет крестьянам, участвующим хлебом в строительстве государства", "Наш привет 2-й нижегородской краевой конференции ВКПб" [на фотографиях в Пж 32, 45.1929, 17.1930] и т. п.

10. *Девушки, прикрывшись книгами Гладкова, Элизы Ожешко и Сейфуллиной, бросали на приезжего трусливые взгляды.*

1. Из наблюдений над чтением советских людей в 1926-30: "Молодежь читает по большей части приключенческие романы и путешествия, кто постарше — брошюры по политэкономии, историю, биографии....Романы? Не очень... Даже Толстого не особенно читают. Кое-какие книги наших современных писателей — тех, которые описывают реконструкцию, пробуждение деревни, да еще революционные поэты, вот и все чтение" [Viollis, Seule en Russie, p.153-154, со слов московского библиотекаря]. Книги Э.Ожешко были популярны еще до революции: "Читаю 'Цепи' Ожешко" [из письма 16-летней девушки, 1911; Каверин, Перед зеркалом]. О читательских вкусах эпохи ДС/ЗТ см. также примечания 6 к ДС 4, 10 к ДС 7, 2 к ДС 34.

11. *Размахивая вздутой папкой с тисненой надписью "Musique"....Седок....время от времени показывал своему собеседнику кукиш.*

1. "'Мюзик' — черная папка с толстыми шнурами, с вытисненным медальоном Антона Рубинштейна, с белыми муаровыми закрышками" у студентки дореволюционной консерватории упоминается Л.Кассилем [Вратарь республики, в Собр. соч. в 5 томах, т. 1, стр. 384].

2. Кукиш — знак презрительного отказа, довольно характерный для бытового обихода 20-е гг. В одном очерке о поездке по РСФСР

некий "колбасник" обращается в контору на пристани за жалобной книгой. "Вам жалобную книгу, гражданин? — переспросил представитель власти....— Так получите же жалобную книгу, гражданин. С этими словами гражданин из конторы протянул в окошко два чрезвычайно грязные кукиша и потряс ими в воздухе" [А.Гарри, О хорошем и плохом, КН 11.1929]. Вульгарный этот жест перешел в советское обращение из дореволюционного (ср. его употребительность у чеховских персонажей). См. также примечание 34 к ЗТ 8.

12. *Придется поставить вопрос о рвачестве.*

1/3b. В лице инженера Кондрата Ивановича Талмудовского выведен рвач, или летун, — человек, часто меняющий работу в погоне за более выгодными условиями, частый персонаж сатир и карикатур начала пятилетки. Летуна нередко изображают парящим в небе: так, на рисунке К.Ротова "Новый вид спорта" руководители производства пытаются поймать этого человека с крыльями мотылька сачками, на которых написано: "Тарифная сетка" [Пж 18.1930]. На другой карикатуре фигура специалиста, улетающего по небу от завода, снабжена стихами: *Птичка рвачая не знает / Ни заботы, ни труда, / Хлопотливо не свивает / Долголетнего гнезда....*[Кр 30.1930].

Летун редко признается в своих корыстных мотивах, притворяясь человеком принципа: "Мне на деньги плевать. Я вовсе не из-за денег, а из-за культурно-бытовых и общественных условий" [Сарданапалыч, Речь летуна, Ог 30.08.30]. Ср. слова Талмудовского: "— Плевал я на оклад! Я даром буду работать!...Квартира — свинюшник, театра нет...." Кампания против летунов и рвачей особенно усилилась после XVI съезда партии летом 1930. Теме летунов посвящен рассказ Е.Петрова "Знаменитый путешественник".

5. Талмудовский — персонаж "виньеточный", не участвующий в основном действии романа, но знаменующий своим появлением наиболее важные его моменты: начало [ЗТ 1], канун первого свидания Бендера с Корейко [ЗТ 14], пожар "Вороньей слободки" и сцену в газоубежище [ЗТ 21, 23], открытие Турксиба и победу Бендера над Корейко [ЗТ 29]. Характерно, что эта виньетка — типично советская, использующая известную реалию советской жизни, причем выбрана такая реалия, специфика которой (передвижения летуна по стране) мотивирует повторение виньетки в ключевых точках сюжета, развертывающегося на широком географическом пространстве. Перед нами пример мастерства, с которым Ильф и Петров умеют вплетать хрестоматийные элементы современной им действительности в жанровую и сюжетную механику классического романа [другие примеры подобной органич-

ности — в сценах с агитгробом и газовой тревогой, см. примечания 18 к ЗТ 18 и 1 к ЗТ 23].

13. *— Вы — дезертир трудового фронта!*

2. Дезертир (такого-то фронта) — одна из стертых метафор эпохи: "Беспощадная борьба с правыми примиренцами — дезертирами с революционного фронта!" [из Лозунгов к Международн. красн. дню, Из 21.07.29]; "Дезертиры соревнования" [Пр 11.09.29]. "Требуем решительных мер к дезертирам трудфронта" [заголовок в заводской газете, НМ 02.1930, стр. 168] и др. Выражение "трудовое дезертирство" существовало уже в эпоху военного коммунизма (встречается, напр., в резолюциях IX съезда партии).

14. *— Здравствуйте, вы меня не узнаете?....А между тем многие находят, что я поразительно похож на своего отца.*

— Я тоже похож на своего отца, — нетерпеливо сказал председатель.— Вам чего, товарищ?

— Тут все дело в том, какой отец, — грустно заметил посетитель....

3b. Ср. сходный разговор приезжего афериста, выдающего себя за сына наркома Чичерина, с секретарем горисполкома в повести Свэна (И.Кремлева) "Сын Чичерина" [Бегемот, 14, 15, 16.1926]:

"— Послушайте. Должен вам сказать, что папа приедет только через неделю.

— Папа? Какой папа?

— Вот чудак! — засмеялся молодой человек, — он еще спрашивает. Понятно, какой. Не римский же папа. Георгий Васильевич, вот кто...." [цит. по кн. Вулис, И.Ильф, Е.Петров, стр. 152].

15. *Я сын лейтенанта Шмидта.*

1. Лейтенант Петр Петрович Шмидт (1867-1906) — один из романтических героев русской революции, руководитель восстания на крейсере "Очаков" в ноябре 1905 в Севастополе. Расстрелян по приговору военного суда в марте 1906. В отличие от несуществующих родственников Маркса, Луначарского и т. п. [см. примечание 9 к ЗТ 2], сын лейтенанта Ш. — лицо реальное: 17-летний Евгений Шмидт находился при отце во время восстания и вместе с ним бросился в ледяную воду, перебираясь с горящего "Очакова" на один из верных Ш. миноносцев. После октября 1917 эмигрировал; в 1926 в Праге вышла его книга воспоминаний об отце и о революционных событиях в Черноморском флоте. В книге, изданной под именем "Шмидт-Очаковский", содержатся резкие выпады против большевиков [Шмидт-Очаковский, Лейтенант Шмидт, стр. 191, 275], так что вымогательства Бендера и дру-

гих псевдо-сыновей лейтенанта у представителей советской власти звучат довольно иронично.

5. Амплуа "сына лейтенанта Шмидта" — остроумная находка соавторов, поскольку в нем сведены воедино три черты различных самозванцев и аферистов, порознь знакомые читателю ЗТ из средств информации: (1) утверждение о *родстве* с кем-либо из революционных или советских деятелей, (2) утверждение о своем *личном* участии в революциях, (3) невероятная *молодость* просителя, который, если верить ему, "должен был угодить на каторгу восьмилетним мальчиком, а участником революции Пятого года стал четырех лет от роду" [Кремлев, см. примечание 9 к ЗТ 2]. Сын лейтенанта Шмидта — редкая, если не единственная, реальная фигура, совмещающая все три названных признака: он (а) сын легендарного революционера, (б) сам участник революции, и при этом (в) участник несовершеннолетний, типичный "ребенок-герой". Тот факт, что исторический Е.Шмидт был в 1905 уже не ребенком, а юношей, без труда скрадывается в памяти людей, живущих четверть века спустя. Этой иллюзии способствует молодость П.П.Шмидта, которому в пятом году было всего 38 лет, моложавость его известного по портретам облика (упоминаемого несколькими строчками ниже: "Председатель....живо вспомнил знаменитый облик революционного лейтенанта..."). К тому же и Бендер занижает возраст сына лейтенанта, говоря: "В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя".

16. ***Председатель....живо вспомнил знаменитый облик революционного лейтенанта с бледным лицом и в черной пелерине с бронзовыми львиными застежками.***

1. Ср. описание подобной пелерины у В.Катаева: "На господине была надета черная крылатка морского покроя, застегнутая на груди цепочкой с двумя пряжками в виде львиных голов" [Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 338]. В 20-е гг. эти детали связывались с фигурой П.П.Шмидта; ср. описания его внешности в литературе: "черная пелерина с желтыми накладными застежками-львами и черная фуражка с белыми кантами" [Д.Хайт, Бурьян, стр. 31].

17. ***В учреждениях появились пружинные адвокатские диваны....*** [до конца абзаца].

1. Вся эта мебель появляется в советских учреждениях в результате послереволюционных реквизиций и распределения вещей по ордерам [см. ДС]. Ср. описание обстановки в доме состоятельного петербургского адвоката в 1915-16 (выделяем детали, совпадающие с ЗТ): "В [гостиной, купленной за большие деньги в Вене], был и американский белый рояль, и голубой *диван* с приделанными к нему двумя узенькими

книжными шкапами, и *этажерки* с книгами, и круглый стол, заваленный художественными изданиями, толстыми журналами. На стене висели рисунки Сезанна, не очень давно вошедшие в моду у петербургских ценителей. Была и коллекция старинных рисунков, на один из которых хозяин обращал внимание гостей, замечая вскользь, что это подлинный Николай Зафури. Еще в другом роде был будуар.... Здесь все было чрезвычайно уютное и несколько миниатюрное: небольшие шелковые кресла, *низенькие пуфы*, качалка в маленькой нише, крошечная полка с произведениями поэтов, *горка* русского фарфора и портрет Генриха Гейне в золотой рамке венком, искусно составленным из лавров и терний" [Алданов, Ключ, стр. 47]. "*Диван* поражал своей величиной и высотой спинки, заканчивающейся широкой *полкой* со статуэтками из бронзы и чугуна, уставленными на ней" [в аристократическом доме в Петербурге; Колесников, Святая Русь, стр. 13]. *Горка* с чашками, самоварный столик, тахта, кресла, низкий ковровый *пуфик*, американский книжный шкаф — такова обстановка кабинета члена Государственной Думы [Козаков, Девять точек, кн. 2, стр. 89, 95].

18. *А шкафчик-то типа "Гей, славяне!"*

1/2. "Гей, славяне!" (Hej, slovàci!) — националистическая песня; автор слов — чешско-словацкий поэт Самуэль Томашик (1813-87). Написана в 1834, имела антигерманскую направленность. В России была известна в переводе Н.В.Берга [см. Европейск. поэзия XIX в., стр. 736]. Популярность ее была довольно велика в предвоенные и военные годы, когда, по словам С.Рафальского, "правые любили спеть с подъемом 'Гей, славяне!' и вспомнить о тевтонском 'Дранг нах остен'" [Что было и чего не было, стр. 14], а позже и в русских эмигрантских кругах в славянских странах, где она исполнялась на торжественных актах и парадах.

Как видно из контекста, Бендер имеет в виду так наз. славянский шкаф, образец которого (изделие "грубой рыночной работы") стоит в кабинете председателя. В прессе 20-х гг. не раз поднимался вопрос о низком качестве советской мебели: ее ругают за неэкономность, безвкусицу, старомодность, причем славянский шкаф служил одним из наглядных примеров плохой мебели. "Растут новые заводы, построен Турксиб, мощным током питают страну электростанции. А позади, за баррикадами из диванов и славянских шкафов, за горой семейных подушек, мелкими шажками семенит старый быт....Ни Турксиб, ни Днепрострой, ни турбины до сих пор не вырвали почву из-под ножек славянского шкафа" [Татьяна Тэсс, Вещи и мы, Ог 30.08.30; см. также Д.Арк. Наша мебель, КН 34.1929 и др.].

19. — *Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать.*

1. Несмотря на жестокую антирелигиозную кампанию, на закрытие и разрушение церквей и монастырей, некоторые церкви, считавшиеся историко-архитектурными памятниками, состояли под охраной государства. Этими зданиями ведала Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса РСФСР, существовало в 1922-33). Сохранение историко-архитектурных памятников освещается в печати, и журналисты (а также и представители власти, как мы видим из данного места ЗТ) под этим законным предлогом позволяют себе известную долю теплоты и сентиментальности. "Синие глаза куполов смотрят на солнце",— пишет автор очерка об Угличе. — "Ограда и три церкви монастыря Улейминского XVI столетия. Близ Углича — Покровский монастырь, основанный в XV веке....Все это, от чего терпко несет ладаном прошлого, раскрывает подлинные страницы старой 'богомольной Руси' и заставляет наше сознание жить двойной жизнью....Ныне встал вопрос о сохранении архитектурных следов прошлого" [А.Торопов, Советск. Углич, КН 27.1929].

20. *Дорожная неприятность. Остался без копейки.*

1/3с. Ср.: "Какой странный со мною случай: в дороге совершенно издержался" [Гоголь, Ревизор, д. 4, явл. 4-6]. — Остап действует в духе так наз. стрелков — попрошаек из "бывших чиновников, пропившихся актеров, выгнанных со службы офицеров и, наконец, людей самого неопределенного происхождения", которые снискивали пропитание тем, что находили доверчивых филантропов и рассказывали им о себе небылицы. Стрелок начинает знакомство с того, что "вдруг обращается к прохожему, как будто сообщая ему нечто весьма курьезное: — Вообразите себе положение — ни копейки денег и ни крошки табаку!" [Куприн, Киевск. типы: стрелки (1902), стр. 43-45]. Характерно совмещение старинного способа вымогательства (стрелок) с современным (сын лейтенанта Шмидта).

21. *"Глохнешь тут за работой. Великие вехи забываешь".*

2/3. Председатель мыслит газетными штампами; ср. такие заголовки передовиц как "Великая веха" [Пр 24.03.29] — о десятилетии первого коммунистического субботника, или "Историческая веха" [Пр 17.04.29] — об апрельских тезисах Ленина, которые, по словам статьи, явились "великой исторической вехой". В то же время данная фраза звучит как отголосок жалоб лишних людей XIX в. и чеховских интеллигентов на прозу жизни, заставляющую забыть высокие идеалы: "затягивает эта жизнь", "я как крот сидел в четырех стенах", "жизнь заглушала нас, как

сорная трава", "все забываю, а жизнь уходит" (Астров, Войницкий, Ирина) и т. п. Совмещение советских и классических клише — специальность соавторов ДС/ЗТ.

22. *Кооперативная столовая "Бывший друг желудка".*

2/3b. Клише "друг желудка" относится к дореволюционной эпохе: рекламировалось, напр., вино "Сан-Рафаэль — (лучший) друг желудка" [см. Каверин, Освещенн. окна, стр. 12; А.Солженицын, Август четырнадцатого, гл. 7]. В нэповской Москве так назывались рестораны: И.Ильф упоминает "задымленные пивные и ресторанчики под утешительными названиями 'Друг желудка' или 'Хризантема'" [Москва от зари до зари (1928), Собр. соч., т. 5, стр. 62].

Добавление слова "бывший" подсказано повальной практикой переименований [см. примечание 15 к ДС 14]. В быту нередко ставились рядом новое и старое названия, второе — с указанием "бывший", напр. "улица Розы Люксембург, бывшая Огородная" [Леонов, Записи некотор. эпизодов, сделанные в гор. Гогулеве (1924)] и др. Эпитет "бывший" вообще применялся на каждом шагу, и для юмора эпохи типично обыгрывание его в разного рода абсурдных сочетаниях, напр.: "И так своевременно происходит бывшее Рождество Христово и масленица" [Е.Замятин, Слово предоставляется тов. Чурыгину (1926)]. В связи с переименованиями ходячей остротой было добавление слова "бывший" к собственному или иному одушевленному имени, напр. "Город Гогулев, дом бывшего Михайлы Бибина" [Леонов, Записи некотор. эпизодов....] или "площадь бывш. тов. Дедушкина", "проспект бывш. Дедушкина", "кооператив имени бывш. Дедушкина" [вывески в провинциальном городе, Катаев, Растратчики, гл. 9]. К последнему типу острот принадлежит, очевидно, и "Бывший друг желудка".

23. *— Вася! закричал первый сын лейтенанта Шмидта, вскакивая. — Родной братик! Узнаешь брата Колю?*

3с. Ср. сцену встречи и взаимного узнания двух братьев на постоялом дворе в "Дон-Кихоте" [1.42].

24. *Спасительную комбинацию тут же на месте пришлось развить, пополнить бытовыми деталями и новыми, ускользнувшими от Истпарта подробностями восстания моряков в 1905 году.*

1. Истпарт — комиссия по изучению истории Октябрьской революции и партии большевиков; образована при Наркомпросе в 1920, с 1922 стала отделом ЦК, с 1928 — объединена с Институтом Ленина.

25. *Как ни странно, но вид бумажек немного успокоил председателя.*

3b. В рассказе М.Зощенко "У подъезда" также описывается волшебное действие бумажки на бюрократическое сознание: дворник, ни-

как не решавшийся выпустить позднего гостя из дома, мгновенно успокаивается, когда тот издали показывает "документ" — угол записной книжки.

26. *— У лейтенанта было три сына, — заметил Бендер, — два умных, а третий дурак.*

3с. Формула из народных сказок, напр.: "Жил старик со старухою; у них было три сына: двое умных, третий дурак" [Народн. русск. сказки Афанасьева, т. 2, стр. 10; т. 3, стр. 339 и др.]. Сходным образом начинается "Конек-горбунок" П.П.Ершова: *У старинушки три сына: / Старший умный был детина, / Средний был и так и сяк, / Младший вовсе был дурак.*

27. *— Снимите шляпы, — сказал Остап, — обнажите головы. Сейчас состоится вынос тела....*[до слов:] *Паниковский шлепнулся на землю как жаба.*

3/5. Первое появление Паниковского на страницах романа содержит ряд инвариантных мотивов его образа, впоследствии многократно повторяемых вместе и порознь. Таких мотивов в данной сцене по меньшей мере четыре:

(а) 'Земля', лежанье на земле, ползанье по ней и т. п.: "Он давно ползал по моему участку" [ЗТ 2]; "Паниковский поспешно опустился на колени" [6]; "Он спотыкался и....падал, хватаясь руками за сухие коровьи блины" [12]; "Паниковский на-четвереньках подобрался к месту побоища" [12]; "Услышав над своей головой свист снаряда, интриган лег на землю" [20]; "Он лежал в придорожной канаве и горько жаловался" [25]. Мертвого П. находят лежащим посреди дороги [25]. Таким образом, П. существо явно хтоническое; это впечатление поддерживается тем, как о нем говорят: "Может, возьмем гада?" [3]; "шлепнулся на землю, как жаба" [1]; "проделал в [каравае] мышиную дыру" [7].

(б) 'Физическая расправа'. Данный мотив проходит через всю карьеру П.: его бьют "отдельные лица и целые коллективы" [12], его дерут за уши в эпизоде с очками и палочкой слепого [12]; его бьют владельцы гусей [3, 25]. Балаганов бьет его за гири [20], Корейко — за нападение на морском берегу [12], Бендер — за попытку бунтовать [14]. Бендер отнимает у него огурец [6], Балаганов — кошелек [20].

Многочисленны эпизоды, совмещающие (а) и (б), где П. в результате 'физической расправы' оказывается на 'земле', — вынос, выбрасывание, сажанье на землю и др. "Гадливо улыбаясь, Балаганов принял Паниковского под мышки и посадил на дорогу" [6]. "Разгневанная хозяйка....огрела его поленом по хребту. Нарушитель конвенции свалился на землю" [25]. "Балаганов сперва с наслаждением топтал манишку, а потом приступил к ее собственнику" [20].

(в) 'Малопочтенная старость' и 'жалкая смерть': "Рассказать вам, Паниковский, как вы умрете?" и т. д. [6]. "А вы скоро умрете. И никто не напишет про вас в газете: 'Еще один сгорел на работе'" [14]. Эти предсказания Бендера сбываются: П. умирает на дороге и погребен в первой попавшейся яме [25].

(г) 'Претензии на респектабельность': у него "благообразное актерское лицо" [3], золотой зуб, шляпа, манишка,"оскар-уайльдовский воротничок" [24]. Он вспоминает о дореволюционном времени, когда у него были "семья и на столе никелированный самовар" [12].

В том, что́ *делают* сотрудники горисполкома с П., два из перечисленных выше четырех мотивов — (а) 'земля' и (б) 'физическая расправа' выражены эксплицитно, причем они совмещены в акте 'выбрасывания на землю'. Что касается мотивов (в) 'жалкая смерть' и (г) 'претензии на респектабельность', то они присутствуют в этой сцене имплицитно — в силу того, что речь идет именно о П., с которым эти черты постоянно связываются в других местах романа. Однако в том, как Бендер *описывает* эту процедуру, представлены в явном виде все четыре инвариантных мотива. Какова техника этой шутки, иронически возвышающей расправу над П.?

В своей речи Бендер говорит о торжественных похоронах П., включающих такие подробности как вынос тела, панихида и предание земле. Это описание переводит из низкого плана в высокий все основные мотивы П.: (г) 'претензии на респектабельность' предстают в виде 'респектабельности' подлинной; (в) 'жалкая смерть' изображается как 'Смерть' с большой буквы, заслуживающая уважения; совмещение (а) и (б) — 'физическая расправа, повергающая П. на землю' — представлено как 'воздание неких почестей, включающих наложение рук (проекция в высокий план "рукоприкладства") и землю как конечный пункт'. Совмещение полученных таким образом элементов высокого плана дает именно то, что мы имеем в речи Бендера, — 'респектабельные похороны, вынос на руках, предание земле' [подробнее см. в статье: Щеглов, Семиотич. анализ одного типа юмора, стр. 189-194].

В связи с проблемой "Паниковский и земля" представляют интерес такие детали его костюма, как грязные манжеты, "голая грудь под грязным шелковым галстуком", "белые завязки кальсон", волочащиеся по земле, "прорванный ботинок, из-под которого смотрел большой палец" и т. п. [ЗТ 1, 6, 24]. Похоже на то, что указанные черты представляют собой параллель — хотя и жалкую, сниженную — к чертам звероподобных персонажей, воплощающих грубую витальную силу, вроде Никиты Пряхина [см. об этом примечание 32 к ЗТ 13]. Сходство П., у которого связь с землей и родство с "гадами" выражено явно, с

персонажами упомянутого типа наводит на мысль, что и те могут вести свое происхождение от каких-то хтонических прообразов. Этот вопрос, как кажется, заслуживает дальнейшего исследования.

Хтоничность и звериная натура П. сказываются также в дикости, неприручаемости: он игнорирует социальные правила и конвенции (в обоих смыслах слова: ср. Сухаревскую конвенцию), склонен к действию в одиночку, нарушению культурных запретов, нелойяльности к компаньонам (проделывает "мышиную дыру" в хлеб-соли [ЗТ 7], отливает по ночам керосин из чужих примусов [ЗТ 15], задумывает в обход Бендера авантюру с гирями [ЗТ 20], крадет гусей и др.).

Погоня Паниковского за гусями представляет большой интерес. Если П. на архетипическом уровне связан со злым подземным началом, то гусь, напротив, предстает в ряде мифологий мира как благородная птица, ассоциируемая со светом и солнцем [см., напр., Chevalier et Gheerbrant, Dict. des symboles, "Oie" и др.], так что, собственно говоря, древним фоном данной ситуации может считаться борьба хтонического чудовища (напр., дракона) с силами света, его попытка украсть и проглотить солнце и т. п. В этом смысле симптоматично, что гусекрадство П. всегда предстает как преступление против коллектива: в ЗТ 1 за ним гонится целая толпа, в ЗТ 25 Остап опасается мести всей деревни. С другой стороны, преследование (всегда неудачное) и осквернение гусей может рассматриваться как замаскированная форма нечистых старческих вожделений П., которого "девушки не любят" [ЗТ 14] и в чьем предсмертном бреду "шейка" и "ножка" гуся смешиваются с сексуальными образами ("фемина" [ЗТ 25]). Эта интерпретация подкрепляется параллелью с известным рассказом И.Бабеля "Мой первый гусь", где, как известно, надругательство над прекрасной белой птицей служит субститутом насилия над женщиной (рекомендуемого герою квартирьером: "А испорть вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка..."). Сексуальный подтекст погони П. за гусями вполне согласуется с его хтонично-рептильными чертами, в частности, с распространенным мифом о змее или драконе, забирающем у города девственниц; и в этом свете опять-таки понятно враждебное отношение к П. целых коллективов. Наконец, не следует упускать из вида и культурно-этническую мотивировку гуся: П. наделен рядом черт, типичных для литературных героев с выраженным еврейским фоном (ср., напр., стилистическую окраску его речи, многократно комментируемую в нашей книге), гусь же, как известно, является важным компонентом еврейской национальной кухни.

Похищение гуся голодными путешественниками — эпизод в романе Т.Готье "Капитан Фракасс" [гл. 7], с которым в ЗТ есть и другие сюжетные параллели, причем все в линии Паниковского [см. примечания 1(3с) к ЗТ 12 и 12 к ЗТ 25].

ГЛАВА 2

Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта

1. *По главной улице на раздвинутых крестьянских ходах везли длинную синюю рельсу. Такой звон стоял на главной улице, будто возчик....вез не рельсу, а оглушительную музыкальную ноту.*

1. Провозимые по улицам рельсы — весьма старая реалия российской жизни, упоминаемая и другими авторами: "Лязг железных полос, везомых в телеге по дурной мостовой" [Тургенев, Степной король Лир, гл. 1]; "Било в самую душу, когда страшные ломовики везли по булыжной мостовой адски грохочущие рельсы" [о Петербурге 1880-х гг.: Добужинский; Воспоминания, стр. 31].

2. *....Пионерские барабаны, которые своей молодцеватой раскраской наводили на мысль о том, что пуля — дура, а штык — молодец.*

2. Цитируется известное изречение А.В.Суворова из его "Науки побеждать": "Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко; пуля обмишулится, штык не обмишулится; пуля дура, а штык — молодец!" Эти слова могли ассоциироваться с трубами, барабанами и другими выставленными в магазинной витрине музыкальными инструментами, поскольку упоминались в солдатских песнях, напр.: *Князь Суворов нам сказал, что штык наш удалец, / пуля дура, сказал, штык молодец* [Песнь 2-го Гренадерск. Фанагорийск. полка (Семеновск. марш), в кн. Мантулин, Песенник российск. воина, т. 1, стр. 34].

Другие возможные коннотации суворовской цитаты восходят к русско-японской войне и к учению видного военного теоретика ген.

М.И.Драгомирова. "Противники считали его чуть ли не главным виновником нашего поражения в Манчжурии", — пишет А.И.Деникин. "Это он — говорили и писали они — с проповедью устаревшего суворовского афоризма 'пуля — дура, штык — молодец' — воспитывал войска в пренебрежении к фактору, решающему на поле боя, — огню" [Стар.. армия, стр. 184]. О Драгомирове и недооценке им современной военной техники см. БСЭ [3-е изд., т. 8]. Можно, таким образом, усмотреть в данной цитате мотив 'кустарщины', технологической отсталости, что, между прочим, согласуется с контекстом — витриной, где выставлены "свежесрубленные, величиной в избу, балалайки и свернувшиеся от солнечного жара граммофонные пластинки".

Наконец, фраза эта стоит в ряду военных и полководческих мотивов в образе Бендера, причем полководцы нередко бывают связаны с турецким фронтом, в соответствии с "турецким" происхождением Остапа. Ср. в этой же главе: "нам предстоят великие бои...., трубите марш" и т. п., а также "Бендер-Задунайский" [ЗТ 35], "я — как Суворов" [ДС 39] Эти мотивы часто окрашиваются в пародийные казенно-патриотические тона: "слуга царю, отец солдатам", "взвейтесь, соколы, орлами" [ЗТ 8], "спите, орлы боевые", "соловей, соловей, пташечка" [ЗТ 23] и др..

3. ***Финансовая пропасть — самая глубокая из всех пропастей, в нее можно падать всю жизнь.***

3с. Ср. "у души человеческой....может быть вечным паденье" [А.Белый, Серебр. голубь, I.4, "Происшествия"].

4. *По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда.*

3/4. Эта фраза, по словам В.Ардова, была придумана Ильфом, который "долго повторял ее, веселясь и сердясь в одно и то же время на нерадивых нарпитовцев" [Ильф и Петров: воспоминания и мысли, стр. 129]. Ср. объявление в аналогичном роде у В.Катаева: "По случаю ремонта уборная закрыта" [Случай с Бабушкиной (1925), в Собр. соч. в 9 томах, т. 2, стр. 117].

5. *ПИВО ОТПУСКАЕТСЯ ТОЛЬКО ЧЛЕНАМ ПРОФСОЮЗА.*

1. Товарный голод 1929-30 отражен многими современниками. Установка на индустриализацию и свертывание нэпа привели к резкому снижению жизненного уровня, дефициту товаров и услуг. Во втором романе Ильфа и Петрова значительно усилена сатира на нелепости социалистического быта в "земном", материальном плане, при том, что в нем, по сравнению с ДС, гораздо сильнее выражено и романтико-идеализирующее начало, связанное с идеей радостного строительства новой жизни. — Журналист А.Гарри, рассказывая о своей поездке по стране с группой известных людей (в составе которой был прославленный летчик Чухновский), пишет: "В каждом городе мы всегда

встречали какой-нибудь кризис: в Самаре — чайный, в Астрахани — сахарный, в Пензе — спичечный, в Покровске — мыльный и т. п." Когда автор пытается купить в кооперативе чай, завкооперативом требует у него документы, причем командировочного удостоверения Осоавиахима оказывается недостаточно: "'Ваша личность меня не интересует. Принесите справку, что вы действительно разъезжаете по делу, из ваших бумаг этого не видно, а также справку о том, что вы действительно нуждаетесь в чае. Без этого я вам выдать ничего не могу'....Чай мы пили из моркови" [Гарри, О хорошем и плохом, КН 11.1929; см. также примечание 11 к ЗТ 7].

4. Что касается объявления "Пиво отпускается только членам профсоюза", то авторы, по-видимому, позаимствовали его из журнала "Бузотер" [24.1925], где указывалось, что такое объявление висело в буфете Гаврилово-Посадского театра [Вулис, И.Ильф и Е.Петров, стр. 146].

6. *Тем более, что местные квасы изготовляются артелью частников, сочувствующих советской власти.*

2. Скорей всего, пародийная травестия квасов и медов, изготовлявшихся благочестивыми руками монахов. — "Беспартийный, но сочувствующий" — одна из категорий классификации граждан по степени политической надежности в 20-е гг. Ср. в фельетонах М.Булгакова: "Он не партийный, но он сочувствующий. Коммунист в душе", или: "В партию еще не записался? — Никак нет. — Ну, а все-таки сочувствуешь ведь?" [Московск. сцены, в кн. Ранн. неизданн. проза, стр. 82; Кондуктор и член императорск. фамилии, в кн. Ранн. несобранн. проза, стр. 77].

7. *Актер поедет в Омск только тогда, когда точно выяснит, что ему нечего опасаться конкуренции, и что на его амплуа холодного любовника или "кушать подано" нет других претендентов.*

4. Фраза навеяна объявлением, которое И.Ильф вклеил в свой альбом газетных вырезок в 1925-26: "Требуются: В Вологду — в коллектив: любовник, инженер, героиня, комик; в Севастополь — 2-й резонер; в Омск — любовник...." [Яновская, Почему Вы пишете смешно, стр. 131]. Холодный любовник — видимо, по аналогии с "холодным сапожником".

8. *Железнодорожников опекают родные им учкпрофсожи....*

1. Профсож — профсоюз железнодорожников; учкпрофсож — участковый комитет профсоюза железнодорожников.

9. *По всей стране, вымогая и клянча, передвигаются фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса,*

братья Луначарского, кузины Клары Цеткин или на худой конец потомки знаменитого анархиста князя Кропоткина.

1/3b. Генеалогические и семейные связи были немаловажным критерием оценки человека в революционную и советскую эпоху. Это ярко проявилось, с одной стороны, в анкетах, чистках и отмежеваниях от классово чуждых родственников, с другой — в приписывании себе пролетарской и революционной родни. На этой почве и созревала курьезная промышленность "детей лейтенанта Шмидта" и им подобных авантюристов. Как сообщает И.Кремлев, "в стране в годы гражданской войны и сразу же после нее подвизалось немало различных самозванцев,....жулики и арапы, выдававшие себя за старых революционеров и героев пятого года. Все это было отлично известно Ильфу и Петрову" [В литературн. строю, стр. 189-190]. О человеке, выдававшем себя за брата наркома А.В.Луначарского, см. фельетон М.Булгакова "Лжедмитрий Луначарский". В одно провинциальное учреждение явился хорошо одетый молодой человек, заявил, что он — брат Луначарского, что он назначен сюда заведующим ("а заведующего нашего как раз вызвали в Москву,....и мы знали, что другой будет") и что у него в дороге украли документы, деньги и чемодан с бельем. Сотрудники учреждения щедро снабдили самозванца деньгами, одеждой и предметами первой необходимости и выписали 50 руб. авансом в счет жалованья, после чего "Дмитрий Васильевич" скрылся в неизвестном направлении [Ранн. несобранн. проза, стр. 151-153; было опубликовано в 1926 в кн. Булгаков, Рассказы]. В фельетоне Л.Сосновского "Знатный путешественник" сообщалось о том, как некий жулик, выдавая себя за председателя Узбекского ЦИКа Файзуллу Ходжаева, получал деньги у доверчивых председателей горисполкомов Ялты, Новороссийска, Полтавы [Пр 1925; Сатирич. чтец-декламатор, стр. 40].

В 1926 в журнале "Бегемот" появилась повесть Свэна (И.Кремлева) "Сын Чичерина", где жулик, под видом сына наркома иностранных дел, орудует в г. Верхне-Глуповске. Как пишет автор в своих мемуарах, "несмотря на отдельные совпадения, авторы 'Золотого теленка' и 'Двенадцати стульев' не только не заимствовали у меня моего героя, но ни мне, ни им это и в голову не приходило....Но я хорошо знаю, кто послужил мне прототипом проходимца, выдающего себя в повести за 'сына Чичерина', и так как им был живой человек, а не плод моего воображения, то с тем же успехом, что и я, им воспользовались Ильф и Петров, работавшие тогда в 'Гудке'....В 25-м г. в 'Известиях' была напечатана довольно обширная заметка. В ней сообщалось о том, как в Верховную прокуратору явился молодой человек лет двадцати пяти, и, выложив на стол кучу всевозможных билетов и мандатов, сказал:

— Не могу больше! Устал от дураков! Делайте со мной что хотите, но они мне осточертели...

Среди предъявленных им документов оказался и партийный билет с дореволюционным стажем, и профсоюзный с неменьшим, и такой же, выданный Обществом старых большевиков, и еще один — от 'политических каторжан'. Было немало и всевозможных мандатов и удостоверений, в большинстве своем....выданных теми, кто обладал этим правом, но не имел головы, чтобы разобраться в самом простом вопросе, в таком, например, как то, что вошедший к нему в доверие аферист должен был угодить на каторгу восьмилетним мальчиком, а участником революции пятого года стал четырех лет отроду....Вот этот-то предприимчивый молодой человек и стал прототипом и сына Чичерина из повести того же названия, и Остапа Бендера из 'ДС' и 'ЗТ'" [Кремлев, цит. соч., стр. 189-190].

Нет нужды доказывать, что этот аферист мог быть "прототипом" Бендера лишь в каком-то весьма ограниченном смысле, ибо образ героя ЗТ неизмеримо содержательнее, нежели подобного рода плутовство. Но замечания о юном возрасте героя в период революционных событий интересны тем, что мотивируют изобретение авторами ЗТ роли "сына лейтенанта Шмидта" [см. примечание 15 к ЗТ 1].

10. *Нахичевань на Араксе.*

1. Центр Нахичеванской автономной республики, называвшийся так для отличия от Нахичевани-на-Дону — пригорода г. Ростова.

11. *Дети подобрались какие-то грубые, жадные, строптивые и мешали друг другу собирать в житницы.*

2. Из Священного писания: "Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их" [Мф. 6.26].

12. *Я, наконец, семейный человек, у меня две семьи.*

2/3. Из одесского юмора. У Л.Никулина видный негоциант так отвечает на просьбу о пожертвовании: "Дорогой мой, я говорю открыто перед нашим чудесным городом и скажу перед целым миром: у меня три семьи, десять человек детей,....прежде, чем я поднесу к губам ложку супа, я должен накормить десять человек" [Время, пространство, движение, т. 2, стр. 165-166]. Шутку эту находим и у Тэффи: "человек серьезный и весьма семейный,....имел целых две семьи сразу" [Банальн. история, в кн. Все о любви, стр. 127].

13. *Эх, прокачу!*

2. Надпись на борту машины позаимствована Козлевичем из традиционных выкриков русских извозчиков. "На иноходце прокачу, ваше сиятельство", — предлагал московский лихач 40-х гг. "Резвая

лошадка — прокачу!" — кричали петербургские "ваньки" в 80-е гг. "Пожа! пожа! А вот прокачу на резвой!" — зазывал седоков извозчик эпохи нэпа [И.Кокорев, Извозчики-лихачи и ваньки, в кн. Русск. очерки, т. 1, стр. 357; Добужинский, Воспоминания, стр. 33; Катаев, Алмазн. мой венец, стр. 73].

Восклицания "эх", "ах", "ух" и др. типичны для дореволюционной и нэповской коммерческой рекламы. Ср. афиши в Одессе 90-х гг: "Ух, как хорошо в бассейне Исаковича!"; надписи на камнях ялтинского пляжа: "Ах, дамский фотограф Андреади. / Ах, надо снятца на память. / В Крыму, Спешите не опоздать. / Андреади может хорошо вас снять"; или выкрики мальчишек в начале нэпа: "Эх, ванильный шоколад!" [Чуковский, Серебр. герб, стр. 540; А.Жаров, Под солнцем юга, очерк, ТД 06.1927; Панова, Времена года, Собр. соч. в 5 томах, т. 3, стр. 45].

5. В.Болен, видимо, первым обратил внимание на то, что машина Адама Козлевича постоянно стилизуется под лошадь и телегу: "автотелега", "верный 'лорен-дитрих'", как "верный конь" [ЗТ 3], "крики и понукания" [ЗТ 6] и т. п. [Bolen, Analysis of the Comic in Ilf and Petrov, p. 59]. Одновременно — в качестве своеобразного романтико-иронического контраста — ей сопутствуют морские, навигационные метафоры [см. примечание 21 к ЗТ 3].

14. *Вы, я вижу, бескорыстно любите деньги.*

3b. Эту фразу (в которой реализуется "архиострота" материального, изображаемого как духовное, корысти как любви [см. Щеглов, Семиотич. анализ одного типа юмора, стр. 179]) мы находим также в романе И.Эренбурга "Любовь Жанны Ней" (1924): "Он любил деньги, любил преданно, нежно, можно сказать, бескорыстно" [глава "Где именно водятся ангелы"].

15. *Глаза сверкали грозным весельем.*

3b. Возможно, навеяно Бабелем: "Глаза апостолов сверкают мудростью, решимостью, весельем...." [У св. Валента], хотя в конечном счете восходит к XIX в. (Пушкин: *Его глаза / Сияют*....или "пробегая письмо, глаза его сверкали").

16. *Пятьсот тысяч полновесных ориентировочных рублей.*

2. "Ориентировочные рубли" — из современной ЗТ финансовой терминологии, ср. "Составлена смета на 194 тысячи ориентировочных рублей" [Ильф и Петров, Хотелось болтать, Собр. соч., т. 3, стр. 170].

3b. Сатиру на выражение "ориентировочный" находим и у других писателей: "Сколько вам лет? — Ориентировочно семнадцать" [В.Инбер, запись 1930, в кн. За много лет, стр. 306].

17. *Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах.*

2. Здесь и выше ("граждане были, по-видимому, поголовно членами союза, потому что пили одно только пиво") употреблен советский штамп, о котором см. примечание 3 к ЗТ 19.

18. *У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм.*

2. "Разногласия" — термин марксистского языка, применявшийся издавна и в разных контекстах — от "Наших разногласий" Плеханова до дискуссии "Творческие разногласия в РАПП-е" в 1930, — но особенно актуальный во второй половине 20-х гг., отмеченной борьбой с оппозициями и уклонами в партии. В 1929-30 упоминания о былых разногласиях и расхождениях с ЦК партии то и дело мелькают в прессе в письмах оппозиционеров, отказывающихся от своих ошибок. На карикатурах служащие, боясь чистки, подают заявление о выходе из партии из-за "некоторых политических разногласий" [КН 10.1929; Чу 06.1929]. Не лишено иронии, что Бендер заявляет о своих разногласиях с советской властью в 1930, когда господствует обратная тенденция — все, кто имел хоть малейшие расхождения, спешит от них отказаться.

19. *У меня лично есть четыреста сравнительно честных способов отъема* [денег].

3с. Ср.: "[Панург] знал 63 способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным являлась незаметная кража" [Рабле, Пантагрюэль, гл. 16].

20. *Уж я так устрою, что он свои деньги мне сам принесет, на блюдечке с голубой каемкой.*

2. Мотив "блюдечка" и "тарелочки" (ср. "вынет тарелочку" [ЗТ 10]; "неужели тарелочка?" [ЗТ 32]) неоднократно встречается в речах и статьях В.И.Ленина: "Кто думал, что мира достигнуть легко,....[что] буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек"; "Представлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут его на тарелочке,.... — этого не будет"; "[Не надо думать], чтобы богатые поднесли на тарелочке признание в любви и обещание мирно отдать все излишки"; "Эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов" [Речь на 1-м всеросс. съезде воен. флота (1917); доклад на 3-м съезде Советов (1918); доклад на засед. Петрогр. Совета (1919, опубл. в 1950); доклад на 9-м всеросс. съезде Советов (1921) — Полн. собр. соч., т. 35, стр. 116, 265; т. 38, стр. 10; т. 44, стр. 328].

21. *Лицо его сразу же затвердело и снова приняло медальные очертания.*

3b. Эту характеристику Бендера, равно как и упоминания о его "точеном, словно выбитом на монете лице" (выше) и о "медальном лице" [ЗТ 24], можно сопоставить со строчками И.Сельвинского о *физиономии белого негра, / собранной под медальный лик* [Пушторг (1927), 1.34] и А.Адалис *Медальный профиль Юрия Олеши...* [стихотворение, написанное, видимо, в 20-е гг., нам найти не удалось; цит. по очерку З.Шишовой в кн. Воспоминания о Юрии Олеше, стр. 29].

22. *Он живет в Черноморске.*

4. Ильф и Петров не первые употребляют вымышленное название "Черноморск" для обозначения Одессы. Оно фигурирует в одесских очерках Шолом-Алейхема "Типы 'Малой биржи'", напечатанных на русском языке в 1892 в газете "Одесский листок" [см. Собр. соч., т. 6, стр. 320 сл.]. В ЗТ данное имя, возможно, коннотируется с пушкинским волшебником Черномором в рамках "инфернальной" образности романов [о которой см. Каганская, Бар-Селла, Мастер Гамбс и Маргарита].

23. *Великий комбинатор чувствовал себя в положении хирурга, которому предстоит произвести весьма серьезную операцию.....Блестят медицинский фаянс и никель....Хирург с растопыренными руками подходит к операционному столу....*

3c. Ср. аналогичное сравнение в "Петербурге" А.Белого: "Разговор по поводу странного поведения сына Аполлон Аполлонович рассматривал как тягостный хирургический акт. Как хирург, подбегающий к операционному столику, на котором разложены ножички, палочки, сверла, — А.А., потирая желтые пальцы, подошел вплотную тут к Nicolas" [гл. 5, "Дурной знак"].

24. *Весь мой капитал, основной, оборотный и запасный, исчисляется пятью рублями...*

3c. Фраза из современной переводной литературы. Ср.: "Через две минуты запасный капитал равнялся двум фунтам шести шиллингам" [П.Водхаус, Синдикат несчастн. случаев, ТД 10.1927].

25. *Но Пружанский....будет сидеть в тюрьме еще года три. Если б вы только видели, как он убивался и плакал, когда я выходил на волю. Он, видно, чувствовал, что мне не надо было рассказывать про Корейко.*

3c. Тайна спрятанного сокровища (или, как здесь, информация о подпольном богаче), которую герой узнает в тюрьме от товарища-заключенного, — мотив, особенно известный по "Графу Монте-Кристо" Дюма (аббат Фариа открывает тайну Эдмону Дантесу). В современной литературе подлинный случай такого рода (заключенный дает выходящему на свободу сокамернику адрес богатого фермера, чей

дом можно без труда ограбить) описан в документальной повести Т.Капоте "In Cold Blood". Родственный мотив ‘тайны, открываемой умирающим’, использован в первом романе Ильфа и Петрова [см. примечание 4 к ДС 2]

ГЛАВА 3

Бензин ваш — идеи наши

1. [Козлевич] *писал разоблачительные стихи в тюремной газете "Солнце всходит и заходит"....*

1. Пресса тех лет часто сообщала о том, как советская пенитенциарная система перевоспитывает правонарушителей, превращая их в полноценных членов общества. Параллельно расписывались негуманные условия содержания "узников капитала" в тюрьмах Америки и Европы. В очерке о московском Таганском домзаке (бывш. Таганской тюрьме) рассказывается о культмассовой работе среди заключенных: бывшие воры, растратчики, взяточники занимаются в кружках, смотрят кино, слушают лекции, развлекаются чтением романов Горького, Октава Мирбо и А.Франса, выпускают газету "К трудовому общежитию", печатающую материалы камкоров (камерных корреспондентов), к каковым, очевидно, принадлежал и Козлевич [Дан.Фибих, Жизнь за решеткой, КН 40.1929; Первый женск. исправдом, КН 38.1926; А.Клименко, Люди за решеткой, КП 02.1930 и др.]. В одном фельетоне выведен растратчик-артельщик, который *попав в исправдом, занялся люто / Физкультурой, учебой, театральным кружком... / Начальство довольно — не человек, а валюта. / Такого бесспорно исправит исправдом* [А.Д'Актиль, Наполеон, в кн. Сатирич. чтец-декламатор, стр. 154]. Несколькими годами спустя эта тема будет с большой помпой подхвачена пропагандистами Беломорканала и других строек сталинской эпохи, сооружавшихся руками заключенных.

2. "Солнце всходит и заходит" — слова из народной песни: *Солнце всходит и заходит, / А в тюрьме моей темно. / Дни и ночи часовые / Стерегут мое окно....*(на мотив "Черный ворон, что ты вьешься..."). По словам И.А.Бунина, "эту острожную песню пела чуть не вся Россия" [Из записей, в Собр. соч., т. 9, стр. 350]. Два куплета ее вошли в "На дне" М.Горького, которому иногда приписывалось авторство песни. [Разные варианты текста — в кн. Песни русск. рабочих, стр. 143; Песни и романсы русск. поэтов, стр. 913, 959.]

2. *Козлевич, Адам Казимирович....вышел из тюрьмы честным человеком.*

3с. Тюрьма — одно из мест, архетипически связываемых с мотивом нового рождения [о других местах с подобной функцией см. примечание 4 к ЗТ 23].

3. *После двух лет работы в одном из московских гаражей он купил по случаю такой старый автомобиль, что появление его на рынке можно было объяснить только ликвидацией автомобильного музея.*

1/3b. Старая автоколымага, собранная из разрозненных частей, в народе именуемая "примусом на колесах", — характерное приспособление на российских дорогах 20-х гг., когда отечественная автомобильная промышленность еще не родилась, а потребность в быстрой езде вспыхнула с необычайной силой. "И старые, и не совсем доломанные машины сейчас настолько крепко въехали в самый быт раскинутой страны, что если бы вырезать их или если они сами доломаются, то....у нас будет застой крови, и мы не сможем шевелить пальцами" [Шкловский, Гамбургск. счет, стр. 220]. Личных автомашин у советских граждан в 1927-30 практически не было. Немногочисленные "роллсройсы" и "паккарды" новых марок, встречавшиеся на улицах больших городов, принадлежали госучреждениям. Таксомоторный сервис, комплектуемый импортными машинами, постепенно развивался в столицах (такси "рено" имелись в Москве уже в 1925), но еще не удовлетворял всех нужд: герои катаевских "Растратчиков" в 1927 ездят по злачным местам Ленинграда на извозчике, милиция везет арестантов в допр тем же способом [см. ЗТ 23 (Фунт); Слонимский, Средн. проспект, стр. 114 и др.].

В провинции такси и автобусы находятся в руках частного проката, влачащего жалкое существование. М.Булгаков в очерке 1925 рассказывает о том, как он воспользовался в Ялте услугами артели шоферов, вместо того, чтобы поехать на автобусе Крымкурсо. "Когда подали машину, я ахнул. Сказать, какой это фирмы машина, не может ни один специалист, ибо в ней не было двух частей с одной и той же фабрики. Правое переднее колесо было 'Мерседеса', два задних были 'Пеуса',

мотор фордовский, кузов черт знает какой! Вероятно, просто русский. Вместо резиновых камер — какая-то рвань. Все это громыхало, свистело, и передние колеса ехали не просто вперед, а разъезжались, как пьяные. Шофер нагло, упорно и мрачно улыбается и уверяет, что это лучшая машина в Крыму по своей быстроходности" [Путешествие по Крыму, в кн. Ранн. неизвестн. проза, стр. 208]. В Севастополе, по словам иностранного журналиста, в 1931 имеется всего два такси, допотопных по виду [Béraud, Ce que j'ai vu à Moscou, p. 39-40; Darlington, Ding goes to Russia, p. 177].

Такси, очень похожее на "Антилопу", описано в очерке Б.Кушнера "Ливень": "В Ростове поездка на автомобиле является, разумеется, верхом буржуазного излишества. Цены находились в полном соответствии с такого рода взглядом на вещи. Машина, участвовавшая в войне империалистической и гражданской, побывавшая на автомобильном кладбище и воскрешенная шоферской предприимчивостью, требовала червонец за двухчасовую поездку [такова же такса Козлевича — 5 руб. в час]. Она была на трех колесах, со стержневым рулем, с двухцилиндровым мотором на рулевом стержне, с легкой рамой из стальных труб. Измятая, изжеванная, облупленная самым варварским образом. Этой странной конструкции было присвоено кокетливое название 'циклонэт'. По преданию, три машины подобного рода были привезены в Ростов с австрийского фронта во время оккупации Украины немцами....По форме кузов, в котором я сидел, напоминал корыто, в каких бабы стирают белье" [НЛ 06.1927].

4. *Автомобиль почему-то продавался вместе с искусственной пальмой в зеленой кадке.*

1. Мода на пальмы, как живые, так и искусственные, удержалась в советской России с дореволюционных времен. При старом режиме пальмы служили украшением самых различных помещений, от бального зала Зимнего дворца до вокзала, адвокатской конторы и частной квартиры. В советское время пальмами убирались эстрады съездов (*Товарищ Бухарин / из-под замызганных пальм // говорит— потеряли кого....* — Маяковский, о конгрессе Коминтерна) и катафалки умерших вождей ("под жестяно-перистыми опахалами пальм кусок красного гроба...." — из отчета о похоронах Ленина). Пальмы можно было встретить в клубной столовой, в заводском цеху, в учрежденческом кабинете. Наконец, живые или каучуковые пальмы — непременная принадлежность ресторанов и питейных заведений любого класса, часто упоминаемые в зарисовках богемной жизни эпохи нэпа. [Маяковский, Дом Союзов 17 июля 1928 г., в Полн. собр. соч., т. 9; Фибих, Какой-то дом, в кн. Дикое мясо, стр. 69 и др.]

5. Трубя в рожок, Козлевич мчит пассажиров в Дом крестьянина.

1. Дом крестьянина — в городах советской России гостиница-общежитие для приезжих из села. По замыслу правительства, дома крестьянина должны были служить не только жильем, но и очагом политико-просветительной работы. В их задачи входило предоставлять гостям ночлег, дешевый чай и стол, баню, "безопасное и удобное место для пребывания лошади" и иные бытовые услуги, а также медицинское и юридическое обслуживание, консультации по агрономическим и ветеринарным вопросам и т. п. Помимо этого, в ДК предусматривались всякого рода культурные центры и мероприятия: читальни, выставки, антирелигиозные, военные, бытовые и музыкальные уголки, экскурсии в музеи, спектакли, лекции, киносеансы и проч.

Наиболее близким к этому идеалу был, по-видимому, Центральный дом крестьянина в Москве — образцово-показательное заведение, открытое для экскурсантов и иностранцев. Размещенный в бывшем ресторане, ЦДК впечатлял посетителей широкими мраморными лестницами и расписными потолками; гостям демонстрировали библиотеку в 5 тыс. томов, выставку сельскохозяйственных продуктов, электрические табло, внушительные фотоэкспозиции [Dreiser Looks at Russia, p. 143-146; Viollis, Seule en Russie, p. 182-184; Le Fevre, Un bourgeois au pays des Soviets, p. 28-31].

Однако в рядовых и провинциальных домах крестьянина картина была иной. "В настоящее время ДК в большинстве своем являются просто заезжими дворами, где в лучшем случае имеется читальня, — таково резюме доклада о состоянии ДК и красных чайных на заседании Главполитпросвета. Тов. Крупская рассказала о своем посещении Тверского ДК. Этот дом делился на два этажа: в верхнем находились кабинеты агитпропаганды, внизу — чайная с водкой. Верхний этаж был всегда заперт на ключ, его открыли только при приходе тов. Крупской и сразу же закрыли после ее посещения" [Дом крестьянина или постоялый двор? Пр 06.06.29]. На заседании президиума ВЦИК в сентябре 1929 констатировалось, что количество мест в ДК недостаточно и крестьяне массами останавливаются на частных постоялых и заезжих дворах, где подвергаются "антисоветской агитации кулака". Необходимо оздоровить систему ДК, чтобы "вырвать из лап кулацких постоялых дворов десятки миллионов пребывающих там крестьян" [Пр 10.09.29].

Как мы видим из этой главы ЗТ, для Адама Козлевича Дом крестьянина является частью "воздушного замка" честной и красивой жизни. Этой скромной мечте не дано сбыться, и в дальнейшем Адаму и его

пассажирам придется останавливаться именно на постоялом дворе [см. ЗТ 17, 23, 24].

6. *В Арбатове под свадебные процессии привыкли нанимать извозчиков, которые в таких случаях вплетали в лошадиные гривы бумажные розы и хризантемы, что очень нравилось посаженным отцам.*

1. Такой обычай существовал с давних времен. Он упоминается в мемуарах о Москве 70-80-х гг.: "[На масленицу] происходили смотрины купеческих дочек и сынков, чтобы поженить их после пасхи. По городу мчались тройки, разряженные цветными лентами и бумажными цветами, с бубенчиками и колокольчиками...." [Белоусов, Ушедш. Москва, стр. 351]. "В этот субботний день [в неделю так наз. красной пасхи — период свадеб] некоторые извозчики....украшали цветами и лентами гривы своих несчастных кляч и возили по улицам веселящихся москвичей" [Телешов, Записки писателя, стр. 262]. Перед мировой войной в Саратове разъезжают "нарядные свадебные кортежи....Сотни бубенцов брякают на перевитых лентами хомутах" [Кассиль, Кондуит, в Собр. соч. в 5 томах, т. 1, стр. 51].

7. *Козлевич и растратчики из кооператива "Линеец".*

1/3. Эпидемия растрат широко отражена в прессе и в сатирической литературе 20-х гг. Обычный способ растраты — увеселительные поездки на извозчике [см. примечание 19 к ДС 20]. В тогдашней сатире извозчик нередко предстает как источник неотразимого соблазна для совслужащих, которым доверены казенные деньги [Катаев, Растратчики и др.]. Иными словами, катая растратчиков, Козлевич перенимает типичную функцию извозчика, как и надпись "Эх, прокачу!" [см. примечание 13 к ЗТ 2]. Наряду с этими советскими стереотипами в истории Козлевича представлена классическая авантюрная схема, согласно которой герой долго бедствует без работы, затем вдруг получает необычайно выгодное предложение и радуется своей удаче, однако его наниматель оказывается жуликом или преступником и вовлекает ничего не подозревающего героя в опасную ситуацию. Этот сюжет особенно часто встречается у Конан Дойла [The Red-Headed League, The Copper Beeches, The Engineer's Thumb и др.].

8. *Промелькнули мрачные очертания законсервированной продуктовой палатки, и машина выскочила в поле, на лунный тракт.*

1. В газетных статьях этого времени, критикующих "недочеты" на торговом фронте, отмечается недостаток ларьков, особенно на городских окраинах [Хвосты у магазинов, Пр 17.07.29 и др.].

3с. Вместе с тем это место несомненно пародирует стереотипы романтизма и готического жанра — мелькающие мимо в ночи одинокие церкви, руины и т. п. Поездки Козлевича с растратчиками отчасти

вторят романтическому мотиву ночной езды с инфернальными всадниками в балладах типа "Леноры", "Людмилы", "Светланы", а также в гоголевском "Вие": "Минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина....Обращенный месячный серп светлел на небе....Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятным всадником на спине" (ср. в ЗТ: "по ночам он носился...., слыша позади себя пьяную возню и вопли пассажиров").

9. *Быстры, как волны, дни нашей жизни....*

2. Студенческая песня, популярная на протяжении всего XIX в. и еще сохранившаяся кое-где в фольклорном репертуаре. Тема ее более чем традиционна — carpe diem: *Быстры, как волны, / Дни нашей жизни, / Что час, то к могиле / Короче наш путь.... // Налей же товарищ, / Заздравную чашу, / Как знать, что осталось / Для нас впереди?...* и т. п. Текст представляет собой народную версию стихотворения "Вино" А.П.Серебрянского (1810-38). Упоминается у Л.Андреева, Куприна, Горького [см. Песни и романсы русск. поэтов, стр. 532, 933].

10. *Лица у них* [растратчиков] *опухли и белели в темноте, как подушки. Горбун с куском колбасы, свисавшим изо рта, походил на вурдалака. Они стали суетливыми и в разгаре веселья иногда плакали.*

3с. Приключения арбатовских растратчиков описаны с обильным применением литературных образцов и штампов. Ср., напр., сцены трактирных кутежей у М.Горького: "Часто люди, *только что казавшиеся пьяными и бурно шумевшие, вдруг затихали,* наклоняясь друг к другу, говорили о чем-то серьезно и трезво, а Кожемякин смотрел на них и думал: *'Это, конечно, жулики'*....Порою мелькало обезумевшее лицо с вытаращенными глазами, *мертвое и вздутое, как лицо утопленника*" [Жизнь Матвея Кожемякина, ч. 4; сходства с ЗТ выделены нами].

Клише "в разгаре веселья иногда плакали" в конечном счете восходит к романтикам. Ср. Байрона: *Но часто в блеске, в шуме людных зал / Лицо Гарольда муку отражало* [Чайльд-Гарольд, I.8, пер. В.Левика] или Гоголя: "И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник....И закрывал себя рукою бедный молодой человек...." [Шинель].

11. *На рассвете рис повезли в деревню, обменяли там на самогон-первач и в этот день в город уже не возвращались.*

3с. Дантовское "И в этот день мы больше не читали" положило начало стереотипу, который здесь пародируется; ср. "И молодые люди в этот раз уже больше не целовались" [Чехов, Злой мальчик]; "В этот день артисты больше не работали" [А.И.Куприн, Белый пудель, гл. 5] и др.

12. *А ночью зажгли костры и плакали особенно жалобно.*

Зс. Строение фразы типично для лирических мест (особенно концовок) старой прозы; ср. у Бунина: "А ночью бушует в лесу буря...."; "А в полночь....в окно прихожей быстро и тревожно застучал кто-то"; "А утром....выходил он на божий день, на дневную работу"; "А под вечер, тут же, у могилы, плясал всем на потеху" и мн. др. [из рассказов: Мелитон, Суходол, На Донце, Веселый двор]; у Чехова: "А ночью опять катались на тройках и слушали цыган в загородном ресторане" [Володя большой и Володя маленький]. Ночные костры — известный мотив лирических повествований, имеющий давнюю традицию [Тургенев, Бежин луг; Чехов, Степь; Бунин, Антоновск. яблоки, Костер; Л.Авилова, Костры; Б.Пильняк, Голый год и мн. др.].

И плакали особенно жалобно: ср. аналогичное ("с подтекстом") употребление наречия "особенно" в поэзии: *Сегодня , я вижу, особенно грустен твой взгляд, / И руки особенно тонки, колени обняв* [Гумилев, Жираф]; *И однажды закат был особенно красен* [Гумилев, Экваториальн. лес]; *В груди першит. С шоссе несется пыль, / Горячая, особенно сухая* [Бунин, Художник (о Чехове)].

13. *По ночам* [Козлевич] *носился с зажженными фарами мимо окрестных рощ, слыша позади себя пьяную возню и вопли пассажиров, а днем, одурев от бессонницы, сидел у следователей и давал свидетельские показания.*

Зс. Ср. сходную антитезу в "Приключениях Тома Сойера": "*Дни* Тома [после того как он дал показания следователю о преступлении, свидетелем которого он был] были днями торжества и веселья, но его *ночи* были исполнены ужаса....*Днем*, выслушивая благодарности Поттера, Том был рад, что выдал тайну, но *по ночам* он жалел, что не держал язык за зубами" [гл. 24 "Блистательные дни — ужасные ночи!", пер. К.Чуковского]. Подобное противопоставление дней и ночей героя мы встречаем также у П.Мак-Орлана: "Так проходили *дни*. А *ночами* Маргарита искала старика, готового променять душу на молодость...." [Ночная Маргарита (русск. пер. 1927), гл. 7], у М.Булгакова: "Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, *а по ночам* сочинял веселые фельетоны...."; "*Днем* я старался об одном — как можно меньше истратить сил на свою подневольную работу....Я ждал часа ночи....Я садился к столу..." [Москва 20-х гг., в кн. Ранн. неизданн. проза, стр. 175; Театральн. роман, гл. 2]. По всей вероятности, и это клише восходит к романтикам [ср., напр., Байрон, Чайльд-Гарольд: *Он дни свои влачил в сетях разврата / И ночи за пирами проводил*, I.1, пер. П.Козлова, и др.].

14. ***Фильм, представлявший узкосудебный интерес, был передан в музей вещественных доказательств.***

1. О киножуликах и кинорастратчиках часто писали в эти годы. М.Кольцов рассказывает о съемках фильма в Сибири, поглотивших 70 тыс. рублей: "Когда снятая лента была привезена в Москву и рассмотрена, оказалась такая белиберда и чепуха, что Пролеткино постановило считать картину не снятой и использовать только несколько кусков с видами Лены для хроники" [Кинококки (1926), Избр. произвед. в 3 томах, т. 1, стр. 171].

15. *— Сам катайся. Душегуб!*

3с. Фраза литературна, напоминая те обращения, в которых бессильный, отчаявшийся человек (обычно более низкого ранга) решается выкрикнуть "всю правду" своему притеснителю. Ср. у Тургенева: "Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету....На, душегубец окаянный, пей христианскую кровь" [мужик — леснику, Бирюк]; у Горького: "Ах ты — паук!....Ты кровососец паук — вот как!" [работник — хозяину, Коновалов]; у Булгакова: "Как в книгах написано: шакал!....Пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве!" [вестовой Крапилин — ген. Хлудову, Бег, Ш.2]. Постепенно этот жест отчаяния приобретает стилизованный и юмористический оттенок. "Душегубцы, одним словом," — отзывается один чеховский персонаж о докторах [Симулянты]. "Душегуб!" — кричат доктору в фельетоне Л.Андреева [Я].

16. *....Совслуж в длинной кавказской рубашке с баллонными рукавами....Поясок с серебряным набором, каким обычно украшают сбрую ломовых лошадей....*

1. Этот костюм 20-х гг. описывает также В.Панова: "На всех [гостях на свадьбе] длинные, до колен, белые кавказские рубашки мягкого шелка с высоким воротом и застежками из мелких пуговиц — до самого подбородка; талии перетянуты узкими поясами с серебряным набором" [Сентиментальн. роман, Собр. соч. в 5 томах, т. 3, стр. 426]. Речь идет об очень старинной моде. Уже у Тургенева упоминается "черкесский ремешок" [Степной король Лир, гл. 1]; у Солженицына в "Августе четырнадцатого" читаем: "Вот, на черкеске проходящего [в Петербурге] горца видела она в перепояс узкий ремешок с бляшками черненого серебра, и с ремешка свисающий кинжал" [гл. 8]. М.Горький в 10-е гг. "ходил в темной блузе, подпоясанной кавказским ремешком с серебряным набором" [Бунин, Горький, стр. 147]; у Бунина купец одет во фланелевую рубаху с воротом на пуговицах и носит пояс с серебряным набором [Игнат, гл. 5].

Ср. о лошади: "серебряные бляхи и пряжки, в большом количестве покрывавшие сбрую, блестели на солнце" [Маркелов, На берегу Москва-реки, стр. 52].

17. *— Отойди, — угрюмо сказал Козлевич. — То есть как это "отойди"?....Может быть, мы с приятелем желаем совершить деловую поездку?*

3с. Сходная сцена есть в повести Р.Л.Стивенсона "The Dynamiter". Молодой художник вывешивает объявление о сдаче квартиры, клиенты не идут; тогда он выставляет яркую, экстравагантную афишу, но и она не помогает, вызывая лишь насмешки. Наконец, некий джентльмен заинтересовывается предложением и спрашивает об условиях, но ожесточенный неудачами квартировладелец пытается выпроводить его вон: "Прошу извинения, — сказал посетитель, — что означает ваше необычное объявление? — Прошу извинения, — запальчиво ответил Сомерсет, — его смысл достаточно ясен. И, наученный горьким опытом бояться насмешек, он хотел закрыть дверь, но джентльмен просунул в проем свою трость. — Не так скоро, прошу вас, — сказал он. — Если вы и вправду сдаете квартиру, перед вами потенциальный жилец". В ответ на это художник проявляет ту же радость и покладистость, что и Козлевич [глава "The Superfluous Mansion, continued"]. Вряд ли Стивенсон послужил источником для Ильфа и Петрова ("The Dynamiter" отсутствует в русском собрании сочинений Стивенсона); нетрудно было бы показать, однако, что речь идет о типологической конвергенции, обусловленной сходством темы и общелитературной логикой выразительности.

18. *Печально наблюдать в среде шоферов такие упадочнические настроения.*

2. С примесью поэтических реминисценций (*печально я гляжу на наше поколенье*, Лермонтов) здесь отражено известное идеологическое клише. Широкое освещение в печати получил, в частности, диспут в московской Комакадемии в 1927 на тему "Упадочное настроение среди молодежи (есенинщина)", с участием таких "тузов" как Луначарский, Радек, Маяковский, Фриче, Нусинов и др. Ср. также: "Дать отпор ликвидационным настроениям упадочных слоев размягченной интеллигенции" [из списка наиболее избитых штампов: Незнакомец, Стерт. пятаки, КН 18.1929].

19. *А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей.*

2. Каламбур, основанный на цитате из "Коммунистического манифеста" о том, что в грядущей революции пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, приобретет же он весь мир. Эта формула вошла в разговорную речь и применялась в самых разных житейских ситу-

ациях. "Вот из разговора пермских рабфаковцев: 'Идем на Каму!' — Опять? а уроки? — Э-э, нам с тобой нечего терять, а приобретем мы... Козий Загон'" [из пермской газ. "Студент-пролетарий", цит. по кн. Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 151].

3a. "[Иоаннопольский] чувствовал, что ему нечего терять, кроме собственных цепей" [Ильф и Петров, Светл. личность, Собр. соч., т. 1, стр. 426].

3b. "А мне чего терять, кроме цепей?" — говорит аферист Аметистов [Булгаков, Зойкина квартира, акт 1; об этом персонаже см. в примечании 13 к ДС 5].

20. *Через два часа машина со свежим темно-зеленым пятном на боку медлено вывалилась из гаража и в последний раз покатила по улицам города Арбатова. Надежда светилась в глазах Козлевича. Рядом с ним сидел Балаганов....Командор пробега развалился на рыжем сиденье....*

3c. Отбытие, даваемое "извне", как бы глазами стороннего наблюдателя непосредственно вслед за сценой, описывающей "изнутри" решение героев путиться в путь и их подготовку к отбытию, представляет собой повествовательный стереотип. Ср. отъезд Тараса Бульбы в Варшаву, следующий за его переговорами с Янкелем: "И через час воз с кирпичом выехал из Умани, запряженный в две клячи. На одной из них сидел высокий Янкель...." [Тарас Бульба, конец гл. 10]. Ср. также: "Через час путешественники уплатили за ночлег, и повозка тронулась в путь" [Т.Готье, Капитан Фракасс, гл. 6, конец]; "[Путешественники разместились на спине слона,] и в девять часов животное, покинув селение, устремилось самой прямой дорогой в густой лес" [Ж.Верн, В 80 дней вокруг света, конец гл. 11].

Ильф и Петров применяют эту фигуру не раз: "Через десять минут молочные братья покинули летний кооперативный сад...." [ЗТ 2, конец], а также при описании последнего выезда антилоповцев: "В ту же ночь из ворот постоялого двора, бледно светя фарами, выехала 'Антилопа'. Заспанный Козлевич с усилием поворачивал рулевое колесо...." [ЗТ 24, конец].

21. *Предлагаю присвоить машине название — "Антилопа-Гну".*

3c. "Антилопа" — название корабля Гулливера, на котором тот попал в Лилипутию. По удачному наблюдению В.Болена, Бендер, как Гулливер, попеременно предстает то великаном (на фоне большинства комических персонажей романа) , то лилипутом (на фоне "истинного социализма") [Bolen, Analysis of the Comic in Ilf and Petrov, p. 60]. Метафоры, уподобляющие машину Козлевича кораблю, езду на ней — морскому плаванию, многочисленны (напр., "у вас есть прекрасный

навигационный прибор — компас-брелок", "издавала корабельные скрипы" [ЗТ 25, 35]). "Антилопа-Гну" — видимо, по аналогии с марками машин ("лорен-дитрих", "изотта-фраскини", "испано-сюиза" и проч). См. также примечание 13 к ЗТ 2.

22. — *Вторая стадия кражи гуся,— холодно заметил Остап. — Третья стадия начнется после поимки виновного. Она сопровождается чувствительными побоями.*

2. Стадии кражи гуся — вероятно, по аналогии со стадиями загнивания капитализма: "Третья стадия разлагающегося капитализма" [Пр 21.07.30].

23. — *Бог подаст, — ответил Балаганов, свешиваясь за борт.*

2. Формула отказа в подаянии, имеющая, как многое в ДС/ЗТ, привкус старины и литературности. Ср. у Достоевского: "....мимо пройти, и не дать ничего, сказать ему 'Бог подаст'"[Бедн. люди, письмо от 5 сентября]; у Гончарова: "Не трать на [нищих] денег попустому....на что баловать?....Бог подаст" [Обыкновенн. история, 1.1] и др. Маяковский в стихотворении "Ханжа" (1928) приводит наиболее употребительные "божественные" штампы, как-то: ей-богу, бог послал, вот те крест, бог на помощь, видит бог, слава богу, бог подаст и проч. [Полн. собр. соч., т. 9].

24. — *Влезайте, — предложил Остап, — черт с вами! Но больше не грешите, а то вырву руки с корнем.*

2. Реминисценция из Евангелия от Иоанна [8.11]: "Иди и впредь не греши" (слова Христа, обращенные к грешнице).

О штампе "вырвать с корнем" см. примечание 5 к ДС 4. Угроза вырвать *руки* соотносится с такими фразеологизмами эпохи, как "ударить (кого-либо) по рукам", "отсечь руки" и т. п. Ср. "Кибальчича [халтурного писателя] во-время ударили по рукам" [Б.Киреев, Война халтуре, КН 09.1929]; "Трудящиеся далекой Якутии готовы отсечь окровавленные руки зарвавшимся империалистам" [по поводу китайск. нападения на КВЖД, Пр 21.06.29]; "Рука, подымающаяся на представителя советской власти, должна быть отсечена" [Аграновский, На перевале, стр. 186] и пр..

25. *Из медного рожка вырвались старомодные, веселые, внезапно обрывающиеся звуки:*

Матчиш прелестный танец. Та-ра-та...

2. Матчиш — танец бразильского происхождения, "завоевавший мир" в начале XX в. [Никулин, Время, пространство, движение, т. 2, стр. 121]. Песенка в ритме матчиша, которую играет рожок Козлевича, проникла в Россию из Европы около 1905. В романе Р.Гуля "Азеф" описывается исполнение ее в петербургском "Аквариуме":

"На сцену выкатился мужчина в костюме циркача с порнографическими усами и, делая невероятные телодвижения, заплясал под ударивший оркестр.

Матчиш прелестный танец,
Живой и жгучий,
Привез его испанец,
Брюнет могучий....

Мужчина вихлялся все безобразнее:

В Париже был недавно,
Кутил там славно,
В кафешантане вечно
Сидел беспечно..." [стр. 85].

Другие строфы русской версии: *Матчиш прекрасный танец, / Он кровь волнует, / Кто веселиться хочет, / Матчиш танцует....// Весь мир матчиш танцует, / Он всех чарует, / Он легок, весел, плавен, / Порой забавен. // В нем много страсти, зноя, / В нем нет покоя, / Счастья миг он несет, / В нем забудешь ты мрак земных невзгод....// Матчиш люблю я страстно, / Пляшу прекрасно, / Его всегда танцую, / Когда тоскую,* и т. д. [Евг. Венский, Практич. самоучитель бальных танцев, в кн. Аверченко и др., Самоновейш. письмовник, стр. 113; Матчиш, муз. Борель-Клерк, текст А.Бусина (с нотами), М./изд. С.Я.Ямбор, N° 43, са. 1913].

ГЛАВА 4

Обыкновенный чемоданишко

1. *Был тот промежуток между пятью и шестью часами, когда дворники, вдоволь намахавшись колючими метлами, уже разошлись по своим шатрам....*[до конца следующего абзаца].

3. Картина утра в Черноморске выдержана в манере "физиологического очерка", описывающего всякого рода массовую, циклическую деятельность, как-то: будничную жизнь большого города, природные процессы, времяпровождение охотника или земледельца и т. п. Подобного рода очерк стремится свести действительность к неким обобщенным "статистическим" измерениям, вместе с тем романтизируя эти последние, строя из них поэтический ансамбль. Образцы этого жанра в литературе XVIII-XIX в. многочисленны. Не берясь прослеживать эволюцию жанра и пути его распространения, мы наметим лишь некоторые типологические черты, пользуясь такими примерами, как "Картины Парижа" Л.-С.Мерсье (глава "Часы дня"); "Отшельник с Шоссе-д'Антэн" Э. де Жуи (очерк "На мосту Искусств"); очерк О. де Бальзака "История и физиология парижских бульваров"; "Очерки Боза" Диккенса (картина лондонского утра); отрывки из "Шести Наполеонов" Конан Дойла; фрагменты 1-й главы "Евгения Онегина"; начало "Невского проспекта" Гоголя; "Лес и степь" Тургенева; "За рубежом" Щедрина (сцены курортной жизни в гл. 2). Формы физиологического очерка не раз использовались советскими авторами, как Л.Рейснер ("Гамбург на баррикадах", "Афганистан"), Н.Асеев ("Московские улицы"); И.Ильф ("Москва от зари до зари"), Корней Щеглов ("Повесть о котлете") и др.

Характерные элементы этого жанра:

(A) Изображаемое явление (напр., 'день города') расписывается час за часом, причем каждому часу придается особая физиономия с преобладанием какого-то одного "потока" обитателей города (одной профессии, одного сословия и т. п.), вплоть до того, что час называется их именем (час дворников, час служащих и т. д.). Каждому типу горожан придаются его отличительные атрибуты, приобретающие благодаря массовому измерению характер метонимико-символических "крупных планов". Некоторые моменты повторяются почти во всех очерках этого рода (в том числе и в рассматриваемом фрагменте ЗТ), напр., такие детали утренних часов, как (a) тишина и безлюдье перед пробуждением города; (b) появление деревенских жителей, привозящих в город продовольствие; (c) пробуждение и выход на работу простого люда; (d) неодинаковость режима жизни у разных категорий горожан (кто-то ложится спать или спит, в то время как другие встают и начинают трудовой день) и проч. Иногда роспись ведется не по часам, а по пространственным зонам, с той же "статистико-поэтической" окраской каждой из них.

Час дворников уже прошел, час молочниц еще не начинался....Но уже доносится далекий гром: это выгружаются из дачных поездов молочницы с бидонами....На миг покажутся рабочие с кошелками и тут же скроются в заводских воротах [ЗТ].

"В 7 часов утра садовники с пустыми корзинами, верхом на клячах направляются к своим огородам. Еще не видно карет. На улицах можно встретить лишь младших чиновников, которые в этот ранний час уже одеты и завиты....К 10 часам черная туча судейских клерков устремляется к Шатле и ко Дворцу юстиции: повсюду только и виднеются отложные воротники, тоги, портфели — и просители, бегущие за ними....Полдень — это час всякого рода прошений и ходатайств....В 3 часа на улице малолюдно, все обедают: этот покой недолог. В 5 с четвертью пополудни поднимается страшный шум, улицы забиты, кареты несутся во все стороны, кафе полны народу....В 7 часов вечера вновь воцаряется тишина....В час утра прибывают шесть тысяч крестьян с овощами, фруктами и цветами....В 4 часа утра бодрствуют лишь поэт да разбойник. В 6 утра булочники из Гонесс, кормильцы Парижа, дважды в неделю привозят в город громадное количество хлеба....Вскоре выползают из своих постелей рабочие, берут инструмент и идут в мастерские" [Мерсье].

"Я развлекался наблюдением прохожих, идущих через мост Искусств. Раньше всех появляются кухарки и хозяйки из хороших домов, направляясь за покупками в Пале-Рояль, где им придется заплатить за

провизию на треть больше, чем в Алль или на буржуазном рынке в Сен-Жерменском предместье; но их это не беспокоит, ибо они сдерут двойную цену со своих хозяев....За ними идут служащие: некоторые из них по дороге в свою контору читают роман, вынутый из кармана....В 10 часов открываемый музей привлекает толпу студентов, изучающих живопись: в Лувре они будут копировать знаменитые картины....Около полудня мост заполняют юные работники касс с рю д'Антэн....По тому, сколько ученых и литераторов можно встретить на мосту от 2 до 5 часов, понимаешь, что здесь пролегает главная дорога в Институт..." [Жуи].

"Бульвар никогда не остается одним и тем же....: у него есть часы меланхолии и часы веселья, часы опустелости и часы бешеного движения, часы целомудренные и часы постыдные. В 7 часов утра ничьи шаги не оглашают плит тротуара, ни один экипаж не оживляет мостовой. Самое раннее в 8 часов бульвар пробуждают тяжелые шаги носильщика с ношей на плечах, стук первых кабриолетов, крики рабочих в блузах, спешащих на стройку. Еще нигде не подняты жалюзи, лавки закрыты....В 9 часов магазины открывают глаза....Через несколько минут бульвар уже суетится, как гризетка, там и сям появляются на тротуарах пронырливые пальто. Часов в 11 кабриолеты мчатся на судебные процессы, к очередным платежам, к присяжным стряпчим, к нотариусам....К полудню бульвар уже голоден, на бульварах завтракают, проезжают биржевики. Наконец, между 2 и 5 часами жизнь бульваров достигает своего апогея..." [Бальзак].

"Пусты стоянки карет на перекрестках; закрылись ночные трактиры; лишь кое-где на углу стоит полицейский, вперив скучающий взгляд в пустую даль проспекта....Проходит час; улицы начинают оживать. Потянулись на рынок подводы с товаром....Мужчины и женщины с тяжелыми корзинками фруктов на голове шагают по южной стороне Пикадилли к Ковент-Гарденскому рынку....Вот бодрым шагом прошел на работу каменщик, в руке у него узелок с обедом..." [Диккенс].

А Петербург неугомонный / Уж барабаном пробужден. / Встает купец, идет разносчик, / На биржу тянется извозчик, / С кувшином охтенка спешит, / Под ней снег утренний хрустит. / Проснулся утра шум приятный. / Открыты ставни; трубный дым / Столбом восходит голубым, / И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз / Уж открывал свой васисдас [Пушкин].

"Сколько вытерпит он [проспект] перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах....Тогда Невский проспект пуст....Нищие собираются у

дверей кондитерских....По улицам плетется нужный народ: иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу в сапогах, запачканных известью....Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент....В 12 часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках....Чем ближе к 2 часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями....От 2-х до 3-х часов пополудни....происходит главная выставка всех лучших произведений человека....В 3 часа — новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах....С 4 часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника" [Гоголь].

"7 часов утра. Одни уже отпили свою порцию, другие только-что заручились кружками и спешат к источникам. Всякий народ тут: чиновные и нечиновные, больные и здоровые, канальи и честные люди....Около половины 10-го кургауз пустеет; гудение удаляется и расходится по отелям....Послеобеденное время — самое тяжелое.... Часов до 4 дело, однако ж, кой-как идет....Между тем, бьет 7 часов, и волна людская опять растет вокруг курзала" [Щедрин].

"В 4 часа ночи, в 5, люмпенпролетариат спит, все равно где, или препровождается в участки. Без четверти 6, еще при электричестве, начинается первый рабочий прилив. Над трамваем в темноте висит железная дорога, над ней — короткие светящиеся ленты электрических поездов, и все они выбрасывают на мостовую армию докеров, сотни тысяч рабочих...." [Рейснер].

"Ранним утром, когда улицы еще пустынны, когда усатые дворники, позевывая, выходят с метлами из ворот, когда чуть брезжит седой, молочного цвета, рассвет, к дверям общественных столовых с сердитым фырчанием подъезжают грузовые автомобили. Они везут мясо, зелень, картофель — все то, что сегодня, начиная приблизительно с часу дня, начнет поглощать армия проголодавшихся....С всклоченных постелей поднимается рабочий человек, его веки тяжелы — сон еще висит на них...." [К.Щеглов].

Пример росписи по пространственным зонам: "Мы быстро проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон отелей, через театральный Лондон, через коммерческий и, наконец, через портовый Лондон...." [Конан Дойл].

"Замычат спросонок советские служащие, падая с высоких девичьих кроваток....Но было еще рано, служащие еще спали под своими фикусами" [ЗТ].

"В четверть первого утра раздается стук карет тех, кто не играет и возвращается домой. Город кажется опустелым; обыватель, который уже спал в это время, просыпается в своей постели, и его супруга на это не жалуется. Многие парижане обязаны своим появлением на свет этому внезапному стуку экипажей" [Мерсье].

"Более трезвые и добропорядочные жители столицы еще не восстали для дневных трудов....Там и сям приотворено окошко в спальне — погода стоит жаркая и от духоты плохо спится; да изредка мигнет за шторой ночник в комнате томимого бессоницей или больного" [Диккенс].

Но шумом бала утомленный / И утро в полночь обратя, / Спокойно спит в тени блаженной / Забав и роскоши дитя [Пушкин].

"Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках" [Гоголь].

(Б) К отдельным периодам дня приурочиваются определенные ощущения и переживания, обычно посредством формулы "в это время (в такие минуты) хочется (чувствуется, вспоминается, интересно и т. п.)...."

В такую минуту хочется плакать и верить, что простокваша на самом деле полезнее и вкуснее хлебного вина [ЗТ].

"В это время чувствуется какая-то цель, или лучше что-то похожее на цель" [Гоголь].

"В такой час любопытно заглянуть в кухню, где в чаду и дыме работает человек в белом колпаке" [К.Щеглов].

(В) Обилие словечек типа "уже" ("вот уже") и "еще", указывающих на то, что вся последовательность событий заранее известна.

Дворники....уже разошлись по своим шатрам....Но уже доносится дальний гром....Служащие еще спали под своими фикусами [ЗТ].

"Через несколько минут бульвар уже суетится...." [Бальзак].

Театр уж полон: ложи блещут.... / Еще амуры, черти, змеи / На сцене скачут и шумят; / Еще усталые лакеи, и т. п.; *А Петербург неугомонный / Уж барабаном пробужден* [Пушкин].

"Вот уже золотые полосы потянулись по небу.... Вот уж жарко стало....А вон внизу, направо, уже мелькают огоньки деревни....Вот и лес" [Тургенев].

"Еще молчит в своей клетке, подвешенной к яблоне, красноклювая перепелка" [Рейснер].

(Г) Употребление, наряду с настоящим временем обыкновения, также перфекта и будущего — в знак того, что речь идет о событиях регулярных и предсказуемых.

Сейчас они [молочницы] *бросятся в город и на площадках черных лестниц затеют обычную свару с домашними хозяйками....Из фабричных труб грянет дым....Замычат спросонок советские служащие, падая с высоких девичьих кроваток. Час молочниц окончится, наступит час служилого люда* [ЗТ].

"В то время как молодая девушка срисовывает в музее голову Рафаэля или Тициана, ее мать, протянув ноги к камину, займется вышивкой" [Жуи].

"Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи....Но вот ветер слегка шевельнется, золотисто-желтый луч ворвется вдруг...." [Тургенев].

"Подождите еще несколько минут, и вы увидите новый наплыв публики" [Щедрин].

Само собой разумеется, что Ильф и Петров не воспроизводят структуру физиологического очерка во всей полноте, — он ни в коей мере не является их целью — а дают лишь схему, "знак" этого жанра. Типичные его моменты даются выборочно и эскизно, без той детальной разработки, какую мы встречаем в "Невском проспекте", но зато подчеркнуто — с шутливыми или ироническими завитушками, напр.: "в городе светло, чисто и тихо, как в государственном банке". В этом отношении подход авторов ЗТ близок к поэтическому, пушкинскому методу развертывания романных элементов, к жанру "романа в стихах" [см. Тынянов, О композиции "Евг. Онегина", в кн. Поэтика. История литературы. Кино, стр. 61, 65, 67]. Это относится и к другим традиционным романным компонентам, воспроизводимым в ДС и ЗТ, — вставным новеллам, снам, авторским отступлениям, письмам и т. п.

[Источники цитат: L.S.Mercier, Tableau de Paris, p. 206-213; E. de Jouy, L'Hermite de la Chaussée d'Antin, t. 5, p. 137-138; A.Conan Doyle, The Six Napoleons; Бальзак, Собр. соч. в 15 томах, т. 15, стр. 192-193; Диккенс, Собр. соч. в 30 томах, т. 1, стр. 102-108; Пушкин, Гоголь, Тургенев, Щедрин — собрания сочинений; Лариса Рейснер, Избр. произвед., стр. 128, 215; И.Ильф, Москва от зари до зари, Собр. соч., т. 5, стр. 54-63; Асеев, Московск. улицы, КН 09.1926; Корней Щеглов, Повесть о котлете, ТД 11.1927.]

5. Мастерство построения сюжета и образа у Ильфа и Петрова сказывается в том, что данный жанр, с его акцентом на среднестатистическом, массовом человеке, избран для оформления именно этой главы. Ведь в ней впервые появляется на страницах романа Александр

Иванович Корейко — герой, для которого мимикрия под стандартного, среднестатистического советского служащего является главным принципом поведения. Обратим внимание на то, как организуется сцепление между типовым мотивом "час таких-то" и действиями К.: "Хозяин чемодана покинул вокзал как раз в то время, когда на улицах уже появились наиболее примерные служащие. Он вмешался в их нестройные колонны, после чего костюм его потерял всякую оригинальность" [см. ниже в настоящей главе]. Слияние К. с толпой однотипных людей выражает суть этого персонажа в наглядной, почти эмблематической форме (как и растворение К. в толпе людей в противогазах [см. примечание 2 к ЗТ 23]). Будучи тематически важным, момент этот подготовлен двойным рядом образов: с одной стороны, "форматом" описания города, более всего отвечающим характеру героя (физиологический очерк), с другой — не менее символичным занятием самого героя (сдача чемодана в камеру хранения [см. ниже примечание 4]).

2. ***В такую минуту хочется плакать и верить, что простокваша па самом деле полезнее и вкуснее хлебного вина....***

2. Хлебное вино — эвфемистическое название водки, "русской горькой", в разговорной речи и в прессе эпохи ДС/ЗТ.

3с. Ср. Лермонтова: *В минуту жизни трудную..../ И верится, и плачется....* [Молитва].

3. ***....На ночных столиках зальются троечным звоном мириады будильников (фирма "Павел Буре" — потише, треста точной механики — позвончее)....***

1. Часовое производство в СССР возникает в 1929-30, когда в системе Треста точной механики начинают функционировать 1-й и 2-й часовые заводы. Для аскетической культуры первой пятилетки довольно характерно, что упор в первую очередь делается на будильники, каковые получают широкую рекламу в печати: "Будильники Гостреста точной механики, впервые изготовляемые целиком из советского материала" [фото в КН 40.1929]; "Мы сами стережем свое время" [обложка Ог 05.01.30; на фото — сотни отечественных будильников]. Одновременно раздается и критика: "Качество будильников, выпущенных 2-м часовым госзаводом, низкое" [карикатура "Точная механика", Кр 32.1930]. Павел Буре — известнейший дореволюционный часовой мастер, "поставщик двора Его Величества".

4. ***Это был обыкновенный чемоданишко....***

5. Избранный Корейко способ хранения сокровищ отражает всегдашнюю тактику подпольного богача — стремление раствориться в массе однотипных советских служащих [см. выше, примечание 1]. Стандартного вида чемодан с миллионами, запрятанный среди сотен по-

добных чемоданов, — символ самого Корейко. [См. также примечания 10 к ЗТ 9, 15 к ЗТ 11, 2 к ЗТ 23, 1 к ЗТ 29.] Хождение с вокзала на вокзал — современный вариант провербиальной шкатулки скупого, без конца перепрятываемой в страхе перед ворами.

Вместе с тем играют известную символическую роль и самые места, где современный Гарпагон "зарывает" свое богатство, — вокзальные камеры хранения. Вокзал — типичная пограничная и переходная зона. Ср. новеллу "Двойная жизнь Портищева" в цикле "Новая Шахерезада", где заглавный герой неоднократно преображается из совработника в нэпмана и обратно, передвигаясь по железной дороге из Москвы в деревню и из деревни в Москву, причем каждый раз окончательное оформление новой личности происходит на станции (вокзале): "В родную свою деревню....приезжал уже не мощный профработник, не борец за идею, не товарищ Портищев, а Елисей Максимович Портищев. На станции его ожидала пароконная рессорная телега...." И далее: "На [московский] перрон выходил уже не хозяйственный мужичок, а тов. Портищев — стопроцентный праведник" [Собр. соч., т. 1, стр. 494-496].

В отличие от фермы Портищева, центр другой жизни Корейко лежит не в иной местности, а в самóй пограничной зоне — на вокзале, что можно понимать как знак потенциальности, нереализованности его второго бытия, как символ идеи "лимба", где миллионер вынужден пребывать в ожидании падения большевиков. Это местопребывание сокровищ может интерпретироваться и в том более "реалистическом" смысле, что К. все время как бы стоит одной ногой на дороге, ежеминутно готовый сняться с насиженного места, бежать, сменить личину, что он неоднократно и делает. Различие между уверенным в себе Портищевым, имеющим устойчивую базу в деревне, и Корейко, живущим беспокойно, временно, "на бегу", "на чемодане", наглядно демонстрирует изменения, происшедшие в стране в промежутке между первым и вторым романами Ильфа и Петрова.

5. *Человек в сандалиях был служащим, а служащие в Черноморске почти все одевались по неписаной моде: ночная рубашка с закатанными выше локтей рукавами, легкие сиротские брюки, те же сандалии или парусиновые туфли. Никто не носил шляп и картузов. Изредка только попадалась кепка, а чаще всего черные, дыбом поднятые патлы, а еще чаще, как дыня на баштане, мерцала загоревшая от солнца лысина, на которой очень хотелось написать химическим карандашом какое-нибудь слово.*

1. Летняя экипировка советского служащего в 1929-30 описана здесь довольно точно. Фотографии, литература, отчеты иностранных наблюдателей дают примерно те же детали. Многие ходят в рубашке

без воротничка, с открытой шеей, с короткими или закатанными рукавами, иногда носимой навыпуск — это та рубашка, которую Ильф и Петров называют "ночной". Кроме нее, обычны косоворотки — длинные, перехваченные чуть ниже пояса тонким ремешком, иногда с народной вышивкой вдоль ворота и нижнего края. Весьма распространена — особенно в первой половине 20-х гг. — толстовка, представляющая собой "соединение некоторых элементов военного костюма и 'русской рубахи'". Толстовки весьма разнообразны по форме и качеству. Нередки разного рода блузы, френчи, пиджаки — обычно темные, неказистого вида, без претензий на моду. Некоторые носят поверх рубашки или толстовки узкий галстук-самовяз с тупым концом. Типичная обувь — высокие сапоги, грубоватые бесформенные башмаки, парусиновые туфли, сандалии. Головные уборы того времени весьма точно характеризует М.Слонимский: "Мало кто ходит сейчас по России в мягкой шляпе. Преобладают кепки, картузы, форменные фуражки и другие различных фасонов шапки, иногда — хорошего качества, иногда — плохого, но сидящие на головах скромно и незаметно". Говоря об отсутствии картузов и редкости кепок, Ильф и Петров, несомненно, отражают южный ("черноморский") вариант общероссийской моды. Бритье головы — известный стиль 20-х гг, который вместе с естественными лысинами создает необычайную частоту блестящих голых голов на тогдашних фотографиях. В целом советская толпа эпохи ЗТ одета более чем скромно, и иностранцы единодушно отмечают тягу к униформности, в результате чего неопытному глазу почти невозможно различить людей по рангу и социальному положению. [VU: au pays des Soviets (photos); А.Ветров, Современн. костюм, КН 39.1926; Слонимский, Пощечина, стр. 49; Viollis, Seule en Russie, p. 43; Béraud, Ce que j' ai vu à Moscou, p. 23, 40; London, Elle a dix ans, la Russie rouge!, p. 18; Eaton, Pionniers ou déments? p. 48.]

6. *Учреждение....называлось "Геркулес".*

1. Названия учреждений, напоминающие одновременно советские сокращения и какие-то слова, далекие от бюрократической сферы, характерны для Ильфа и Петрова (ср. Умслопогас [ДС 30], КЛООП [одноименн. рассказ]). В "Геркулесе" явно выделяется "лес", его специальность [см. ЗТ 11], в целом же, как указал автору О.Ронен, это сокращение напоминает названия смешанных германско-русских акционерных обществ 20-х гг., начинавшиеся на "Деру-" (Deutsch-Russisch), вроде авиакомпании "Дерулюфт". Заметим, что в "Геркулесе" работают немцы (Г.-М.Заузе [см. ЗТ 18]).

7. *Швейцар в фуражке с золотым зигзагом на околыше.*

1. Имеется в виду отличительный знак швейцарской униформы. Ср. "швейцар технической конторы в фуражке с золотым галуном"

[Аверченко, Черным по белому, стр. 27], "разукрашенные галунами швейцары" в гостиницах и ресторанах [Колесников, Святая Русь, стр. 210]. Старик-швейцар в "Геркулесе", вне сомнения, служил еще в дореволюционной гостинице. Иностранный наблюдатель отмечает "воскресение многих элементов прошлого" в нэповской России, в том числе и золотые галуны, заново пришитые к мундирам швейцаров [Béraud, Ce que j' ai vu à Moscou, p. 41-42].

8. *В Черноморске собирались строить крематорий*....[до конца абзаца].

3а. Диалог со швейцаром о "нашем советском колумбарии" перенесен в роман из рассказов о городе Колоколамске [Чу 09.1929].

1/3b. Кремация была в 1928-30 новшеством и вызывала большой интерес общественности и прессы. "Огненное погребение" (название переводной книги Г.Бартеля, М. 1928) воспринималось как элемент рационализированной, машинно-конвейерной цивилизации Запада. В рассказе В.Инбер "Шведские гардины" (1928) изображен Берлин 20-х гг. с такими атрибутами, как неоновые рекламы в небе, громкоговорители, стеклянно-стальные кафе, сверхсовременная мебель, которую изготовляет герой рассказа, рабочий, и крематорий, где заканчивается его земной путь. В стихах В.Ходасевича об умершем парижском рабочем: *Сегодня в лед, а завтра в огонь* кремация также вписана в инфернальную картину "европейской ночи".

В СССР первый крематорий был построен в 1927 на территории Донского монастыря и считался одной из туристических достопримечательностей новой Москвы: "Крематорий я видел, планетарий видел...." [Б.Левин, Хочу в провинцию, Ог 30.05.30]. В советском контексте кремация переосмысляется, перестает быть одним из символов бездушной, отчужденной от человека цивилизации; напротив, в ней видят удобный и гигиеничный вид массового обслуживания, стоящий в том же ряду, что ясли, фабрики-кухни и дома культуры. Именно в этом оптимистическом смысле следует понимать готовность геркулесовского швейцара отправиться "в наш советский колумбарий". Помимо гигиенических соображений, сожжению трупов придавалась идеологическая значимость как rite de passage нового типа, призванному вытеснить церковную обрядность. В одном из тогдашних романов ставятся в один ряд строительство крематориев и разрушение храмов [Иринин, Теория беззащитности, стр. 22].

Одновременно расцветает и черный юмор на темы кремации; напр., "Крокодил", высмеивая недостатки общественного питания, предлагает проект крематория, объединенного с дешевой столовой, где отравившийся плохим обедом клиент прямо из-за стола доставляется в печь,

каковая, в свою очередь, дает тепло для нарпитовской кухни [Кр 48.1927]. Тот же журнал сообщает о кампаниях за выполнение плана в крематориях, о соцобязательствах, обещающих улучшить качество продукции, превысить контрольные цифры, досрочно выполнить пятилетку и т. п. [Кр 07.1930]. Подобный юмор, в конечном счете архетипический и карнавальный, переворачивающий соотношения между жизнью и смертью, налицо и в шутках черноморцев по поводу огненного погребения.

3с. Вместе с тем мотив кремации (равно как и "золотой зигзаг" на фуражке швейцара) приобретает несомненные ассоциации с адским огнем в контексте инфернальности "Геркулеса" и вообще советских учреждений [см. примечания 3 (3с) к ЗТ 11, 5 к ЗТ 15, 10 к ЗТ 24].

9. *"Чистка 'Геркулеса' начинается".*

1. Чистка партии и государственных учреждений — общесоюзное мероприятие по проверке кадров, одно из главных событий советской внутриполитической жизни в 1929-30. В ходе ее подлежали выявлению и наказанию, от простого выговора до исключения из партии и увольнения с работы, с одной стороны, лица с чуждыми социальными корнями (бывшие дворяне, коммерсанты, офицеры царской армии, крупные чиновники, сотрудники полиции, служители культа), с другой — всякого рода дурные работники и вредные элементы ("искажающие классовую линию", бюрократы, разгильдяи, пьяницы, антисемиты, морально разложившиеся и проч.). Вычищаемые делились на три категории, определявшие возможности дальнейшего трудоустройства [см. примечание 11 к ЗТ 35]. Многочисленные вакансии, освобождающиеся в результате чистки, предлагалось заполнять так наз. выдвиженцами — людьми безупречными в смысле рабоче-крестьянского происхождения, но сплошь и рядом не имевшими нужной квалификации и опыта.

Кампания столь гигантских размеров не могла протекать полностью гладко и согласованно: в печати шла полемика между сторонниками более жесткого и более умеренного, более широкого и более специализированного подхода к чистке. Во многих статьях и речах звучали призывы чистить всех "бывших" без разбора, занося их в черные списки и выдавая волчьи билеты, ни под каким видом не допускать уволенных обратно на работу, гарантировать их полное отлучение от советского коллектива. В соответствии с этим взглядом пресса сочувствено сообщала о многих случаях весьма суровой чистки: напр., офицер Красной Армии исключается из партии за то, что тайно поддерживал контакт с отцом — торговцем и лишенцем; другой партиец вычищается за то, что устроил крестины ребенку; третий — за то, что оказался подпрапорщиком царской армии и сыном тюремного чинов-

ника. Вместе с тем раздаются и более трезвые голоса, призывающие "прежде всего оценивать работу, а не исходить только из социального происхождения", "не опошлять чистки, не превращать ее в погоню за делопроизводителями — племянниками попов". Один из руководителей чистки, известный чекист Я.Петерс пишет в "Правде", что "при таком подходе нам придется уволить половину специалистов". Эта сравнительно умеренная точка зрения теоретически возобладала в ЦК партии, который поддержал ее в ряде своих резолюций, что, однако, не могло ослабить энтузиазма в погоне за ведьмами со стороны многих местных деятелей.

С внешней стороны чистка представляла собой занимательный, а порой и захватывающий спектакль, который на многие недели и месяцы вносил в будни советского учреждения дух детективного thriller'а. Чистили, по тогдашнему выражению, "с песочком" и даже "с наждачком". Заседания комиссий по чистке проходили открыто, сотрудников приглашали активно участвовать в допросе "подследственных" и в решении их судьбы. Для начала проверяемому предлагали рассказать о себе, а затем начинались вопросы, которые могли касаться любых моментов его биографии, политического лица и интимной жизни. Чем он занимался до 1917 года и в Октябрьские дни? Был ли на фронте? Арестовывался ли до революции? Имел ли расхождения с партией? Пьет ли? Как осуществляет рабочую линию на вверенном ему участке работы? Что думает о Бухарине и правом уклоне, о кулаке, пятилетке, китайских событиях? Кто его тесть — частный торговец или член профсоюза? Правда ли, что у него личный автомобиль и хорошенькая жена из актрис? Каковы его производственные показатели? Почему он один из всех политических заключенных был освобожден деникинцами из Ставропольской тюрьмы? Венчался ли в церкви? Крестил ли сына? Что делал в плену? За кого вышла замуж его сестра? В рабочих аудиториях зрители не стеснялись в выражении личных чувств, и атмосфера в зале порой достигала большого накала: "Сыпалась лавина: 'Помнишь? Расскажи-ка! Забыл небось? Не ты ли говорил? А кто продавал? Кто в 19-м, при Деникине, разлагал рабочие ряды, отговаривал от организации красногвардейских повстанческих отрядов? Кто выгнал больную жену с ребенком на улицу в мороз и снег ночью?....' Его бичевали, хлестали, стыдили. Ему напоминали его ошибки".

Столь живой интерес к чистке питался целым рядом причин, от элементарного любопытства и желания чем-то отвлечься от тягот повседневности до охотничьего инстинкта и революционного фанатизма. Не на последнем месте стоял и такой традиционно русский мотив, как желание рассказать свою жизнь (многие докладывали о себе часами), а

также не менее известная жажда русского человека отрешиться от лжи и скверны, исповедаться, покаяться в своих грехах перед "миром". У одной из проверяемых, сообщает очеркист, "лицо кипело предельной тревогой и предельным желанием ничего не утаивать и, если найдутся недочеты, очиститься от них". Одна новелла тех лет построена как взволнованный монолог работницы, рассказывающей комиссии по чистке и всем присутствующим о том, как она из жалкого забитого создания превратилась в полноценную строительницу социализма, сожгла иконы, научилась грамоте, вышла замуж... Особо драматичные допросы, когда судьба человека — быть исключенным или оставленным в партии — висела на волоске, приводили аудиторию в катартическое состояние слиянности со всемогущей и всеведущей Партией: "Я воспринимал и осознавал только одно", — пишет очеркист, — "что и у меня, как и у других, отошли сейчас на задний план все повседневные дела, что мы, беспартийные, врастали сейчас в партию, почуяли свое органическое сродство с ней. Оказывается, она не отгорожена механически от каждого из нас, но живет и действует в каждом. Только в обычное время мы этого не ощущаем. Глубоко внутри каждого живет и происходит этот процесс. А теперь он прорвался наружу, и вот все мы чистимся, очищаемся от случайной накипи". Вряд ли подобные переживания имели место в "Геркулесе": чисто религиозные по своей сути, они были доступны лишь более простым душам, которым Партия заменила упраздненного Бога, а не мимикрирующим жуликам, как Скумбриевич и Полыхаев. [Пр 1929-30; Пж 47.1929; Дм.Сверчков, В десятом часу, НМ 05.1930; Б.Кофанов, Трое из партгорода, НМ 03.1930; Н.Москвин, Рассказ о смелости, в кн. Встреча желаний.]

Хотя чистка в "острой" форме относится к 1929-30, многие ее элементы были хорошо известны советским гражданам задолго до этого. В частности, вопросы о родственниках, о дореволюционной деятельности были необходимой частью любой анкеты с начала 20-х гг. и оказывали заметное влияние на служебную карьеру. Обычным делом были и допросы по политграмоте. Можно, таким образом, говорить о чистке в более широком смысле — как о "хроническом" факторе советской жизни, порождавшем такие явления, как мимикрия, сокрытие социального происхождения, доносы, отмежевание от родных и т. п., столь характерные для эпохи ДС/ЗТ.

3а. Записная книжка И.Ильфа содержит немало юмористических записей о чистке: "Выдвиженщина", "Чистка больных"; "Это была обыкновенная компания — дочь урядника, сын купца, племянник полковника"; "Романс: 'Это было в комиссии / По чистке служащих'"; "Оказался сыном святого"; "—Я, товарищи, рабочий от станка. — И тут не

фабриканты сидят"; — Вы марксист? — Нет. — Кто же вы такой? — Я эклектик. Стали писать 'эклектик'. Остановили. 'Не отрезайте человеку путей к отступлению'. Приступили снова. — А по-вашему, эклектизм — это хорошо? — Да уж чего хорошего. Записали: 'Эклектик, но к эклектизму относится отрицательно'". [Собр. соч., т. 5, стр. 172, 178, 182, 187, 189.]

10. *"Долой заговор молчания и круговую поруку".*

2. Призывом "Долой" начиналось несметное количество лозунгов: "Долой троцкизм", "Долой попов и кулаков", "Долой правых и примиренцев" [из первомайских призывов, Пр 04.05.29], "Долой войну империалистическую, да здравствует мировая революция", "Долой парадные переклички", "Долой излишнее увлечение социалистическими договорами", "Долой подхалимство", "Долой вековой религиозный дурман", "Долой пьяную пасхальную обжорку" и др. [КН 34.1929; Пр 12.05.29; КН 26.1929; Пр 21.04.28; Пж 45.1929; Пр 06.05.29].

Призыв бороться с молчанием и круговой порукой — постоянный спутник чистки. Из тогдашней прессы: "Нам уже приходилось отмечать факты круговой поруки и семейственности во время чистки"; "Круговая порука долгое время содействовала тому, что крупные политические извращения остались вне поля зрения советской общественности"; "При подготовке к чистке партии в ряде горъячеек отмечается круговая порука"; "Клеймим позором тех членов партии в Госбанке, которые видели искривления линии партии и молчали"; "Круговая порука, кумовство, семейственность" [наблюдается на ряде предприятий]; "Почему молчал омский 'Рабочий путь'?". В других контекстах эти термины могли иметь и положительный смысл, например: "Установим круговую поруку за нашу гарантию" (лозунг на фабрике). [Пр 07.09, 24.10, 13.07, 20.09.29; Пр 31.08.29; КН 19.1929.]

11. *За своими столами уже сидели Сахарков, Дрейфус, Тезоимеництский, Музыкант, Чеважевская, Кукушкинд, Борисохлебский и Лапидус-младший.*

1/2. Коллекция имен сотрудников "Геркулеса" приобретает различные оттенки на фоне предстоящей чистки. *Тезоименицкий* (явно от "тезоименитства государя императора") вряд ли является пролетарским элементом. *Кукушкинд* и *Борисохлебский* — каламбурные имена, основанные на созвучиях: первое — русского -ин (Кукушкин) с еврейским -инд (ср. аналогичную игру этими окончаниями в "Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкинд" [ДС 31]); второе — "хлеба" с семинарской фамилией "Борисоглебский". *Лапидус* — распространенная еврейская фамилия. В 20-е гг. были известны брошюры И.Лапидуса по политэкономии социализма. Чаще, однако, данное имя вызывало

ассоциации частнокоммерческого плана. До войны в Ялте был детский пляж доктора Лапидуса. "Требуйте чернила Лапидусзона", гласит рекламный плакат 1926. В фельетоне Ильфа "Как делается весна" приводится реклама "Встречайте весну в брюках И.А.Лапидуса", а в повести "Светлая личность" — фирма "Лапидус и Ганичкин". *Дрейфус* также упоминается в литературе 20-х гг. как владелец нэпманской фирмы. [Каверин, Перед зеркалом, стр. 44; Anikst, La pub en URSS dans les années 20, p. 75; Ильф и Петров, Собр. соч., т. 5, стр. 74; т. 1, стр. 441; Сельвинский, Пушторг, I.29.]

12. *Вы слышали новость?....Бухгалтер Берлага попал в сумасшедший дом.*

4. Сходные имена, которые могли повлиять на выбор имени бухгалтера в ЗТ: писец Бердяга в рассказе А.Аверченко, журналист Берлога (кстати говоря, тоже попадающий в психбольницу) в советской сатирической повести [Аверченко, Роскошн. жизнь, Ст 23.1912; Большие пожары, роман 25 писателей, Ог 09.01.27].

13. *Да, и родители не в порядке, и сам он, между нами говоря, имел аптеку.*

2/3b. Интонационно в этой фразе слышится легкий акцент, ср. "*Между нами говоря*, он любит, чтобы вокруг его имени был некоторый шум" [Шолом-Алейхем, За советом, Собр. соч., т. 5, стр. 222]. Содержательно здесь отражены типичные страхи 20-х гг, ср.: "И еще я вам должен сказать, мамаша, если они узнают, что у нас гастрономический магазин был, пребольшие неприятности получиться могут" [Н.Эрдман, Мандат, д. 1, явл. 4, стр. 20].

14. *Он мгновенно умножал и делил в уме большие трехзначные и четырехзначные числа.*

3с. Аналогичной способностью обладал Павел Иванович Чичиков: "'Семьдесят восемь....по тридцати копеек за душу, это будет...' здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: 'это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек!' Он был в арифметике силен" [Мертв. души, гл. 6]. У Чехова один из персонажей, человек сугубо деловой, "мог в одно мгновение помножить в уме 213 на 373 или перевести стерлинги на марки без помощи карандаша и табличек...." [Рассказ неизвестн. человека, гл. 3].

15. — *Последние телеграммы! Наши наступают! Слава богу! Много убитых и раненых! Слава богу!*

1. Эти выкрики газетчиков начала войны вспоминают и другие авторы, ср.: "— Последние телеграммы! Три тысячи пленных! Наши трофеи!" [Л.Кассиль, Кондуит, в Собр. соч. в 5 томах, т. 1, стр. 78].

16. *Он идет по улице — и вдруг у водосточного желоба, осыпанного цинковыми звездами, под самой стенкой находит вишневый, скрипящий как седло, кожаный бумажник.*

3. Фантазии о находимых на улице деньгах — мотив довольно известный . На нем основан, напр., рассказ А.И.Куприна "Миллионер". В драме Л.Андреева "Жизнь Человека" Жена Человека говорит: "Я на дорогу смотрела: не уронил ли кто-нибудь из богатых свой кошелек, но или его не роняли, или уже поднят кошелек кем-нибудь более счастливым, чем я" [карт. 2: Любовь и бедность]. Один из персонажей романа Л.Леонова "Вор" говорит: "Мне и во сне представляется....не находка саквояжа с биржевыми акциями в пустынном закоулке, как другим..." [Собр. соч. в 9 томах, т. 3, стр. 415]. Беспризорный Кирюша в повести И.Эренбурга "В Проточном переулке" "лежал тихонько и придумывал: бумажник на мостовой, гусь, повсюду огни горят...." [гл. 2, стр. 27]. Поднятый с тротуара бумажник и последствия этой находки — сюжет рассказа-притчи Тэффи "Вскрытые тайники" [в кн. Все о любви].

17. *Он понял, что может сделаться счастливым наследником незнакомых ему богачей. Он почуял, что по всей стране валяется сейчас великое множество беспризорного золота, драгоценностей, превосходной мебели, картин и ковров, шуб и сервизов. Надо только не упустить время и побыстрее схватить богатство* [и следующие два абзаца].

1/3b. Фигура грабителя-спекулянта, наживающегося на хаосе и анархии революционных лет, не раз отражена в советской литературе. Герой повести А.Н.Толстого "Похождения Невзорова, или Ибикус" (1924) после февральской революции почувствовал, что "тут-то и ловится счастье....голыми руками, за бесценок — бери любое. Не плошать, не дремать....Если взяться умеючи, — вагонами можно вывозить обстановки" [разграбленных усадеб и брошенных особняков]. Сходный персонаж — Иошка Арутюнов — выведен в романе Л.Никулина "Время, пространство, движение" (1933): "Сокрушительной силы катаклизм, землетрясение 1917 года, потрясло состояния [сахарозаводчиков и других богачей], и Иошке только оставалось подбирать падающие миллионы" [т. 2, стр. 21].

Он захватил большую квартиру.... — Как и Корейко, герой А.Толстого свои первые большие деньги добывает мародерством — разграбляет квартиру коммерсанта, убитого бандитами.

....и был немало удивлен, когда его арестовали. — Герой Л.Никулина неоднократно в ходе своей карьеры попадает в тюрьму: "миллионер, нищий, арестант — арестант, нищий, миллионер — круги Иошкиной жизни" [т. 2, стр. 20].

От мысли своей сделаться богачом он не отказался, но понял, что дело это требует скрытности, темноты и постепенности. — У Толстого охотник за деньгами также переходит от юношеских безумств к зрелости и серьезному бизнесу: "Теперь он уже не гнался за титулами, не швырял без счета денег на удовольствия. Россия — место гиблое, так указывал ему здравый смысл". Он ждет удобного момента, чтобы урвать крупную сумму денег и уехать в Европу.

Корейко — работник по снабжению продовольствием. — Крупные аферисты, служившие в гражданскую войну заготовщиками сырья, директорами по продовольствию, уполномоченными от синдикатов и проч., а ныне занимающие должности в банках и акционерных обществах, выведены в пьесе Б.Ромашова "Воздушный пирог" (1925): "Помните, Сергей Антипыч, как мы с вами спирт продавали в Проскурове? Было времечко... Есть что вспомнить... Помните, 'якими мы с вами дилами на Украине ворочалы'?" [д. 3, сц. 7, явл. 2].

Одним из наиболее удачных его дел было похищение маршрутного поезда с продовольствием, шедшего на Волгу. — Герой романа Л.Никулина крадет в 1916 четыре вагона медикаментов [Время, пространство, движение, т. 2, стр. 18]. В газете "Гудок" в мае 1925 сообщалось о суде над расхитителями железнодорожных грузов, укравших в 1922-23 целые вагоны сахара, табака, кожи и др. [Яновская, Почему Вы пишете смешно, стр. 77].

ГЛАВА 5

Подземное царство

1. *....молодецкая харя с севастопольскими полубаками.*

1. В ДС 8 говорится о "николаевских полубакенбардах" на лице Сашхен, супруги заведующего домом собеса. Видимо, идет речь о моде на укороченные, аккуратно выстриженные бакенбарды, которые можно видеть как на портретах Николая I, так и на фотографиях офицеров — защитников Севастополя (в частности, молодого Л.Н.Толстого). Офицерские полубаки ассоциируются с нагловатостью у Бунина [Нов. дорога, гл. 1].

2. *Слово "гражданин" начинало теснить привычное слово "товарищ"....*

1. Примета времени, отмечаемая многими в начале нэпа. "Слово 'товарищ' исчезло из обихода, его оставили для высших сфер и для парадных случаев. Бывшим 'товарищам' дали белый хлеб, но за это их разжаловали в 'граждан'. Нищенка на углу Столешникова переулка, оперируя, как вывеской, гнойным младенцем, вопила: 'гражданинчик, явите милость!...'" [Эренбург, Рвач, стр. 200, "Глава о фраках"]. "Если толкают, говорят: — Извиняюсь, гражданин. 'Товарищ', видимо, исчез из обращения. Но неужели с 'товариществом' исчезло и хамство?" [Шульгин, Три столицы, стр. 82]. *Горы разного товарищу / Гордо смотрят из витрин. / Вместо старого 'товарища' / Входит в моду 'господин'* [В.Лебедев-Кумач, Тоже "смена вех", Кр 1922; цит. по кн. Стыкалин, Кременская, Сов. сатирич. печать, стр. 379].

3. *Над городом стоял крик лихачей, и в большом доме Наркоминдела портной Журкевич день и ночь строчил фраки для отбывающих за границу советских дипломатов.*

1/3b. Оживление дипломатической и внешнеторговой деятельности в 1921-22 отражено в "Рваче" И.Эренбурга, где герои лихорадочно ищут назначений в заграничные полпредства и миссии. Там же читаем о возрождении фрака: "Фраки! Задумывались ли вы когда-нибудь, уважаемые читатели, соучастники грандиозной эпопеи,....над судьбой этих маскарадных вериг, над птичьим костюмом, обязательным для дипломатов и лакеев....? Они исчезли в семнадцатом году наравне с другими вещами, большими и малыми, с 'народолюбием' интеллигенции, с фельетонами 'Русского слова', с территориальным пафосом 'единой и неделимой'. Прошло четыре года, каких, читатели!...В один будничный день появился крохотный декретик, несколько строк под заголовком 'Действия и распоряжения правительства Р.С.Ф.С.Р.', и тотчас же чудодейственно из-под земли выскочили эти живые покойники, более долговечные, чем многие иные, большие и малые вещи....Они не превратились ни в пыльные тряпки, ни в вороньи пугала. Поджав осторожно свои фалды, они пересидели безумье и вдохновенье. Они появились в тот самый день, когда несколько строчек милостиво амнистировали их" [стр. 205-206, "Глава о фраках"].

Журкевич — портной Наркоминдела, обслуживавший видных советских дипломатов. "В его пальто Розенгольц оставил Англию; в его брюках Чичерин сидел напротив Ллойд-Джорджа" [из репортажа в Чу 05.1929, стр. 15].

О возродившихся в эти же годы лихачах рассказывает В.Катаев: "Иногда в метели с шорохом бубенцов и звоном валдайских колокольчиков проносились, покрикивая на прохожих, как бы восставшие из небытия дореволюционные лихачи....У подъезда казино тоже стояли лихачи, зазывая прохожих: — Пожа, пожа! А вот прокачу на резвой!....Их рысистые лошади, чудом уцелевшие от мобилизации гражданской войны, перебирали породистыми, точеными ножками и были покрыты гарусными синими сетками, с капором на голове, и скалились и косились на прохожих...." [Алмазн. мой венец, стр. 73].

4. *— А кой тебе годик? — Двенадцатый миновал, — ответил мальчик.*

3c. Переиначенная цитата из "Крестьянских детей" Некрасова: — *А кой тебе годик? — Шестой миновал.*

5. *Мы будем продавать открытки с видами строительства.*

1. История со строительством гидростанции в азиатской республике — отголосок "среднеазиатских панам", о которых много писали в

конце 20-х гг. Грандиозные проекты каналов и плотин, стоившие сотни тысяч рублей, часто завершались скандальными фиаско и судебными процессами. Вокруг стройки, как правило, развертывалась рекламная шумиха, карикатурным отражением которой является афера с открытками в ЗТ. Провал чаще всего объясняли вредительством "спецов", кампания против которых достигла апогея в 1928-30 (так наз. Шахтинское дело и процесс Промпартии). Характерно, что Ильф и Петров эту злободневную тему не затрагивают ни одним словом: неудача строительства у них представлена как дело рук суперафериста Корейко. [См. М.Браз, Больные места "спецства", НМ 08.1928, стр. 146-147, и др.].

3b. В журналистике и в литературе тех лет нередко обличаются хозяйственники, расходующие государственные средства на ненужные украшения и рекламу. М.Кольцов сообщает, что в Иваново-Вознесенске были затрачены десятки тысяч рублей на выпуск трехпудового парадного альбома. В "Растратчиках" В.Катаева недалекий председатель уисполкома покупает у жуликоватого распространителя брошюру по свиноводству на деньги, предназначенные для ремонта "мостив и шляхив" [Кольцов, В знак почтения (1926), в кн. Избр. произвед. в 3 томах, т. 1; Катаев, Растратчики, гл. 8].

6. *Александр Иванович....одним взглядом оценил живописность порфировых скал....*[Фотографы]....*спрятались под черные шали и долго щелкали затворами.*

3с. Реминисценции из Пушкина (*Под свод искусственный порфирных скал....*[В начале жизни школу помню я....] и "Черная шаль").

7. *И долго еще после этого достопамятного вечера в ущелье под открытым небом шли показательные процессы.*

3ас. Фраза построена по схеме, восходящей, среди прочего, к Гоголю: "И долго еще пьяный Каленик шатался по уснувшим улицам...." [Майск. ночь]; "И долго потом, среди самых веселых минут...." [Шинель; ср. примечание 16 к ЗТ 13]. Ильф и Петров употребляют этот штамп не раз, ср.: "И долго еще сидели они в траве, чихая и отряхиваясь" [ЗТ 7]; "И долго еще странный человек не вставал с земли, всматриваясь в темноту" [ЗТ 36].

8. *Под нажимом государственного пресса трещит финансовая база и Лейбедева, и Пьятницы, и владельцев музыкальной лжеартели "Там бубна звон".*

2. Лейбедев, Пьятница — каламбурные фамилии евреев-нэпманов. "Там бубна звон" — слова из романса "Все сметено могучим ураганом" [см. примечание 6 к ДС 34].

9. *Он вынул из стола заранее очищенную сырую репку и, чинно глядя вперед себя, съел ее.*

4. Эта черта Корейко взята у гудковского редактора И.С.Овчинникова, который, "завтракая излюбленной своей репой или морковью, напрасно пытался унять своих подопечных" [А.Эрлих, Начало пути, в кн. Воспоминания об Ильфе и Петрове, стр. 128]. "Работники четвертой полосы — Овчинников со своей репкой", — вспоминает Е.Петров, удивляясь, как "скучный Овчинников" уживался со своими веселыми молодыми сотрудниками [Мой друг Ильф, стр. 63].

ГЛАВА 6

"Антилопа-Гну"

1. *Все в Автодор!*

1. Автодор (Общество содействия развитию автомобильного транспорта, тракторного и дорожного дела) существовал в 1927-35. Организовывал агиткампании и работы по улучшению и прокладке дорог, проводил лотереи и диспуты ("Автомобиль или телега?"), устраивал авто- и мотопробеги. Его имя было одним из синонимов современности и прогресса. По словам М.Кольцова, в Советской стране каждый ребенок "знает, что такое режим экономии, Чемберлен, ячейка, октябрины, пинг-понг, учком, Шанхай, викторина, Автодор, культшефство, баскетбол". Средства информации активно призывают население помогать Автодору и вступать в его ряды. В честь Автодора слагаются стихи и песни. Демьян Бедный, напр., рисует согнувшегося в три погибели мужика в лаптях, мимо которого проносится *стосильно-моторный / автомобиль автодорный* с хорошенькой комсомолкой за рулем. Поэт бросает деревне лихой клич: *Ех вы села, деревушки, / Избы черные, / Запузырю вам частушки / Автодорные!* Маяковский, соблазняя читателя картинами автомобильной цивилизации, агитирует за участие в *лотерее Автодоровой*. Н.Асеев славит "автомобильного мессию" упругими строфами: *Пусть там, где лишь филин ухал / во мгле трясины, / шуршит хорошо и сухо / прокат резины. // Пусть каждому станет дорог, / как голос близкий, / гудок и знакомый шорох / сквозь пыль и брызги. // Чтоб нам бы не тише ехать / вдаль, без задора, / пусть всюду звучит, как эхо, / зов Автодора!* [Кольцов, Сановник с бородой, в кн. Избр. про-

извед.в 3 томах, т. 1; Пр 05.04.29; Маяковский, Рассказ одного об одной мечте, Полн. собр. соч., т. 9; Асеев, Дорога, МГ 02.1929.]

2. ***Железный конь идет на смену крестьянской лошадке.***

2. 'Стальной конь' (автомобиль, трактор, поезд...) vs. 'крестьянская лошадь' — одно из наиболее затертых противопоставлений в агитпропе и журналистике 20-х гг. Существововало в двух версиях: "синтагматической" (физическая конфронтация стального коня и лошади) и "парадигматической" (стальной конь исторически сменяет лошадь, как в данном случае, или мысленно сравнивается с нею). Известный пример, иллюстрирующий сразу оба варианта, — стихи о рыжем жеребенке, скачущем вслед за поездом, в поэме С.Есенина "Сорокоуст": *Милый, милый, смешной дуралей, / Ну куда он, куда он гонится? / Неужель он не знает, что живых коней / Победила стальная конница?* (1920).

Мотив этот так же стар, как и современные средства передвижения: обе версии его мы находим в стихотворении Г.Гейне "Лошадь и осел" (1853).

В статьях и очерках 20-х гг. встречаются примеры как первого, так и второго типа. Конфронтация коня и трактора представлена, напр. у А.Гарри: "Останавливаются, как вкопанные, пугливые деревенские лошаденки. Они расширенными от ужаса глазами всматриваются в надвигающееся им навстречу невиданное чудовище и вдруг со всех ног кидаются в канаву". Имеется ее среднеазиатская, "турксибская" разновидность, где роль лошади отдается верблюду, глядящему на поезд, обнюхивающему рельсы и т. п.

Смена лошади стальным конем — также мотив, на все лады перепеваемый средствами информации: "Ленинский завет — пересесть с убогой крестьянской клячи на лошадь машинной индустрии — осуществляется". "Вы помните толстовского Холстомера? Его вытесняет Форд". Сравнение живого и стального коня, отдающее предпочтение второму: "Вы восхищаетесь Холстомером — меня не меньше восхищает Фордзон, великолепное создание ума и рук человека. Он в один день вспахивает поле, на котором целую неделю топтались бы, обливаясь поэтическим потом, эти ваши милые брюхатые лошаденки старой России! Я нахожу такую же волнующую прелесть в шуме мотора, какую вы испытываете, слушая, как ржет жеребенок в ночном".

Метафора "стальной конь" повторяется в бесчисленных стихах, песнях, агитброшюрах, плакатах, фильмах, фигурирует в названиях колхозов и совхозов.

[Гарри, Дорогу автомобилю, в кн. Паника на Олимпе, стр. 100; кадры из фильма "Турксиб", КН 32.1929; "Ленинский завет...." — заголовок к подборке фотографий о Сталинградск. тракторн. заводе,

Пж 18.1930; "Вы помните...." — Зорич, Русск. душа, в кн. Рассказы, стр. 69; "Вы восхищаетесь...." — там же, стр. 73; Лев Тандит, Бег стальных коней, Госиздат 1929; Дан.Фибих, Стальная. лихорадка, НМ 07.1930, и мн. др.]

3. *Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения.*

1. Вопрос о том, что такое автомобиль — роскошь или предмет первой необходимости, — дебатировался еще до революции: "Автомобиль все еще составляет до известной степени предмет роскоши", — пишет инженер И.Юровский в "Ниве" [Предшественники современн. автомобиля, Ни 10.1912]. Вполне естественно, что вопрос этот всплыл и в советскую эпоху. Ряд критиков утверждал, что автомобиль — буржуазный экипаж, ненужный трудовому народу. Один из активных пропагандистов автодела Н.Осинский отвергает это как предрассудок и заявляет: "Наша задача — за десять-пятнадцать лет посадить на автомашину каждого рабочего и крестьянина СССР". Критикуя крестьянство, которое "боится большого налога на автомобиль как на роскошь", он выдвигает лозунг "автомобиль для всех" [Осинский, Автомобилизация СССР, стр. 17, 23, 50]. Эти идеи разделяет А.Гарри: "Автомобиль в нашей стране становится предметом широкого потребления, острейшая потребность в нем ощущается так же сильно, как, например, потребность в обуви, в готовых костюмах, в пуговицах, ложках или подтяжках" [Паника на Олимпе, стр. 94].

2. Что касается лозунга "Автомобиль не роскошь, а средство передвижения", то его языковым фоном послужила, видимо, реклама парикмахерских: "Одеколон — не роскошь, а гигиена", имевшая широкое распространение в 20-е гг. В одном из рассказов об эпохе нэпа приводится вывеска: "Культурная парикмахерская. Употребляйте одэколонь. Одэколонь не роскочь, а гигиена"" [Н.Е.Русский, Янтарн. ожерелье, Возрождение, 53.1956, стр. 60]. В фельетоне Ильфа и Петрова "Пытка роскошью" (1932) говорится о подмосковной парикмахерской, на которой висит "обыкновенный клич: 'Одеколон — не роскошь, а гигиеническое средство'" [Собр. соч., т. 3, стр. 156]. Применение этой парикмахерской формулы к автомобилю уже наметилось в разговорном юморе эпохи ЗТ. "'Автомобиль — не роскошь, а гигиена', — говорил нам чебоксарский парикмахер" [Л.Кассиль, Розыгрыш скоростей, КН 17.1930]. В задорно-шутливом контексте, с вероятной ориентацией на одеколонную рекламу, звучит этот штамп в речи энтузиаста автодела: "Автомобиль в реконструктивный период не роскошь, а необходимость" [К.Клосс, Школа шоферов, ТД 04.1930].

4. *Они* [газеты] *довольно часто сеют разумное, доброе, вечное.*

3с. Из стихотворения Некрасова "Сеятелям": *Сейте разумное, доброе, вечное! / Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ....* Строки эти стали одним из наиболее затертых штампов в среде либеральной интеллигенции. "Сколько слов о добром и вечном сыпалось вокруг меня; сеялись семена; я был ими засыпан", — вспоминает А.Белый [На рубеже двух столетий, стр. 10]. Традиция иронического применения этого клише восходит к сатириконовцам, пародировавшим его неоднократно [см., напр., Аверченко, Стихийн. натура, Ст 08.1913].

5. *Остап....прочел экипажу "Антилопы" заметку об автомобильном пробеге Москва — Харьков — Москва.*

1. Автомобильные пробеги были заметным и популярным событием уже до революции: в 10-е гг. они носили спортивный и военизированный характер и проводились силами армейских офицеров, иногда под эгидой двора, как, напр., пробег Петербург — Ковна — Гродна — Минск — Москва — Петербург, с высочайшим смотром в Петергофе [см. Ни 26.1912].

В 20-е гг. мода на автопробеги возобновилась, отражая огромный интерес советской общественности к современным средствам передвижения. Главной целью советских автопробегов было испытание импортных машин на отечественных дорогах. Кроме этого, пробег играл агитационную роль: его участники организовывали митинги и встречи с населением, пропагандируя Автодор и борьбу за улучшение дорог. Летом 1929 пресса сообщает о ряде автопробегов: Москва — Нижний Новгород (22 автомобиля и 15 мотоциклов), Москва — Сергиев — Москва (5 автомобилей, 1 мотоцикл), Москва — Тула — Воронеж — Харьков — Курск — Орел — Москва (4 автомашины) и др.

В.Шкловский в очерке "Проселок" (1928) описывает автопробег, сходный с изображенным в ЗТ как по маршруту (Москва — Харьков — Ростов), так и по сопутствующим обстоятельствам. Приведем некоторые детали из него, выделяя курсивом моменты, имеющие соответствие в ЗТ. В пробеге участвуют машины *"паккард"*, "агеа", "адлер", "аде", "рено", "пирс-арроу", "мерседес", "линкольн", *"фиат"*, "татра" и др. (в ЗТ — два "паккарда", два "фиата" и один "студебеккер", т.е. речь идет о мероприятии гораздо более скромных размеров). Путь автомобилистов пролегает через сильно пересеченную местность: *ухабы, колдобины, моря грязи, пыль,* отсутствие дорожных знаков, перегруженность машин приводят к тому, что многие из них сбиваются с пути, *ломаются и отстают.* Отставшим стоит больших трудов найти и нагнать свою колонну, ибо: "Дорога рассучена и растрепана, как шерстяная нить. Здесь нет дороги, а есть одно только направление. Дорогу ищет себе каждый

сам....Едем по следу, оставленному автомобилями, по мягкой степной дороге. Временами казалось, что сбились, но труп большой черной с белыми пятнами собаки нас обрадовал. Значит, здесь проезжали наши". Участников автопробега *с энтузиазмом встречают местные жители*: "В городе [Чугуеве] нас приветствовали целая расставленная шпалерами дивизия и население, бросавшее в нас цветы и свертки с орехами....[В Славянске] густые шпалеры народа нас приветствуют. Желтые от солнца, серые от пыли стоят ряды *детей*. Их сотни и тысячи, они приветствуют нас дружными дробными аплодисментами. Нам бросают цветы, цветы. В цветах записки. Тут и приветствия от женщин с подробными адресами писавших, и обстоятельные послания организованных кустарей с *изложением значения автомобилизма*, и краткие указания — не давите кур, и запросы пионеров — что делают пионеры в Москве. Смеемся в пыли и радости. На углу стоят люди с дынями и бросают аккуратно по дыне в машину. Бросают ветки слив....[Штеровка:] *Ворота с надписью на всех языках 'Добро пожаловать'*. И все *увито* дубовыми листьями [в ЗТ: хвойными гирляндами]. И сразу за воротами работницы приветствуют нас аплодисментами".

В отличие от романа, где сценой действия служат сравнительно захолустные местечки, маршрут реального автопробега проходит через крупные индустриальные центры: "Трубы на горизонте. Считаю — их тридцать.... Это — Славянск. Пахнет химией, пылью и промышленностью....К раннему вечеру видим трубы Артемовска. Машины строятся вокруг огромного бетонного памятника т. Артему в ложно кубическом духе....Штеровка — это почти построенная станция для электрификации Донбасса". О лозунгах, митингах и речах очеркист ничего не говорит, но зато упоминает *обеды* и прочее гостеприимство: "Под Изюмом нагоняем свою колонну, она здесь обедала....Идем ночевать в общежитие металлистов....Пили чай в Нарпите....Обед нам изготовлен на верхнем этаже станции".

Назойливый интерес местных энтузиастов к маркам машин и к участникам пробега, юмористически представленный в романе, отмечен и в очерке: "Инерция навыков у людей такова, что с нас кто-то решил снять анкету: *какой марки машины*, сколько сил, *кто водители, кто механик*, где строилась машина. Анкета сия испортила впечатление от Штеровки". В целом "результаты пробега значительны", хотя "дорога всем далась тяжело" [Гамбургск. счет, стр. 185-192].

5. При сравнении ЗТ 6-7 с репортажем Шкловского видно, что при прочих равных условиях Ильф и Петров придали среде, через которую пролегает путь героев, колорит провинциальной ограниченности и серости: это просто еще одни Васюки. Массовый энтузиазм представлен

и там и здесь, но в романе он лишен романтики, дан в оглупленном варианте. Идеальные мерки эпохи, как это обычно бывает у Ильфа и Петрова, обозначены неким условным пунктиром на горизонте ("Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями"), в то время как вся реально наблюдаемая сторона пробега являет собой пародию на глупость массовых агиткампаний.

6. *По случаю наступления темноты объявляю вечер открытым.*

2. Бюрократическая формула: объявлять заседание (митинг и т. п.) открытым или закрытым "по случаю" того-то.

7. *Покуда путешественники боролись с огненным столбом....*

2. Из Ветхого Завета: "Господь же шел перед ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью" [Исход 13.21].

8. [Из саквояжа] *появлялись все новые предметы....Затем на свет были извлечены: азбука для глухонемых, благотворительные открытки, эмалевые нагрудные знаки и афиша с портретом самого Бендера в шальварах и в чалме.*

3с. Параллель к этой сцене ЗТ может быть усмотрена в "Лавке древностей" Диккенса, где миссис Джарли — хозяйка странствующего паноптикума — развертывает перед путешествующими Нелл и ее дедом множество афиш и плакатов, рекламирующих чудеса паноптикума: "Сто восковых фигур в натуральную величину", "Джарли — радость аристократии и дворянства" и т. п. [гл. 27].

9. *ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ....*

1. Формулой "Приехал жрец" начинались афиши провинциальных шарлатанов. В альбоме К.И.Чуковского сохранилось длинное объявление, снятое со стены в Киеве в 1923: "Приехал Жрец Северо-Американской Индийской Знаменитости Ясновидящий Оккультист Психолог, Великий поэт мышлитель телепатии и ясновидения....Указатель судьбы, отгадчик чужих мыслей и как зовут сколько лет....Предсказываю прошедшее настоящее и будущее....Астральные и зеркальные сеансы" и т. п. [Чукоккала, стр. 302]. На юмористической странице "Огонька" цитируется афиша о прибытии в Тагил "африканского жреца, разоблачителя чудес и суеверий, Али-Шапиро" [Ог 10.04.30].

Сеансы иллюзионистов, оккультистов и пророков пользовались в 20-е гг. немалой популярностью: публика искала в них спасения от удручающей прозы и скудости повседневной жизни, от страха и неуверенности в завтрашнем дне. По свидетельству современника, эстраду заполняла тогда "целая армия всевозможных факиров, гипнотизеров, заклинателей змей, магов и волшебников, мастеров на все руки". В мемуаристике упоминаются такие персонажи, как "тореадор и маг Сте-

пан Пикфордини, король черной магии Пил-Сант, знаменитая чревовещательница Агис-Ада, малолетняя танцовщица Мани", а также "Человек без крови. Ходит по всему. Ученик известного факира Али-Иван Иванович Галкин" [Нежный, Былое перед глазами, стр. 276-278]. Очеркист рассказывает о приезде в г. Сергиев Посад "отгадчицы тайн Жанны Дюкло", которая три вечера подряд собирала полный зал и получила 2 тыс. записок. "Саморазоблачение Жанны Дюкло, на котором она показала, как водила за нос в течение трех вечеров сергиевскую публику, было встречено с возмущением. Кричали: 'паразит', 'шулер', 'большевичка'... Было больно вернуться от чудесной гадалки к прозаической действительности" [Аграновский, От Столбцов до Бухары, стр. 184; видимо, о ней же фельетон М.Булгакова "Мадмазель Жанна" (1925) в кн. Ранн. несобранн. проза, стр. 73-75]. К этой же традиции магов и гипнотизеров 20-х гг. принадлежит булгаковский Воланд в своем московском воплощении.

10. *....сын Крепыша....*

1. Крепыш — знаменитая до революции беговая лошадь, орловский рысак.

11. *Любимец Рабиндраната Тагора.*

1. Тагор (1861-1941) — индийский поэт, писатель и философ. Был широко известен в России еще до революции: "Рабиндранат Тагор владел умами" [в 1914; Паустовский, Беспокойн. юность, стр. 294]. Приехав в СССР осенью 1930, был одним из "героев дня"; изображен под именем "великого индусского философа и поэта" в ЗТ 33.

12. *— Влево по борту деревня! — крикнул Балаганов, полочкой приставив ладонь ко лбу.*

5. Одно из проявлений 'морской' темы в образе Балаганова; ср. его "штаны с матросским клапаном" [ЗТ 1], сравнение с молодым боцманом, пение морской песни, ироническую кличку "адмирал Балаганов" и сходство с "уволенным за пьянство матросом торгового флота" [ЗТ 7], "плевок, длинный как торпеда" [ЗТ 18], матросский костюмчик [ЗТ 25]. Три спутника Бендера имеют мифосимволические коннотации, соответствующие первоэлементам природы: Паниковский ползает по земле [см. примечание 27 к ЗТ 1], Козлевич устремлен в небо, Балаганов напоминает о море.

Характерно, что персонажи 'всемогущие', 'демонические', 'универсальные', 'повелевающие', как Бендер, могут быть окружены спутниками, в том или ином плане репрезентирующими человечество и космос; ср. Хулио Хуренито И.Эренбурга с его интернациональной компанией учеников. Более отдаленная параллель — шекспировский Про-

сперо, которому прислуживают существа, связанные с воздухом [Ариэль] и с землей [Калибан]).

13. *Деревня встретила головную машину приветливо. Но обычное гостеприимство здесь носило довольно странный характер. Видимо, деревенская общественность была извещена о том, что кто-то проедет, но кто проедет и с какой целью — не знала. Поэтому на всякий случай были извлечены все изречения и девизы, изготовленные за последние несколько лет.*

1. Политическая неграмотность села, равнодушие крестьян к "актуальным проблемам", незнакомство их с фигурами партийных и советских деятелей — предмет многих более или менее юмористических сетований в 20-е гг. По сообщениям газет, крестьяне переделывают иконы в портреты вождей [Из 28.08.29]. "Бесчисленные деревни носят ныне имена Карла Маркса, Либкнехта и Розы Люксембург", — пишет иностранный журналист, — "но, по словам [Л.С.] Сосновского, главного редактора сельской газеты ‘Беднота’, деревенские жители не в состоянии объяснить значение букв ‘С.С.С.Р.’, и многие путают контрреволюционеров вроде генерала Деникина с президентом федеративной республики товарищем Калининым. Многие не знают имен Воровского, Зиновьева, Сталина, а названия вроде ‘Совнарком’ или ‘ВЦИК’ для них китайская грамота" [Chessin, La nuit qui vient de l'Orient, p.77].

14. *"Привет Лиге Времени и ее основателю, дорогому товарищу Керженцеву".*

1. Лига Времени, или лига "Время" — одно из недолговечных грандиозных начинаний послереволюционной эпохи. Основана была в 1923 по инициативе видного общественного деятеля, старого большевика П.М.Керженцева (1881-1940). Целью ЛВ была научная организация труда и досуга, агитация за "коммунистический американизм" в России. Борьба за время, за его экономию, правильный учет и распределение стала одной из больших массовых кампаний 1923-25. Лига "Время" имела многочисленные ячейки в Москве, Петрограде, на Украине, Кавказе, на Дальнем Востоке, во всех значительных городах и фабрично-заводских центрах.

Лозунгами ЛВ были Время, Система, Энергия; члены лиги ("эльвисты") мобилизовали общественное мнение против опозданий, затяжных перекуров, заседаний и других форм растраты времени. Виновных в этих растратах предлагалось штрафовать, а на собранные таким путем деньги строить самолеты "Время". Теоретики ЛВ разработали немало проектов личного бюджета времени, они предлагали ввести учетные карточки персонального времени и призывали трудящихся к "тэйлоризму" в потреблении, еде, сне, повседневной жизни. Их объемистые

сочинения, густо набитые диаграммами, вычислениями и таблицами, пересыпанные лозунгами, являют собой яркий пример назойливой, неудобоваримой и мертворожденной схоластики под квази-революционной личиной. Агитационная деятельность ЛВ включала публичные лекции, кинофильмы, спектакли передвижных театров, выпуск особых жетонов "Время", конкурсы на "организованного человека", распространение брошюр и плакатов, пропаганду часов и проч.

Лига "Время" возглавлялась президиумом, почетными председателями которого значились Ленин и Троцкий, а членами — Керженцев, А.К.Гастев, В.Э.Мейерхольд, Е.А.Преображенский и др. Печатный орган эльвистов — журнал "Время" (изд-во "Красная новь", 1923-25).

Е.Петров вспоминает: "[В 1923] я еду переводиться в Московский уголовный розыск....В поезде слышу разговоры о лиге ‘Время’ и о сменовеховцах. Но что это такое — не знаю" [Мой друг Ильф, стр. 61]. Громкая кампания за сбережение времени, развернутая лигой, довольно быстро выдохлась, и в 1930, когда происходит действие ЗТ, была уже архаизмом. П.М.Керженцев к этому времени давно переключился на другую деятельность (в 1925-26 полпред в Италии, в 1928-30 зам. заведующего агитпропом ЦК).

2. О неологическом выражении "дорогой товарищ" см. примечание 6 к ДС 2.

3b. "Он был, понятно, одним из первых членов ‘Лиги времени’, с фанатической верой тратя немало времени на пропаганду экономии времени", — пишет И.Эренбург об одном из своих героев, беззаветно преданном делу скучноватом большевике Артеме Лыкове [Рвач, стр. 181, глава "Новый человек и бывшие люди"].

15. *"Чтоб дети наши не угасли, пожалуйста, организуйте ясли"*

1. Организация яслей — важная часть "охматмлада" (охраны материнства и младенчества), которой в 20-е гг. уделялось много внимания. Образцовые ясли демонстрировались иностранцам и фигурировали на видном месте в фоторекламах СССР. Устройство яслей в деревнях часто наталкивалось на сопротивление матерей [см. Третьяков, Месяц в деревне, стр. 16-17].

3b. В одной комедии 20-х гг. комсомольцы сочиняют агитплакат: "Чтоб надежды на новый быт не погасли, заводи общественные прачечные и ясли" [Масс, Типот, Настоящ. любовь, стр. 3].

16. *Кроме того, было множество плакатов, исполненных преимущественно церковнославянским шрифтом, с одним и тем же приветствием: "Добро пожаловать!"*

2. Церковнославянский шрифт — преувеличение, намекающее на расцвет витиеватых орнаментальных шрифтов в советской массовой

графике и дизайне 20-х гг. Одним из наиболее известных был шрифт, которым и поныне набираются заголовки "Правды" и "Известий", а также надписи и афиши Московского Художественного театра. Он восходит к русскому стилю модерн (Art nouveau) начала века. Им и его вариациями исполнялись в эпоху нэпа бесчисленные рекламы, плакаты, лозунги, афиши, вывески, заголовки книг и брошюр. Употреблялись и шрифты, стилизованные под собственно славянское письмо [см., напр., рекламу папирос "Банкнот" 1925 г., в кн. Anikst, La pub en URSS dans les années 20, p. 84] — отзвуки оформительского стиля дореволюционных лет, когда славянская вязь широко применялась в рамках модной тогда "псевдорусской" эстетики.

17. *Клептунов с вами?....А профессор Песочников? На "паккарде?" ....А писательница Вера Круц?....*и т. д.

1/3. Эти расспросы энтузиастов автодела напоминают вопросы дореволюционных болельщиков на сеансах борьбы, передаваемые В.Катаевым: "— А где сейчас находится Лурих Первый? — спрашивал кто-нибудь, свесившись с перил галерки....Дядя Ваня, почему в чемпионате не участвует Сальватор Бамбула?...." [Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 21-22]. — Имя писательницы, будучи вероятным намеком на В.Инбер, в то же время отзывается Майн Ридом, в чьих романах встречается условный сигнал "Вера Круц" [данное место у Майн Рида нам найти не удалось; упомянуто в: Г.Месняев, Семигорье. Возрождение, тетр. 52].

18. *— Кто такой Студебеккер?....Чего вы прилипли к человеку? Русским языком ему говорят, что "студебеккер" в последний момент заменен "лорен-дитрихом", а он морочит голову!...."Студебеккера" ему подавай!*

2. Ср. почти те же слова у персонажей Шолом-Алейхема: "Она мне голову заморочила"; "Какой-то Финкелькраут ему понадобился! Поймал чужого человека и морочит ему голову!" [Собр. соч., т. 6, стр. 24; т. 5, стр. 326].

19. *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству.*

1/2. Призыв "ударить" (чем-либо по чему-либо) типичен для лозунгов и газетных заголовков эпохи. Требовали "ударить книгой по водке", "постройкой новых школ ударить по обману церкви" и т. п. Объектом удара должны были стать нерадивые работники, внутренние враги, оппозиционеры: "Ударим по обломовщине", "Ударим по бесхозяйственности", "Ударить по кулаку и его агентуре", "Крепче ударим по правым делам", "Проводя генеральную чистку, смело развертывая самокритику, партия крепко ударит по оппортунистам" и проч. [Пр, Из, Пж 1928-30.]

Бездорожье — одно из препятствий к развитию автомобилизма в 20-е гг. По данным печати, из 3 млн. км российских дорог лишь 30 тысяч км были мощеными, да и их качество оставляло желать лучшего. Один из пропагандистов автодела А.Гарри так характеризует отечественные дороги: "В Америке на крупных автозаводах имеются специальные опытные участки дороги, покрытые ухабами, пересеченные лужами и канавами. На этих искусственных плохих дорогах автомобили испытываются на прочность. Большая часть наших проселочных дорог и значительная часть наших шоссе мало чем отличаются от тех опытных отрезков дороги, которые с научной целью портят американцы". В очерках и репортажах на дорожную тему рисуются страшные картины. Крупные города центральной России — Саратов, Тамбов, Козлов, Пенза, Рязань — много месяцев в году разделены океанами грязи; грязь царит и в самих городах, делая поездку по их улицам рискованным предприятием. В некоторых городах застрявшие машины вытаскивают лошадьми; в других вслед за приезжими автомобилистами пускают трактор и подъемный кран. Неровности почвы, воспетые русскими поэтами прошлого века, тоже приносили немало хлопот пионерам автодела. В.Шкловский пишет о "русских ухабах, умеющих оторвать хвост в две-три машины от всякого автомобильного поезда". Одной из главных задач Автодора была работа по улучшению дорог. [Н.Беляев, Накануне автомобильн. эпохи, Ог 25.08.29; Гарри, Дорогу автомобилю, в кн. Паника на Олимпе, стр. 96; его же, О хорошем и плохом, КН 05.1929; Шкловский, Гамбургск. счет, стр. 187.]

Разгильдяйство и борьба с ним — тема бесчисленных статей, лозунгов и массовых кампаний: "Возмутительное разгильдяйство", "Разгильдяям и вредителям не место на производстве" и проч. Художник К.Елисеев заявляет, что объектами его карикатур служат "головотяпы, совдураки, разгильдяи, хулиганы и иная обывательская тля" [Пр 05.02.29; НМ 01.1930, стр. 181; КН 19.1929 и др.].

20. *Черноморск, основанный в 1794 году.*

1. 1794 — дата основания Одессы, год, когда на месте татарского поселения Хаджибей начала строиться морская гавань. В следущем году город получил нынешнее название.

21. *Навстречу им из гудящего леса выходил Соловей-разбойник, грубый мужчина в каракулевой шапке.*

3. Соловей-разбойник — персонаж былин, чудовище, враждебное людям. Имеет отчасти человеческий, отчасти зооморфный облик, напоминая гигантскую птицу (летает, живет на деревьях — на "тридевяти дубах"). Разбойником в прямом смысле С. не является: он никого не грабит, а лишь сторожит лесную заставу на прямой дороге в Киев,

отпугивая путешественников ужасным свистом, от которого дрожит земля и валятся деревья. Илья Муромец подстрелил С. из лука и привез его пленным в Киев. Описывая С. в виде "грубого мужчины в каракулевой шапке", промышляющего грабежом, Ильф и Петров модернизируют его образ, следуя в этом уже наметившейся традиции. В тогдашней юмористике это чудовище предстает как разбойник в обыкновенном смысле, с топором и обрезом [ср., напр., карикатуру в Кр 06.1928, где черты такого С.-р. приданы советскому бюрократу].

ГЛАВА 7

Сладкое бремя славы

1. *Будь на месте Остапа какой-нибудь крестьянский писатель-середнячок из группы "Стальное вымя", не удержался бы он, вышел бы из машины, сел бы в траву и тут же на месте начал бы писать на листах походного блокнота новую повесть, начинающуюся словами: "Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился..."*

3. Пародия на литературу из крестьянской жизни, злоупотребляющую псевдонародным стилем, областными словами и той сермяжной проникновенностью, напевно-сказовой задушевностью, которую многие писатели считали необходимой принадлежностью деревенской темы. Черты, представленные здесь в сгущенном виде, более или менее широко рассеяны по "крестьянской прозе" 20-х гг. Ср., напр.: "Июнь-растун сделал свое дело. Поклонилась горизонту колосом налившая рожь, посерели широкоперые овсы,....и над полями уныло затрюкали молодые перепела. Рожь идет, пары полны черной тоской по золоту семян" [Вас.Ряховский, Золотое дно, ЛГ 29.07.29].

Выдержанные в подобной манере картины природы особенно типичны для зачинов — вступительных строк произведения, главы или раздела. Мы узнаем черты этого стиля в зачинах Ф.Панферова: "Из-за Шихан-горы трехлетним карапузом выкатилось *солнышко*, улыбнулось полям, лесам, длинными лучистыми пальцами заерошило в соломенных крышах...." [Бруски, I.8.3] или в "Большой Каменке" А.Дорогойченко,

превозносившейся тогдашней критикой как "'Цемент' крестьянской литературы". Начало этой книги настораживает в смысле возможной прямой связи с ЗТ:

"Эх, отдых на пахоте!
Эх ты, весеннее *солнышко!*
Бухнул Санек на землю вверх-брюшкой: пахал целый уповод.
Глянул — опрокинулась неба голубая громадина...." [стр.7].

Ср. там же пассажи вроде: "....Митрич храбрится: промолчи — еще пуще старуха расквокшится....Разболокся Митрич, на печку лезет" [стр. 13, 15]; "До утра проглядел на звезды — ан их плавный мигливый хоровод; до утра шуршало под Саньком свежее, духмяное сено" [стр. 302]; "Косит провалившейся глазницей на Митрича, все угукает да агакает" [стр. 214]; "Слушай, Митрич, как пилы с высокой запевкой повизгивают, с жалобой ржавой поскуливают....Колгота!" [стр. 254-255].

Отрывок о старике Ромуальдыче напоминает и те идиллические пассажи советской литературы, пример которых мы находим в очерке М.Кольцова "В дороге" (1926). Автор описывает усталого путника, который доставляет себе "маленькую дорожную радость" переобувания: "Домовито *усядется* путник на кочку [как писатель-середнячок в ДС!], снимет лапти,....развернет, растянет и хорошенько вытряхнет *портянки*" и т. п. [в кн. Сотворение мира].

У некоторых литераторов псевдонародный стиль приобретал крайние формы. В одном фельетоне Г.Рыклина цитируется повесть писателя Венгерова из газеты "Грозненский рабочий": "Он, Евмен Колупайлов, турзучий братишка, некогда в разметанные дни, туго, как чахлый гриб, заглатывал жизнь. Рожнился первый путь игривым риском....Евмен мотал обширкой глаз, грыз ледяной накат ошибок до одури, с нутрявой болью грузил видимым мерилом встрепанный мир" [Г.Рыклин, Турзучие братишки, ТД 09.1927, стр. 68].

Не следует, впрочем, искать сколько-нибудь точных соответствий между юмореской Ильфа и Петрова и какими-либо конкретными произведениями современной литературы. Авторы ЗТ пародируют универсальные черты, присущие псевдонародной манере: склонность к восторженно-задушевному тону, в особенности при описании природного цикла, к былинной певучести, к архаизмам, диалектизмам и сусальному просторечию. Этот стиль, равно как и пародийные отклики на него, существовал в литературе давно. Ср., напр., рассказ Тэффи, где он служит одной из масок эстетствующего интеллигента: "— Эх-ма! Хороша ты, мать сыра земля!....А что, Пахомыч, уродил нынче Бог овсеца хорошего,

ась?.. Правда, аль нет, Пахомыч? Ась? Прости, коли что неладно сгрубил" и т. п. [Без стиля, в кн. Карусель, стр. 89]. В памяти читателей ЗТ, несомненно, еще были свежи пародии на А.Ремизова, составлявшие заметную струю дореволюционной юмористики: "Плясавица под забором куевдилась: жиганила, в углу подъелдонивала. Привереды по промоинам трепыхала. Слам тырбанила. Кувыки каверзила....Селифоныч отчугунил за уголовщину" и т. п. [Е.Девьер, в кн. Бегак и др., Русск. литературн. пародия, стр. 179] или "А в лесу волк сипит, хорхает, хрякает, жутко, жумно, инда сердце козлячье жахкает....Хрякнул волк, хрипнул, мордой в брюхо козлятье вхлюпнулся...." [Парнасс дыбом, стр. 48]. Как всегда, Ильф и Петров дают мотив, опирающийся одновременно на несколько традиций, совмещающий новые штампы со старыми. Что же касается реальной крестьянской прозы 20-х гг., то она в целом далеко не обладала той густотой стиля, какой отмечен опус писателя-середнячка из группы "Стальное вымя" и ориентировалась скорее на привычное реалистическо-психологическое повествование, лишь кое-где орнаментируя его сказовым элементом.

3а. Еще один образец пародии этого типа — в фельетоне Ильфа и Петрова "Директивный бантик" (1934): "Крестьянину в такой штуке [автотелеге] будет вольготнее. Скукожится он в ней, хряснет по мотору и захардыбачит себе по буеракам. Захрюндится машина, ахнет, пукнет и пойдет помаленьку, все равно спешить некуда" [Собр. соч., т. 3, стр. 280].

3с. Помимо "сермяжного" направления крестьянской литературы, данное место ЗТ воспроизводит также определенные жанровые черты классического романа — в частности, те авторские отступления (обычно располагающиеся как раз в начале глав), где писатель отмежевывается от некоего типового литератора и пародирует стиль, в котором тот стал бы разрабатывать сходную тему. Этим введением воображаемого описания автор задает свой собственный стилистический ключ, оттеняя его натуральность и простоту по сравнению со смехотворной манерностью других школ.

Так, Сервантес в сцене первого выезда Дон-Кихота говорит, что будущий историк, по всей вероятности, так расскажет об этом событии: "Едва светлокудрый Феб распустил по лицу широкой и просторной земли золотые нити своих прекрасных волос, едва маленькие пестрые птички сладкой и нежной гармонией своих мелодичных голосов приветствовали появление румяной Авроры, покинувшей мягкое ложе ревнивого супруга,....как знаменитый рыцарь дон Кихот Ламанчский, встав с изнеживающей перины, вскочил на своего славного коня Россинанта и пустился в путь по древней знаменитой Монтьельской равнине" [I.2]. "Мещанский роман" А.Фюретьера начинается простран-

ным отмежеванием автора от писателей, претендующих на красноречие: эти последние не преминули бы описать со множеством ухищрений и поэтических тонкостей "простую трехугольную площадь, окруженную самыми заурядными мещанскими домами", на которой завязывается действие романа. В "Комическом романе" Скаррона и "Томе Джонсе" Филдинга ряд глав начинается картинами природы — сначала в напыщенно-орнаментальном стиле, затем в обычных, безыскусственных словах: "Солнце прошло более половины своего пути, и его колесница, пройдя перевал, катилась с большей скоростью, чем того хотелось божеству....Его кони вдыхали морской воздух и ржали, предчувствуя близость моря, где, как говорят, их господин отдыхает каждую ночь....Говоря простым человеческим языком, было между пятью и шестью часами вечера" [Комич. роман, I.1; ср. Том Джонс, X.2 и X.9; XI.9 и др.]. Салтыков-Щедрин во вступительных строках "Истории одного города" имитирует летопись и "Слово о полку Игореве" (которое, кстати, и само открывается отмежеванием от другого автора — Бояна). Одна из глав "Пушторга" И.Сельвинского (1927) начинается аналогичным пассажем "под Маяковского" и отмежеванием от него [III.1-5].

2. *— Молоко и сено, — сказал Остап, когда "Антилопа" на рассвете покидала деревню....Так и знайте: это была лучшая ночь в нашей жизни, мои бедные друзья.*

3с. Близкое клише иронически цитируется у Достоевского: "Du lait, de l'herbe fraîche, — это все, что есть идеально идиллического у парижского буржуа: в этом, как известно, весь взгляд его на 'nature et la vérité!'" [Игрок, гл. 12; отмечено у Zehrer, "Dvenadcat' stul'ev"...., S. 217].

"Мои бедные друзья" также имеет "французское" звучание. Ср.: *Но что же делать мне, скажи, мой бедный друг?* и далее *Мой бедный милый друг* [Э.Ростан, Сирано де-Бержерак, пер. Щепкиной-Куперник, акт 2, сц. 8]. Ниже в этой главе есть и другие переклички с французской литературой [см. примечание 10]. В ДС/ЗТ иногда наблюдается скрытое проведение мотивов одного происхождения или культурного круга через целый эпизод (напр., гомеровские мотивы в ДС 34, лермонтовские в ДС 36, пушкинские в ЗТ 35 и др. [см. соответствующие примечания]).

3. *И он* [Балаганов] *сразу приобретет вид студента, занимающегося физкультурой.*

2. "Спорт [в 20-е гг.] называется 'физическая культура'. Слово 'спорт' употребляется только вместе с эпитетом 'буржуазный'" [Гладков, Поздн. вечера, стр. 27]. Ср.: "блистающие физкультурные сады" [ДС

28]; ср., однако, "спортивный вид" Зоси Синицкой и других современных девушек [ЗТ 9].

4. *Что же они здесь делают, на распутье, в диком древнем поле....*

3с. Цитата из стихотворения Бунина "На распутье": *На распутье, в диком древнем поле / Черный ворон на кресте сидит. / Заросла бурьяном степь на воле, / И в траве заржавел старый щит....* (1900).

5. *....вдалеке от Москвы, от балета "Красный мак"....*

1. "Красный мак" — советский балет на современную тему, в котором фигурируют Восток, классовая борьба и мировая революция. Автор музыки — Р.М.Глиэр (1875-1956). Балет был поставлен в Большом театре в 1927 и продержался в репертуаре более тридцати лет. Содержание его сводится к следующему: "Советский корабль приходит в китайский порт. Его прибытие вызывает горячие симпатии к СССР со стороны трудящихся и озлобление в среде европейцев и китайской буржуазии, боящейся 'разлагающего влияния большевиков'. Против советских моряков организуется заговор, расстраиваемый китайской артисткой Тая-Хоа ('Красный мак'). Озлобленные неудачей заговорщики убивают Тая-Хоа; умирая, она завещает окружающим ее трудящимся бороться за революцию" [КН 39.1927]. Заглавную роль исполняла Е.В.Гельцер.

"Красный мак" занимал в музыкальной жизни 20-х гг. примерно такое же место, как "Бронепоезд" Вс.Иванова на драматической сцене. Критика приветствовала его как образец современного искусства, взращенного на революционных идеях и вместе с тем не уступающего классике по добротности художественной выделки. Балет Глиэра демонстрировался иностранцам как одна из достопримечательностей социалистической культуры. Французский корреспондент передает слова пожилой дамы, встреченной в поезде: "Какой прекрасный город Москва! Вы видели 'Красный мак', последний балет Большого театра? Первая картина изумительна" [Le Fevre, Un bourgeois au pays des Soviets, p. 154]. Несмотря на большую популярность балета, серьезные критики склонны были скептически относиться к его музыкальным достоинствам. Д.Д.Шостакович в своих изданных в США мемуарах характеризует Глиэра как посредственного композитора и сочувственно цитирует остроту И.И.Соллертинского, который, перечисляя в публичной лекции музыкальные произведения на китайские темы, сказал: "Ну и потом имеется, извините за выражение, 'Красный мак' Глиэра" [Shostakovich, Testimony, p. 42]. Ильф и Петров также отзываются об этом балете с явной иронией в ДС 18: "четверка бронзовых коняг, волокущих Аполлона на премьеру 'Красного мака'".

6. *.... от антикварных магазинов....*

1. Конец 20-х гг. отмечен небывалым расцветом моды на предметы старины среди всех слоев населения. Государственная и частная торговля антиквариатом приобрела широкий размах. "В 1928 году — в Москве, в Ленинграде, по губернским городам — возникли лавки старинностей, где старинность покупалась и продавалась — ломбардами, госторгом, госфондом, музеями" [Пильняк, Красн. дерево, гл. 5]. Власти начали массовую реализацию вещей, конфискованных в годы революции у аристократии, буржуазии и церкви. Иностранные наблюдатели описывают богатейшую выставку-продажу ювелирных яиц Фаберже в Москве весной 1927. Люди всех классов и званий — "рабочие, прислуга, крестьяне, возвращающиеся с рынка, молочники с пустыми бидонами, мелкие служащие, интеллигенты, нэпманы" — образовали длинные очереди у прилавков и с невероятной быстротой расхватали драгоценные изделия с императорскими и дворянскими вензелями.

С конца 20-х гг. государственная антикварная торговля все больше ориентируется на иностранцев с их валютой, и русские культурные ценности широким потоком устремляются за границу. При крупных отелях возникают комиссионные магазины с большим выбором старинных книг, икон, мебели, ювелирных изделий. Некоторые из них специализируются на обслуживании дипкорпуса и нанимают в качестве продавцов и экспертов бывших аристократов, знающих языки. Не менее бурно развивалась частная торговля предметами старины, несмотря на запреты и притеснения со стороны государства. Ценные вещи попадались здесь сравнительно редко, преобладал случайный хлам, приносимый на продажу обнищавшими "бывшими людьми". Но и на него находился немалый спрос среди населения, охваченного антикварной лихорадкой. [См. Despréaux, Trois ans chez les Tsars rouges, p. 185-188, 230-232; Slonimski, Misère et grandeur de la Russie rouge, p. 133; Chadourne, L'URSS sans passion, p. 34-35].

7. *....и знаменитой картины художника Репина "Иван Грозный убивает своего сына"?*

1. Имеется в виду картина И.Е.Репина "Иван Грозный и сын его Иван" (1885; Москва, Третьяковская галерея). На ней изображен царь Иван, обнимающий царевича Ивана, которого он в припадке гнева смертельно ранил посохом. Безумное выражение царского лица предвосхищает экспрессионистскую живопись, хотя в целом картина выполнена в добротном реалистическом стиле с тщательным соблюдением исторических деталей. Картина эта прочно входила в быт 20-х гг.; один из очеркистов упоминает репродукцию ее в числе того, что "обычно висит" на стенах общежитий [Евг. Габрилович, Опыт портрета, Пж

17.1930]. В качестве одной из туристических достопримечательностей столицы "Иван Грозный и сын" привлекал толпы зрителей; зарубежные посетители Третьяковской галереи выделяют ее наряду с не менее хрестоматийными "Богатырями" и "Боярыней Морозовой" [Fabre Luce, Russie 1927, p. 31-32; Wartanoff, Un russe retrouve son pays, p. 96].

3а. В записной книжке И.Ильфа встречаем комический перевод репинского сюжета на язык 20-х гг.: "Иоанн Грозный отмежевывается от своего сына (Третьяковка)" [Собр. соч., т. 5, стр. 187; разбор этой остроты см. в статье: Щеглов, Семиотич. анализ одного типа юмора].

8. *В таком случае, заседание продолжается.*

4. Эта фраза, часто произносимая Бендером, возможно, восходит к сатириконовцам. "Заседание продолжается" — заглавие письма издателя М.Г.Корнфельда в редакцию отколовшегося "Нового Сатирикона"; смысл письма в том, что несмотря на раскол, традиции журнала должны продолжаться [НС 01.1913].

9. *В антракте я снабжу вас вещевым довольствием.*

2. Снабдить вещевым довольствием — термин из армейских уставов. "Вещевое довольствие — обеспечение войск предметами обмундирования, белья, обуви и снаряжения" [Военн. энциклопедия, т. 6, стр. 342].

10. *Они шли посреди улицы, держась за руки и раскачиваясь, словно матросы в чужеземном порту. Рыжий Балаганов....затянул морскую песню.*

3с. Группы английских и французских моряков, шагающих с песнями по улице маленького городка, — мотив из "Дома Телье" Мопассана. В других местах [см. примечание 35 к ЗТ 8 и 11 к ЗТ 24] антилоповцы уподобляются грешникам, приобщающимся на время к чистой и здоровой жизни на лоне природы, что находит аналогии в том же рассказе Мопассана. Характерна готовность авторов ДС/ЗТ "примерять" к одним и тем же героям различные, вплоть до несовместимости, маски и положения классической литературы.

11. *"Штанов нет".... — Фу, как грубо, — сказал Остап, входя, — сразу видно, что провинция. Написали бы, как пишут в Москве: "Брюк нет", прилично и благородно. Граждане довольные расходятся по домам.*

1. Одежда в эпоху ДС/ЗТ была дефицитным товаром и отличалась плохим качеством. Особенно болезненно переживалась нехватка штанов, часто упоминаемая в прессе и мемуарах. "В Ленинграде невозможно купить брюки. Их нет (хроника)" [См 34.1927]. "Сознательному человеку не придет и в голову покупать себе какую-нибудь буржуазную принадлежность вроде штанов, благо на дверях Ленинградодежды

замок и перед замком — хвост человек на двести" [Кольцов, Невск. проспект (1928)]. "Правда" в июле 1929 обрушивается на головотяпов, обвиняя их в том, что в магазинах Москвошвея нет ни брюк, ни костюмов, ни пальто. "То была первая пятилетка, и брюки были на вес золота", — сообщает Т.Иванова [Мои современники, стр. 75]. Летом 1930 (время действия ЗТ) положение с одеждой было, по-видимому, особенно тяжелым [см., напр., Grady, Seeing Red, p. 303].

12. [Паниковскому] *магазин мог предложить только костюм пожарного.*

3с. Связь мотива огня и пожара с хтоническими и рептильными чертами Паниковского может быть предположена в свете метафоры в ДС 19, где в воображении Полесова, назначенного брандмейстером, "земля разверзлась и вороные *драконы* понесли его на пожар городского театра". С другой стороны, с огнем ассоциируется *саламандр*, имеющий и хтоничные черты (ящерица).

13. *А ну, поворотитесь-ка, сынку!*

3с. Одна из крылатых фраз русской литературы, начало "Тараса Бульбы" Гоголя. Цитата слегка изменена; у Гоголя: "'А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! [в 1-й ред.: А поворотись, сынку! цур тебе, какой ты смешной!] Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?' Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу".

14. *До сих пор вы в моих глазах были брандмейстером. Отныне вы простой топорник.*

1. Брандмейстер — начальник пожарной дружины [см. примечание 13 к ДС 19]. Топорник — рядовой пожарный, выполнявший наиболее опасные и трудные операции, такие, напр., как вскрытие крыши горящего здания.

15. *Идея себя изжила.*

2. "Изжить" что-либо, равно как и рефлексивная форма "изжить себя", — один из распространенных штампов 20-30-х гг. Он встречается уже в XIX в. (напр., у Герцена) и нередок в языке Ленина: "этот кризис будет изжит", "капитализм не может изжить себя мирно" и т. п. Пресса эпохи ЗТ пользуется обеими формами постоянно, заявляя, напр., что "диктатура в Испании изжила себя" и призывая изживать обширный круг явлений: недочеты, уклоны, наследие оппортунистического руководства, недоверие крестьянства к власти, волокиту, бюрократизм, иллюзии, рукопожатия и мн. др. *Тогда не убивайтесь, не тужите, / Всей слабостью клянусь остаться в вас. / А сильными обещано изжитье / Последних язв, одолевавших нас,* — заверяет поэт. В рамках революцион-

ной перестройки мира подлежали изжитию многие черты старого быта: "Еще не изжиты остатки старых арестантских традиций" (из очерка о пенитенциарной системе); "Изжить второгодничество в школе" (из статьи о народном образовании); "Необходимо изжить анонимность лубков" (из очерка о советском лубке); "Ставка на 'чистого' посетителя с толстым карманом еще не изжита в столовых" (из очерка об общественном питании).

В современной юмореске "Стертые пятаки: самоучитель для докладчиков" приводятся 12 наиболее употребительных клише газетно-ораторского жаргона, среди них "Выявить и изжить", "Пережитки насквозь прогнившего старого мира, которые, однако, выявляются и изживаются".

[Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 136; Ог 10.02.30; Пр 22.08.28, 07.08.30; Б.Пастернак, Когда я устаю от пустозвонства (1931); Дан. Фибих, За решеткой, КН 40.1929; Из 18.08.29; О сов. лубке, КН 01.1929; Д.Маллори, За новую кухню, КН 10.1930; Незнакомец, Стерт. пятаки, КН 18.1929].

16. *Хватит с нас триумфов, пальмовых ветвей и бесплатных обедов на постном масле.*

2. В Евангелии от Иоанна [12.2] говорится, что при входе Христа в Иерусалим "множество народа....взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна!"

17. *Я уверен, что горячая встреча готовится во всех ближайших населенных пунктах.*

2. Остап пользуется клише из газетных репортажей на тему "лицом к деревне". Ср. "Население всюду устраивало [участникам автопробега] самые теплые встречи"; "Культармейцы говорят о горячем приеме, с которым встретила их деревня" [Неделя Автодора, Пр 03.07.29; Культурн. половодье, КН 11.1930].

18. *Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями. Искателям приключений остался только бензиновый хвост.*

3с. Ср. стихи В.Ходасевича "Автомобиль" (1921): *Он черным* лаком *отливает, /* Сияя *гранями стекла, / Он в* сумрак ночи *простирает / Два белых ангельских* крыла [выделено нами].

Налицо общелитературный мотив 'экипаж и пешеход': один из героев проезжает в экипаже (карете, автомобиле, поезде...), другой грустно смотрит на него с обочины дороги (тротуара, платформы...). Фигура пешехода, провожающего глазами или тщетно пытающегося преследовать экипаж, выражает тему неудачливости, обездоленности, униженности, 'невхожести' в тот мир, к которому принадлежит его

партнер. Ситуация в целом может выражать также идею 'расхождения судеб' ранее близких людей (двух друзей, отца и дочери и проч.), из которых один приобщается к какой-то иной, более яркой жизни, другой же остается в прежнем положении. Примеры многочисленны: "Максим Максимыч" Лермонтова (М.М. на дороге, Печорин в коляске), "Нос" Гоголя (майор Ковалев видит нос проезжающим в карете), "Воскресение" Толстого (Катюша на платформе, Нехлюдов в вагоне), "Анна на шее" Чехова (Анна в поезде, ее отец и братья на перроне; Анна в дрожках, отец и братья на тротуаре), "Тройка" Некрасова и мн. др. В романах Ильфа и Петрова данный мотив встречается несколько раз, выражая типичную для ДС/ЗТ тему 'непричастности', аутсайдерства героя; ср. ДС 39 (Бендер и журналисты из "Станка" на автомобилях), ЗТ 30 (Бендер выброшен из поезда, не взят в самолет).

ГЛАВА 8

Кризис жанра

1. — *Все те же сны! Те же самые сны!*

3с. Реминисценция из "Бориса Годунова": "Григорий (пробуждается): *Все тот же сон! возможно ль? в третий раз / Проклятый сон!* [Ночь. Келья в Чудовом монастыре].

2. — *Снятся, проклятые, — донесся до Остапа голос старика.*

3с. Реминисценция из "Ревизора" Гоголя, где городничий жалуется: "Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые" [д. 3, явл. 5].

3. *Бендер удивленно разглядывал странного человека с бакенбардами, которые можно найти теперь разве только на министерском лице швейцара консерватории.*

3. Уподобление швейцара, кучера, дворецкого, метрдотеля или иного лица, совмещающего функцию прислуживания с важностью и строгостью осанки, сановнику, министру, генералу и даже монарху, равно как и обратное сравнение, — более чем традиционная ироническая фигура в литературе XIX-XX в. Мы встречаем ее, напр., у Гоголя в повести о капитане Копейкине: "Один швейцар уже выглядит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиономия...." [Мертв. души, гл. 10] и у Б.Зайцева в воспоминаниях о старой Москве: "Капельдинеры в Большом театре, похожие на министров" [Москва, стр. 12]. Формула эта издавна бытовала и в западной литературе: напр., у Диккенса метрдотель в ресторане имеет вид архиепископа Гринвичского [Наш общ. друг, IV.4].

В советскую эпоху эта довольно затертая метафора приобрела актуальность, будучи удобной для десакрализации имперского прошлого. К тому же она подсказывалась жизнью. Лица российских монархов и государственных деятелей с бакенбардами, полубакенбардами и разными видами бород и усов оставались в эти годы едва ли не единственными образцами мужской солидности эпохи ancien régime, о которых обыватель еще сохранял какую-то память; с другой стороны, в реальной жизни эти "верноподданные волосяные приборы" носили в основном швейцары, капельдинеры, метрдотели и т. п. Сравнение напрашивалось, и советские литераторы активно его эксплуатировали: "заведующий пивной с красивой проседью в бороде Александра III" [Чумандрин, Фабрика Рабле, стр. 299]; *Сидит извозчик, как на троне* [Заболоцкий, Столбцы]; "представительный старик с генеральскими бакенбардами — издательский мажордом, славившийся своим умением улаживать скандалы" [Каверин, Скандалист, стр. 350]; "царь [Александр III], похожий на лихача, окруженный старшими дворниками в поддевках и бляхах и коронационными бурятами" [Мандельштам, Первая междунар. крестьянск. конференция, в Собр. соч., т. 2, стр. 201]; "царь с бородой, как у дворника" [Катаев, Растратчики, гл. 4]; "короли с дворницкими бородами" [Ильф, Для моего сердца, Собр. соч., т. 5, стр. 116]. В обобщенном, "безбородом" варианте данная формула могла применяться и к иностранному материалу: "Портье [в берлинском отеле] похож на императора Наполеона" [Бабель, Блуждающ. звезды, стр. 43].

4. *— Чур меня, чур! — воскликнул он с шаляпинскими интонациями в голосе. — Все тот же сон! А-а-а!*

3с. Реминисценция из оперы Мусоргского "Борис Годунов": "Кто это там в углу?....Чур, чур, дитя!"

5. [Остап] *подхватил бакенбардиста в свои могучие объятия.*

2. "Бакенбардист" — слово из литературного языка конца XIX — начала XX в., часто встречающееся, среди прочих, у Н.Лейкина, С.Юшкевича, в мемуарах М.В.Добужинского и др.

6. *Позавчера мне....снились похороны микадо, а вчера — юбилей Сущевской пожарной части.*

1. В XX в. похороны японского императора (микадо) происходили дважды: в июле 1912 скончался император Мутсухито, в декабре 1926 — его сын Иошихито, последние годы бывший не у дел из-за психической болезни. Оба раза смерть микадо и траурные церемонии получали заметное освещение в русской/советской печати. Имя Мутсухито было известно в России со времен русско-японской войны, когда оно часто упоминалось в статьях и сатирических куплетах. Но и кончина его менее яркого преемника не прошла незамеченной. В

иллюстрированных журналах 1912 и 1927 смаковались красочные детали похорон и главным образом погребальная колесница, которая "имеет в колесах музыкальные приспособления, издающие печальные стоны. Запряжена колесница восемью парами быков". Насколько весь этот церемониал запал в память современников, видно из очерка Ю.Галича, написанного 20 лет спустя: "Похороны микадо [в 1912] происходили по всем правилам старинного японского ритуала. Двухколесную колесницу, сработанную со специальным мелодическим скрипом, тащили огромные черные волы, обреченные после похорон на голодную смерть". [Похороны японск. микадо, КП 15.1927, с фотографией колесницы; Кончина микадо, Ни 31.1912; Ст 42.1912; Галич, Дорога богов (японск. акварели), в кн. Гусарск. сказки, стр. 104-106].

Публично справляемые юбилеи пожарных частей и дружин, с шествиями, музыкой, маневрами, молебнами и торжественными актами, — почтенная дореволюционная традиция [см., напр., Ни 26.1906; описания юбилеев пожарных обществ в журн. "Пожарное дело", напр. в 18.1914; Н.Никитин, Юбилей, НМ 10.1926].

7. — *А не снился ли вам приезд государя-императора в город Кострому?*

1. Визит Николая II в Кострому состоялся в мае 1913 в рамках поездки царской семьи по Волге в дни 300-летия дома Романовых. Император посетил Ипатьевский монастырь, куда в 1613 прибыло посольство из Москвы к Михаилу Федоровичу, прося его принять царский венец. Ради точности отметим, что министр двора Фредерикс (см. ниже) не сопровождал императора в этом путешествии: его заменял князь Кочубей. Один из устроителей поездки кн. В.Н.Шаховской рассказал о ней в мемуарах, представляющих собой образец верноподданного мышления вполне в духе Хворобьева: "При колокольном звоне всех церквей, криках толпы, гудков и сирен, пароход 'Межень' с Императорским Штандартом отошел медленно от [Нижегородской] пристани и направился в Кострому. С берега толпа пела гимн и затем Волжскую песню 'Вниз по матушке по Волге'....Вечером на следующий день мы прибыли в Кострому....Путешествие Царской Семьи по Волге вызвало удивительный патриотический подъем среди приволжского населения. Настроение масс было везде совершенно исключительно восторженное. Везде праздничное убранство, бюсты Царя Михаила Федоровича и Государя Императора, трогательные надписи: 'Боже, Царя храни', 'Царствуй на многие годы', 'такое-то земство своему Государю бьет челом' и т. п....Народ сливался в одном чувстве обожания Монарха....Народ густыми массами стекался на берег, проводил ночь под открытым небом; с приближением Царского парохода несмолкаемое ура и наци-

ональный гимн неслись по пути. Толпы лезли в воду, чтобы приблизиться к пароходу. Как было Государю не верить в глубокую преданность русского народа?" [Шаховской, Sic transit gloria mundi, стр. 42-43; почти то же в: Барк, Главы из воспоминаний, стр. 72-73].

8. *Государь-император, а рядом с ним, помнится, еще граф Фредерикс стоял, такой, знаете, министр двора.*

1. Фредерикс, Владимир Борисович (1838-1927) — граф, министр императорского двора в 1897-1917, ближайший сотрудник и личный друг последнего русского императора. Как пишет в своих записках французский посол Морис Палеолог, Фредерикс "был настоящим олицетворением придворной жизни. Никто другой из царских подданных не удостоился стольких титулов и наград; он министр по делам двора и личного штата императорской семьи, царский адъютант, генерал от кавалерии, член Государственого совета....Вся жизнь его протекла во дворцах, в церемониях, в каретах и процессиях, среди золотых кружев и украшений....Ему известны все тайны монаршей семьи. От высочайшего имени он раздает почести и отличия, выносит приговоры и назначает наказания. Великие князья и княгини окружают его льстивым вниманием, ибо он распоряжается их штатом, заминает их скандалы и платит их долги. Обладая прекрасными манерами и тактом, он, как это ни трудно в его положении, ухитрился не нажить себе личных врагов. Ко всему этому следует добавить, что в свое время он был одним из красивейших мужчин, отлично ездил верхом и одержал бесчисленные победы над женскими сердцами. Он и в пожилом возрасте сохранил стройную фигуру, красиво опущенные вниз усы и приятные манеры....Он идеально соответствует своей должности арбитра в вопросах ритуала и традиций, манер и этикета" [цит. по кн. Massie, Nicholas and Alexandra, p. 121, 525].

О внешности гр. Фредерикса и о месте его рядом с императором (безошибочно указанном Бендером) другой мемуарист пишет: "Его импозантная, хотя и старая фигура [с голубой Андреевской лентой через плечо, которую, вместе с орденом св. Андрея Первозванного, имели лишь высшие сановники и особы царской фамилии] как-то сразу запоминалась, может быть еще и потому, что он часто находился именно там, где находился Государь" [Пантюхов, О днях былых, стр. 155]. После революции престарелый Фредерикс некоторое время жил в Петрограде и, как рассказывают, не боялся прогуливаться по улицам в расшитом золотом придворном мундире. Умер в Финляндии.

5. Заметим, насколько точно Бендер угадывает характер мечтаний Хворобьева, упоминая, в лице гр. Фредерикса, фигуру церемониальную par excellence, символизирующую ритуал, помпу и внешний блеск

старого режима. Обратим внимание также на богатство пародийных интонаций его фразы ("помнится, еще....", "такой, знаете....").

9. *Простите, вы не социалист? Не партиец?*

2. Партиец — в 20-е и 30-е гг. общеупотребительное разговорное обозначение члена ВКПб. "Из райкома вышел партиец, очень неавантажного виду, но, как водится, с портфеликом", — так начинается один известный роман того времени, в котором термины "партиец", "партийка", "беспартийный" употребляются едва ли не чаще, чем "человек", "мужчина", "женщина" [Семенов, Наталья Тарпова].

10. *Я беспартийный монархист. Слуга царю, отец солдатам. В общем, взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать...*

2. Первая цитата — из "Бородина" Лермонтова: *Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам....*Солдатская строевая песня "Бородино" (муз. Н.П.Брянского) часто исполнялась военными хорами. Не исключена также ассоциация с клише "слуга царя и отечества", обозначавшим солдата. Вторая цитата — из юнкерской песни:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять!

От рассвета до заката
С полной выкладкой идем.
Пообедаем, ребята, —
Песню звонкую споем...

Лагерь — город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят.

А едва заря настанет,
Строй пехотный закипит,
Барабаном в небо грянет
И штыками заблестит.

Закипит тогда войною
Богатырская игра;
Строй на строй пойдет стеною
И прокатится "ура!"
Взвейтесь, соколы, орлами, и т. д.

[текст по кн. Чернов, Народн. русск. песни и романсы, т. 1, стр. 30]. Песня эта входила в строевой репертуар военных училищ: "Запели ста-

рую юнкерскую, какую певали всей ротой, когда шли на тактические учения или топографические съемки: — Взвейтесь, соколы, орлами...." [Уваров, Лихолетье, стр. 108]. Выпускники кадетских училищ ген. А.И.Деникин и П.Н.Краснов вспоминают ее с теплотой и гордостью. Из записок ген. Краснова: "Рота идет по пыльному полю. Впереди песельники хорошо, по-нотному, поют: 'Взвейтесь, соколы, орлами...' Сколько лет раздается и звучит над полем эта самая песня?....С возвышенности открывается широкий вид на Главный лагерь, на бесконечные ряды белых палаток. Искорками горят на солнце медные шишечки палаточных верхов. Блестят, звездочками играют штыки ружей песельников" [Павлоны, стр. 59; ср. Деникин, Стар. армия, стр. 24, 67]. "Взвейтесь, соколы" удержалась как строевая песня и в Советской армии: автор книги сам принимал участие в ее пении в военно-курсантском лагере конца 50-х гг.

3b. Формула нахального сцепления лозунгов и цитат, применяемая Бендером, существовала до ДС/ЗТ, ср.: "Мы — старые общественники-революционеры. И вообще, вихри враждебные веют над нами..." или: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Кто не трудится, тот не ест, и вообще мир хижинам, война дворцам!" [Катаев, Экземпляр (1926), Сорвалось (1924), в Собр. соч. в 9 томах, т. 2, стр. 137, 95].

11. — *Чайку, чайку не угодно ли? — бормотал старик, подталкивая Бендера к двери.*

2. Ср. эту формулу угощения в описаниях старой жизни: "Чайку еще не прикажете ли?"; "Чайку попить не желаете ли со мною?" [И.Салов, Мельница купца Чесалкина, в кн. Русск. повести XIX в. 70-90-х гг., т. 1, стр. 25; Горький, Н.А.Бугров, в кн. Портреты, стр. 250].

12. *На стене висели портреты господ в форменных сюртуках. Судя по петлицам, господа эти служили в свое время по министерству народного просвещения.*

1. Об этой форме ср. воспоминания В.Катаева: "Учителя у нас в гимназии носили форму: длинные синие сюртуки с золочеными пуговицами министерства народного просвещения, в синих бархатных петлицах белели серебряные звездочки, обозначавшие чин. Преподаватели были чиновники. У статских советников звездочки были похожи на сильно увеличенные снежинки....Один или два учителя позволяли себе являться в гимназию в пиджаках, с маленькими щегольскими ромбовидными университетскими значками на груди. Впрочем, их пиджаки были тоже с золочеными пуговицами и звездами на бархатных петличках, так что это, собственно, были не пиджаки, а скорее форменные тужурки....Учительский цвет был темно-синий" [Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 291]. "Многоугольник синего мундира"

попечителя одесского учебного округа с "двумя жирафами пуговиц, с синим бархатом петлиц....и со звездами статского советника, звездами-сороконожками" вспоминает также Ю.Олеша [Ни дня без строчки, стр. 80, 84]

Ношение казенного мундира вообще было характерной чертой разных классов чиновников, служащих и учащихся в прежней России. Упоминаниями о вицмундирах и других униформах пестрят страницы Гоголя, Достоевского, Чехова. Мемуарист С.Горный, воссоздающий из множества бытовых деталей поэтический образ ушедшей эпохи, пишет: "Необыкновенное количество было тогда всяких форм: чиновники акцизные, почтовые, педагоги, министерства внутренних, казначейства. Все разные формы, значки на шапках, петли на воротниках. Молоточки и кирки — вензеля на погонах, тужурки, сюртуки, кителя. Зеленоватые, синие — у почтовых желтые — канты, кой у кого даже узкие 'штатские' погоны. А судейские? Совсем особая форма. Вся Россия, ведь, была полна форменным людом, кокардами, фуражками, петельками" [Ранней весной, стр. 172, 292].

3с. "Судя по петлицам", "служить по ведомству (министерству)" — штампы чиновничьей темы в русской литературе. Ср. у Гоголя: "Судя по пуговицам вашего виц-мундира, вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части" (вариант: "Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству") [Нос, в Полн. собр. соч., т. III, стр. 56, 486]; у Чехова: "В старичке Червяков узнал статского генерала Бризжалова, служащего по ведомству путей сообщения" [Смерть чиновника].

13. *И давно вы живете таким анахоретом?*

3с. Реминисценция из Пушкина: *Онегин жил анахоретом* [Евг. Онегин, 4. XXXVI].

14. *Он....принужден был служить заведующим методологическо-педагогическим сектором местного Пролеткульта.*

1. Учреждение со сходным названием — "экономическо-статистический сектор" Госплана — служит объектом сатиры в фельетоне М.Кольцова "Куриная слепота" (1930) [Избр. произвед. в 3 томах, т. 1, стр. 389].

Пролеткульт был влиятельным литературно-художественным движением 20-х гг., особенно активным в начале десятилетия. Имел целью создание "чистой" пролетарской культуры, творимой самим рабочим классом независимо как от старой дворянско-буржуазной, так и от современной интеллигентской и крестьянской культуры. Взгляды Пролеткульта не раз критиковались вождями партии и государства; напр., Л.Д.Троцкий посвятил проблемам пролетарского искусства несколько

ярких статей, где высмеял намерения создать в краткие сроки рабочих Шекспиров и Толстых. Организационно Пролеткульт находился в 1920-25 в ведении Наркомпроса, а затем профсоюзов. Сфера его деятельности ко времени написания ЗТ свелась к культмассовой и клубной работе. Прекратил существование в 1932.

15. *Дрожь омерзения вызывали в нем одним своим видом члены месткома, сослуживцы и посетители методологическо-педагогического сектора.*

3b. Ср. сходную по фразеологии записку жены проф. Персикова: "Невыносимую дрожь отвращения возбуждают во мне твои лягушки. Я всю жизнь буду несчастна из-за них" [Булгаков, Роковые яйца (1924), гл. 1].

16. *Знакомые говорили....о социальной значимости пьесы "Бронепоезд".*

1. Пьеса Вс.Иванова "Бронепоезд 14-69" по его же одноименной повести была поставлена Московским Художественным театром в 1927. Тема ее — борьба сибирских партизан с белогвардейцами в 1919-20. Спектакль МХАТа был важной вехой в советской культуре 20-х гг.; критика приветствовала в нем эпическое изображение народной войны, романтический пафос, яркость народной речи и couleur locale. Роли исполняли крупные мастера советской сцены, в том числе маститый В.И.Качалов и молодой Н.П.Хмелев. Считалось, что "Бронепоездом" театр Станиславского наконец-то повернулся "лицом к" полновесной революционной тематике, которая до той поры была его слабым местом. На одной из современных карикатур ивановский бронепоезд победно движется вперед, давя разбросанные на его пути календарные листки с надписью "Дни Турбиных" (этот популярнейший спектакль того же театра по пьесе М.Булгакова был заклеймен ортодоксальной критикой как реакционный и буржуазный) [КН 49.1927].

17. — *...А я так и сказал: на ваше РКК примкамера есть, примкамера!*

1. РКК — расценочно-конфликтная комиссия, "орган на предприятии, в учреждении и хозяйстве, разрешающий трудовые конфликты, споры и регулирующий применение коллективного договора. РКК организуется из равного числа представителей администрации и рабочей части — комитета рабочих и служащих, фабричного, заводского, построечного, местного и т. д." [БСЭ, 1-е изд.]. РКК занималась, среди прочего, разбором дел об увольнении и рассмотрением жалоб трудящихся. По ряду вопросов, перечень которых был установлен законом, решение РКК было обязательным. РКК существовали до 1957. В случае, когда члены комиссии не могли прийти к согласию, возникал *кон-*

фликт, который мог быть передан на рассмотрение *примкамеры* (примирительной камеры), выносившей окончательное решение. "Нет, я буду конфликтовать, я до примирительной камеры при Наркомтруде дойду!" — говорит директор завода, несогласный с профсоюзом, завкомом и парторганизацией [Либединский, Современники, стр. 83]. Процедура перехода конфликта из РКК в примкамеру описана в повести Ильфа и Петрова "Светлая личность" [Собр. соч., т. 1, стр. 408, 412-414, 425-434].

18. *Когда методологическо-педагогический сектор перешел на непрерывную неделю и вместо чистого воскресенья днями отдыха Хворобьева стали какие-то фиолетовые пятые числа....*

1. Замена рабочей недели пятидневкой — реформа, имевшая целью обеспечение безостановочного производства, или непрерывки. Непрерывка — "такой режим времени, который обеспечивает непрерывное бесперебойное использование имеющегося оборудования или бесперебойное выполнение важнейших государственных функций" [БСЭ, 1-е изд.]. Постановлением Совнаркома от 24 сентября 1929 воскресенье переставало быть общим для всех трудящихся нерабочим днем: на предприятиях и в учреждениях неделя заменялась пятидневкой, каждый пятый день отводился для отдыха, причем график рабочих и выходных дней был индивидуальным для каждого работника.

Введению непрерывной недели сопутствовала широкая агитационная кампания, поносившая воскресные и праздничные дни как пережитки буржуазно-помещичьего прошлого. Реформа приветствовалась как "революция календаря" и "победа над красными числами". На журнальном фото пионер, взобравшись на стул, замазывал воскресенья в настенном календаре. Непрерывка характеризуется как торжество революционного темпа над неторопливым дедовским укладом: благодаря ей "скучное, серое, бездельное воскресенье уходит в прошлое". По словам Л.Кассиля, "непрерывная производственная неделя выбила наше время из календарного седла. С уничтожением сонного провала, которым был седьмой, воскресный день, страна пребывает в постоянном бодрствовании". Выдвигались проекты перестройки календаря, отмены традиционных названий дней недели и т. п. Организовывались "дома отдыха пятого дня". Как это обычно бывает при революционных нововведениях, новый порядок стремились закрепить изменениями в словаре: вместо "праздник" теперь полагалось говорить "день отдыха", раздавались требования отменить привычные названия дней недели, да и само понятие недели становилось архаизмом: "Вагин скучал уже вторую пятидневку....[Баптист] Ломов смотрит на [подмастерье] Ванюшку уже третью пятидневку", — читаем в тогдашних очерках из заводской жизни. "Дядя, правда, что у вас в Ленинграде только

два раза в пятидневку бывает солнце?" — спрашивает ребенок у взрослого в записях писателя Л.Пантелеева.

О том, как новый трудовой режим рисовался взгляду стороннего наблюдателя, говорят записки американского художника, посетившего СССР летом 1931: "Иностранцу в России разобраться в выходных днях не легче, чем в знаках Зодиака. Планы экскурсий, путешествий, деловых встреч то и дело срываются, т. к. в последнюю минуту узнаешь, что у смотрителя музея, администратора отеля, гида или билетного кассира, с которым ты говорил вчера, сегодня "пятый день", и соответствующая служба не работает....Поскольку все в России работают по пятидневной системе, и выходной каждую неделю падает на другой день, не остается ничего другого, кроме как наизусть запоминать график каждого, с кем имеешь дело".

"Фиолетовые пятые числа" — индивидуальные выходные дни Хворобьева, которые он, как тысячи других совслужащих, обводил в календаре химическим карандашом.

[А.Литвак, Бывш. воскресенье, КН 43.1929; Д.Маллори, Непрерывная в быту, КН 44.1929; Геллер, Некрич, Утопия у власти, т. 1, стр. 237; П.Дубнер, Советск. календарь, Ог 13.10.29; Письма в редакцию, Из 30.08.29; Не праздники, а дни отдыха, Из 14.04.29; Ник.Ассанов, Корпуса, которые не сдают, НМ 02.1930; Пантелеев, Зап. книжка 1924-31, в кн. Приоткрытая дверь, стр. 239; Darling, Ding goes to Russia, p. 151-153].

19. *"Что-то теперь делается в этом проклятом Пролеткульте?" — думал он.*

3с. Фраза имеет сатириконовский оттенок. Ср.: "— Что-то теперь делает этот болван Харченко? — вспомнил Клинков" [А.Аверченко, Молодость, Ст 31.1910].

20. *Вспоминались ему....клубные семейные вечера с лекциями и пивом.*

1. Клубные вечера, куда рабочие и служащие приглашались вместе с супругами и детьми, широко пропагандировались в конце 20-х гг. в рамках антиалкогольной кампании. Особого успеха они, однако, не имели. "Рабочий приводит жену и детей в клуб в очень редких случаях", — пишет М.Кольцов. "Клуб просто не может вместить всех своих членов вместе с семьями". Частая тема юмора в журналах — семейные склоки и пьянство во время этих мероприятий. На одной из карикатур, с надписью "Семейный вечер в городском театре", изображена потасовка многочисленных супружеских пар. На рисунке "Семейный вечер в клубе" — вереница карет скорой помощи у подъезда клуба. Другая карикатура озаглавлена "По-семейному": "— Ты с ума сошел. В клубе

жену бить... — Не мешай: вечер-то семейный". [Кольцов, Пустите в чайную (1928); Советск. юмор, ИР 20.04.29; Кр 41.1928; Кр 20.1928.]

21. *"В своих снах я увижу то, что мне будет приятно увидеть".*

3а. Человек, преследуемый снами определенного содержания, фигурирует также в рассказах Ильфа и Петрова из жизни города Колоколамска. Это обыватель Завитков, которому из ночи в ночь снятся партийные работники, кланяющиеся ему в пояс. Сновидения Завиткова становятся событием, скандализующим местное общество; каждое утро город ждет его пробуждения в надежде, что крамольные сны прекратились [Чу 05.1929].

3с. Мотиву заказываемых, предписываемых или редактируемых снов в связи с данной главой ЗТ посвящена специальная работа А.К.Жолковского [Замятин, Орвелл и Хворобьев: о снах нового типа], содержащая много важных интертекстуальных наблюдений. В частности, им указаны параллели с "Невским проспектом" Гоголя, где художник Пискарев "бросается в постель", желая увидеть во сне прекрасную незнакомку в идеализированном виде; с "Селом Степанчиковым" Достоевского, где дворовый Фалалей переживает ситуацию, отчасти сходную с хворобьевской, видя каждую ночь "белого быка" вместо тех облагороженных и содержательных снов, которых требует от него Фома Опискин, и ряд других. Добавим, что сон, равно как и сумасшедший дом [ЗТ 16], есть последнее прибежище людей, взыскующих свободы, в условиях государственного контроля над умами — мысль, высказанная уже Г.Гейне [Германия, гл. 17].

В названной работе подчеркивается роль сна и сновидений как принципиально интимной, не поддающейся социальному контролю сферы душевной жизни, которой, однако, не удается избежать манипулирования и программирования в тоталитарных условиях (что показано в антиутопических произведениях XX в., как "Мы" Е.Замятина, "1984" Орвелла, "Прекрасный новый мир" О.Хаксли и др.). Комическим вариантом этих антиутопий может считаться и история Хворобьева в ЗТ. Склонность Ильфа и Петрова к одновременному высмеиванию обеих авторитарных систем, советской и дореволюционной, сказывается в том, что "и лелеемые Хворобьевым 'частные' ценности [которые он желает видеть во сне] суть бюрократические клише, только другой эпохи" [стр. 198].

Автор работы формулирует архетипический комплекс, обычно присутствующий в антиутопиях с контролируемыми снами; в частности, жертва подобного контроля обычно пытается найти убежище в 'Старом Доме', в общении с неким 'Стариком', представляющим прежние ценности, и при этом нередко оказывается в положении пассивного

'Ребенка' или 'Больного' перед лицом более сильного и циничного персонажа — 'Инквизитора' или 'Провокатора', — обладающего полным пониманием тоталитарной ситуации. В ЗТ 8 автор статьи находит все эти составляющие архетипа: 'Старый Дом' — в виде загородного домика Хворобьева, "окошечки которого поблескивают речною синевой"; 'Старика' — в лице самого Хворобьева, который выполняет эту функцию по совместительству со своей ролью страдающего героя; 'Инквизитора' ('Провокатора') — в лице Бендера, обосновывающего неизбежность дурных снов существованием советской власти; наконец, приникая к плечу Остапа, ожидая от него избавления от советских снов, Хворобьев играет типичную роль 'Ребенка'/'Больного'. Мы упомянули лишь главные типологические и интертекстуальные параллели к ЗТ 8, выявленные А.К.Жолковским, и для подробного ознакомления с их набором отсылаем читателя к его статье.

Другой литературный мотив, представленный в хворобьевском эпизоде, роднит его с "Рассказом о гусаре-схимнике" [ДС 12] — это 'неудача отшельничества'. Хворобьев, как и граф Алексей Буланов, удалился от мира, желая жить в сответствии с потребностями своей души, однако советская реальность подвергает его жестоким искушениям (сны, как в ДС — клопы). Типичный момент многих повествований, в частности, плутовских, — встреча странствующего героя с отшельником [см. Frenzel, Motive der Weltliteratur, S. 132, 139]. Именно это происходит в ЗТ. Обычно герой, набредший на хижину отшельника, получает от него тот или иной мудрый урок, но у Ильфа и Петрова все наоборот: сам отшельник остро нуждается в помощи и ожидает ее от своего посетителя. Вместе с историями о гусаре-схимнике и о Вечном жиде [ЗТ 28] данный эпизод романа образует издевательскую "трилогию" на тему о крушении вековых архетипов перед лицом советской действительности.

22. ***Снилось ему, что он сидит в учрежденческом коридоре, освещенном керосиновой лампочкой....Он хочет бежать, но не может.***

3с. Реминисценция из 2-й главы "Капитанской дочки" Пушкина, где Гринев рассказывает о своем страшном сне: "Вижу, комната слабо освещена....Я хотел бежать... и не мог". [См. Жолковский, цит. соч., стр. 182].

23. ***"Хворобьева нужно нагрузить!"***

2. "Нагрузить, нагрузка" — неологизм, не без иронии отмечаемый А.М.Селищевым: "Очередная работа *партийца* и *партийки* — это их *нагрузка"* [Язык рев. эпохи, стр. 103]. Ср.: "Я нагружен на двести процентов до отказа общественной работой" [из селькоровских рукописей, в кн. Меромский, Язык селькора, стр. 91].

24. *Ему, Хворобьеву, хотелось бы увидеть для начала царский выход из Успенского собора.*

1. Ср. фотографии в связи с трехсотлетием дома Романовых: "Высочайший выход с Красного крыльца в Успенский собор" [Ни 25.05.13].

25. *....Вместо лица обожаемого монарха* [он] *тотчас же увидел председателя месткома товарища Суржикова.*

2. "Обожаемый монарх" — официальная верноподданническая формула: "Это был обожаемый царь" [Толстой, Отец Сергий, гл. 2]; "И на этот раз мы не думали, что покушение может иметь тяжелые последствия, и что наш обожаемый монарх мог бы от него пострадать" [Клейнмихель, Из потонувш. мира, стр. 89]; "Великое русское воинство, во все времена служившее Обожаемому Царю и дорогой Родине" [из речи московского городского головы Гучкова на открытии памятника Скобелеву, Ни 27.1912]. В "передовой" литературе этот штамп употреблялся глумливо, напр. "Припадая к стопам твоим, обожаемый монарх, и омывая оные вдовьими слезами, верноподданнейше прошу...." [из прошения на высочайшее имя; Куприн, Царск. писарь, гл. 1]. То же, естественно, у советских писателей: "Ты живешь на Земле, в России, под дланью милостивого, обожаемого монарха...." [Москвин, 25 рассказов, стр. 62].

3b. В "Котловане" А.Платонова (1930) карьерист Козлов заявляет, "что он видит в ночных снах начальника Цустраха товарища Романова и разное общество чистых людей" [указано в : Жолковский, цит. соч., стр. 201].

26. *Представлялись ему: членские взносы, стенгазета, совхоз "Гигант", торжественное открытие первой фабрики-кухни, председатель общества друзей кремации и большие советские перелеты.*

1. Зерновой совхоз N° 1 "Гигант" был создан в 1928 в Сальском районе нынешней Ростовской обл.; в 1929 насчитывал 400 тракторов [А.Метелев, Зерновая фабрика, КН 01.1929; Н.Осинский, Три дня на зерновых гигантах, Пр 31.07.29 и др.].

Первая фабрика-кухня открылась в 1925 в Иваново-Вознесенске, вторая — в 1927 в Нижнем-Новгороде; крупные Ф.-К. были открыты в Москве (1929) и в других городах. Ф-К. рассматривались как мощный институт нового быта, способствующий эмансипации женщины [см. КН 25.1927, Ог 03.06.28; Ник.Ассанов, 24.000 (очерк), КН 50.1929 и др.]. Наряду с восторженными отзывами о Ф.-К. встречаются и весьма критические: "Я бываю на фабрике-кухне, и меня тошнит от одного вида гнусного ядева" [Гладков, Энергия, стр. 375].

По поводу общества друзей кремации см. примечание 8 к ЗТ 4. Идет ли речь о реальной или вымышленной организации, мы сказать не

можем, но во всяком случае название ее следует известному образцу: были общества "друзей Доброхима", "друзей детей" и др.

Большие советские перелеты — показательные авиарейсы между городами СССР (напр., "звездный перелет" Ленинград — Москва, перелет Киев — Чернигов — Брянск — Калуга — Москва и др.), которые устраивала "Комиссия Осоавиахима по организации больших советских перелетов" [Пр 06.27 и др.].

27. ***Ему хотелось увидеть крайнего правого депутата Государственной думы Пуришкевича....***

1. Пуришкевич, Владимир Митрофанович (1870-1920) — монархист, один из основателей консервативно-патриотического "Союза русского народа", депутат 2-й — 4-й Государственной Думы, бессарабский помещик. Был колоритной личностью, снискал полускандальную славу темпераментной защитой своих далеко не либеральных убеждений и вошел в учебники истории как участник убийства Распутина. Коллега П. по Думе В.В.Шульгин вспоминает, как тот "звонким тенорком" выкрикивал оскорбления в адрес политических оппонентов; напр., в дебатах о деле Бейлиса он обозвал левых "вшивыми босяками", за что и был лишен слова [Шульгин, Годы, стр. 90, 132]. Депутат Думы 4-го созыва М.М.Новиков пишет: "Самым ярким из крайних правых был В.М.Пуришкевич, один из наиболее известных всероссийскому населению членов Думы. Эту популярность он приобрел главным образом всевозможными репликами с места, и другими выходками, иногда остроумными, а подчас грубыми и неприличными, за которые он получал выговор со стороны председателя или изгонялся вотумом Думы на определенное число заседаний. Такое наказание постигло его, напр., когда он, желая обвинить оппозиционного оратора в подкупности, подбежал во время его речи к кафедре, бросил на нее несколько серебряных рублей и крикнул: 'На, заткнись!'....Однажды, когда трудовик Суханов, человек с длинной черной бородой и такими же космами волос, ниспадавших на плечи, похожий на какого-то старообрядческого начетчика, поднялся на трибуну и медленно собирался начать свою речь, Пуришкевич крикнул ему: 'А ты бы, брат, лучше подстригся'. Это неуместное, но меткое замечание вызвало громкий хохот среди депутатов, а бедного оратора привело в полное смущение, так что речь его совершенно пропала....Его речи в Думе, часто остроумные, были столь густо окрашены черносотенством, что на объективно мыслящего слушателя производили отталкивающее впечатление. А между тем в частных разговорах он щеголял обширной начитанностью и быстрым умом, так что я охотно вступал с ним в собеседование" [Новиков, От

Москвы до Нью Йорка, стр. 180, 183-184; цитата собрана из разных мест текста].

Эстрадные сатирики 10-х гг. выводили П. в своих обозрениях[1]. Неконвенциональное поведение П. настолько шокировало многих современников, что они склонны были ставить его вне серьезной политики: так, П.Н.Милюков назвал его "трагическим клоуном" Думы, а гр. С.Ю.Витте писал о "политических хулиганах вроде Дубровина, Пуришкевича и прочей братии" [Милюков, Воспоминания, т. 1, стр. 428; Витте, Воспоминания, т. 2, стр. 291]. Тем не менее, многие выступления П. в Думе получили широкий отклик и вошли в историю (напр., его речь против Распутина 2 декабря 1916, где он призывал министров броситься в ноги царю, умоляя его, ради спасения России, отстранить темного мужика от управления государством), а после убийства Распутина он приобрел в обществе ореол героя и патриота. Эту репутацию П. подтвердил в годы войны, работая в Красном Кресте, организовав на свои средства санитарный отряд и поезд. После революции играл активную роль в стане А.И.Деникина, издавал в Ростове журнал "Благовест". В.В.Шульгин отдает должное П. как одной из ярких фигур эпохи: "Несомненно, что в истории России не забудется имя этого заблуждавшегося и мятущегося, страстного политического деятеля последних бурных и трагических годов крушения империи" [Годы, стр. 112].

"Крайний правый" — постоянный эпитет П. в политической терминологии эпохи. "Пуришкевич, известный enfant terrible крайней правой", — характеризует его кн. С.Волконский. "В буфете у стойки закусывает селедкой Пуришкевич, который принадлежит к крайним правым", — читаем мы в пародии на фельетон, состоящий из избитых истин и штампов [Волконский, Мои воспоминания, стр. 78; Тэффи, Карьера Сципиона Африканского, в кн. Юмористич. рассказы, кн. 1, стр. 196]. Другой хрестоматийный признак П. — лысина — упоминается в ДС [см. примечание 10 к ДС 36].

28. *....патриарха Тихона....*

1. Тихон (в миру Василий Иванович Белавин, 1865-1925) — Патриарх Московский и всея Руси. Избран на патриарший престол через несколько дней после Октябрьской революции 1917. В 1921-22 вступил в конфликт с советской властью по вопросу о реквизициях церковных ценностей в пользу голодающих. Соглашаясь жертвовать церковным имуществом ради спасения народа, Т. протестовал против насилия, осквернения церквей и оскорбления чувств верующих при изъятии ценностей. За свою попытку отстоять авторитет и достоинство церкви подвергся травле и судебным преследованиям, был отстранен от долж-

ности обновленческим собором и заключен под домашний арест в Донском монастыре. Для массы верующих Т. олицетворял моральный авторитет православной церкви, ее противостояние правительственным репрессиям. На его похороны в апреле 1925 стеклись многотысячные толпы народа.

29. *...ялтинского градоначальника Думбадзе....*

1. Думбадзе, Иван Антонович (1851-1916) — генерал-майор, военный губернатор г. Ялты в годы революционного брожения 1905-08. Ввел в октябре 1906 положение чрезвычайной охраны в городе, наводил порядок суровыми мерами. В феврале 1907 в проезжавшего Д. с балкона одной из дач в Ялте была брошена бомба; по приказу градоначальника дача была тут же сожжена. В 1908 в Государственную Думу был внесен запрос о незакономерных действиях Д.; в объяснении на имя Думы генерал писал, что не считает нужным "миндальничать с либералами и леваками". В передовой печати его имя из собственного превратилось почти в нарицательное: *Во имя чего ежечасно / Думбадзе плюют на законы?* — восклицал Саша Черный в "Сатириконе" в 1911 [Во имя чего?]. Тот же журнал, перифразируя "Тараса Бульбу", издевался над Д. в связи с его отставкой: "Что, Думбадзе,....помогли тебе твои связи? Помогли тебе твои ялтинские безумства, высылки и преследование евреев?" [Ст 31.1910]. В 1914 царь вновь назначил Д. градоначальником Ялты. Помимо своих официальных обязанностей, Д. занимался и общественной деятельностью — возглавлял ялтинский отдел патриотически-монархического "Союза русского народа".

30. *....или хотя бы какого-нибудь простенького инспектора народных училищ.*

1. Инспектор народных училищ — в дореволюционной России чин министерства народного просвещения, в чьи функции входило наблюдение за деятельностью школ и политической благонадежностью учителей. С 1874 на каждую губернию назначалось по три инспектора народных училищ.

31. *— Ни минуты отдыха, — жаловался Хворобьев.*

3с. Фраза с литературным звучанием: ср. арию Игоря *Ни сна, ни отдыха измученной душе* из оперы Бородина "Князь Игорь"; слова кн. Н.А.Болконского: "В своем доме нет минуты покоя!" [Война и мир, II.5.3]; название пьесы "Ни минуты покоя" [драматург начала века И.Мясницкий; см. Закушняк, Вечера рассказа, стр. 231] и др.

32. *Я уже на все согласен. Пусть не Пуришкевич. Пусть хоть Милюков. Все-таки человек с высшим образованием и монархист в душе. Так нет же! Все эти советские антихристы.*

1. П.Н.Милюков [см. примечание 6 к ДС 1], несомненно, отвечал этому описанию: это был один из самых ученых и интеллигентных людей в Государственной Думе и в русской политической жизни, а также принципиальный сторонник конституционной монархии в России. "Сам насквозь рассудочный", — пишет А.В.Тыркова-Вильямс, — "он обращался к рассудку слушателей....Начитанность у него была очень большая. Он любил книги, всю жизнь их собирал. Разносторонность его знаний и умение ими пользоваться были одной из причин его популярности. Русские люди, образованные и необразованные, любят ученость, а Милюков, несомненно, был человек ученый" [На путях к свободе, стр. 410]. Лидер кадетской партии получил хорошее классическое образование, смолоду любил и знал наизусть в оригинале древних авторов.

Симпатии Милюкова к монархическому образу правления сказались в лондонской речи 1909 с ее известными словами о том, что "русская оппозиция остается оппозицией Его Величества, а не Его Величеству", и в защите им монархического принципа во время февральской революции 1917. "Я доказывал", — вспоминает М., — "что для укрепления нового порядка нужна сильная власть — и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия" [Воспоминания, т. 2, стр. 316]. "В начале революции", — пишет Тыркова, — "героически пытался он спасти монархию, уговаривая В. Кн. Михаила Александровича не отрекаться от престола, старался доказать разнузданной солдатчине, что России нужна не республика, а конституционная монархия. Но время уже было упущено" [На путях к свободе, стр. 415].

Готовность монархиста Хворобьева примириться с либералом М. весьма симптоматична. Многие из былых политических противников, яростно нападавших друг на друга с думской трибуны, внезапно обнаруживали общность мыслей и чувств перед лицом "советских антихристов". В.В.Шульгин, описывая Думу в бурные февральско-мартовские дни 1917, говорит: "Даже люди, много лет враждовавшие, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно, грозно, отвратительно....Это нечто — была улица, уличная толпа....Ее приближавшееся дыхание уже чувствовалось" [Дни, стр. 158]. Тыркова-Вильямс вспоминает о дружественных встречах бывших кадетов с бывшими правыми в эмиграции [На путях к свободе, стр. 366]. Можно

видеть в данной фразе Хворобьева косвенное отражение этих знаменательных сдвигов в психологии приверженцев старой России.

33. *Одуревший от тяжелых снов монархист....*

3с. Реминисценция из Ф.Сологуба. "Тяжелые сны" — название его романа (1895).

34. *Человеку с неотягченной совестью приятно в такое утро выйти из дому, помедлить минуту у ворот, вынуть из кармана коробку спичек, на которой изображен самолет с кукишем вместо пропеллера и подписью "Ответ Керзону"....*

1. Керзон (Curzon), британский министр иностранных дел, в 1923 направил советскому правительству две ноты с ультимативными требованиями. В СССР развернулась массовая кампания против ультиматума. М.Булгаков в газетном репортаже так описывает исполинские антикерзоновские демонстрации в Москве: "Поток густел....Магазины закрылись....Над толпой поплыл грузовик-колесница. Лорд Керзон в цилиндре, с раскрашенным багровым лицом, в помятом фраке, ехал стоя. В руках он держал веревочные цепи, накинутые на шею восточным людям в пестрых халатах, и погонял их бичем....В Охотном во всю длину шли бесконечные ряды, и видно было, что Театральная площадь залита народом сплошь....Из пролета выехал джентльмен с доской на груди 'Нота', затем гигантский картонный *кукиш* с надписью: 'А вот наш *ответ* '....По Театральному проезду в людских волнах катились виселицы с деревянными скелетами и надписями: 'Вот плоды политики Керзона'.... Ничего подобного в Москве я не видал даже в октябрьские дни" [Бенефис лорда Керзона, в кн. Ранн. неизданн. проза, стр. 86-87; выделено нами].

Советские средства пропаганды превратили К. в мифологическую фигуру, воплощающую натиск мировой буржуазии на молодое государство Советов. В этом качестве имя К. нередко упоминалось и в конце 20-х гг., когда он уже давно сошел со сцены: напр., "Правда" характеризует лейбористского министра иностранных дел Гендерсона как "носителя традиций Керзона" [Пр 19.07.29]. Мы видим это и в ЗТ (кроме данного места, см. ЗТ 6 с антикерзоновскими плакатами в деревне).

2. О формуле "Ответим такому-то" см. примечание 2 к ЗТ 19. Надпись "Ответ...." (папе римскому, Чемберлену и т. п.) часто красовалась на самолетах [фото в Glaeser, Weiskopf, La Russie au travail, p. 183 и др.].

3с. Формула "В такое утро хочется (приятно)...." — клише очеркового жанра [см. примеры в примечании 1(Б) к ЗТ 4]. Его ироническое употребление встречаем в сатириконовском юморе: "В такие тихие закатные часы хочется думать о чем-то недостижимом, несбыточном..."

[из повести молодого беллетриста; Аверченко, Перв. дуэль, в кн. Черным по белому, стр. 180].

35. *На время им показалось, что совесть их ничем не отягчена, что все их любят, что они женихи, идущие на свидание с невестами.*

3с. О литературных коннотациях данного места см. примечание 10 к ЗТ 7.

36. *У меня самого была знакомая акушерка по фамилии Медуза-Горгонер.......Один из* [художников] *по количеству растительности на лице был прямым заместителем Генриха Наваррского в СССР.*

1/4. Фамилия акушерки могла быть навеяна псевдонимом "Медуза-Горгона" из "Нового Сатирикона" [напр., в 17, 18, 31.1916 и др.]. В начале века была модной борода "под Генриха IV".

37. *Группа "Диалектический станковист".*

2. Станковист, станковизм (от "станковая живопись") — термины, часто употреблявшиеся в 20-е гг. в дискуссиях о судьбах живописи. Существовало "Общество станковистов" (ОСТ), в которое входили известные художники А.Гончаров, Д.Штеренберг, П.Вильямс и др.

38. *Они писали портреты ответственных работников и сбывали их в местный музей живописи.*

1. Намек на портреты руководителей партии и правительства, равно как и вождей меньшего ранга, массовое производство которых началось как раз в эти годы. Ср. хотя бы каталог выставки АХР в 1929, на которой один лишь художник Е.А.Кацман выставил портреты Предсовнаркома Рыкова, председателя центральной ревизионной комиссии Владимирского, секретаря Минского окружного парткома Славинского, уполномоченного Наркоминдела в Белоруссии Ульянова и др. официальных лиц [АХР, выставка "Искусство в массы", стр. 21]. Об этой примете времени говорит требование уменьшить накладные расходы на календари и портреты в полыхаевским универсальном штемпеле, а также "портреты государственных деятелей" в окнах "Гособъединения Рога и Копыта" [ЗТ 19, 35]. Что под "ответственными работниками" у Ильфа и Петрова могут подразумеваться вообще большевики и, в частности, вожди, видно из возгласов мнимо-сумасшедшего Старохамского: "И ты, Брут, продался большевикам!....И ты, Брут, продался ответственным работникам!" [ЗТ 16]. Отметим, наконец, что Ильфу и Петрову (как и сатирикам прошлого, ср. Щедрина) не чужда манера отражать явления, происходящие в центре советской жизни, под видом изолированных фактов периферийного, провинциального значения [см., напр., примечание 2 к ДС 3].

Фамилия ответственного работника, упоминаемого в настоящей главе, — Плотский-Поцелуев — едва ли подразумевает какого-либо

конкретного деятеля, однако типична для первой трети века, когда двойные фамилии, в том числе с аллитерацией, были гораздо более распространены, чем сейчас (Скворцов-Степанов, Бонч-Бруевич и т. п.).

39. [Заведующий гостиничным трестом] *был сработан из овса....С течением времени Мухин стал употреблять и другие злаки.*

1. Ильф и Петров с большой прозорливостью отметили начало тенденции, которой предстояла большая будущность в искусстве 30-х гг. Картины из злаков, гаек [см. далее в этой главе ЗТ] и иных эмблем рабоче-крестьянского труда становились заметным явлением парадного, с ориентацией на народность и производственную деятельность, стиля первых пятилеток. Е.Гинзбург (с некоторыми противоречиями в датах) рассказывает о "культе личности" одного из местных советских вождей — секретаря Казанского обкома партии Михаила Разумова, чья карьера пошла в гору в 1930-31. По словам мемуаристки, "в 1933 г., когда за успехи в колхозном строительстве Татария была награждена орденом Ленина, портреты Разумова уже носили с песнопениями по городу, а на сельскохозяйственной выставке эти портреты были выполнены инициативными художниками из самых различных злаков, от овса до чечевицы. Мы, близкие приятели Разумова, еще задолго до того, как аналогичная ситуация была описана Ильфом и Петровым, поддразнивали своего секретаря: — Михаил Осипович, вам ночью воробьи глаза выклевали. Посмотрите" [Крутой маршрут, кн. 1, стр. 17-18].

Живопись злаками начинала входить в моду еще в 20-е гг. В журнале "Тридцать дней", напр., сообщалось о 17-летнем крестьянском самоучке, изготавливающем портреты М.И.Калинина и других вождей: "На фанеру наклеиваются столярным клеем различные семена, подобранные по цвету. Затем все это заливается лаком" [ТД 07.1927, стр. 84].

Картины Феофана Мухина предвещают переход живописи на пути помпезной декоративности, превращение ее в служебный элемент официального оформительства, пышным цветом расцветшего в сталинскую эпоху.

40. *Ему мешали воробьи. Они дерзко подлетали к картине и выклевывали из нее отдельные детали.*

3с/5. Пародийный отголосок легенды о художнике Зевксисе (V-IV в. до н. э.), изобразившем виноград столь реалистично, что птицы слетались его клевать. Лошадь, которая оглядывалась и ржала, везя в музей картину из овса (см. выше), — другая вариация на эту тему. Предание о Зевксисе подвергнуто в ЗТ издевательской деформации, поскольку птицы и лошадь, минуя художество, реагируют на сам материал, из которого выполнена картина. Неожиданное торжество физической субстанции искусства над художественной игрой, прозаической

безусловности над поэтической условностью — один из многочисленных мотивов, в которых находит выражение десакрализующая ментальность послереволюционной эпохи. Мы встречаемся с ним, в частности, в ряде рассказов М.Зощенко [см. Щеглов, Энциклопедия некультурности, в кн.: Жолковский, Щеглов, Мир автора и структура текста, стр. 60]. В данной сцене романа этот мотив будет выражен еще раз в реплике Мухина о высокой цене его картин ввиду дороговизны овса [см. ниже примечание 42].

41. *Ну, как яровой клин?....Посевкампания, я вижу, проходит удачно. На сто процентов!*

2. Терминология из средств информации. Газеты 1928-30 пестрят заголовками: "Обеспечение семенами ярового клина", "ЦИК СССР о подготовке к яровой посевкампании", "Энергичная кампания за расширение ярового клина", "Яровой клин должен быть расширен на 9,3 процента", "Дополнительное расширение ярового клина", "Мобилизация работников для проведения весенней посевной кампании" и проч.

"На (все) сто процентов" в 20-е гг. ощущалось как неологизм: "забастовка идет на все сто процентов", "план был выполнен на все сто процентов", "пускай я ошибался в них на все сто процентов" [Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 140]. "Прочитанное усваивается на сто процентов", — цитирует журналист селькоровскую рукопись, сетуя, что "это мы — город, газета, книга, докладчик — вклинили в словарь деревни этот стопроцентный штамп" [Меромский, Язык селькора, стр. 91]. Писатели высмеивают это клише: "Людмила: Котик... Ты меня любишь? Вася: На все сто процентов!" [В.Катаев, Квадратура круга, д. 1, явл. 1].

42. *— А овес-то нынче, — сказал Мухин певуче, — не укупишь. Он дорог, овес-то!*

2. По-старинному ладная, округлая реплика Феофана Мухина опирается на знакомые русскому уху речевые штампы. В ней узнается стиль жалоб на дороговизну, какими обменивались обыватели в прежние времена. "Ржица-то, друг, нынче кусается", замечает еще Иудушка Головлев [Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы, гл. "Выморочный"]. "Грибки-то нынче кусаются" [Белоусов, Ушедш. Москва, стр.329]. "Кусается судак-то нынче" [Тэффи, Великопостное, в кн. И стало так, стр. 54]. "Провизия нынче вздорожала — приступа нет...." [Гоголь, Нос, в перифразе И.Анненского в его кн. Книги отражений, стр. 11]. "Уксус нынче дорог" [Бухов, Вещи на знатока, в кн. Рассказы, памфлеты, пародии, стр. 111].

Разновидность этой формулы, послужившая прямым прототипом слов Мухина, — провербиальные жалобы извозчиков на дороговизну овса. Вспоминая старую Москву, И.Эренбург пишет: "В речах

извозчиков одно слово проступало — 'овес'. Да, разумеется, они говорили об овсе, надрываясь от горя, они пришепетывали: 'Прибавить бы гривенник — овес вздорожал'. Они жаловались, вздыхали или сквернословили, но из всех слов....только одно доходило до ушей седока,....лейтмотив длинного пути от Лефортова к Дорогомилову — 'овес'" [Люди, годы, жизнь, кн. 1-2, стр.38]. Те же жалобы передает Е.Зозуля: "Я говорю извозчику: — Милый, поезжай скорее. Он отвечает: — Что же скорее! Рубль положили, а скорее....Лошадь-то, чай, не машина... Куды ж ее загонять? Сами знаете, почем нынче овес... Что же вы думаете, овес задаром дают?!.. Овес-то за рубль с полтиной не купишь" [Овес, в кн. Я дома, стр. 66]. Эти разговоры продолжались, пока существовали извозчики: "Овес, эх, нынче дорог стал, барин, — заметил извозчик вскользь" [Катаев, Растратчики (1927), гл. 5].

"Не укупишь" — тоже выражение со старинным оттенком; ср. "Не укупишь, дорожится, черт" [Никулин, Московск. зори, 1.4.14, действие в 1917].

3а. Клише "овес нынче дорог" используется Бендером в разговоре с архивариусом Коробейниковым [ДС 11].

43. *Большую картину со многими фигурами, заметьте, идеологически выдержанную, хотя художник и пользовался волосами беспартийных, — был такой грех. Но идеологически, повторяю, картина была замечательно выдержана.*

1/3b. Идеологическая выдержанность — важный критерий правильного и приемлемого в советской жизни и культуре 20-х гг. Видный коммунист Емельян Ярославский в обзоре очередной выставки АХР отмечает: "Несомненно, в этой выставке чувствуется гораздо большая четкость, большая идеологическая выдержанность; жюри безжалостно удаляло произведения, вызывавшие сомнения с идеологической стороны". (Среди вещей, которые рецензент особенно хвалит как "яркие, жизнерадостные", — картины, изображающие производственное совещание, посвященное урожаю, и подписку на государственный заем в деревне.) С.Третьяков не без иронии пишет о прейскуранте оплаты сценариев, который, по его словам, обсуждался в Госкино в 1925: "За оригинальный сценарий, вполне выдержанный и художественно и идеологически — 1000 р.; за сценарий, выдержанный художественно, но идеологически не выдержанный — 750 р.; за сценарий, который идеологичен, но не выдержан художественно, — 500 р.; за сценарий, не выдержанный ни художественно, ни идеологически — 150 р.". Данная терминология применялась не только к произведениям искусства, но и к людям. Мемуарист пишет: "В моем школьном аттестате [весной 1929] в графе 'Общественно-политическая работа' значилось: 'Идеологически

невыдержан — насаждал есенинщину'. Каковы были последствия этой пометки? Летом я поехал в Москву поступать в университет. Меня не допустили даже к экзаменам". [Ем.Ярославский, К открытию выставки АХР, Пр 02.06.29; Записн. книжка Лефа, НЛ 07.1928; Коряков, Живая история, стр. 78.]

Противопоставление 'партийный — беспартийный' всегда много значило в советской системе, но никогда оно не было столь чревато практическими последствиями, как в 20-е гг. В эпоху ЗТ беспартийный рабочий или служащий, если он не принадлежал к ценимой властью профессиональной элите, был в невыгодном положении по сравнению с "партийцем": он имел более низкую зарплату и меньше шансов на продвижение, первым увольнялся при сокращениях штатов, последним получал жилплощадь или путевку в дом отдыха и т. п. Беспартийность в сочетании с непринадлежностью к рабочему классу набрасывала на гражданина тень второсортности, политической ненадежности. "Беспартийные?... И вы? И вы? Эх, ей-богу... Как же это так? Ну, шут с вами" — такими словами секретарь партъячейки на Турксибе, вчерашний рабочий, встречает столичных журналистов. Далее он втолковывает им: "Я думаю... Если ты грамоту произошел хорошо... даже в гимназии и высче учился... но не партийный ты, не большевик... а живешь с нами... а мученье наше при тебе,.... — то и не человек ты есть!" [Вит.Федорович, Турксиб, Пр 21.07.29; его же, Конец пустыни, стр. 42]. В романе А.Малышкина "Люди из захолустья" в разговоре двух героев явственно слышны нотки кастового отчуждения и угрозы в отношении беспартийных: "— Он одному беспартийному такую, понимаешь, штуку про партию ляпнул, что у нас вроде в организации зажим и всякое такое.... — Беспартийному?.. Беда смутная и неостановимая неслась на Соустина. — Какому беспартийному?....Дело перешло в грозную область, которая называлась партией; неизвестно, как там еще посмотрят на беспартийного, выбалтывающего на вечеринке политически скверные вещи" [гл. "В Москве"]. То же в романе М.Чумандрина, где действие происходит в те же 1929-30 г.: "'При беспартийном напорол всякой чертовни', — ахнул про себя Горбачев" [Бывш. герой, стр. 68]. Беспартийность порождала неуверенность в себе, в своей правоте: напр., в романе С.Семенова "Наталья Тарпова" милиционер задерживает на улице пьяного, но когда возникает подозрение, что тот — партиец, готов отступить [гл. 27]. Это чувство вины и неполноценности особенно систематически внушалось интеллигенции. В пьесе А.Афиногенова "Страх" некто презрительно квалифицируется как "беспартийный христосик". У него же в пьесе "Чудак" один из героев говорит: "ты забыл,

верно, кто мы такие? Мы — канцелярские крысы, беспартийные интеллигенты....Нам нужно молча идти своей дорогой".

Наделенная столь большой значимостью, оппозиция 'партийный vs. беспартийный' проникала в сферы, традиционно свободные от политики, порождая порой странные и комические — с "беспартийной" точки зрения — эффекты. В пьесе А.Глебова "Рост" (1927) уже самый список dramatis personae разделен на категории: "Коммунисты-рабочие", "Коммунисты-интеллигенты", "Беспартийные рабочие", "Крестьяне", "Беспартийные интеллигенты", причем члены одной семьи попадают в разные рубрики: муж — в первую, жена — в третью и т. п. "После ужина я предлагаю своему собеседнику пачку сигарет", — рассказывает иностранный гость. "Он гордо отвечает: — Предложите моей жене, она беспартийная. Я не курю: настоящему коммунисту это не пристало" [Le Fevre, Un bourgeois au pays des Soviets, p. 47]. В анкетах по изучению половой жизни спрашивалось: "Удовлетворяете ли вы свои половые потребности с коммунисткой, проституткой или беспартийной?" [Chessin, La nuit qui vient de l'Orient, p. 135]. В уже упоминавшемся романе Семенова заглавная героиня "не шутила, когда обмолвилась перед видным партийцем, что не может жить с беспартийным" [Наталья Тарпова, кн. 1, стр. 85-86]; коллизия в этом романе состоит именно в том, что героиня увлекается беспартийным интеллигентом-спецом. Юмористы не остались глухи к подобным эксцессам, напр., у Булгакова персонажи при знакомстве и рукопожатии осведомляются: "Вы беспартийный?....Вы партийный, товарищ?" [Зойкина квартира, акт 1]. Бендер в ЗТ 35 скажет : "Вы знаете, Зося, на каждого человека, даже партийного, давит атмосферный столб весом в 214 кило". К этой струе юмора относится и замечание его о волосах беспартийных в настоящей главе[2].

44. *Называлась она "Дед Пахом и трактор в ночном".*

1. Тракторная тема получила сильный акцент в 1928-30 в связи с переходом страны на рельсы индустриализиции и коллективизации. Трактор становится эмблемой новой деревни: Демьян Бедный противополагает друг другу вчерашний и сегодняшний день деревни как "Крест и трактор" [название его стихотворения 1929]. Н.Тихонов афористически возглашает: "Танк и трактор — это война и мир нашей эпохи" [Шутники (1930)]. Трактор стал героем сотен очерков, стихов, фильмов, плакатов, песен, картин. "Трактор... В газетах, в речах, в лозунгах его поднимали сегодня как орудие грозной, небывалой переделки. Извечно крестьянская даль сотрясалась под его железным ходом. Просвечивало новое существование....Даже поэтики, эстеты....высказывали претензию на этот неуклюжий, но полезный механизм, со слюной спорили, как 'обжить' его в стихах и прозе. Да, трактор — это было

куда внушительнее автомобиля" [Малышкин, Люди из захолустья, гл. "Тают снега"]. "Эстеты" отнюдь не по своей доброй воле обживали трактор: деятелей искусства, художников активно понуждали в те дни приносить дань производственной тематике, в том числе писать трактора. Это вполне устраивало ремесленников-конъюнктурщиков, но было в тягость людям творческого склада [о жалобах художников на тракторную повинность см. Le Fevre, Un bourgeois au pays des Soviets, p. 191].

3b. Название "Дед Пахом и трактор в ночном" пародийно. Объект пародии — агитационные "советские лубки", подделывающиеся под фольклор, и вообще продукция мимикрирующих халтурщиков от искусства, перекрашивающих старые схемы и шаблоны в советские цвета. Фраза "Дед Пахом...." звучит складно и правдоподобно, ибо в ней пересекается несколько привычных для читателя штампов.

В чисто формальном плане мы узнаем здесь распространенный независимо от агитпропа тип двучленных заглавий, где по крайней мере первый член имеет на видном месте имя собственное, часто с тем или иным атрибутом, напр., "*Дед* такой-то....". Двучленность такого заглавия создается разными способами, чаще всего (а) внутренней рифмой, (б) союзом "и", (в) тем и другим вместе.

Примеры: (а) народные и псевдонародные заглавия вроде "О Демьяне Бедном — мужике вредном" (Д.Бедный), "История Власа — лентяя и лоботряса" (и мн. др., Маяковский), "Дед Трудовой идет на хулиганов войной" (рубрика в юмористическом журнале 20-х гг.) и т. п.; (б) литературные названия типа "Татьяна Борисовна и ее племянник" (Тургенев), "Дедушка Мазай и зайцы" (Некрасов), "Дед Архип и Ленька" (Горький), "Стенька Разин и княжна" (фильм, упоминается в ЗТ 3) и т. п.; (в) "Работник Емельян и пустой барабан" (Толстой), "О попе Панкрате, тетке Домне и явленной иконе в Коломне" (Д.Бедный) и т. п.

Названия со внутренней рифмой давно уже использовались советской агиткой, ориентирующейся на раешник и лубок, напр., "Как Кузьма набрался ума" (фильм, 1924), "Надулся Тит на новый быт" (лубок), уже упоминавшийся "Дед Трудовой...." и т. п. Пахом — одно из стандартных имен крестьянина в агитпропе; ср., напр., серию фильмов 1924: "Как Пахом, понюхав дым, записался в Доброхим", "Как Пахом в селе Несмелом занимался летным делом", "Как мужик Пахом в столице в небеса летал на птице" и т. п., или приписываемые О.Мандельштаму стихи: *Кулак Пахом, чтоб не платить налога,/ Наложницу себе завел*, или поэму Демьяна Бедного "Шефы в деревне", где фигурирует "середняк Пахом".

В плане содержания также обнаруживаются знакомые стереотипы. Это прежде всего мотив 'ночного', отсылающий нас к поэзии и прозе XIX в. Его типичные аксессуары: звезды, лошади, костер, невероятные рассказы — представлены у Тургенева ("Бежин луг"), Никитина ("Ярко звезд мерцанье...."), И.Сурикова ("В ночном"), Чехова ("Счастье"), Бунина ("Кастрюк"), Короленко и у множества эпигонов деревенской темы.

Соединение традиционного 'ночного' со злободневным 'трактором' не выдумка Ильфа и Петрова: оно уже ясно наметилось в литературе 20-х гг. Новая механизированная деревня постоянно сопоставляется в ней со старыми деревенскими архетипами, в частности, трактор — с лошадью: "Новый конь" (подпись под фото, на котором машинист заливает из ведра воду в трактор = "поит коня"), "Механические табуны" (заглавие очерка о тракторах и комбайнах) и др. В очерках и стихах явственно проступает лирический образ "красного ночного", где место лошадей заступают трактора: "Давно ли — всего в 1929 году! — пробегали при свете звезд пугливые косяки донских скакунов. Теперь над землей свеча 'Катерпиллера'". "Ночная пахотьба под серебряным просом звезд....Ночь расплывчатая, как китайская тушь, лежит на заволжской степи, где проходили детские годы Багрова внука, и на запыленном лице рулевого, который качается на металлическом лопухе сидения". Часто подобные сопоставления и наложения мотивов полемичны по отношению к лошади и к поэзии 'ночного', в более или менее явной форме приветствуя их вытеснение тракторной цивилизацией [см. примеры в примечании 2 к ЗТ 6]. В других случаях делаются наивные попытки примирить и уравнять старое и новое, как, напр., в стихах селькоров, приводимых С.Третьяковым: *Месяц над степями / Как свеча горит, / Тракторов колонна / В комбинат спешит* и т. п.

Так или иначе, связь 'ночного' с 'трактором' уже закрепилась в сознании публики, и халтурщики-приспособленцы, всегдашняя мишень сатиры Ильфа и Петрова, спешили ее эксплуатировать. Их обычным методом, как это не раз замечала современная сатира, была именно переделка старых штампов на новый лад (ср. статуэтки "Купающаяся колхозница" [ЗТ 9], сценарий "Ее бетономешалка" в фельетоне Ильфа и Петрова "Секрет производства", новогодние рассказы про "замерзающую пионерку" в фельетоне бр. Тур и т. п.). Та же мимикрия высмеивается и в названии "Дед Пахом и трактор в ночном".

Другие сатирики также высмеивали тракторную конъюнктуру. Ср. юмореску Ивана Дитя (В.Ардова?) "Спящий трактор. Глубоко-актуальное, созвучное, идеологически выдержанное и согласованное с совре-

менностью либретто балета", где главной героиней является "красавица-Трактор".

[Названия фильмов — Сов. художеств. фильмы, т. 1; "Надулся Тит" — КН 01.1929; "Кулак Пахом" — Катаев, Алмазн. мой венец, стр. 63; "Дед Трудовой" — Стыкалин, Кременская, Сов. сатирич. печать; "Новый конь" — СФ 08.1930; "Механич. табуны" — Б.Кушнер, Ог 30.06.30; "Давно ли" — Л.Пасынков, Ночной сев, КН 12.1930; "Ночная пахотьба" — Дан.Фибих, Стальная лихорадка, НМ 07.1930; о романтике ночной работы на тракторе см. также И.Изгоев, Завоевание риса, КН 01.1931; "Месяц над степями" — Третьяков, Месяц в деревне, стр. 140; "Ее бетономешалка" — Собр. соч., т. 2, стр. 104, 503; "Замерзающ. пионерка" — бр. Тур, Новогодняя тема (1926), в кн. Средь бела дня, стр. 7; "Спящий трактор" — Чу 13.1929.]

45. *— Это звучит парадоксом, — заметил* [Мухин], *возобновляя посевные манипуляции.*

2. Это словечко обывателя, уважающего парадоксальность, было уловлено уже А.Аверченко: "Однажды я сказал [Сандерсу] с упреком: — Знаете? Вы даже ходите и работаете из-за лени...., потому что вам лень лежать. — Он задумчиво возразил: — Это парадокс" [Аверченко, Ландау, Экспедиция в Зап. Европу сатириконовцев, стр. 11].

46. *Митрополит Двулогий благословляет чинов министерства народного просвещения в день трехсотлетия дома Романовых.*

1. Митрополит Двулогий — лицо несуществующее. В нем контаминированы "двулогия", т.е. цикл из двух романов, и Евлогий — имя русского церковного иерарха.

Слово "двулогия" — комический неологизм Ильфа и Петрова; оно встречается, напр., в их фельетоне "Великий канцелярский шлях" (1932): "давно задуманный роман-двулогия, выпуск которого я хочу приурочить к пуску первой очереди московского метрополитена" [Собр. соч., т. 3, стр. 138].

Евлогий, архиепископ Холмский и Люблинский, позднее Волынский (1868-1946), будучи членом 2-й и 3-й Государственных Дум, находился в столицах, "на виду", выполняя различные церемониальные функции; напр., он служил торжественные молебны при открытии и закрытии Думы. Он поэтому вполне мог и "благословлять чинов народного просвещения", но вряд ли в столицах, поскольку членом 4-й Думы он не был и юбилейный 1913-й год провел у себя на Холмщине. В сан митрополита Евлогий был возведен в эмиграции в 1922. С 1921 он возглавлял русскую тихоновскую православную церковь в Западной Европе. [Шульгин, Годы, стр. 63; отчет в Ни 26.1912; Евлогий, Путь моей жизни, стр. 230-236].

47. ***Ему, должно быть, приснился....широкий пленум литературной группы "Кузница и усадьба".***

2. Название группы, как и "Дед Пахом....", сочетает старые и новые элементы, напоминая одновременно об объединении пролетарских писателей "Кузница", включавшем таких писателей, как Гладков и Ляшко (1920-31), и о дореволюционном журнале "Столица и усадьба", носившем подзаголовок "Журнал красивой жизни" (1913-17). Широкие (расширенные) пленумы — реалия 20-х гг., ср. "Расширенный пленум РАПП" [Из 24.04.29] и др.

1. Известный артист эстрады Г.М.Ярон расказывает, что он играл П. "в портретном гриме, с конусообразным лысым черепом, в пенсне"; его вывозили на эстраду в детской коляске, он выкрикивал нечленораздельные речи и швырял в публику графин, после чего на него надевали смирительную рубашку: "Посадите его в сумасшедший дом на 15 заседаний" [Ярон, О любим. жанре, стр. 50].

2. Иезуитский пассаж на тему выдержанности/невыдержанности, партийности/беспартийности и политграмотности мы находим в одной статье О.Брика, где эти понятия представлены в вызывающе-сгущенном виде, в то время как подтекст выдает достаточно циничное к ним отношение: "Известен факт, что самые выдержанные политически люди, переходя на художественное творчество, часто начинают делать вещи или никуда негодные, или идеологически невыдержанные. Замечено, что один и тот же человек, блестяще образованный по политграмоте, в художественной своей продукции оказывается безграмотней любого беспартийного. И обратно, люди, политически далеко не вполне выдержанные, но знающие законы художественного творчества, оказываются лучшими политредакторами художественных произведений. Блестящий пример тому — В.Шкловский, оказавшийся, по мнению Главреперткома, самым идеологически выдержанным сценаристом во всем Совкино" [Учить писателей, НЛ 10.1927].

ГЛАВА 9

Снова кризис жанра

1. *В маленьком мире изобретен кричащий пузырь "уйди-уйди", написана песенка "Кирпичики"....*

1. Пузырь, о котором идет речь, — изобретение достаточно давнее. На Сухаревском рынке эпохи первой мировой войны "резиновые чертенята с пунцовыми анилиновыми щеками умирали с пронзительным воплем: 'Уйди, уйди!'" [Паустовский, Беспокойн. юность, стр. 290]. Торговля уйди-уйди — непременный элемент народных гуляний в дни церковных, а после революции — советских праздников. А.Гладков вспоминает "свистки 'уйди-уйди' у еще не снесенной Иверской" в Москве середины 20-х гг. [Поздн. вечера, стр. 23].

2. "Кирпичики" — лирическая песня эпохи нэпа:

На окраине где-то города
Я в убогой семье родилась,
Горе мыкая, лет пятнадцати
На кирпичный завод нанялась....

На заводе том Сеньку встретила,
Лишь, бывало, заслышу гудок,
Руки вымою и бегу к нему
В мастерскую, накинув платок.

Кажду ноченьку мы встречалися,
Где кирпич образует проход...
Вот за Сеньку-то, за кирпичики
И люблю-то я этот завод....

Тут война пошла буржуазная,
Огрубел, опустился народ
И по винтику, по кирпичику
Растаскал опустевший завод....

[цит. по кн Русск. советск. песни 1917-1977, стр. 76; автор слов — поэт Павел Герман, написавший также известную песню "Все выше" ("Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...."); автор музыки, указанный в источнике, — В.Кручинин].

"Кирпичики", наряду с "Маршем Буденного" и "Стенькой Разиным", были одной из самых популярных песен 20-х гг. Об обстоятельствах их рождения писатель А.Яковлев сообщает: "Знаменитые 'Кирпичики' облетели Москву в три месяца: в феврале прошлого [очевидно, 1925] года на юбилейном вечере по случаю 100-летия Малого театра группа молодых актеров впервые пропела эту песенку, а во время первомайских торжеств 'Кирпичики' уже распевались за Пресненской заставой фабричными девушками" [Московск. частушки, КН 01.1927]. Основой мелодии "Кирпичиков" послужил старинный вальс "Две собачки". Возникновение песни связано с мейерхольдовским спектаклем "Лес" (1924), где под музыку названного вальса, исполняемого тремя баянистами, шла одна из любовных сцен между Петром и Аксюшей: "Эта лирическая сцена под гармошку имела такой успех, что именно из нее родилась современная песенка 'Кирпичики'" [Ильинский, Сам о себе, стр. 259; то же в кн. Глумов, Нестерт. строки, стр.109; Ардов, Эскизы к портретам, стр. 233].

Став народной песней, "Кирпичики" подверглись ряду изменений. В частности, не привились последние четыре куплета авторского текста о послевоенном восстановлении завода. С другой стороны, возникали варианты, посвященные злободневным темам: растратчикам, алиментам и проч. Песенку подхватили эстрадные сатирики; как рассказывает И.Набатов, "куплетист Креминский выступил с пародией, которая называлась 'Кирпичиада'. Он показал, как эту песню пели бы в опере, оперетте, в русском хоре, как ее изобразила бы цыганская певица, как исполнили бы ее в художественном чтении и, наконец, в драме" [Набатов, Заметки эстрадн. сатирика, стр. 40; Симаков, Народн. песни, стр. 64-68]. По мотивам "Кирпичиков" был сделан одноименный фильм (вышел на экран в конце 1925), в котором роман работницы Маруси и кочегара Семена развертывался на историко-революционном фоне [Сов. художеств. фильмы, т. 1, стр. 94]. Таким образом, упоминаемая Ильфом и Петровым адаптация этой песенки к задачам "реконструктивного периода" недалека от действительности.

2. *На пузыре "уйди-уйди" изображается Чемберлен, очень похожий на того, каким его рисуют в "Известиях". В популярной песенке умный слесарь, чтобы добиться любви комсомолки, в три рефрена выполняет и даже перевыполняет промфинплан.*

1/2. Чемберлен — bête noire советской политической пропаганды — изображается на месте прежнего черта [см. выше, примечание 1]. Карикатуристы и устроители политкарнавалов придавали британскому министру сходство с чертом, делая упор на такие признаки, как монокль, крючковатый нос и злобное выражение лица. Ильф и Петров часто иронизируют по поводу советских "новшеств", скроенных по старым образцам (пузырь с Чемберленом — лишь слегка подновленная версия уйди-уйди с чертом). Следует, однако, напомнить, что это во многом и их метод: для ДС/ЗТ характерно обилие образов, ситуаций, предметов, подпадающих одновременно под несколько историко-культурных моделей [см. об этом вступительную статью и неоднократные указания в комментариях].

Промфинплан, или техпромфинплан — "комплексный годовой план производственной, технической и финансовой деятельности предприятия, конкретизирующий показатели пятилетнего плана" [БСЭ, 3-е изд., т. 25]. В годы первой пятилетки данный термин фигурирует едва ли не на каждой странице журналов и газет в том же контексте, что и в ЗТ: "В выполнении, а по ряду участков даже перевыполнении промфинплана первого года пятилетки одну из решающих ролей сыграло соцсоревнование"; "Соцсоревнование поможет выполнить и перевыполнить промфинплан" [Л.Полонская, На передовых позициях, КН 01.1930; Б.Анибал, Время, дела и люди, НМ 10.1930 (плакат на фабрике)].

5. "Поэтический" эффект данной фразы состоит, помимо прочего, в том, что рядом с "промфинпланом" слово "рефрен" также начинает казаться советским сокращением — вроде какого-нибудь "профсожа" или "дифпая".

3. *И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово....*

1/3b. Дискуссий о формах нового быта в эпоху ЗТ велось немало. Подвергались пересмотру все элементы жизни, от семьи и брака до мебели и домашнего хозяйства. Радикальные проекты перестройки форм общежития находили сторонников в высоких сферах государства и партии. А.В.Луначарский писал: "Семейная жизнь претерпит очень большие изменения. Можно сказать, что в социалистическом городе семья старого типа окажется совершенно отмененной. Разумеется, будет по этому поводу и шипение относительно 'свободы любви', 'разврата'

и т. д. Но мы пройдем мимо всего этого шипения, помня те великие заветы социалистических учителей о новых свободных формах отношений между полами, которые неразрывно связаны с социализмом". Далее автор поясняет на примере Магнитогорска, какие перемены он имеет в виду, с одобрением описывая проекты отделения детей от родителей и общественного их воспитания, постройки огромных домов-коммун на 1,5-3 тыс. человек и т. д. [СССР строит жизнь, достойную человека, Ог 10.02.30; ср. также примечание 11 к ЗТ 13].

Конец 20-х и начало 30-х гг. знаменуется попытками самостийного введения коммунальных форм быта. Ср., напр., корреспонденцию о бытовой коммуне, устроенной в бывшей ленинградской синагоге: "Личное имущество каждого обобществлено вплоть до одежды. В столовой на столе стоит ящик с деньгами — каждый коммунар может взять отсюда на карманные расходы. Впрочем, в последнее время шкатулка пустует....В коммуне есть один ребенок. За годовалой коммунаркой ухаживает специально освобожденная коммунарка" [Арк.Млодик, Ударники быта, Ог 28.02.30]; или описание коммуны, где, как в утопии последних глав ЗТ, вообще отпала надобность в личных деньгах [Д.Маллори, Бытовые коммуны, КН 03.1931].

Подобные общежития, называемые "лабораториями нового быта", описаны и в тогдашней литературе, напр., в пьесе Н.Погодина "Дерзость", в романе В.Каверина "Скандалист" [глава "Давление времени"] и др. Пресса сообщала о проектировке грандиозных "жилых комбинатов", "45 километров социалистических селений" и т. п. [Города грядущего, ЛГ 17.03.30]. Как известно, эти проекты в основном оказались фантастикой. В теории возобладали более традиционные взгляды на устройство личной жизни, на практике же получили распространение иные формы коммунального быта: рабочие общежития строек пятилетки, лагеря Гулага и многонаселенные квартиры.

Другой сферой внедрения нового быта было общественное питание, новые формы которого призваны были освободить женщину от "кухонного рабства". С этой целью строились грандиозные фабрики-кухни [о них см. примечание 26 к ЗТ 8].

4. *Галстук "Мечта ударника", толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка "Купающаяся колхозница" и дамские пробковые подмышники "Любовь пчел трудовых".*

3b. Подобно картине "Дед Пахом и трактор....", предметы эти пародируют приспособление старых шаблонов к современности. Ср. сходные остроты у других авторов: "И танцы бывают революционные. Например, мазурка 'Отдыхающий крестьянин' или вальс 'Волшебная смычка'" [Шкваркин, Вредн. элемент, стр. 5]. — "Толстовка-гладковка"

названа по имени Ф.В.Гладкова и отражает типичные для 20-х гг. попытки заменять старых классиков новыми, пролетарскими. Ильф и Петров высмеивают эту тенденцию не раз [см., напр., примечание 7 к ДС 18].

"Любовь пчел трудовых" — сборник повестей и рассказов Александры Михайловны Коллонтай (1924). Автор книги — видная революционерка, член партии большевиков, дипломат; в 1923-45 советский посол в Мексике и в скандинавских странах. Была известной феминисткой, занималась литературой. В ее сентиментальных, но довольно откровенных повестях, вызывавших в 20-е гг. бурные дискуссии, разрабатывалась тема свободной любви передовых мужчин и раскрепощенных женщин.

5.*Журнальный отдел "Шевели мозговой извилиной".*

4. Отдел "Шевели мозгами" существовал в журнале "Чудак" в 1928-30. Одна из серий огоньковской "Викторины" называлась "Шевельните мозгами" [Ог 29.01.28].

6. — *Идеология заела, — услышала она бормотание деда, — а какая в ребусном деле может быть идеология?*

1. Переход к индустриализации сопровождался резким усилением идеологического давления на все сферы жизни. Оно немедленно сказалось на массовой культуре, в первую очередь на иллюстрированных журналах, которые до того являли довольно пеструю и не лишенную занимательности картину. Между "Огоньком" и "Красной нивой" за 1926-28 и за 1930-31 целая пропасть. Широкий спектр очерков из современной жизни, зарубежных корреспонденций, научно-популярных статей, исторических и литературных курьезов, путевых зарисовок и пр. внезапно сменяется казенным единообразием производственной тематики, проникающей во все поры журналистской продукции. Это изменение установки наглядно прослеживается на примере "Викторины" — игры читателей "Огонька", которая с января 1929 была переименована в "Индустриану".

"Викторина" предлагала читателю вопросы общеобразовательного характера, вроде: "Что такое архипелаг? В какой книге действующее лицо — Шахерезада? Почему в северо-западной Европе мягкий климат? Какое метательное орудие само возвращается к бросившему его? Сколько председателей ЦИК-а СССР? Какая форма государственного правления сейчас в Венгрии? Что значит 'Страдивариус'?" и т. п.

"Индустриана" требует от читателей эрудиции совершенно иного рода: "Кому принадлежит инициатива встречного промфинплана? Какой город первым перевыполнил подписку на заем 'Пятилетка в четыре года'? На каком месте в Европе по выплавке чугуна будет стоять СССР к

концу пятилетки? Где в этом году была открыта крупная вредительская организация? Какое условие должно выполнить предприятие, чтобы в первую очередь быть переведенным на 7-часовой рабочий день? На какой, единственной в СССР, ферме применяется удой коров электрическим способом? Какое предприятие явилось инициатором рабочего шефства над учреждениями? Какой втуз занял первое место в соревновании по выполнению решений ноябрьского пленума ЦК о реформе втузов?" и т. д. [Ог 1928 и 1930].

В журнале "Тридцать дней" публиковались "земфабры" — картинки для разглядывания с такими примерно вопросами: "В связи с какой общественно-политической кампанией приехали шефы в село?....Правильно ли учтены нетрудовые элементы?....Хорошо ли проводится хлебная кампания?...Правильно ли распределен сельхозинвентарь?....Успешна ли в селе антирелигиозная пропаганда?" и т. д., и т. п. [ТД 04.1929]. Подобного рода поучительность все более захлестывала сферу развлечений: "На стенах серии портретов, книг (без фамилий авторов), фотографий заводов, строительств, карт, — все это материалы для угадывания" [К.П., Что на афише? ТД 07.1930]. Раздавались требования политизировать шахматные отделы журналов [Шахматы или пятилетка, Смена 10.1931; в кн. Белинков, Сдача и гибель...., стр. 417]. Идеологизация коснулась даже детских садов, где были изгнаны традиционные игры и книжки (напр., сказки К.Чуковского), и насаждались игры с производственной тематикой [Fischer, My Lives in Russia, p. 56-57].

Арифмомоиды и загадочные картинки Синицкого, о которых идет речь в ЗТ 9 и 14, близко напоминают вопросы "Индустрианы" и "земфабр".

3с. Занятие Синицкого (составление ребусов) напоминает странные и редкие профессии персонажей Диккенса (таких, напр., как кукольная швея и специалист по скелетам в "Нашем общем друге"). Пара 'дед и внучка' — также диккенсовская (Нелл и дед в "Лавке древностей").

5. Помимо параллели с Диккенсом, выбор пары 'дед и внучка' (а не 'отец и дочь') обусловлен особой ролью, которую играют персонажи типа Синицкого в сатирическом мире Ильфа и Петрова. Старик-ребусник с наружностью гнома, удаленный на два поколения от большинства персонажей романа, принадлежит к ряду сугубо несознательных и "негибких" фигур, минимально способных к адаптации, к пониманию, не говоря уже об исполнении, все утончающихся идеологических требований тоталитарной эпохи. Другие представители того же ряда — старухи в доме призрения, терроризируемые лозунгами и радио [ДС 8], дрессированная собака в знаменитом "Их бин с головы

до ног", Робинзон в "Как создавался Робинзон", а также до известной степени Хворобьев [ЗТ 8]. Без колебаний беря в обработку подобный материал, — находящийся заведомо вне советской реальности, неподатливый и бесполезный для нового мира, — машина индоктринации вступает с ним в смешной диссонанс, обнаруживая свою собственную слепоту и идиотичность.

7. *"В борьбе обретешь ты право свое" — это эсеровский лозунг.*

2. "В борьбе обретешь ты право свое" (изречение И.-Г.Фихте) действительно было лозунгом партии эсеров, но люди, не слишком искушенные в различиях между крайними левыми партиями, иногда принимали его за лозунг большевиков: напр., бывший член думы октябрист С.И.Шидловский, осуждая большевистский режим в советской России, пишет: "Воистину, только учение, кладущее в свою основу начало 'в борьбе обретешь ты право свое', и могло создать такое положение" [Воспоминания, т. 2, стр. 167]. Ту же ошибку, как мы видим, совершает и политически малограмотный ребусник Синицкий.

8. *Длинные стеклянные цилиндры с сиропом на вертящейся подставке мерцали аптекарским светом.*

1. Сравнение буфета минеральных вод с аптекой было понятно читателям, помнившим витрины дореволюционных аптек, украшенные сосудами с разноцветными жидкостями. "В 'Аптеке провизора Вестберга', как и во всех приличных аптеках, на подоконниках окон, внутри, стоят лампы; тут они электрические, в более отдаленных местах города — керосиновые. И перед каждой лампой, между нею и наружным стеклом, укреплен большой сосуд с цветным раствором. Иногда это плоская стеклянная ваза в виде огромной круглой фляжки, иногда пузатый шар — красный, желтый, синий (никогда я не видал ни зеленых, ни фиолетовых таких шаров; не знаю уж, чем это объясняется; должно быть, не было достаточно стойких на свету и дешевых цветных растворов). Лучи лампы проходят сквозь окрашенную воду и падают на улицу. По этим цветным шарам, да еще по тяжелым, черным с золотом и киноварью, двуглавым орлам, тем или иным способом укрепленным над дверью, каждый уже издали знал: вот аптека!" [Успенский, Записки стар. петербуржца, стр. 68]. "Большие алхимические бутыли в окнах, покатые, овальные со стеклянными остроконечными пробками....Синий-пресиний сосуд; таинственно, ядовито-зеленый; оранжево-желтый. Покатые, внизу широкие, повыше вдруг узенькие со стеклянной, большой пробкой....На углу — обоими крылами в сторону — висит, точно сорваться хочет, выпуклый орел. Аптека" [Горный, Ранней весной, стр. 225-226].

9. ***И молодой человек....увлек Зосю под тусклую вывеску кино "Камо грядеши", бывш. "Квовадис".***

1. Название кинотеатра, видимо, вымышлено, однако имеет корни в киноиндустрии: до революции в России показывался заграничный фильм "Quo vadis? — Камо грядеши", по роману Сенкевича, снятый с большой по тем временам пышностью [см. Луначарская-Розенель, Память сердца, стр. 386].

10. *Привет первому черноморцу!*

5. Первым человеком, с которым сталкиваются антилоповцы при въезде в Черноморск, оказывается Корейко. Это отражает известную особенность ДС/ЗТ (типичную также для Вольтера, Диккенса и некоторых других писателей) — частоту "случайных" встреч между персонажами романа в различных точках их передвижений [об этой черте и ее функциях см. вступительную статью, § 5.3.2]. Сюжетное мастерство Ильфа и Петрова проявилось в том, что в данную сцену, наряду с этой общей чертой их поэтического мира, оказался вписан и индивидуальный тематический мотив, повсюду сопровождающий Корейко, — мимикрирование подпольного миллионера под среднего советского служащего, стремление его к невыделимости из массы [см. примечания 1 и 4 к ЗТ 4]. Ведь "первый черноморец" — это именно среднестатистический, анонимный гражданин, как "стотысячный покупатель", "миллионный пассажир", "первый новорожденный года" и т. п.

11. *Ох, уж эти мне принцы и нищие!*

3с. "Принц и нищий" (The Prince and the Pauper) — роман Марка Твена, который, наряду с Диккенсом и Конан Дойлом, принадлежал к числу западных авторов, непосредственно повлиявших на Ильфа и Петрова. "Можно не сомневаться, что 'Том Сойер' был одной из любимых его [Ильфа] книг" [Ю.Олеша, в кн. Воспоминания об Ильфе и Петрове, стр. 36]. Прямые заимствования из "Приключений Гекльберри Финна" есть в васюкинском эпизоде [см. примечания к ДС 34].

ГЛАВА 10

Телеграмма от братьев Карамазовых

1. *"Графиня изменившимся лицом бежит пруду".*

4. Об источнике этой телеграммы В.Ардов сообщает: "Однажды Ильф раздобыл издание, где воспроизводились все документы, сопутствовавшие смерти Льва Толстого. Эта книга его очень заинтересовала....'Графиня изменившимся лицом бежит пруду' — фраза из телеграфной корреспонденции столичного журналиста, присутствовавшего на станции Астапово в ноябре 1910 года".

Вот это место из телеграммы Н.Е.Эфроса в газету "Речь": "Узнал несколько подробностей покушения графини: не дочитав письма, ошеломленная бросилась сад пруду; увидавший повар побежал дом сказать: графиня изменившимся лицом бежит пруду. Графиня, добежав мостка, бросилась воду...." [Ардов, Чудодеи, в кн. Воспоминания об Ильфе и Петрове, стр. 200-201; Смерть Толстого, стр. 40. О попытке С.А.Толстой броситься в пруд см. В.Булгаков, Толстой в последн. год его жизни, стр. 422-424; Шкловский, Лев Толстой, стр. 822 и др.]

2. *"Малая Касательная 16 Александру Корейко".*

2. Название улицы явно связано с выражением "мало касаться (кого-то)" или "иметь малое касательство (к чему-то)". Ср. немного ниже: "[Корейко] начал уже привыкать к мысли, что все случившееся нисколько его не касается".

3. *Бочках, — шептал он....— Братья Карамазовы. Просто свинство какое-то.*

3с. Отзвуки сатириконовского стиля? Ср. финал рассказа А.Аверченко "Городовой Сапогов" [цит. в примечании 18 к ДС 30]

4. *Его надо морально разоружить, подавить в нем реакционные собственнические инстинкты.*

2. Оба выражения — известные штампы газетно-идеологического языка.

5. *Гравюра "Явление Христа народу".*

1. "Явление Христа народу" — колоссальная картина в академическом духе Александра Андреевича Иванова (1806-58), писалась художником с 1837 до конца жизни, находится в Третьяковской галерее в Москве.

5. Несомненны тематические созвучия гравюры с образом Бендера. Ср., в частности, заявление последнего о том, что ему "пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом" [ЗТ 17]; вкладываемые в его уста слова Иисуса [см. примечания 9 к ДС 31 и 23 к ЗТ 3]; сцену спасения Паниковского от самосуда толпы [см. примечание 6 к ЗТ 12]; признание Бендера в том, что Иисуса Христа из него не получилось [ЗТ 35], равно как и общую схему взаимоотношений Бендера с окружающими, которых он застает в моменты кризисов, покоряет своим личным магнетизмом, "ведет" за собой, наказывая их обидчиков [см. вступительную статью, а также примечание 1 к ЗТ 31].

6. *Балаганов, Паниковский и Козлевич чинно сидели в красных плюшевых креслах с бахромой и кистями.*

1. Насколько характерная и устойчивая деталь одесской гостиницы выбрана соавторами, можно судить хотя бы по тому, что в одесских зарисовках 1936 года, принадлежащих другому автору, встречается она же: "Красный плюш и черные ножки бесконечно неудобных кресел и тройного дивана в номере гостиницы" [С.М.Эйзенштейн, Автобиографич. записки, в Избр. произвед. в 6 томах, т. 1, стр. 513]. Красный плюш несомненно является одним из острых напоминаний о культуре прошлого; ср. *На истертом красном плюше кресел* [Ахматова (1912)] или *Где плюшевые красные диваны?* [Тарковский (1962)].

ГЛАВА 11

Геркулесовцы

1. *Как ни старались часто сменявшиеся начальники изгнать из "Геркулеса" гостиничный дух, достигнуть этого им так и не удалось. Как завхозы ни замазывали старые надписи, они все-таки выглядывали отовсюду....* [до конца абзаца].

1. В начале 20-х гг. многие гостиницы, рестораны, гимназии, церкви и т. п. были наскоро переоборудованы в советские канцелярии. В "Дьяволиаде" М.Булгакова (1924) описываются учреждения, где, как в "Геркулесе", рядом с новыми надписями — "Справочное", "Начканцуправделснаб" — проступают старые: "Отдельные кабинеты", "Дежурные классные дамы", "Дортуар пепиньерок" и т. п. Любопытно, что начало этой традиции удается локализовать с полной точностью: время — октябрь 1917, место — "учреждение N° 1" советской России — кабинет В.И.Ленина в Смольном институте. На его двери значилось "Классная дама". На других дверях штаба революции виднелись "фарфоровые овальные дощечки с надписями 'девичья' или 'гранд-дама'" [Лапшин, Художеств. жизнь Москвы и Петрограда, стр. 207; Жига, Начало, стр. 25].

3с. Первый абзац данной главы — прозрачная пародия на начало "Воскресения" Толстого: "*Как ни старались* люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, *как ни забивали* камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, *как ни счищали* всякую пробивающуюся травку...., — весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла

и зеленела *везде*, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней...." (выделено нами). Эти вводные фразы "Воскресения" были свежи в памяти публики в 1930 благодаря только что поставленному одноименному спектаклю МХАТ, где их произносил В.И.Качалов, исполнявший роль "от автора".

2. *Служащие помельче занимались в рублевых номерах четвертого этажа, где останавливались в свое время деревенские батюшки, приезжавшие на епархиальные съезды, или маленькие коммивояжеры с варшавскими усиками....В номерах почище, куда заезжали бильярдные короли и провинциальные драматические артисты, разместились заведующие секциями....*

3. Ильф и Петров пользуются формулой, обычной в описаниях гостиниц. Ср. "В этих приютах останавливались по большей части иногородные купцы, приезжавшие в Москву по делам, со своей квашеной капустой, с соленой рыбой...." и т. д. [Салтыков-Щедрин, За рубежом, гл. 4]. "Эта гостиница не считалась самой дорогой, но в ней всегда останавливались очень солидные коммерсанты, преимущественно иностранцы, артисты, писатели, журналисты, приезжающие из провинций помещики...." [Колесников, Святая Русь, стр. 208]. "Здесь [в гост. 'Астория' в Екатеринославе]....в номерах жили коммивояжеры, торговцы, интенданты, нажившиеся на военных поставках, здесь шиковали дворяне, приезжавшие из своих имений в губернский город покутить" [Н.Коробков, "Нежные воспоминания детства", в кн. Ты помнишь, товарищ..., стр. 84].

3. *В одном из таких номеров, в номере пятом, останавливался в 1911 году знаменитый писатель Леонид Андреев.*

1. Андреев, Леонид Николаевич (1871-1919) — писатель реалистической школы с уклоном в символизм и экспрессионизм. Наряду с М.Горьким, был одним из кумиров читающей публики 900-х и 10-х гг. По поводу патетики и преувеличенного трагизма творчества Андреева Л.Н.Толстой сказал: "Он пугает, а мне не страшно". Л.Андреев бывал в Одессе — см. его очерк "На юге" [Полн. собр. соч., т. 6].

3с. Как на дверях и стенах "Геркулеса" проступают старые надписи, так и в авторском описании этого советского учреждения проступает целая традиция литературных мотивов, в частности:

(а) 'несмываемые, нестираемые слова, пятна, изображения' (напр., кровь на руке леди Макбет или самовосстанавливающиеся буквы на шагреневой коже в романе Бальзака; пародию на тот же мотив находим в ДС 2 — несмываемая неприличная надпись на бюсте Жуковского);

(б) 'старый дом, замок, парк или отель', населенный тенями прежних владельцев, хранящий память о некогда разыгравшихся в нем дра-

мах, периодически пробуждающийся к призрачной жизни, приносящий несчастье новым обитателям [ср. Я.П.Полонский, Миазм; А.Ахматова, Поэма без героя; Stephen King, The Shining и др.]. Демонологические мотивы и далее иронически связываются с "Геркулесом" и другими советскими учреждениями [см., напр., ЗТ 15, 24].

4. *Обвинения, будто бы именно он* [Л.Андреев] *повинен в том, что т. Лапшин принял на службу шестерых родных братьев-богатырей....*

1. Кумовство и семейственность — один из главных объектов антибюрократической критики и сатиры в 20-е гг. Ср., напр., такие загадки, как: "Деверь да сват, да сватов брат, да племянников трое. Что такое?" [ответ: учреждение; Загадки и разгадки Савелия Октябрева, Кр 20.1927] или следующую юмореску:

Он был управляющим банком,
Служили с ним жинка и дочь.
Когда Эркака разузнала,
Родню прогнала она прочь.

Пошел управляющий банком,
Кутил с Эркакою всю ночь.
И вскоре на службе мелькали
Опять его жинка и дочь [подпись: Ар., Кр 40.1927].[1]

3с. Шестеро братьев-богатырей — из сказок Пушкина: *Входят семь богатырей, / Семь румяных усачей....* и *Эти витязи морские / Мне ведь братья все родные....*[Сказка о мертв. царевне; Сказка о царе Салтане].

5. *Т. Справченко в заготовке древесной коры понадеялся на самотек, чем эти заготовки и провалил.*

1. "Заготовка древесной коры" вызывает в памяти катастрофический голод начала 30-х гг., хотя апогей его приходится на 1932-33, а роман вышел в 1931. Данное место, однако, может истолковываться как намек в духе преувеличений "черного юмора" на уже имевшие место в 1930-31 продовольственные затруднения, не раз упоминаемые в ЗТ. О другом подобном намеке на актуальные процессы в деревне ("рога и копыта") см. примечание 5 к ЗТ 15. — Нападки на "самотек" типичны для эпохи усиливающейся централизации, "завинчивания гаек" в народном хозяйстве [см., напр., выступления Сталина в декабре 1929].

2/3а. Справченко — фамилия, образованная от канцеляризма "справка" по той же модели, что Савка — Савченко, Аверкий — Аверченко и т. п. Проникновение бюрократизма и агитпропа в малоподходящие для этого сферы, как-то в классику, интимную жизнь, природу, имена собственные дает у Ильфа и Петрова множество забавных гибридов: Гуинпленум, Крайних-Взглядов, Гигиенишвили, Самообло-

женский [из записной книжки Ильфа]. Характерно для авторов ДС/ЗТ, что подобный, по видимости абсурдный, способ пополнения фонда фамилий опирается на некоторые реальные традиции прошлого и тенденции настоящего: с одной стороны, было множество так наз. семинарских фамилий, как Десницкий, Преображенский и т. п., с другой — в советскую эпоху часто возникали революционные фамилии: Коммунистов, Октябрев и проч. Присваивая себе право на имятворчество, бюрократическая и идеологическая стихия в мире Ильфа и Петрова как бы поднимается до уровня христианства или революции, обладавших таким правом. Нет нужды говорить, что это имплицитное приравнивание бюрократии к великим социально-историческим и духовным движениям имеет издевательский характер.

6. — *Разве вы не видите, товарищ, что я закусываю? — сказал служащий, с негодованием отвернувшись от Балаганова.*

2. "Разве вы не видите...." — бюрократическая формула, которой сотрудник учреждения ссылается на занятость. Ср.: "Товарищ секретарь, — почти почтительно начал неизвестный. — Вы же видите, что я занят, извольте подождать" [Свэн, Обыкновенн. история, в кн. Сатирич. чтец-декламатор, стр. 140]. То же у М.Булгакова: "Товарищ...., неужели вы не видите, что я занят? Обратитесь к делопроизводителю" [Дьяволиада, гл. 4]. Реплика, влагаемая в уста Бомзе, таким образом, имеет пародийный характер.

7. *Разговоры Бомзе с сослуживцами.*

1. Неприязнь совслужащих к власти, равно как и старательное ее сокрытие перед посторонними, в изображаемую эпоху были явлением достаточно типичным. Французский журналист рисует почти в точности те же сцены, что и данное место романа: "Страх перед ГПУ заставляет [служащих] хранить молчание, когда разговор идет о партии или правительстве, но те, с которыми я познакомился поближе, были со мной достаточно откровенны. Большинство питает к режиму глухую ненависть, вызванную не столько материальными лишениями, сколько моральной атмосферой, созданной в государстве. Слова: комъячейка, завком, домком, ГПУ — звучат для них кошмаром....Встречаясь с вами впервые, эти люди обычно прославляют советскую власть, восторгаются строительством социализма и рассказывают вам, как много они трудятся. Но при более близком знакомстве оказывается, что (за исключением немногочисленных коммунистов и сочувствующих) эти убеждения и служебное рвение — не настоящие, а показные. Смотря по обстоятельствам, эти люди быстро переходят от самого пылкого воодушевления к самой беспощадной критике. Тот, кто вчера бурно восхищался последней статистической сводкой по экономике, сегодня

встречает вас словами: 'Вы же видите, в кооперативах нет хлеба! Нами правят идиоты. Я всегда говорил, что большевики приведут нас к полному краху. Как от них избавиться? Как, я вас спрашиваю?'" [Marion, Deux Russies, p. 88, 95]. О подобном двуличии совслужащих говорят также Т.Драйзер и П.Истрати [Dreiser Looks at Russia, p. 121-122; Istrati, Soviets 1929, p. 53]. Но особенно тонкие и глубокие наблюдения над этим феноменом мы находим в статье Ф.Степуна "Мысли о России" [Соврем. записки, 19.1924, выдержки в кн. Чудакова, Жизнеописание М.Булгакова, стр. 162-163].

8. *Удалось повидать совхоз. Грандиозно! Зерновая фабрика! Вы себе не представляете, голубчик, что такое пятилетка, что такое воля коллектива!*

3b. В литературе первых пятилеток герои часто выражают от души идущий интерес к индустриальным новшествам и говорят о сугубо технических материях тоном личной взволнованности. Эта поза, отвечающая общей для тех лет установке на созвучность личных переживаний производственным задачам, культивируется в печати и в жизни. М.Шагинян пишет: "Мне показали новую аппаратную машину Хартмана, только что выписанную из Германии. Она упоительно расчесывает шерсть" [Дневники 1917-31, стр. 144]. В рассказе Б.Левина "Голубые конверты" герой, инженер-строитель, пишет любимой женщине: "Стройка работает круглые сутки. Ночью все залито светом, стучат пневматические молоты, свистят паровозы, гремит железо. Завод растет, как в сказке....Четыре станка установлены и на следующей неделе начинают работать....К апрелю мы установим половину, а к октябрю 1930 года — всю тысячу! В первый год нам предложено выпустить двадцать пять тысяч тракторов....И мы установим эти станки, и тракторы выйдут в поле...." и т. д. [Под чист. звездами, стр. 158-166]. В романе Л.Никулина "Московские зори" коммунист Алиев в частном разговоре ораторствует: "Кузница — это все. Хорошо работает кузница — значит, с полной отдачей работают механические цехи. Девятитонный молот видели в работе? Интересно, правда? А представляете себе тринадцатитонный! Мечта! Только у нас на заводе пока нету" и т. д. [II.1.6; действие в 1934]. Этого же стиля придерживается Зося Синицкая: "Мне Александр Иванович очень интересно описал. Этот поезд укладывает рельсы. Понимаете? И по ним же движется. А навстречу ему, с юга, идет другой такой же городок. Скоро они встретятся. Тогда будет торжественная смычка....Правда, интересно?" [ЗТ 24].

1. У многих представителей интеллигенции подобный энтузиазм был вполне искренним; напр., О.М.Фрейденберг рассказывает, как проф. И.Г.Франк-Каменецкий "в марте 1930 г. отправился с антирелигиозной

бригадой в колхозы. Он сильно увлекался колхозами, теоретизировал, говорил наивные благоглупости и выступал публично" [Пастернак, Переписка с Фрейденберг, стр. 131].

9. *Зачем строить Магнитогорски....*

1. Магнитогорск — металлургический центр на Урале, возникший в 1929-31, одна из больших строек первой пятилетки. Стал символом индустриализации, был окружен героико-романтическим ореолом в литературе и публицистике 30-х гг. Строительству Магнитогорска посвящались романы, пьесы, стихи, песни, среди них: роман-хроника В.Катаева "Время, вперед!" (1932), книга стихов Луи Арагона "Hourra l'Oural" (1934) и мн. др.

10. *"По старой калужской дороге, на сорок девятой версте".*

2. Старинная песня о разбойнике, убившем в лесу женщину и ее младенца и за то испепеленном молнией: *По старой Калужской дороге, / Где сорок восьмая верста, / Стоит при долине широкой / Разбитая громом сосна....//Шла лесом тем темным бабенка, / Молитву творила она; / В руках эта баба ребенка, / Малютку грудного несла....*и т. п. [полный текст: Чернов, Народн. русск. песни и романсы, т. 2, стр. 410].

11. *Шел трамвай девятый номер, / На площадке кто-то помер. / Тянут, тянут мертвеца, / Ламца-дрица. Ца-ца.*

2/3b. Из частушек, распевавшихся в эпоху нэпа, но, как и многое в нэпе, ведущих свое происхождение от прежних времен. Рефрен ("Ламца-дрица...."), позаимствованный из цыганских заздравных песен, применялся в куплетах самого разного содержания, часто с примесью скабрезности, антисемитизма и черного юмора. М.Жаров в молодости исполнял злободневные песенки с этим рефреном в нэповском кабаре "Нерыдай"; А.К.Гладков вспоминает о куплетистах Громове и Миличе, "поющих на мотив 'Ламца-дрица' об абортах, алиментах и Мейерхольде" [Жаров, Жизнь, театр, кино, стр. 147; Гладков, Поздн. вечера, стр. 23]. Приводимый в ЗТ куплет мы встречаем также в повести В.Каверина "Конец хазы" (1924), где его напевает проститутка [гл. 9].

12. *Мелкая уголовная сошка, вроде Паниковского, написала бы Корейко письмо: "Положите во дворе под мусорный ящик шестьсот рублей, иначе будет плохо" — и внизу пририсовала бы крест, череп и свечу.*

3b. Паниковский, очевидно, принадлежит к той же школе, что и одесские налетчики Бабеля. Ср. записку Бени Крика: Многоуважаемый Рувим Осипович! Будьте настолько любезны положить к субботе под бочку с дождевой водой... и так далее. В случае отказа, как вы это себе в последнее время стали позволять, вас ждет большое разочарование в вашей семейной жизни" [Бабель, Как это делалось в Одессе (1923)].

Сходная записка приводится в "Конце хазы" В.Каверина [гл. 5]; другое совпадение с повестью Каверина имеется в ЗТ двумя абзацами ранее [см. предыдущ. примечание].

13. *Соня Золотая ручка, достоинств которой я отнюдь не желаю умалить,....прибегла бы к обыкновенному хипесу.*

1. Соня Золотая ручка (Софья Блювштейн) — авантюристка 80-х гг. XIX в., женщина с богатой криминальной биографией, "Рокамболь в юбке". За участие в кражах и ограблениях была осуждена на каторжные работы; провела почти три года в ручных кандалах, подвергалась телесным наказаниям. Несколько раз совершала побеги, то переодеваясь, то обольщая тюремщиков. Личность и подвиги Золотой ручки сделали ее каторжной знаменитостью, и фотографии ее на фоне декораций (цепи, наковальня, кузнец с молотом) сбывались пассажирам заходивших на Сахалин пароходов. А.П.Чехов и В.М.Дорошевич, встречавшиеся с Блювштейн, оставили ее портрет в своих сахалинских очерках [Чехов, Остров Сахалин, в Полн. собр. соч. в 20 томах, т. 10, стр. 54-55; Дорошевич, Сахалин, ч. 2, стр. 3-11]. В XX в. ее легенда возродилась на экране (фильмы "Сонька — золотая ручка", 1914-15).

Объяснение слова "хипес" дает А.И.Куприн в очерке 1898 г.: "'Хипис' — кража; 'хиписницы', или 'кошки'....ходят по магазинам во время распродаж и окончательных ликвидаций и, пользуясь толкотней, всегда находят возможность прицепить к изнанке ротонды штуку материи или моток кружев. Такие 'кошки' не брезгуют и тем, чтобы соблазнить какого-нибудь уличного селадона, напоить его до положения риз и потом обобрать при помощи постоянного друга сердца, который называется 'котом'" [Куприн, Киевск. типы: вор, стр. 39].

14. *Возьмем, наконец, корнета Савина. Аферист выдающийся.... Приехал бы к Корейко под видом болгарского царя, наскандалил бы в домоуправлении и испортил бы все дело.*

1. Савин Николай Герасимович (1858-после 1933) — авантюрист, легендарная фигура криминальной хроники конца XIX — начала XX в. Похождения С. имели международный масштаб и резонанс, он легко пересекал границы и океаны, появляясь то в европейской России, то в Америке, то в Китае. В истории его жизни трудно провести четкую границу между правдой и вымыслами в стиле Мюнхгаузена и Казановы, каковые он сам распространял о себе в многочисленных мемуарах и интервью. С. уверял, среди прочего, что знаком чуть ли не со всеми монархами Европы, был награжден орденами всех стран, поддерживал дружеские отношения с Л.Н.Толстым[2], участвовал в русско-турецкой и испано-американской войнах... Согласно рассказам С., он учился то ли в Катковском (Москва), то ли в Царскосельском лицее, и

00064758

провел свои молодые годы в среде блестящей военной молодежи того типа и поколения, что представлены графом Вронским, героем "Анны Карениной". Он со вкусом повествует о буйных проделках тех лет, об избиениях "штафирок" и издевательствах над кредиторами-евреями, о попойках и галантных похождениях в обществе высоких особ и т. п. Надо полагать, что уже в эти годы развилась склонность С. к крупным и дерзким аферам, вроде похищения драгоценных икон из Мраморного дворца, в котором главную роль играл великий князь Николай Константинович (за эту историю пожизненно высланный из столиц), а С. будто бы взял на себя реализацию похищенного[3]. В числе других подвигов С., о которых рассказывают как он сам, так и знавшие его лица, — подделка банкнот, одурачивание европейских ювелиров и банкиров, продажа фиктивных земель и поместий, преподнесение в дар высоким особам взятых напрокат лошадей и проч. Неоднократно арестовывался, бежал из ссылки и тюрьмы за границу, депортировался в Россию и вновь бежал. Сам он иногда склонен приписывать этим злоключениям политическую подоплеку, изображая из себя революционера, близкого к "Народной Воле". В легендарной биографии С. видное место занимает "болгарский" эпизод 1886-87, когда он под именем графа де Тулуз-Лотрек будто бы выхлопотал у парижских банкиров крупный заем для болгарского правительства. В благодарность, утверждает С., премьер-министр Стамболов предложил ему выдвинуть свою кандидатуру на болгарский трон[4]. С. предложение принял, был избран царем (точнее, князем) Болгарии и поехал в Стамбул для конфирмации султаном Абдул-Гамидом. Там его постигла катастрофа, когда во время обеда в высоком обществе он был опознан бывшим парикмахером, знавшим его по Петербургу. Неудачливый монарх был арестован и в очередной раз препровожден под конвоем в Россию. Еще один известный эпизод биографии С. связан с Дальним Востоком, где он возглавил колонию беглых каторжников и авантюристов для эксплуатации золотоносных участков (так наз. "Желтухинская республика"). На протяжении своей карьеры С. выдвинул немало фантастических проектов, вплоть до плана завоевания Индии; достоверно известно, что с некоторыми из них он обращался к русскому царю, причем, как пишет Н.П.Карабчевский, за какие-то недопустимые в отношении монарха высказывания С. был приговорен к заключению. В 1921-22, по свидетельству Ю.Галича, С. находился во Владивостоке, безуспешно пытаясь выхлопотать себе министерский портфель в приамурском правительстве. После этого обосновался в русском эмигрантском Шанхае, где, по словам корреспондента А.Швырова, "был желанным гостем в советском консульстве".

В.А.Гиляровский, встречавшийся с С. в конце 80-х гг. в Москве, описывает его как "красавца мужчину, одетого по последней моде". В 1922 во Владивостоке С., по рассказу Ю.Галича, выглядел следующим образом: "Его сиятельство был во френче с золотыми погонами, в длинных брюках кавалергардского образца. На груди, рядом с Владимиром и медалью за турецкий поход, висела золотая цепочка и тесьма от пенсне. Был он высок, худощав. Слегка крючковатый нос, на котором вилось несколько седых волосков, придавал ему сходство со старым стервятником. Редкий пушок на голове, длинные усы, борода были с желтой проседью. Лицо в сетке морщин и только глаза, маленькие острые глазки, из-под мохнатых бровей, сверкали юношеским задором и блеском, несмотря на все, пожалуй, семьдесят лет". В 1929 в Шанхае С. выглядит так: "высокий, костистый старик с толстовской бородой, сутулый, но все еще бодрящийся. На нем мягкая шляпа, пережившая не один шанхайский тайфун, и помятый, старенький костюм". По словам Галича, "в нем не было большого ума, но бездна энергии, ловкости, тщеславия, эгоизма и, одновременно, русского самодурства, русского легкомыслия, плутовства и какой-то особой чувствительности, свойственной многим авантюристам".

В своих рассказах, выдержанных во вкусе дурной великосветской повести, С. путает имена и события и излагает одни и те же эпизоды по-разному. К сожалению, очерки и книги о С. слишком во многом опираются на его собственные показания, источник, мягко говоря, ненадежный. Подлинное жизнеописание С., где небылицы были бы отделены от фактов, потребовало бы серьезных исследований с привлечением архивов. Известность его была широка: уже в 1898 А.И.Куприн называет С. в числе наиболее знаменитых российских "аферистов", в одном ряду с Сонькой Золотой Ручкой и Шпейером. Гиляровский в начале века состоял в переписке с С., отбывавшим один из своих тюремных сроков, и, по его словам, располагал рядом савинских рукописей. Когда Ильф и Петров писали свой роман, С. был еще жив: в самом начале 30-х гг. английская журналистка Стелла Бенсон брала у него продолжительные интервью в Гонконге, где престарелый "граф де Тулуз-Лотрек" перебивался по больницам, ночлежкам и домам призрения, не утратив, однако, своей всегдашней бравады и вкуса к жизни.

[Savine and Benson, Pull Devil — Pull Baker; Гиляровский, Корнет Савин, газ. "Голос Москвы", N° 292, 1912, цит. по кн. Гиляровский, Соч. в 4 томах, т. 2; Куприн, Киевск. типы: вор, стр. 38; Карабчевский, Жизнь и суд, стр. 121; Галич, Русский Рокамболь, в кн. Императорск. фазаны, стр. 167-177; А.Швыров, Опять корнет Савин... Новые похож-

дения знаменитого авантюриста (от нашего шанхайск. корреспондента), ИР 02.02.29.]

2. "Аферист"— слово, получившее свой современный смысл в 90-х гг. прошлого века: Куприн считает нужным пояснить его сноской о том, что "на языке воров оно имеет значение, весьма различающееся с общепринятым", подразумевая мошенника высокого класса, с талантом, блеском и обаянием. По-видимому, Савин был один из первых, к кому этот термин стал применяться в его нынешнем смысле.

15. *За перегородкой сидели Чеважевская, Корейко, Кукушкинд и Дрейфус.... — ....Спокойствие. Я угагдаю сам. Который же из четырех?*

5. Эпизод неудачного угадывания отражает инвариантную тему Корейко — стандартность, невыделимость из серой массы служащих [см. примечания 1 и 4 к ЗТ 4]. Остапу не удается распознать К., поскольку миллионер не имеет никаких особых примет. Угадывание обставлено довольно эффектно — как трудная задача; учрежденская перегородка служит своеобразной рамкой, которой обведены условия задачи. Ср. сходную мизансцену в ЗТ 29, где, как и здесь, Бендеру придется извлекать К. из массы советских людей (строителей Турксиба), и где "условия задачи" также окружены подобием рамки (трибуна).

1. Вариация на тему известного романса (слова П.И.Вейнберга, муз. А.С.Даргомыжского): *Он был титулярный советник, / Она — генеральская дочь; / Он робко в любви объяснился, / Она прогнала его прочь. // Пошел титулярный советник / И пьянствовал с горя всю ночь, / И в винном тумане носилась / Пред ним генеральская дочь...* Эркака — расценочно-конфликтная комиссия [см. примечание 17 к ЗТ 8].

2. В указателе к 90-томному Полному собранию сочинений Толстого имя С. отсутствует, равно как и во всех известных нам мемуарах и дневниках, имеющих касательство к биографии Толстого.

3. Этот скандал описан рядом мемуаристов, но без упоминаний о С. Графиня М.Клейнмихель называет в качестве сообщника великого князя некоего капитана Варпаховского [Из потонувш. мира, стр. 61-67].

4. Эту версию С. рассказал Стелле Бенсон; в разговоре же с одним соотечественником двенадцатью годами ранее он изложил дело иначе: "Он разыграл из себя впервые ожидавшегося в Софии князя Фердинанда Кобургского" [Галич, Императорск. фазаны, стр. 174]. "Из других источников, однако, известно, что Савин, приехав в Софию, записался в книге для приезжающих великим князем Константином Николаевичем. Об этом было доложено русскому резиденту в Софии. Тот приехал в отель, взглянул и приказал выслать корнета Савина под конвоем в Россию" [Швыров, Опять корнет Савин, стр. 20].

ГЛАВА 12

Гомер, Мильтон и Паниковский

1. *Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции....Поезжайте и спросите! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым.*

2. Ср. ту же одесско-еврейскую экспрессивную речь у персонажей Шолом-Алейхема и Бабеля: "*Поезжайте* на праздник пурим в Касриловку"; "О похоронах этих *спросите* у кладбищенских нищих. *Спросите* о них у шамесов из синагоги...."; "*О нас пусть спросят в Екатеринославе*... Екатеринослав знает нашу работу" [Шолом-Алейхем, Касриловка, Собр. соч., т. 4, стр. 468; Бабель, Как это делалось в Одессе, Конец богадельни]. Близкие к ЗТ примеры — у А.Аверченко: "Вы *можете спросить* всякого уличного мальчика: уличный мальчик! Чем известна фирма Пинхуса Розенберга? И уличный мальчик *ответит вам*: синим бархатом!" или у В.Катаева: "*Можете спросить* каждого, и каждый *вам скажет*, что мадам Стороженко таки что-нибудь понимает в фрукте" [Аверченко, Пинхус Розенберг, в кн. Рассказы (юмористич.), кн. 3, стр. 160; Катаев, Хуторок в степи, в Собр. соч., т. 5, стр. 515].

3с. Мнимо-слепой грабитель фигурирует в романе Т.Готье "Капитан Фракасс" [гл. 15].

2. *Я был богатый человек. У меня была семья и на столе никелированный самовар.*

2. Еще один штрих еврейского культурно-речевого фона у Паниковского. Ср.: "Если бы смерть задавила богатых,....то Чарна теперь си-

дела бы у себя в хорошей комнате, и на столе у нее уже кипел бы самовар — вот такой самовар" [Юшкевич, Король, стр.287].

3. *Раньше я платил городовому на углу Крещатика и Прорезной пять рублей в месяц, и меня никто не трогал. Фамилия ему была Небаба, Семен Васильевич. Я его недавно встретил. Он теперь музыкальный критик.*

1. Городовой — нижний чин полиции в царской России, служивший в городах по вольному найму, обычно из отставных солдат и унтер-офицеров. В общественном мнении, литературе и мемуаристике сложился образ городового как тупого и жестокого слуги деспотического строя. Для людей либерального склада городовой был одиозной фигурой, объектом острот и насмешек. "Москвичи шутливо относили их к нечистой силе, считая, что в лесу есть леший, в воде — водяной, в доме — домовой, а в городе — городовой" [Телешов, Записки писателя, стр. 277].

3а. Сходный мотив — в ДС 8: "Прежнего [заведующего домом собеса] за грубое обращение с воспитанницами сняли с работы и назначили капельмейстером симфонического оркестра".

3с. Параллель к этой ремарке (если не прямой ее источник) обнаруживаем в предисловии Ф.Сологуба к 5-му изд. "Мелкого беса". Автор упоминает различные слухи о дальнейшей судьбе Передонова, посаженного в психиатрическую больницу за убийство приятеля-чиновника. "Одни мне говорили, что Передонов поступил на службу в полицию....От других же я слышал, что в полиции служил не Ардальон Борисович, а другой Передонов....Самому же А.Б. на службу поступить не удалось, или не захотелось, он занялся литературной критикой. В статьях его сказываются те черты, которые отличали его и раньше".

Ср. также: *Кто был городовым, идет в профессора* [Вл.Соловьев, Дворянск. заем (1891)].

4. Фамилия, возможно, подсказана эпизодом из "Былого и дум" Герцена, где фигурирует знакомый автора Дмитрий Васильевич Небаба [II.18].

4. *В городском саду перестал бить фонтан.*

3с. О переставшем бить фонтане рассказывает Альфред Джингль в истории об эксцентрическом самоубийстве некоего испанского гранда: "Вдруг перестал бить фонтан на главной площади —— недели идут — — засорился —— рабочие начинают чистить —— вода выкачана —— нашли тестя —— застрял головой в трубе —— вытащили, и фонтан забил по-прежнему" [Диккенс, Пикв. клуб, гл. 2].

5. *Пусти, тебе говорят, лишенец!*

1. Лишенцы (от "лишать", "лишенный") — лица, квалифицируемые как нетрудовой элемент и в силу этого лишенные избирательных прав, а вместе с ними и ряда других прав и привилегий. В число Л. попадали кулаки, нэпманы, торговцы, служители культа, бывшие служащие и агенты царской полиции, бывшие помещики, иные классово-чуждые и эксплуататорские элементы, критерий отбора которых не всегда был четко определен. Л. не могли быть членами профсоюзов, состоять на советской службе, работать на фабриках и заводах; их дети не могли учиться в университетах и служить в Красной армии. Им было отказано в продовольственных карточках и государственном медицинском обслуживании. Литератор Ю.Елагин на основе собственного опыта так описывает статус Л.:

"Наша семья была причислена к чуждым и классово-враждебным элементам по двум причинам: во-первых — как семья бывших фабрикантов, т.е. капиталистов и эксплоататоров, и во-вторых — потому что мой отец был инженером с дореволюционным образованием, т.е. принадлежал к части русской интеллигенции, в высшей степени подозрительной и неблагонадежной с советской точки зрения.

Первым результатом всего этого было то, что летом 1929 года нас всех лишили избирательных прав. Мы стали 'лишенцами'. Категория 'лишенцев' среди советских граждан — это категория неполноценных граждан низшего разряда. Их положение в советском обществе во многом напоминало положение евреев в гитлеровской Германии. Государственная служба и профессия интеллигентного труда были для них закрыты. О высшем образовании не приходилось и мечтать. Л. были первыми кандидатами в концлагеря и в тюрьмы. Кроме того, во многих деталях повседневной жизни они постоянно чувствовали униженность своего общественного положения. Я помню, какое тяжелое впечатление на меня произвело то, что вскоре после лишения нас избирательных прав к нам на квартиру пришел монтер с телефонной станции и унес наш телефонный аппарат. 'Лишенцам телефон иметь не полагается', — сказал он" [Елагин, Укрощение искусств, стр. 12].

По данным советской печати, в 1929 в стране было около 3 миллионов Л. [Л.Рябинин, Фильтр для классов. врагов, Ог 27.01.29]. В связи с общим ухудшением экономического положения, многие из них потеряли средства к существованию. Кто мог, продавал остатки прежнего имущества; другие голодали и перебивались подаяниями. Зарубежные наблюдатели отмечают увеличение количества нищих на улицах советских городов в 1929-30; многие из них обращаются к иностранцам по-французски и по-немецки. Широко практиковались

выселение Л. из домов и административная высылка из столиц в отдаленные районы, где их ожидала еще более суровая жизнь. По словам И.Эренбурга, студенты, приезжавшие на стройку в Томск, "забирались в дома, где доживали свой век несчастные лишенцы. Они делились с лишенцами паечным хлебом и сахаром, и лишенцы их пускали в свои каморки, полные пыли, моли и плесени" [День второй, гл. 4].

5. Комизм слов Бендера состоит, видимо, в том, что "лишенец" употребляется как бранная кличка, вроде "поганец" или "стервец" (очередная контаминация актуального советского термина с чем-то сугубо посторонним и аполитичным).

3а. В записной книжке И.Ильфа находим слово "Умалишенец", а также следующие записи: "На почтамте оживление. 'Дорогая тетя, с сегодняшнего дня я уже лишонец'". "За что же меня лишать всего? Ведь я в детстве хотел быть вагоновожатым! Ах, зачем я пошел по линии частного капитала!" [Собр. соч., т. 5, стр. 182, 186].

6. *Бендер под видом милиционера выручает Паниковского.*

3с. Эпизод построен по известной приключенческой схеме. В "Пятнадцатилетнем капитане" Ж.Верна дикари держат в плену путешественников, но их спасает оставшийся на свободе участник экспедиции — негр Геркулес. Он является в деревню под видом знаменитого знахаря и колдуна и уводит пленников якобы для принесения их в жертву богу дождя [ч. 2, гл. 16: Мганга]. В "Принце и нищем" М.Твена Майлз Хендон спасает принца, несправедливо обвиненного в краже, от разъяренной толпы, уводя его со словами: "Этим должен заняться закон" [гл. 22-23]. Спасение героя от суда Линча под видом ареста — кульминационная сцена в "Квартеронке" Майн Рида, одной из любимых книг русских гимназистов. Аналогичную хитрость применяют жулики в рассказе О.Генри "Джефф Питерс как личный магнит": Энди Таккер, выдавая себя за детектива, уводит своего партнера, пойманного честными гражданами, и оба благополучно скрываются. В рассказе Н.Чуковского "Сестра" (1933) спасаемого от враждебной толпы человека хватают и ведут как арестанта. Наконец, многим читателям ЗТ данная сцена могла напомнить эпизод из недавней истории — спасение А.Ф.Керенским бывших царских министров (в их числе всем ненавистного Протопопова) от самосуда толпы в марте 1917 [см. Шульгин, Годы, стр. 319-320 и др.].

Вместе с тем трудно не заметить в этой сцене ЗТ пародийного параллелизма с евангельским рассказом об Иисусе и грешнице [Ин. 8.3-11]. Фарисеи хотят побить женщину камнями, Иисус же предлагает тому из них, кто без греха, первым бросить в нее камень (Бендер пред-

лагает гражданам записываться в свидетели). Толпа (как и в ЗТ) начинает редеть: "Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители?....Иди и впредь не греши". Стоит напомнить, что именно Паниковскому адресовал Бендер аналогичное наставление в начале романа: "Влезайте, но больше не грешите" [ЗТ 3].

7. *Еще один великий слепой выискался — Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания!....Я вам устрою сцену у фонтана.*

2/4. "Великий слепой" — по аналогии с "великий немой", как когда-то называли кино [см. примечание 6 к ДС 30]. Острота могла быть навеяна авторам огоньковской "Викториной", один из вопросов которой гласил: "Какие мировые поэты были слепыми?" (ответ: "Гомер, Оссиан, Мильтон") [серия 28, Ог 15.07.28].

3с. Имеется в виду сцена "Ночь. Сад. Фонтан" из "Бориса Годунова" Пушкина (разговор Лжедмитрия и Марины)

8. *Звезда говорила со звездой по азбуке Морзе, зажигаясь и потухая.*

3с. Из Лермонтова (*И звезда с звездою говорит*).

9. *Еще недавно старгородский загс прислал мне извещение о том, что брак мой с гражданкой Грицацуевой расторгнут по заявлению с ее стороны и что мне присваивается добрачная фамилия О.Бендер.*

1. Объявления о расторжении браков в 1927-30 строились по стандартной форме: "Сафоновский орган ЗАГС сообщает, что брак гр. Подгорецких Н.Я. и Е.А. по заявлению супругов прекращен 26 апреля 1927 г. за N° 34. Гр-ке Подгорецкой присвоена добрачная фамилия Жилина". Последняя формула применялась и к мужу, даже если он в браке не менял фамилии: "Гр-ну Саввину присвоена фамилия Саввин", "Гр-ну Вейсгейм присвоена фамилия Вейсгейм" [Из 07.05.27]. Разумеется, слово "добрачная" в этом случае опускалось; этот шутливый штрих Бендер добавляет к официальной формуле от себя.

Расторжение брака было в те годы формальностью, выполняемой без всяких усилий. Развод был возможен в одностороннем порядке. "Развестись в России проще, чем выписаться из домовой книги", — писал крупный юрист И.Ильинский по поводу семейно-брачного законодательства, принятого в конце 1926. Средняя продолжительность брака в 1927 была 8 месяцев; очень многие браки расторгались на другой день после регистрации [см. ряд рассказов и комедий М.Зощенко на эту тему]. Видные идеологи любви и секса, вроде А.М.Коллонтай,

требовали радикально упростить отношения полов, говоря, что вступить в любовную связь должно быть не сложнее, чем выпить стакан воды. Неверие в традиционный институт брака настолько укоренилось, что, напр., старый большевик, нарком юстиции Курский, докладывая съезду Советов о новом брачном законодательстве, с удовлетворением констатировал, что семья разлагается, и буквально извинялся за то, что какие-то элементы этого отжившего института приходится временно оставить в силе. Эти установки эпохи нашли свое отражение в семейной драме Лоханкиных [ЗТ 13, 21, 24].

Следует подчеркнуть, что в основе половой эмансипации 20-х гг. было больше идеологии, чем гедонизма, и она вполне уживалась с пуританскими взглядами в духе XIX в.[1]

Раздавались и голоса протеста против чрезмерного радикализма в брачном и половом вопросе. В деревне, по данным тогдашней печати, преобладало более уважительное отношение к семейному укладу, и процент разводов был незначителен по сравнению с городом. Некоторые видные коммунисты, среди них А.А.Сольц и Д.Б.Рязанов, высказывались за более традиционный подход к браку и семье. Эти дискуссии и поиски новых форм бытовых взаимоотношений нашли отражение на страницах многих литературных произведений 20-30-х гг.

1. Напр., М.Фишер передает свой спор с комсомолкой, которая, настаивая на своем праве выходить замуж хоть каждый день, в то же время осуждает поведение иностранца, проводившего домой с вечеринки советскую девушку вместо своей жены [Fischer, My Lives in Russia, p. 73-74].

ГЛАВА 13

Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции

1. *Ровно в шестнадцать часов сорок минут Васисуалий Лоханкин объявил голодовку. Он лежал на клеенчатом диване, отвернувшись от всего мира....*

1. Голодовка — обычное средство протеста политзаключенных [см. об этом хотя бы Зензинов, Пережитое, стр. 359; Солженицын, Архипелаг Гулаг, т. 1, стр. 468 сл.]. На уход жены Лоханкин отвечает в духе тех интеллигентов, сыгравших "роль в русской революции", отголоском которых является его образ [см. ниже примечание 5]. Попытки прибегать к этому средству в советских условиях не поощрялись; напр., в фельетоне "Правды" высмеивается хозяйственник, объявивший голодовку в ответ на увольнение с работы [Пр 04.01.29].

3. "Революционный" мотив голодовки совмещен у Ильфа и Петрова с обломовским диваном, известным атрибутом российских бездельников и лишних людей. Уже в юмористике 10-х гг. диван осознается как стереотип и символ; напр., в одной пьесе при поднятии занавеса на сцене представал человек, лежащий на диване, и произносил монолог: *Я — господин Иванов, /Я пролежал уже десяток диванов....* и т. д. [Н.Н.Вентцель, Лицедейство о г-не Иванове (1912), в кн. Русск. театральн. пародия]. В стихотворении Саши Черного "Интеллигент" (1908) герой, подобно Лоханкину, страдает на пружинном диване, *повернувшись спиной к обманувшей надежде.* Диван присутствует и в "Зависти" Ю.Олеши.

Лежащий на диване или кровати герой в качестве *начальной* картины (романа, рассказа, главы и т. п.) представлен в "Обломове" (кровать), в романе А.Ф.Писемского "Люди сороковых годов" (кожаный диван [II.1]), в рассказе И.Н.Потапенко "Почтмейстер и колбаса" (клеенчатый диван, как в ЗТ), в вышеупомянутой пьесе Вентцеля и др.

4. "Васисуалий Лоханкин" впервые появляется у Ильфа и Петрова в качестве имени гробовщика в рассказе из серии "Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска" [Чу 03.1929]. Фамилия могла быть позаимствована из пьесы А.Н.Толстого "Чудеса в решете" (1926), где фигурирует Лоханкин — "клубный жучок, или марафон". Что касается имени, то источником его, возможно, послужило прозвище церковного деятеля начала века, о котором З.Гиппиус пишет: "весьма любопытный как тип 'хитрого мужичонки' человек, чиновник особых поручений при Победоносцеве, Вас. Скворцов, редактор 'Миссионерского обозрения'....Фигура интересная. Отчасти комическая, — над ним и свои подсмеивались....Официальный миссионер, он славился жестокостью по 'обращенью' духоборов и всяких 'заблудших' в лоно православия. Вид у него был мужичка не без добродушия, но внутри этого 'Васисуалия'[1] (по непочтительной кличке) грызло тщеславие: давно мечтал стать 'генералом' (дослужиться до 'действительного'....)" [Гиппиус, Дмитрий Мережковский, стр. 93-94; указано О.Матич].

2. *Задрожала фараонская бородка.*

1. Стилизованная заостренная бородка — черта богов и фараонов на многих древнеегипетских изображениях. Бородку в виде бруска можно видеть также на сфинксах. В советское время мода на подобные бородки сохранялась в основном среди старорежимных интеллигентов, изображенных, среди прочего, на иллюстрациях Н.Радлова к книгам М.Зощенко [напр., Лишние люди, Л. 1930; Личная жизнь, Л. 1934]. Иностранный наблюдатель в 1933 отмечает, что бороду в городах уже не носят, хотя иногда на улице можно встретить "хорошо одетого господина с маленькой заостренной бородкой, с портфелем — вероятно, это профессор или судья, служивший и при новом, и при старом режиме" [Oudard, Attrait de Moscou, p. 30, 32][2].

3. *Упиваясь своим горем, Лоханкин даже не замечал, что говорит пятистопным ямбом.*

3с. Переход персонажа с прозы на стихи, причем не цитируемые, а оригинальные — едва ли не уникальный случай в русской литературе (если не считать водевилей). На Западе можно указать некоторые параллели, напр., прозаические сцены "Генриха IV" Шекспира, где подобное происходит дважды, оба раза в трактире: когда Фальстаф изображает короля [I.2.4] и когда пьяница Пистоль врывается в трактир, раз-

махивая шпагой и произнося угрожающие ямбы, полные шутовской риторики [II.2.4], или повесть Жюля Ромэна "Les Copains" (1922), где бродяга, подбирающий окурки, вдруг начинает говорить александрийскими стихами [гл. 2]. Общая черта этих примеров и ямбов Лоханкина в том, что стихи предстают как нарочито неумелые, с преувеличениями, нескладицей, повторениями, нарушениями размера. Декламация трагедийных стихов в бытовой обстановке типична для старых актеров [напр. Д.Т.Ленский, Лев Гурыч Синичкин; А.М.Федоров, Гастролеры, в кн. Писатели чеховск. поры, т. 2].

В более широком плане параллелями к Лоханкину являются всевозможные, чаще всего комические и пародийные, перескоки в бытовом разговоре с обычного языка на стилизованный, выспренний, ученый и проч. Таковы монологи некоторых персонажей Рабле (любимого писателя Ильфа) и Мольера; речь Несчастливцева у Островского [см. ниже], Фомы Опискина в "Селе Степанчикове", Гаева в "Вишневом саде" и др.

Примерно тридцать белых ямбов, произносимых Лоханкиным в трех главах романа [ЗТ 13, 21, 24], пародийны, однако — подобно пародиям Козьмы Пруткова — они имитируют не конкретные тексты, а некий усередненный "возвышенный стиль", составленный из штампов классической литературы. В данном случае ближайшим источником таких штампов является трагедия, писанная белым 5-стопным ямбом, — жанр, в русской драматургии связываемый с именами Пушкина, А.К.Толстого, Л.А.Мея и др. Употребление Лоханкиным этого размера, очевидно, следует рассматривать как развитие темы "трагедии русского либерализма", о которой размышляет Лоханкин, и его склонности "страдать величаво, упиваясь своим горем". Кроме реминисценций из "Маленьких трагедий", "Бориса Годунова" "Царя Федора" и др., мы находим в ямбах Лоханкина и другие "высокие" клише, восходящие к романтической поэзии, драме и лирике XIX в.

Параллели между стихами Лоханкина и этими текстами могут быть прослежены, с одной стороны, в плане лексики и образности, с другой — в метрико-синтаксических схемах, т. е. в типовых сращениях метрических позиций с заполняющими их синтаксическими конструкциями. Ради обозримости лоханкинские ямбы будут рассмотрены не по мере их появления в трех разных главах, а в один прием. (Сокращенные названия драм Пушкина, А.К.Толстого и Л.А.Мея: БГ — "Борис Годунов"; ДЖ — "Дон Жуан"; КГ — "Каменный гость"; МС — "Моцарт и Сальери"; ПЧ — "Пир во время чумы"; РУ — "Русалка"; СИ — "Смерть Иоанна Грозного"; СР — "Скупой рыцарь"; ЦБ — "Царь Борис"; ЦН — "Царская невеста"; ЦФ — "Царь Федор Иоаннович").

ЗТ 13. *Волчица ты. Тебя я презираю....* — Метрико-синтаксическая схема первого полустишия (*Волчица ты....*) чрезвычайно широко представлена в трагедиях: *Царевич я. Довольно, стыдно мне....*[БГ]; *Безумец я. Чего ж я испугался?* [БГ]; *Убийца ты. Волхвы тебе сказали....* [ЦБ 5]; *Рехнулся ты! Ты за кого стоишь?* [ЦФ 3]; *Мучитель я! Мой сын, убитый мною....*[СИ 4]; *Антихрист он! Всех наших бед заводчик* [СИ 4].

К любовнику уходишь от меня.... — Слово *любовник* воспринимается в данном контексте как элемент стиля XIX в. Обильно представлено у Пушкина — ср. *Мой верный друг, мой ветреный любовник* [КГ] и др.

К ничтожному Птибурдукову нынче / Ты, мерзкая, уходишь от меня. — Метрико-синтаксическая параллель ко второму стиху: *Ты, бешеный, останься у меня* [КГ].

Так вот к кому ты от меня уходишь! — Ср. *Так вот зачем тринадцать лет мне сряду....*[БГ]; *Так вот где таилась погибель моя!* [Пушкин, Песнь о вещем Олеге]; *Так вот кого любил я пламенной душой* [Пушкин, Под небом голубым....]; *Все кончено! Так вот куда приводит / Меня величья длинная стезя* [СИ 1].

И этим я горжусь. — Ср. *Довольно! с вами я горжусь моим разрывом* [Грибоедов, Горе от ума].

Оставь меня. — Ср. *Оставь меня!* [Дона Анна — Дон Гуану, КГ]; *Оставь меня, пусти-пусти мне руку* [КГ]; *Отец мой, ради Бога / Оставь меня* [ПЧ]; *Оставь меня, о дух лукавый* [Лермонтов, Демон, X] и мн. др.

Птибурдуков, тебя я презираю. — Обращение к кому-то на "ты" и по фамилии типично для поэзии XVIII — XIX в.: *Куда, Мещерской, ты сокрылся?* [Державин], *Шишков, прости* [Пушкин], *Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом* [Некрасов] и др.

Жены моей касаться ты не смей. — Глагол "сметь" типичен для трагедий [примеры см, ниже].

Ты хам, Птибурдуков, мерзавец! — Ср. *Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец* [КГ]. Незаконченный метрически стих этого типа нередок в трагедиях, писанных 5-стопным ямбом. Он особенно типичен для эмфатической, исступленной речи, напр., в монологах Гамлета и призрака и в других шекспировских трагедиях. Ср. также эпиграф к лермонтовской "Смерти поэта": *Отмщенье, государь, отмщенье!*

Уйди, уйди, тебя я ненавижу. — Метрико-синтаксически первое полустишие построено по распространенной схеме с повтором слова: *Пора! пора! проснись, не медли боле* [БГ]; *Постой, постой! Ты выпил... без меня?* [МС]; *Позволь, позволь — тут что-нибудь не так* [ЦФ 3]; *В тюрьму! в тюрьму! Царь-государь, помилуй* [ЦФ 4] и др. Лексические параллели: *Да, постригись! Уйди, уйди от мира!* [ЦФ 5]; *Тебя, твой трон*

я ненавижу [Пушкин, Вольность]; *О, как тебя я стану ненавидеть* [БГ]; *Ах, если б вас могла я ненавидеть* [КГ]; *Безжалостный Квирит, тебя я ненавижу* [Фет, На развалинах цезарск. палат].

Не инженер ты — хам, мерзавец, сволочь, / ползучий гад и сутенер притом! — Сходный стих у А.К.Толстого: *Так! Это он! Злодей! Бездельник! Изверг!* [командор — Дон Жуану, ДЖ, ч. 1]. С другой стороны, ср. формулу "ты не...., а...." в поэзии: *Ты не чеченец — ты старуха* [Пушкин, Тазит]; *Ты был не царь, а лицедей* [Тютчев, Эпитафия Николаю I, опубл. в 1922] и др.

Он мне посмел сказать, что это глупо! — Формы "сметь", "смел", "посмел" могут считаться характерным элементом трагедийной лексики. Ср. *Как! отравить отца! и смел ты сыну... / Иван! держи его. И смел ты мне... /....Жид мне смел / Что предложить* [СР]; ср. также примеры к следующему стиху Лоханкина. Трагедийным штампом является 3-е лицо вместо 2-го в негодующих восклицаниях. Ср. у А.К.Толстого: *Он говорит о смерти! Боже правый! / О смерти он дерзает говорить..../ Он богохульствует!* [дона Анна в разговоре с Дон Жуаном, ДЖ, ч. 2]. Пародию на этот штамп находим у Островского в диалоге Несчастливцева с купцом Восмибратовым: "Несчастливцев (Буланову): Что он говорит?....Что он смеет говорить?....Боже великий! И он жив еще? Я еще не убил его?....Восмибратов: Что вам угодно?.... Несчастливцев: Что мне угодно? Он спрашивает, что мне угодно, а! Ха, ха, ха! Он еще разговаривает!" и т. д. [Лес, д. 3, явл. 10].

Он, он жену укравший у меня! — Эмфатическое повторение личного местоимения "он" или "ты" — еще один трагедийный штамп. Ср. *Едва умру, он, он! сойдет сюда.... /....Ты, ты мне смел! / Ты мог отцу такое слово молвить!* [СР]; *Ты смеешь мне в глаза — злодей! — Ты — ты....*[СИ 5].

ЗТ 21. *Уж дома нет. Сгорел до основанья.* — Ср. лексические и тематические параллели у Пушкина: *Вот мельница. Она уж развалилась* [РУ]; *Лачужки этой нет уж там....*[Домик в Коломне]; *Где же дом?* [Медн. всадник]. Формула "Уж нет (того-то)" типична для романтического стиля: *Уж нет вождей победы* или *И нет уж Минваны* [Жуковский, Певец во стане русск. воинов, Эолова арфа]; *Иных уж нет, а те далече* или *Уже старушки нет* [Пушкин, Евг. Онегин, Вновь я посетил....].

Пожар, пожар погнал меня сюда. — Параллели к "пожар, пожар" см. в примечаниях к *Уйди, уйди, тебя я ненавижу....*

ЗТ 24. *Я обладать хочу тобой, Варвара!* — Ср. сходный метрико-синтаксический рисунок у Пушкина: *И выслушать хочу тебя сперва* [БГ]. Сходная позиция трехсложного собственного имени в обращении — у

А.К.Толстого: *Я на тебя рассчитывал, Ирина* [ЦФ 5]; у Мея: *Тебе во всем поверю я, Григорий!* [ЦН I.1.1[; *Садися здесь и выслушай, Бомелий!* [ЦН I.2.5[; *Что ж, пар костей не ломит ведь, Петровна?* [ЦН 2.1].

4. *Наряду с множеством недостатков у Варвары были два существенных достижения: большая белая грудь и служба.*

2. Фраза имеет нарочито суконное, газетное звучание: "наряду с достижениями, имеются и недостатки" — стандартная фраза скучных ораторов и бесталанных журналистов. О слове "достижения" см. примечание 4 к ЗТ 32.

5. *Сам Васисуалий никогда и нигде не служил. Служба помешала бы ему думать о значении русской интеллигенции, к каковой социальной прослойке он причислял и себя.*

1. Эти упоминания об интеллигенции и весь образ Васисуалия Лоханкина породили немало споров и недоразумений. В советской либерально-оппозиционной мысли сложилась легенда, согласно которой Ильф и Петров будто бы выполняли "социальный заказ", состоявший в том, чтобы травить интеллигенцию, "претендовавшую на собственное мнение"[3]. Подобные упреки говорят о поверхностном и предвзятом чтении текста, о расплывчатости критического мышления и загипнотизированности политическими ярлыками. В частности, обвинители Ильфа и Петрова совершенно не задаются вопросом о том, какую из достаточно несхожих между собой (и хронологически, и типологически) разновидностей "интеллигенции" Ильф и Петров обижают, а они, критики, берут под защиту. Логика их, по-видимому, такова: когда "дикари"[4] и прислужники официальных кругов, вроде Ильфа и Петрова, грозят культуре, надлежит априори заслонить от их стрел любого человека с высшим (и даже незаконченным средним, как Лоханкин) образованием, а в более тонких различиях можно будет разобраться потом.

Вероятно, в позиции этих критиков сыграло свою роль и стремление к элитарному самоутверждению, ради которого надлежало демонстративно отвернуться от образцов "массовой" и "официально одобренной" советской культуры. Дилогия Ильфа и Петрова казалась им одним из подходящих объектов такого рода, достаточно признанным и популярным, чтобы жест ее презрительного отстранения от круга "подлинных" ценностей мог произвести нужный эффект[5]. В свете этой задачи (этого, если угодно, "социального заказа"!) тезис об антиинтеллигентстве авторов ДС/ЗТ представляется скорее внешним предлогом; перед нами, видимо, тот случай, когда обвинители, выражаясь словами М.Булгакова, "говорят не то, что они хотят сказать". О неискренности этого аргумента говорит хотя бы следующее: громко

возмущаясь карикатурным портретом Лоханкина и спеша на этом основании перечеркнуть все творчество Ильфа и Петрова, указанные критики почему-то вполне спокойно относятся к столь же или даже еще более непочтительному изображению интеллигентских фигур фактически всеми крупными писателями первой трети века, как-то: Блок, Эренбург, Набоков, Олеша, Зощенко, Эрдман и др.

Так или иначе, давно пора разобраться в том, какая интеллигенция представлена в лице Лоханкина, и намного ли грешнее смеяться над ним, чем, скажем, над Хворобьевым или Воробьяниновым.

Нет сомнения, что начинающаяся эпоха индустриализации была трудным временем для носителей духовной культуры. Отношение власти к интеллектуалам, особенно беспартийным, было холодным и настороженным; ужесточались требования, усиливались карательные и проработочные меры против "чуждых элементов". Это были годы бичевания и самобичевания интеллигенции, в которой старательно подогревали издавна свойственное ей чувство вины и "долга перед народом". В литературе замелькал тип интеллектуала-отщепенца, жалкого мозгляка, отброшенного в сторону победным шествием пролетариата, вынашивающего в своем углу планы мести и реванша. В особенно ядовитых тонах изображаются интеллигенты молодого и среднего поколений, выросшие под знаком культурного расцвета предреволюционных лет. В этих персонажах, представлявших, очевидно, наибольшую опасность для новых хозяев жизни, сквозь густой слой яда и карикатуры более или менее явственно проглядывают черты элитарной рафинированности, ума, образования, незаурядных способностей — проглядывают, чтобы в конечном счете подвергнуться сугубому поруганию и развенчанию. Таковы Иван Бабичев, Кавалеров, Елена Гончарова у Олеши, Володя Сафонов в "Дне втором" Эренбурга, интеллигенты-спецы в советских пьесах, злобствующие из-за своей ущемленности и засилья хамов-выдвиженцев (напр., у А.Афиногенова) и др. Все это, как правило, люди с большими амбициями, которые хотели бы играть яркую роль в современной жизни и, несомненно, играли бы ее, если бы не революция. Они озлоблены, так как чувствуют себя насильственно вытесненными со своего законного места в истории двадцатого века.

Легко видеть, что Васисуалий Лоханкин не находится ни в каком родстве с подобными персонажами советской литературы и с их прототипами — людьми творческих и интеллигентных профессий 20-х гг., притеснявшимися "хамской властью" за духовный аристократизм и независимость. Он не обладает ни одним из характерных признаков интеллигенции указанного типа и не может прочитываться как пародия

на нее. Совершенно безосновательно утверждение Н.Я.Мандельштам о том, что Лоханкин типизирует черты людей, воплощавших совесть эпохи, понимавших гибельность принципа "все дозволено" и т. п.[6] Через его карикатурный облик ни в какой, сколь угодно искаженной, форме не просвечивают ни интеллект, ни культура, ни способности, ни амбиции. Быв исключен из пятого класса гимназии, Л. по образованию стоит ниже Митрича, окончившего Пажеский корпус, и читает не Достоевского, а мещанский иллюстрированный журнал гимназических лет. Он не стоит ни в какой явной или скрытой оппозиции к советскому строю, ущемленности не испытывает и очень доволен своей жизнью под крылом Варвары. "Либерализм", "революция" и "сермяжная правда", о которых он размышляет, — это отнюдь не язык интеллектуалов 20-х гг., а скорее обрывки какого-то исчезнувшего древнего языка. Одним словом, инсинуации о высмеивании и травле Ильфом и Петровым мыслящих профессионалов, преследовавшихся в эти годы властью (таких, напр., как Г.Г.Шпет, А.Ф.Лосев и др.), образом Лоханкина ни в малейшей мере не подтверждаются.

Эти обвинения мало согласуются и с тем, что мы знаем о гражданском поведении авторов ДС/ЗТ из других их сочинений и из биографических данных. Как справедливо указывает А.А.Курдюмов, Ильф и Петров были далеки от антиинтеллигентских кампаний и "ни разу не выступили против конкретных интеллигентов, враждебных советской идеологии и претендовавших на собственное мнение" [В краю непуган. идиотов, стр. 92-93]. Когда им случалось вышучивать тех или иных коллег по литературе и искусству, то объектом насмешки по большей части оказывался как раз трусливый конформизм, а отнюдь не свободомыслие [там же, стр. 93, 98-99].

Какую же интеллигенцию представляет Васисуалий Лоханкин? Как считает А.А.Курдюмов, ему свойственна "готовность принять разумность всего на свете и любого изменения общественного климата, возникавшая у русской интеллигенции на протяжении ее истории постоянно", оппортунистическая склонность интеллигента видеть "провиденциальный смысл" в любых превратностях судьбы — ср. лоханкинское "А может быть, так надо?" [там же, стр. 103-104]. Против этого общего положения трудно возражать. Однако попытки критика более точно локализовать фигуру Л. представляются нам довольно спорными. По его словам, указанные выше инвариантные свойства русской интеллигенции нашли свое очередное воплощение в советских "кающихся интеллигентах" 1929-30 гг., таких как Олеша, Леонов, Эренбург, "не только усматривавших глубокий смысл во всем происходящем, но выступавших при этом от имени советской интеллигенции — с пафо-

сом и самобичеванием". Именно в этих деятелях критик склонен видеть "ближайшую параллель Лоханкину". Лоханкинскую манеру упиваться собственным страданием, "хлестать свое горе чайными стаканами" он сопоставляет с заявлениями Ю.Олеши о том, как ему противно быть интеллигентом, а также с воплем писателя в одном из фельетонов Ильфа и Петрова: "Братья, меня раздирают противоречия великой эпохи....и я этим горжусь" [На зеленой садовой скамейке, в кн. Как создавался Робинзон, стр. 46; Курдюмов, стр. 103-104]. Таким образом, по мнению А.А.Курдюмова, Л. является представителем советских интеллектуалов конформистского толка, мающихся между стремлением перестроиться на новый лад и гуманистическими пережитками прошлого в соединении с извечной российской инертностью[7].

Однако в образе Л. много такого, что явно выпадает и из этой схемы. В отличие от Олеши, Леонова и им подобных советских интеллектуалов, он обладает крайне скудным культурным багажом. В противоположность им, он и не думает "меряться с пятилеткой" (читает "Родину" вместо того, чтобы с Варварой восторгаться летчиком Севрюговым), не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести. И если Олеша стыдится быть интеллигентом, то Л., напротив, с гордостью причисляет себя к этой прослойке. Ни Олеше, ни Леонову не пришло бы в голову клясться именами Милюкова и Кони — кумиров Л.; и в такой же степени чужды им сермяжная правда, великая жертва, очищение и тому подобные понятия из идейного багажа Васисуалия.

В действительности образ Л. не обладает той узкой злободневностью, которую приписывают ему интерпретаторы разных толков. Нет необходимости возводить его к каким бы то ни было подлинным советским интеллектуалам 20-х гг. Это обобщенная фигура, в которой в карикатурном, но все же узнаваемом виде отражены черты архетипического, т. е. прежде всего дореволюционного, интеллигента "прогрессивного" толка: есть в нем что-то от народника и славянофила, преклоняющегося перед мужичком-богоносцем (сермяжная правда), что-то от либерала-просветителя (Кони), что-то от кадета (Милюков), что-то от эсера (голодовка) и все это на фоне таких общероссийских универсалий, как обломовский диван, маниловские прекраснодушные мечтания, полная непрактичность и непригодность к жизни. Есть в нем, конечно, и отмеченный Курдюмовым оппортунизм, но едва ли основательны попытки видеть здесь отражение именно советских (и даже еще конкретнее: писательских!) умонастроений. Критик сам констатирует, что эта черта была свойственна русской интеллигенции на протяжении всей ее истории. В разговорах и размышлениях Васисуалия мелькают слова, которыми — не без самолюбования — имели обык-

новение говорить о дореволюционной интеллигенции ее историки и панегиристы. В первую очередь, сюда относятся разглагольствования Лоханкина о жертвах ("Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва..."[8]) и мотив страданий, переживаний, попыток ответить на "проклятые вопросы" ("В жизни Васисуалия Андреевича наступил период мучительных дум и моральных страданий....Лоханкин....страдал открыто, величаво, он хлестал свое горе чайными стаканами, он упивался им....Мог ли он помнить о таких мелочах быта...., когда не было еще точно уяснено все многообразное значение русской интеллигенции?....И покуда его пороли,....В.А. сосредоточенно думал о значении русской интеллигенции...." [ЗТ 13])[9].

Таким образом, следует рассматривать Васисуалия в одном ряду с другими архетипическими масками исчезнувшего мира, десакрализацией которых полны романы Ильфа и Петрова. Как известно, интеллигенты описанного выше типа внесли в свое время немалую лепту в радикализацию русского общества, в разоружение его перед лицом тоталитарных сил и в дискредитацию духовных ценностей (о чем см. сборник "Вехи"), так что героическая защита Лоханкина противниками тоталитаризма представляется довольно странной.

В эпоху создания ЗТ этот исторический прототип Л. уже в значительной мере выродился и утратил свой подвижнический ореол[10]. В то же время штампы интеллигентского мышления и языка в выхолощенном, вульгаризованном виде продолжали иметь хождение среди интеллигентов старой закалки и их потомства, мало-помалу перерождавшихся в обыкновенных советских обывателей и мещан, а также среди собственно обывателей, которые в своих претензиях на культуру охотно украшались староинтеллигентскими реликвиями. Если уж сближать Л. с реальными "прослойками" советского общества, то в первую очередь напрашивается сходство именно с этими дегенерированными формами интеллигентности, причем, учитывая культурный фон Л., скорее со второй из них, чем с первой. Иными словами, если он в какой-либо мере и интеллигент, то в лучшем случае бывший, как его соседи по квартире бывший камергер Митрич и бывший князь Гигиенишвили.

Недоразумениям, возникшим вокруг несложной, в сущности, фигуры Л., способствовала, помимо нежелания обвинителей Ильфа и Петрова видеть действительное положение вещей, расплывчатость самих слов "интеллигенция" и "интеллигентность", которые в советские годы употреблялись в расширенном смысле по сравнению со старыми временами. Сыграла свою роль и высокая степень деформации, которой подвергся в образе Лоханкина его прототип, сведясь к разрозненному набору общих мест. Столь крайнее оглупление данного персонажа (не

меньшее, чем, скажем, в случае Хворобьева), отражает девальвацию староинтеллигентского мышления во всех его оттенках.

2. Словечко "прослойка", употреблявшееся уже Лениным ("прослойка рабочих", "прослойки общественных классов"), имело распространение в газетном языке: "прослойка вождей", "кулацкая прослойка деревни", "различные читательские прослойки", "выросла значительная прослойка женщин-общественниц". Типично для тех лет и употребление архаизмов-канцеляризмов, переходивших в язык из речи партийных и государственных деятелей: "каковой", а также "таковой", "сей", "оный", "коего/коему/кои", "ибо", "дабы" и проч. [НМ 08.1928, стр. 169; Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 59-61, 105, 134].

3. Взаимоотношения Лоханкина и Варвары находят себе отдаленную параллель в "Бесах" Достоевского (Варвара Петровна и Верховенский-старший); сходство имени и ситуации отмечено Каганской и Бар-Селла [Мастер Гамбс и Маргарита, стр. 44-45]. В русской литературе XX в. относительно близким к Л. персонажем является Алексей Спиридонович Тишин из "Хулио Хуренито" И.Эренбурга (с которым его роднит, среди прочего, гиперсексуальность). Однако как тип русского интеллигента Л. нарисован в гораздо более абстрактных, "мифологизированных" чертах, чем герой романа Эренбурга, действующий в более раннем историческом контексте, в котором его фигура еще сохраняет известную актуальность. Ближайшим родственником Васисуалия является безработный интеллигент Экипажев из водевиля В.Катаева "Миллион терзаний" (1930). Этот несколько более развернутый вариант Л. лишний раз показывает, что объектом иронии в кругу Катаева — Ильфа и Петрова был не новейший, а "классический" интеллигент. Фразеология Экипажева отчасти совпадает с лоханкинской, отчасти конкретизирует ее: "русский либерализм", "идеалы", "принципы", "мученичество за идею", "служить бы рад, прислуживаться тошно", "вот до чего довели бедную русскую интеллигенцию", "Радищев, декабристы, октябристы, Пушкин, Лермонтов, Жуковский" и т. п. Как и герой ЗТ, этот персонаж живет в коммунальной квартире, держит у себя на полке энциклопедию Брокгауза-Ефрона и "поддерживает себя материально" сдачей комнаты.

Слова "Сам В. никогда и нигде не служил" можно сопоставить с фразой в рассказе С.Гехта "Полет за 15 рублей", также имеющей в виду довольно жалкого и смешного персонажа: "Сам он нигде и никогда не получал жалованья" [ТД 01.1928].

6. *Любимый шкаф, где мерцали церковным золотом корешки брокгаузовского энциклопедического словаря.*

1. Самая известная из русских энциклопедий, в 86 томах, изданная в 1890-1907 издательством Брокгауз-Ефрон. Была обязательной принадлежностью культурного дома. И.Эренбург вспоминает, как в 1908-09 "охранники по ночам раздирали тюфяки и перетряхивали восемьдесят томов энциклопедии Брокгауза и Ефрона" [Люди, годы, жизнь, кн. 1-2, стр. 69]. О присутствии Брокгауза в библиотеках интеллигентских квартир и дворянских усадеб см. у В.Набокова [Другие берега, X.4], В.Каверина [Освещенн. окна, стр. 88] и др. В послереволюционные годы она нередко упоминается иронически, как один из реликтов старорежимной респектабельности; напр., на полках обывателя Василисы [Булгаков, Бел. гвардия, гл. 2] "в зеленом свете мягко блестели корешки Гончарова и Достоевского и мощным строем стоял золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон. Уют".

7. *Подолгу стаивал Васисуалий перед шкафом, переводя взоры с корешка на корешок.*

3с. Возможное фразеологическое заимствование из А.Белого: "Тут подолгу он сиживал...." [см. цитату в примечании 12 к ДС 11].

8. *По ранжиру вытянулись там....большая медицинская энциклопедия, "Жизнь животных", пудовый том "Мужчина и женщина", а также "Земля и люди" Элизе Реклю.*

1. Большая медицинская энциклопедия — издание в 35 томах, выходило в советские годы (1928-36); очевидно, на полке Васисуалия могли стоять лишь первые ее тома. В отличие от других книг Лоханкина, БМЭ имела не золоченый переплет, а строгий, темнозеленый, с простым геометрическим узором. "Жизнь животных" А.Э.Брема в 10 томах вышла в русском переводе незадолго до первой мировой войны. "Мужчина и женщина" — дореволюционное переводное издание в 3 томах, наиболее полная для своего времени энциклопедия секса, любви и половой жизни, в золототисненых переплетах, с многочисленными фотографиями "ню" на меловой бумаге. "Земля и люди" — популярный труд по всеобщей истории и географии французского писателя Элизе Реклю (Reclus, 1830-1905), вышел в русском переводе в 19 томах в 1898-1901. Библиотека Лоханкина состоит из обоймы так наз. "роскошных изданий", иметь которые считалось хорошим тоном (потом эта роль перешла к книгам "Академии", а в наши дни — к подписным изданиям). В 1929-30, судя по газетным объявлениям, эти "дивные образцы переплетного искусства" имелись в книжных магазинах в избытке и рассылались по удешевленной цене[11]. Спрос на них угас надолго: еще в

1950-52 автор имел возможность любоваться "Мужчиной и женщиной" и "Землей и людьми" почти во всех букинистических витринах Москвы.

3b. В повести Ю.Слезкина "Козел в огороде" (1927) нэпман А.Л.Клейнершехет читает увесистый том "Вселенной и человечества" Реклю — занятие, вписывающееся в картину провинциальной обывательской скуки, нарисованную в этом произведении.

3c. Чтение заведомо устарелых книг, принадлежащих иной культурной эпохе, — мотив, встречающийся, напр., в "Истории села Горюхина" Пушкина, где читается "Письмовник" Курганова, в "Домике в Коломне" (*В ней вкус был образованный. Она / Читала сочиненья Эмина*) и др.

9. *Он радостно вздыхал, вытаскивал из-под шкафа "Родину" за 1899 год в переплете цвета морской волны с пеной и брызгами, рассматривал картинки англо-бурской войны, объявление неизвестной дамы, под названием "Вот как я увеличила свой бюст на шесть дюймов" и другие интересные штучки.*

1. "Родина" — иллюстрированный еженедельник для семейного чтения, выходил в 1879-1917. Издание того же типа и формата, что и "Нива", — с беллетристикой, репродукциями картин, официальной хроникой, популярными научными статьями и др. — "Родина", однако, уступала "Ниве" по литературному и общекультурному уровню. Для интеллигенции журнал этот был синонимом посредственного вкуса: напр., художник Н.В.Кузьмин вспоминает, что "'Родина' была плохоньким, дешевым журнальчиком", С.Я.Маршак характеризует ее как "мещанский журнал, от которого несет мышами и затхлостью" [Кузьмин, Штрих и слово, стр. 5-6; Маршак, В начале жизни, стр. 451]. Чтение "Родины" как признак низкой культуры упоминается у сатириконовцев: Саши Черного [Сатиры, Послание 2-е] и В.Горянского [Сознательн. читатель, НС 45.1914], у которого этим чтением упиваются обыватели Петровы (*Никогда я не видел семьи более пошлой и узкой*) .

Англо-бурская война 1899-1902, о которой много писали газеты и иллюстрированные журналы, вносила струю романтики в затишье конца 90-х гг. "Буров знали все", — пишет В.Шкловский, — "знали цилиндр президента Крюгера, и сейчас я помню фамилию бурского генерала Девета и узнал бы его по портрету". Дети и подростки на рубеже двух веков увлекались игрой в англичан и буров, а иные и пытались убежать на театр военных действий. "В Александровском парке хорошо было играть в англо-бурскую войну, известную по картинкам 'Нивы', которую выписывали у нас в семье", — вспоминает В.Катаев, и о том же свидетельствует Маршак: "С того времени, как взрослые вокруг нас заговорили о войне в Трансваале, мы, ребята, превратились в буров и

англичан" [Шкловский, Жили-были, стр. 36; Катаев, Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 420; Дон-Аминадо, Поезд на третьем пути; Дорошевич, Иванов Павел; Маршак, В начале жизни, стр. 526].

Интерес Васисуалия к картинкам "Родины" может, таким образом, отражать стремление регрессировать в детство; он явно склонен укрываться от треволнений взрослой жизни под крылом матери, которую ему заменяет Варвара (ср. симптоматичные слова "осиротевший Лоханкин", упоминание о варвариной груди, возглас "мамочка!" во время экзекуции и др.). Элементы инфантильности в Лоханкине — один из тех тонко варьирующихся лейтмотивов, которые придают жизненность персонажам ДС/ЗТ (ср. Балаганова, Паниковского).

В "Родине" конца 90-х гг. нет объявлений типа "Вот как я увеличила свой бюст". Последние обильно представлены в журналах предвоенного времени. В "Ниве" за 1913 встречаем многочисленные рекламы на эту тему, напр. "Метаморфоза бюста" (благодаря открытию Жанны Гренье) или "Каким образом можно получить красивую грудь" (с помощью пилюль Марбор), а также письма читательниц вроде: "Я была очень худа, мой бюст был плоский, а плечи угловаты, так что даже лучшие платья, несмотря на все старания первоклассного парижского ателье, висели на мне, как на вешалке. Однако счастливый случай направил меня на верный путь....Нет больше плоского бюста и угловатых костлявых плеч" [Ни 17.1913]. В той форме, в какой она цитируется в ЗТ, данная реклама, видимо, взята из "Синего журнала", где в 1913 печаталось объявление "Каким образом мне удалось в течение месяца увеличить свой бюст на шесть дюймов".

3. Чтение дореволюционного журнала — типичное занятие человека, отвернувшегося от советской жизни, твердолобого старовера или затхлого обывателя. В "Мандате" Н.Эрдмана бывший генерал читает "Русские ведомости" и "Всемирную иллюстрацию" военных лет: "Не могу без политики. Всю жизнь по утрам интересовался политикой" [д. 3, явл. 1-2, стр. 71]. В рассказе И.Эренбурга "Розовый домик" дочь читает "Московские ведомости" папаше-генералу, скрывая от него падение монархии: "'На обеде у предводителя дворянства присутствовали....', 'высочайшим рескриптом назначается....'" и т. п. [в кн. Бубнов. валет, стр. 49, 57]. В "Крокодиле" описывается "Вечер непьющего обывателя": *Дома вечером Федот, / Он не склонен к пиву. / За четырнадцатый год / Он читает "Ниву"* [Кр 19.1927].

Чтение старых новостей как знак застоя и праздности восходит к классике: *Сужденья черпают из забытых газет / Времен очаковских и покоренья Крыма* [Горе от ума]. Обломов-отец читает домашним третьегодичные газеты: "в Вене такой-то посланник вручил свои

кредитивные грамоты". У Чехова семья убивает время, разглядывая "Ниву" 1878 г.: "'Памятник Леонардо-да-Винчи перед галереей Виктора-Эммануила в Милане' ....'Хоботок обыкновенной мухи, видимый в микроскоп'" и т. п. [Накануне поста (1887)]. В рассказе А.Аверченко "Скептик" выведен персонаж, в ряде черт предвещающий Лоханкина: "Стеша был молодец девятнадцати лет, всю свою недолгую жизнь пробродивший из угла в угол, самоуглубленный дурень, ленивый, как корова, и прожорливый, как удав. С утра, восстав от сна, он умывался, напивался чаю и опять ложился на диван....Лежа на диване и перелистывая 'Ниву' за 1880 год, ждал обеда" [в кн. Черным по белому, стр. 57].

"Переплет цвета морской волны с брызгами" — эпитет в гоголевском стиле: ср. фрак "брусничного цвета с искрой" и сукно "наваринского дыму с пламенем" у Чичикова [Мертв. души, т. 1, гл. 7 и т. 2, "заключит. глава"].

10. *С уходом Варвары исчезла бы и материальная база, на которой покоилось благополучие достойнейшего представителя мыслящего человечества.*

3с. Мнимый гений, паразитирующий за счет жены (друга, родственника и т. п.), — мотив, представленный столь разными героями как Опискин и С.Т.Верховенский [Достоевский, Село Степанчиково, Бесы], м-р Манталини [Диккенс, Николас Никльби], Экдал [Ибсен, Дикая утка], Серебряков [Чехов, Дядя Ваня], Подсекальников [Н.Эрдман, Самоубийца]. Персонаж этого типа симулирует особую чувствительность, свойственную художественным натурам; требует к себе внимания; юродствует, становится в позу обиженного, изгнанника, нищего; угрожает покончить жизнь самоубийством, уйти, просить милостыню, заниматься унизительной работой ("поступлю в гувернеры к купцу", Верховенский; "уйду я прочь и прокляну притом", Лоханкин); иногда и в самом деле уходит, но потом возвращается или приводится домой.

11. *Подлый собственник! Понимаешь, этот крепостник объявил голодовку из-за того, что я хочу от него уйти.*

1/2. Передовая Варвара ругает мужа словами, отражающими феминистские установки 20-х гг. Семья рассматривалась как устарелый, реакционный институт; ревность, попытки удержать жену у домашнего очага — как покушение на ее независимость. Наталья Тарпова в одноименном романе С.Семенова уходит от мужа, как только замечает, что тот начал ее ревновать: "В таком мужнином к себе отношении Тарпова увидела стеснение своей личности — и ушла, дав на будущее себе зарок быть осторожнее и избегать длительных связей". Господствующая установка эпохи четко выражена в письме брата Тарповой: "Пролетариат

принес женщине полное раскрепощение и освободил ее от всех буржуазных условностей" [кн. 1, стр. 75, 85; см. также примечание 9 к ЗТ 12].

12. *Ну, подумайте, что вы делаете? На втором году пятилетки....*

2. Сходная аргументация в фельетоне А.Архангельского "Мировой масштаб". У женщины в коммунальной квартире украли белье, она расстраивается, соседи ее урезонивают: "Вы только подумайте, Анна Осиповна! Теперь, когда акулы мирового империализма готовятся на нас войной, можно ли тратить нервы на какие-то маленькие, личные огорчения?" [Ог 16.10.27]. Ходячее выражение "на таком-то году" (пятилетки, революции) часто применялось в ироническом сочетании с тривиальностями: "Стыдно на одиннадцатом году революции воду за собой не сливать", — говорит ответственная съемщица жильцу [Кр 41.1927]. То же у Маяковского в киносценарии "Тов. Копытко, или долой жир": "Что за глупые шутки... на десятом году?....На десятом году... и сквозняк....На десятом году... без вилки!....Не могу же я на десятом году босыми ногами по холодному полу" и др. [Полн. собр. соч., т. 11, стр. 174-182]. "Второй год пятилетки" — синоним 1930 г. в агитпропе эпохи ЗТ [ср., напр., разворот фотоматериалов под таким заглавием в КН 01.1930].

13. *Васисуалий* [во сне Варвары] *глодал белые шпоры на сапогах военного врача.*

4. Шпоры военного врача, по-видимому, извлечены из детских воспоминаний братьев Катаевых. В мемуарной книге В.Катаева говорится о военном враче "в блестящих штиблетах с длинными носами и маленькими шпорами", снимавшем комнату у родителей автора. То же в его повести "Хуторок в степи": "военный врач нежно позванивал маленькими серебряными шпорами" [Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 251; Собр. соч. в 9 томах, т. 5, стр. 292]. Едва ли у советского военврача, брата Птибурдукова, были шпоры: да и выше о нем было сказано: "ушел, стуча сапогами" (а не "звеня шпорами").

14. *Не такова ли судьба всех стоящих выше толпы людей с тонкой конституцией? Галилей, Милюков, А.Ф.Кони.*

1. Лоханкин вспоминает людей, подвергшихся преследованиям "за правду". Галилей (1564-1642) был предан суду инквизиции за защиту учения Коперника. П.Н.Милюков [см. примечание 6 к ДС 1] вместе с возглавлявшейся им кадетской партией подвергался поношениям как крайних правых, так и социалистов. Правительство учреждало над ним полицейский надзор, черносотенцы окрестили его "еврейским наймитом" и грозились убить, большевики осыпали оскорблениями и в ноябре 1917 объявили врагом народа. Кони, Анатолий Федорович

(1844-1927) — судебный и общественный деятель либерального направления, публицист, автор мемуаров. В 1878 суд под его председательством оправдал революционерку В.Засулич, что навлекло на К. нападки правых кругов. После революции, несмотря на старость и плохое здоровье, К. вел просветительную и филантропическую работу, читал лекции для народа в холодных аудиториях, почитался в качестве подвижника, учителя жизни и "последнего из могикан" русской либеральной интеллигенции. В советских журналах появлялись фотографии престарелого К. в его кабинете, на фоне величественных книжных шкафов с золочеными переплетами, что вполне могло произвести впечатление на Лоханкина и послужить для него некой моделью [см. С.Ф.Ольденбург, Памяти Кони: из воспоминаний, КП 41.1927].

15. *Большая коммунальная квартира номер три, прозванная Вороньей слободкой.*

1. Коммунальные квартиры возникли в больших городах России в годы военного коммунизма. Революция и гражданская война вызвали небывалое передвижение человеческих масс: пролетариат из лачуг и подвалов переселялся в дома, отнятые у буржуазии, жители провинции и деревни хлынули в столицы, и все это создало к началу 20-х гг. острейшую нехватку жилой площади. В многокомнатные апартаменты, прежде принадлежавшие одному хозяину, вселялась пестрая публика из разных классов и состояний, перемешанных революцией: "от рабочего до мирового ученого" [Ф.Гладков, Энергия, IV.2.1]. Каждой семье доставалось, как правило, не более одной комнаты, причем жильем часто служили и бывшие подсобные помещения: чуланы, антресоли, ванные, каморки для прислуги. В квартире, смотря по ее размерам, могло жить от двух-трех до нескольких десятков семей. Обитатели "коммуналки" имели общую кухню (где каждому отводился кусочек пространства, достаточный, чтобы поставить примус), общий туалет и ванную комнату (если она не была превращена в жилье), общий коридор (загроможденный старьем, а в больших квартирах — бесконечно длинный, по-казарменному голый и серый, с лабиринтом колен и ответвлений), общую переднюю и т. п. Уборка и чистка этих мест производилась всеми жильцами, несшими поочередно "дежурство" по квартире. Если в квартире имелся телефон (в 20-е гг. — редкость), то он тоже был общим и висел в передней или коридоре. Выборное лицо, именуемое "ответственным съемщиком", отвечало перед домоуправлением за коммунальные платежи и поддержание порядка.

Английский литератор, хорошо знавший дореволюционную Россию, так описывает свои впечатления от московской "коммуналки" в 1928: "У меня есть друг, в чьей просторной квартире я бывал в течение

многих лет. Когда я посетил его прошлой осенью, он с семьей из трех человек занимал в ней всего лишь одну комнату. В остальных жили люди, чужие ему и друг другу....Я заходил и в другие общие квартиры, и вид их был ужасен. Стекла на двойных окнах потеряли свою прозрачность из-за пыли и дыма; там, где выпадал кусок стекла или рамы, прореха затыкалась тряпкой или бумагой. Еще издали вам перехватывал дух запах чеснока, лука, застоявшегося табачного дыма, белья и всяческих зловонных испарений. Из-за густого чада трудно было разглядеть фигуры жильцов....Почти в каждой комнате лежали на полу больные, кашляя и отхаркиваясь. Сквозь узкие перегородки, разделявшие комнаты, неслась оглушительная ругань мужчин и женщин, осыпавших друг друга обвинениями и угрозами...." [Dillon, Russia To-Day and Yesterday, p. 50].

Долгое соседство сближало жильцов, волей-неволей превращая их в своего рода семью с общими проблемами, развлечениями, интересами. Далеко не всегда в коммунальной семье царил мир: интриги, склоки, взаимная слежка, доносы и травля были довольно обычной картиной. Однако не были редкостью и вполне человечные отношения между собратьями по коммунальному гнезду. Автор этой книги провел свое детство (1937-52) в многонаселенной квартире, расположенной в солидном доме предреволюционной постройки. Обитатели ее жили дружно, заботились друг о друге, взаимно присматривали за детьми, совместно проводили досуг; общая кухня служила своего рода салоном, где обсуждались книги и спектакли, читались стихи. Но и в лучшем, и в худшем варианте личные дела каждого протекали на глазах всех, и сохранить privacy удавалось редко. Об этом саркастически говорит И.Эренбург: "Каждый досконально знал жизнь другого, знал ее во всех деталях, знал белье соседа, его любовниц, его обеды, его долги и болезни... Обыск у одного, понос у другого создавали бессонницу двадцати семи душ. Кухня была общей, и меню каждого оценивалось с точки зрения этики, эстетики, а также возможности вынужденного переселения в Нарым" [Рвач, стр. 328, глава "Профессор Петряков. Квартирный кризис. Неудачная любовь"].

Институт коммунальных квартир сохраняется в СССР и поныне, несмотря на прогресс в жилищном строительстве. Многокомнатные квартиры с длинными, гостиничного типа коридорами в больших старых домах продолжают ютить под своим кровом людей разного рода и звания, хотя среди них, как правило, уже не встретишь ни мирового ученого, ни полярного летчика, ни многообещающего молодого специалиста: всякий сколько-нибудь энергичный человек с молодых лет стремится обзавестись собственной жилплощадью. В то

00064758

же время для некоторых граждан (пожилых, малообеспеченных, одиноких, инвалидов и т. п.) проживание с одним-двумя соседями в небольшой благоустроенной квартире оказывается удобным решением ряда жизненных проблем, и они охотно принимают коммунальный уклад, что в известной мере и обусловливает его живучесть.

3b. Общая квартира — сцена действия многих произведений советской беллетристики. Авторов привлекала красочная, гротескная сторона коммунального сожительства, парадоксальность типов и ситуаций, порождаемых теснотой квартирного пространства. Многие известные писатели, среди них Ахматова, Пастернак, Маяковский, Булгаков, Ильф, Петров и др., на разных этапах своей биографии жили (а иные и умирали) в коммунальных квартирах. Их зарисовки, при всех неизбежных художественных преувеличениях, являются ценным материалом по истории этого специфического советского института.

В литературе 20-х гг. коммунальная квартира обычно рисуется в остросатирическом тоне, как злокачественное гнездо обывательщины, пошлости и склоки. Странности совместного пользования жизненными удобствами предстают в карикатурных формах. Им посвящены многие рассказы М.Зощенко, напр., "Кризис", где герою, приехавшему в Москву из провинции, удается найти пристанище в ванной комнате: здесь он обживается, заводит семью, растит ребенка, сюда выписывает тещу, причем ванная продолжает функционировать, и по вечерам в нее выстраивается очередь в 22 человека. "Что ж, и в ванне живут добрые люди",— говорит супруга героя. В известном рассказе "Нервные люди" описан кухонный скандал из-за ежика для прочистки керосинок. Объектом сатиры был сам homo communalis с его своеобразной психикой, выработанной годами сдавленного бытия, с параноидной подозрительностью и пристрастием к мелочнейшей регламентации, с причудливыми принципами и конвенциями повседневной жизни. "На входной двери красовался длиннейший список фамилий с пометками ‘звонить три раза’ или ‘стучать раз, но сильно’, ‘два долгих звонка, один короткий’. Все 27 обитателей квартиры должны были, прислушиваясь, считать звонки или удары, отличая долгие от коротких" [Эренбург, Рвач, стр. 328]. Дядя Силантий Арнольдыч в одноименном рассказе Е.Петрова, переехав в новую квартиру своего племянника, сохранил привычки коммунального житья, напр., страсть к развешиванию предписаний: "Граждане! Помните, что вы здесь не одни! Люди ждут!" [в уборной] и т. п. В ванну он сваливает старое барахло, газовую плиту переделывает в печку-буржуйку и т. д., пока раздраженные хозяева не отправляют его на прежнее место жительства [Собр. соч., т. 5].

Наряду с этими карикатурами разрабатывался и драматический вариант коммунальной темы, учитывавший точку зрения квартиранта с более тонкой конституцией. В центре этого сценария легкоранимая творческая личность, травимая бандой жильцов — хамов и мещан. Героиня пьесы Ю.Олеши "Список благодеяний" (1931), актриса, обвиняется хамами-соседями в краже "пятка яблок"; эти оскорбления, наряду с отсутствием духовной свободы, толкают ее в эмиграцию и гибель. В повести А.Н.Толстого "Гадюка" (1928) жертвой кухонных интриг становится женщина, прошедшая через огонь гражданской войны и еще живущая романтикой тех лет. Этого не может простить ей квартирная публика — типичная нэповская коллекция спекулянтов, бывших аристократов, совслужащих и проституток. Пародийный отголосок подобных сюжетов о ранимом индивидууме легко различить в истории Лоханкина.

В более поздней беллетристике мотив коммунальной квартиры в основном стыдливо замалчивался, но после войны он постепенно всплывает снова — однако с иным акцентом и уже не всегда с тем безусловно отрицательным знаком, что в 20-е гг. Умудренные историческим опытом, писатели стали видеть в квартирном общежитии не столько курьезный феномен переходного времени, долженствующий исчезнуть под живительными лучами грядущего коммунизма, сколько характерную и знаменательную для нашего времени форму быта. С одной стороны, квартира воплощает братство и взаимопомощь простых людей перед лицом тяжких испытаний и невыносимых условий существования. В этом духе выдержаны, напр., повесть Ю.Трифонова "Дом на набережной" (1976) или повесть И.Грековой "Вдовий пароход" (1981). С другой стороны, "коммуналка" изображается как ячейка тоталитаризма, сосредоточивающая в себе его типичные ужасы: тиранию, доносы, страх, бесправие. Этот угол зрения представлен в романах В.Гроссмана "Жизнь и судьба" (1961), Б.Ямпольского "Московская улица" (60-е гг.) и др.

3а. "Воронья слободка" фигурирует в рассказах Ильфа и Петрова о городе Колоколамске как одна из коммунальных квартир, устроенных жителями города в "освоенном" ими небоскребе [Чу 02.1929].

3с. Типологической параллелью коммунальным квартирам можно считать всякого рода семейные пансионы и дома гостиничного типа в романах XIX в.: пансион Воке [Бальзак, Отец Горио], "Ноев ковчег" Девушкина, Прохарчина и Мармеладова [Достоевский], меблированные комнаты миссис Лиррипер [Диккенс] и др. Своеобразная атмосфера этих приютов для неприкаянных одиночек, таящая в себе богатые возможности трагикомического развития, — одно из жанрово-тематиче-

ских открытий европейского реализма. Одна из черт пансионов и "меблирашек", перешедших к советской коммунальной квартире, — семейственность: "Все до единого из жильцов Устиньи Федоровны жили между собой словно братья родные" [Господин Прохарчин].

4. В.Ардов свидетельствует:"[В 1929] совместная работа в "Чудаке" очень сблизила меня с [Ильфом и Петровым]. Часто я заходил к Е.П.Петрову в его комнатки в Кропоткинском переулке (эта квартира довольно точно описана в 'Золотом теленке' под названием 'Вороньей слободки'). Такое название Е.П. сперва дал своему реальному жилищу, а потом уже перенес его в роман вместе с похожим описанием обстановки и обитателей этой квартиры. Была в действительной 'Вороньей слободке' в Кропоткинском и 'ничья бабушка', и 'трудящийся Востока — бывший грузинский князь', и многие другие персонажи, описанные в 'Теленке' [в кн. Воспоминания об Ильфе и Петрове, стр. 192].

16. *Центростремительная сила сутяжничества подхватывала его, втягивала в канцелярии юрисконсультов, вихрем проносила через прокуренные судебные коридоры и вталкивала в камеры товарищеских и народных судов. И долго еще скитался непокорный квартирант....И до самой своей смерти квартирант будет сыпать юридическими словечками.....*

3с. Стилистически этот пассаж восходит к Гоголю — к знаменитому "гуманному месту" "Шинели": "Какая-то неестественная *сила оттолкнула* его от *товарищей....И долго потом,* среди самых веселых минут, представлялся ему маленький чиновник с лысинкою на лбу.... И закрывал себя рукою молодой человек, *и много раз* потом содрогался он *на веку своем....*" [сходства с ЗТ выделены нами].

17. *Летчик Севрюгов, к несчастью своему проживавший в квартире номер три, вылетел по срочной командировке Осоавиахима за Полярный круг....*[До слов:] *В тот великий день, когда ледоколы достигли наконец палатки Севрюгова....*

1. История Севрюгова вымышлена, но содержит ряд черт подлинного события — спасения экспедиции Нобиле. В мае 1928 дирижабль "Италия" с 16 аэронавтами на борту вылетел к Северному полюсу, достиг его, но на обратном пути потерпел аварию и потерял связь с внешним миром. На поиски Нобиле направился ряд экспедиций, в их числе советские ледоколы "Малыгин" и "Красин". В спасательных операциях участвовали летчики М.С.Бабушкин и Б.Г.Чухновский; их смелые полеты, в ходе которых они сами пропадали и вновь отыскивались, получали широкое освещение в прессе. Особенно громкая слава пришлась на долю Чухновского, который участвовал в рейсе "Красина" и 10

июля 1928 вылетел с дрейфующей льдины на поиск оставшихся в живых аэронавтов "Италии". В тот же день ему удалось разглядеть их в ледяной пустыне и сообщить координаты на судно, однако сам он потерпел аварию и вынужден был сесть на лед. При этом Чухновский настоял на том, чтобы "Красин" сперва спасал истощенных, отчаявшихся итальянцев, и лишь затем его самого. 12 июля "Красин" подобрал остатки экипажа Нобиле (группы Цаппи и Вильери), а 15-го подошел к месту посадки Чухновского и принял на борт самолет и его команду. [Самойлович, Спасат. экспедиция на ледоколе "Красин"; его же, На спасение экспедиции Нобиле; Е.Петров, Гослото, в Собр. соч., т. 5; Миндлин, Необыкновенн. собеседники, стр. 289-327.] Спасательная деятельность Чухновского продолжалась в период действия ЗТ [см., напр., На поиски американск. летчиков, КН 03. 1930].

3b. Экспедиция Нобиле и усилия по ее спасению отразились в современной литературе, напр., в "Клопе" и ряде стихов Маяковского, в рассказе В.Инбер "Не плачь, Нинель!", в повести Б.Лавренева "Белая гибель" и др.

18. *А не летай, не летай! Человек ходить должен, а не летать.*

3c. Злорадство по поводу исчезновения летчика Севрюгова — элемент стилизации в обрисовке отставного дворника Никиты Пряхина. Недоверие, неприязнь к летанию является в литературе конца XIX и начала XX в. чертой мужика и обывателя. Классическая фраза "Вестимо, от хорошего житья не полетишь" принадлежит еще И.Ф.Горбунову [Воздухоплаватель]. "—Чего барину не полететь, — народ обеспеченный. — Летают? А пусть себе летают. Мне-то что!.... Мужики и извозчики чрезвычайно равнодушны. Посмотрит сонными глазами на парящего Фармана и сплюнет" [Тэффи, Аэродром, в кн. Человекообразные, стр. 184]. "Ежели [авиатор] в наших местах спустится — целым не вырвется. Первое — машину эту самую его потревожим, а второе....." — рассуждают обыватели в сатириконовской юмореске [В.В.С., Летит, Ст 25.1913]. Страх, ругань и проклятия деревенских жителей при виде воздушного шара описывает в газетной статье Л.Андреев [Свободн. полет, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 190].

Юмористы охотно разрабатывают тему "авиация и полиция". "Я тебе полетаю! Я тебе покажу, как летать! В участок!" — кричит пристав авиатору в фельетоне В.Гиляровского [С дозволения начальства, Соч. в 4 томах, т. 2, стр. 296] В фельетоне Влад.Азова "Ужасы авиации" представлена полицейская точка зрения на полеты, которые-де помогают смутьянам читать запрещенные книги, проводить "митинги на высоте 2000 футов", основывать воздушные школы и типографии для печатания нелегальных изданий. "Евреи, пользуясь летательными аппа-

ратами, бессовестно нарушают черту оседлости....В Ялте градоначальник приказал, во избежание воздухоплавания, покрыть весь город парусиновым тентом" и т. д. ["Цветные стекла", стр. 100-106]. В другом сатириконовском рассказе мужик-самородок изготовляет летательный аппарат, на котором его и подвергают порке старшина с десятскими, приговаривая: "Будешь летать, чортов сын? Будешь?" [Д'Ор, Самородок, в кн. Рыбьи пляски, стр. 49]. Напомним, что дворник — воплощение охранительного начала, правая рука властей [см. примечание 16 к ДС 10]. Когда проваливается интрига Пряхина и компании против Севрюгова, они — в порядке своеобразного замещения — порют интеллектуала Лоханкина, человека в некотором смысле тоже "витающего в облаках".

19. *— Долетался, желтоглазый,— бормотала бабушка, имени-фамилии которой никто не знал.*

2. "Желтоглазый" — в дореволюционном обиходе эпитет извозчика. Ср.: "—Ужли, сударь, на эфтой тройке поедете? — Молчи, желтоглазый! На твоей что ли ехать? Разве у тебя лошади?" [диалог извозчиков, Горбунов, С легкой руки, в Полн. собр. соч., т. 1]; "— Гужеед желтоглазый! — краткое, но меткое определение, которое так хорошо действует на извозчичью душу" [Тэффи, Письма издалека, в кн. Человекообразные]; "Чорт желтоглазый" [седок — извозчику; О.Дымов, Похороны по 1-му разряду, в кн. Князев, Русск. смех, стр. 91]; "Дворник крикнул извозчику: — Ну, подавай, желтоглазый, живо" [Шерлок Холмс в Петрограде, Лк 45.1915]. Эпитет намекает на пристрастие к спиртному (ср.: "От долговременного употребления внутрь горячительных напитков глаза мастера [Безенчука] были ярко-желтыми, как у кота, и горели неугасимым огнем" [ДС 1]). Извозчичья терминология у Ильфа и Петрова юмористически применяется к лицам разных профессий: таксистам [примечание 13 к ЗТ 2], художникам [примечание 42 к ЗТ 8], архивариусу [примечание 7 к ДС 11].

20. *Гражданин Гигиенишвили.*

2. Каламбурная фамилия, образованная скрещением "гигиены" и распространенной грузинской фамилии Гигинейшвили.

21. *Я, например, давно имею право на дополнительную площадь....Ему хорошо там на льду сидеть, а тут, например, Дуня все права имеет. Тем более по закону жилец не имеет права больше двух месяцев отсутствовать.*

1/3. Разговоры о "правах" — непременный элемент склок в коммунальной квартире. Ср. фельетон В.Ардова "Свидетель" (1927): "Милохумовы непрерывно защищали свои права, например: право на одну шестую часть плиты; право на треть сарая во дворе; право шуметь до одиннадцати часов вечера и право требовать тишины после этого часа;

право занимать ванную в течение двух часов и право громко возмущаться, когда так поступает противная сторона.... — Уберите-ка чайник, — гневно сказала Мария Степановна. — Мы тоже, кажется, имеем право...." [Юмористич. рассказы, стр. 25].

Споры о "правах" особенно часто разгорались в случае освобождения одной из комнат, на которую тут же объявлялось много претендентов. В повести М.Волкова "Жилтоварищество N° 1331" ситуация напоминает ЗТ: один из жильцов, поэт, покушается на самоубийство, попадает в больницу; среди соседей начинаются споры о том, "кто больше имеет права" на освободившуюся комнату; вылечившись, поэт возвращается в квартиру и находит свою жилплощадь занятой [гл. 7, НМ 05.1928]. Сходный случай — в расказе М.Зощенко "Пустое дело": один из жильцов арестован по уголовному делу, остальные зарятся на комнату. В повести Ильфа и Петрова "Светлая личность" идет тяжба о комнате умершего пенсионера Гадинга [Собр. соч., т. 1, стр. 448].

Этот мотив из жизни коммунальных квартир имеет широкие архетипические параллели, на которые мы здесь лишь бегло укажем: речь идет о тех сюжетах, где странствующий или пропавший без вести герой принимается за умершего и теряет все: имение, жилье, права, жену, имя и т. п. (Мартин Герр из сборника "Питаваль", "Полковник Шабер" Бальзака, Айвенго, Майлз Хендон в "Принце и нищем" М.Твена и др.)

22. *Митрич говорил чистую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус.*

1. "Простой мужик Митрич", оказывается, учился в наиболее привилегированном военно-учебном заведении царской России. Императорский Пажеский корпус в Петербурге — училище, где проходили офицерскую подготовку сыновья и внуки особо отличившихся генералов и адмиралов, дети великих князей и высших сановников и даже иностранные принцы. Выпускники Корпуса имели право сами выбирать себе род оружия и полк, в котором они хотели нести офицерскую службу. Лучшие из воспитанников в последний год обучения назначались камер-пажами членов царской семьи. Среди профессоров были весьма известные люди, как, напр., будущий начальник штаба Ставки и верховный главнокомандующий ген. М.В.Алексеев, химик акад. В.Н.Ипатьев, священник о. Григорий Петров и др. Более 40 лет преподавал в Корпусе историю Р.В.Менжинский — отец В.Р.Менжинского, председателя ГПУ в эпоху ДС/ЗТ.

В то время как военная подготовка в Пажеском корпусе была более универсальной, чем в большинстве военно-учебных заведений, общеобразовательные предметы давались примерно в том же объеме, что в обычных учебных заведениях, — за исключением, пожалуй, язы-

ков, которым уделялось повышенное внимание. По словам ген. Б.В.Геруа, учившегося в Корпусе в начале 90-х гг. (т. е., по-видимому, примерно тогда же, когда и Митрич), "с географией было недурно, и мы вынесли довольно приличный запас знаний, достаточный, чтобы не заблудиться на свете". Тем не менее Геруа признается в серьезных лакунах своего образования именно по части географии, говоря, что уже офицером "читал Шерлока Холмса в грубом русском переводе и многого не понимал в английской жизни. Что такое, например, Сити?" Неудивительно, что бывший паж Митрич не имеет понятия о 84-й параллели — вещи куда более отвлеченной, чем лондонское Сити[12]. [Воронович, Записки камер-пажа императрицы, стр. 6-8, 17-18; Геруа, Воспоминания о моей жизни, т. 1, стр. 49-52, 189.]

23. — *Айсберги! — говорил Митрич насмешливо. — Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет. Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи.*

1. Антисемитизм во второй половине 20-х гг. представлял собой довольно актуальную тему. Официально он все еще обличался как уродливое наследие старого строя, подлежащее изжитию, фактически же приобретал все большее распространение. Антиеврейские настроения усиливаются как в партии, так и среди населения, питаясь самыми различными факторами. Одни (рядовые обыватели) ворчали на евреев по старой российской привычке, другие (часть советских и партийных работников) роптали против их влияния в государственном аппарате, третьи (левые критики нэпа) отождествляли с еврейством новую советскую буржуазию, четвертые (антисоветски настроенные) видели в них первопричину революции и ненавистной большевистской диктатуры, как, напр., В.В.Шульгин, который в рассказе о своей поездке в СССР не скупится на тяжеловесные антисемитские сарказмы и анекдоты, сетуя на засилье евреев в советской Москве. К этим элементам принадлежит, конечно, и бывший камергер Митрич. [Despréaux, Trois ans chez les tsars rouges, p. 101-104; Istrati, Soviets 1929, p. 86-87; London, Elle a dix ans, la Roussie rouge, p. 243-247; Schoulguine, La resurrection de la Russie, p. 188].

2. "Понять можем" — стилизованная мужицко-лакейская фразеология. Ср. у Лескова: "разве оне могут что об любви понимать?" [Сергей в Леди Макбет Мценск. уезда, гл. 3]; "он завсегда женские дела понимать может" [Горбунов, Самодур, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 200].

24. *Рассеянный Лоханкин....проморгал начало конфликта, который привел вскоре к ужасающему, небывалому даже в жилищной практике событию.*

3. Рассказ о наказании Лоханкина коммунальными жильцами имеет в своей основе мотив 'утонченной личности, унижаемой хамами'.

Чувствительный, легкоранимый человек вынужден жить среди плебеев, которые над ним грубо издеваются, уличают в постыдных провинностях, терроризируют и т. п. Вина героя часто связана с теми или иными любовными поползновениями [см. ниже], но иногда, как в случае с Лоханкиным, она имеет чисто бытовой характер: в "Пещере" Е.Замятина хам-сосед обвиняет интеллигента в краже дров, в "Списке благодеяний" Олеши артистку травят за "пяток яблок". Кульминацией этого может быть та или иная унизительная процедура, чаще всего порка: героев подвергают телесному наказанию в "Невском проспекте" Гоголя (немцы-ремесленники и поручик Пирогов), в "Леди Макбет Мценского уезда" Лескова, в "Печенеге" Чехова (солдаты высекли черкесскую княгиню, чей плач на могиле убитого мужа мешал им спать), в новелле А.Н.Толстого "Прогулка" (кузнец порет акцизного чиновника, ухаживающего за его дочерью), в его же "Ибикусе" (несколько офицеров порют штатского за "трусость") и т. п. Помещика Максимова в "Братьях Карамазовых" порют "за образование", за то, что он знает наизусть эпиграммы [III.8.7; параллелизм с Лоханкиным отмечен в кн. Каганская, Бар-Селла, Мастер Гамбс и Маргарита, стр. 43]. В других случаях герою дают подзатыльник, его спускают с лестницы, выбрасывают за дверь, дергают за бороду и т. п. Соотношение между героем и его обидчиками может сдвигаться в пользу последних, если они репрезентируют естественную жизнь, а его претензии на избранность носят извращенный или антигуманный характер, — напр., в "Человеке в футляре", где в конфликте Беликова и Коваленко узнаются некоторые типичные черты мотива ‘утонченный и хамы’. О литературных параллелях к отдельным деталям лоханкинской истории см. ниже.

25. *Лоханкин и лампочка в уборной.*

3b. Неаккуратное обращение с тем или иным из общих удобств — типичная провинность в коммунальных квартирах, частый источник склок. "Кофейник нельзя в раковину выпоражнивать", — выговаривает герою соседка в романе И.Эренбурга "Рвач" [стр. 328, глава "Профессор Петряков. Квартирный кризис. Неудачная любовь"]. В фельетоне В.Ардова "Лозунгофикация" (1926) мы встречаем этот мотив в совмещении с двумя другими: ‘обилием лозунгов’ [см. примечание 10 к ДС 8] и ‘мелочной регламентацией’, в частности, развешиванием записок [см. примечание 15 выше]: "Коридор. Телефон в коридоре, а по стенам, натурально, обои. Ну, и всякий норовит фамильицу, адресок, телефонный номеришко тут же, не сходя с места, на обоях написать. Приходится, конечно, бороться и пресекать. Как пресекать? Лозунгом. Таким: *Враг трудовой стране / Записывающий на стене!* Потом и насчет ванны и уборной: сами ведь знаете, света никогда не гасят. И я сейчас

припечатываю лозунгишкой: *Не выключающему свет / В трудовой уборной места нет!* Но самое раздолье для лозунгования — это на кухне. Грешный человек, там я целую азбуку сочинил....Начинается так: (А) *Активным элементом будь, / А газ закрыть не забудь!* (Б) *Берущий сковороду без разрешения / Безусловно, непролетарского происхождения!* (В) *Ведро помойное не уберешь— / В спину революции лишний нож!...* (К) *Контрреволюция в том зарыта, / Кто пачкает чужое корыто!"* и т. д. Конфликт из-за негашения света в уборной представлен также в водевиле В.Катаева "Миллион терзаний" [см. конец примечания 5 выше].

Уборная в литературной топографии коммунальной квартиры 20-х гг. наделена особой символический значимостью. В "Рваче" Эренбурга полупомешанный от страха профессор Петряков кончает с собой в уборной, "в этом темном и вонючем сердце квартиры N° 32, под надписью 'Мочить не разрешается'" [стр. 432-433, глава "Жизненность одних. Нежизненность других"]. В рассказе И.Ильфа "Разбитая скрижаль" уборная характеризуется как "изразцовая святая святых" жильца Мармеладова, любителя письменных предписаний и запретов [Собр. соч., т. 5, стр. 70].

26. *Лоханкин еще не постигал значительности происходящего, но почудилось ему, что некое кольцо готово сомкнуться.*

3с. Ср. у З.Гиппиус: *Ничто не изменилось, с тех пор как умер звук, / Но точно где-то властно сомкнули тайный круг* [Часы стоят]; у нее же: *Войди ко мне. Сомкни кольцо* [К ней].

27. [Гигиенишвили]....*ударом в спину вытолкнул его на середину кухни....Здесь собралась вся квартира....С антресолей свешивалась голова ничьей бабушки.*

1/3. Телесное наказание "всем миром" применялось в крестьянской общине. Описано Некрасовым: *Судей сошлось десятка три, / Решили дать по лозочке, / И каждый дал лозу* [провороваавшемуся лакею, Кому на Руси жить хорошо, гл. 4], Боборыкиным [Василий Теркин, I.17], сатириконовцами [Д'Ор, см. примечание 18 выше]. Поклонник "сермяжной правды", Лоханкин получил наказание, в некотором роде созвучное его мировоззрению (при том, что порка является и типичным элементом ситуации 'утонченный и хамы'.[см. примечание 24 выше], — характерная для Ильфа и Петрова концентрация мотивов и функций).

Малосознательный, не разбирающийся в событиях, периферийный наблюдатель (старик, ребенок, животное и т. п.) — типичный персонаж в сценах собраний и советов. Ср. собрание жильцов пансиона у Достоевского: "Сверху, с печки, с испуганным любопытством глядели головы

Авдотьи-работницы и хозяйкиной кошки-фаворитки" [Господин Прохарчин]; чтение манифеста 19 февраля 1861 в крестьянской избе: *Даже с печи не слезавший / Много-много лет, / Свесил голову и смотрит, / Хоть не слышит, дед* [А.Н.Майков, Картинка]; военный совет в Филях: "Малаша робко и радостно смотрела с печи на лица, мундиры и кресты генералов" [Толстой, Война и мир, III.3.4].

28. *— Что? Общее собрание будет? — спросил Васисуалий Андреевич тоненьким голосом. — Будет, будет, — сказал Никита Пряхин, приближаясь к Лоханкину.... — Ложись! — закричал он вдруг, дохнув на Васисуалия не то водкой, не то скипидаром.*

3b. Сходный диалог, при значительном параллелизме ролей и общего контекста, происходит между английским инженером Перри и палачом в "Епифанских шлюзах" А.Платонова (1927): "Остался [палач], огромный хам, в одних штанах на пуговице и без рубашки. 'Скидавай портки!' Перри начал снимать рубаху. 'Я тебе сказываю: портки прочь, вор!'....'Где ж твой топор?' — спросил Перри....'Топор!' — сказал палач. 'Я и без топора с тобой управлюсь!'"

29. *Кофе тебе будет, какава!*

1/3. Народное представление о кофе и какао как об элементах праздного обеспеченного быта восходит к достаточно давним временам. Неторопливый ритуал утреннего кофе богатых бездельников на фоне чьих-то трудов ради человечества — мотив, представленный у Державина (*А я, проспавши до полудни, / Курю табак и кофей пью*), Маяковского (*Так вот и буду в Летнем саду / пить мой утренний кофе*), А.Н.Толстого ("Ради нас, плотвы несчастной, чтобы мы спокойно попивали кофеек", французские оккупационные войска в Одессе проливают кровь [Ибикус, кн. 2]) и др.

В народе оба напитка считались роскошью и приберегались для особенных дней ("Толковали бабы, что по праздникам Марфута какао и кофий пила" [Соколов-Микитов, На своей земле]), для дорогих гостей ("Кофий это, барышня, кофий. Вот сейчас заварю. Пять лет берегла для гостя дорогого, вот погляди-ка сама, какой кофий-то" [Замятин, Алатырь]). Характерен также народный взгляд на кофе как на напиток нерусский, чуждый национальному духу ("Чай — вон, кофий — вон: брага", — говорит у Б.Пильняка славянофильски настроенный мужик [Голый год]).

В советской России натуральный кофе можно было покупать и пить в частном секторе. С вытеснением нэпмана исчез и кофе, оставшись доступным лишь элите: дипломатам, спецам, крупным партийным работникам. А.Слонимский в 1932 отмечает, что во всем Ленинграде кофе можно выпить только в отеле "Астория" за валюту [Misère et grandeur de

la Russie rouge, p. 145]. У В.Катаева в водевиле "Миллион терзаний" (1930) хозяин угощает гостей: "Чаю? Кофе? Какао? Впрочем, кажется, кофе и какао нет" [д. 2, явл. 14]. М.Шагинян в рассказе "Прыжок" описывает кофейную церемонию на даче спеца: "По утрам, когда советские служащие уезжали в город, на балконе у спецдамы благоухал кофейник с мокко и слезился кусочек льда на янтарном деревенском масле....Спецдама перетирала мытые чашки, щипчиками накладывала в них сахар....Найдите-ка теперь домá, где все это случается, где сахар пахнет в саксонской чашке, где бахрома у салфеточек выглажена и отливает синевой. — Да, знаете ли, такого кофе, как у вас... — неизменно начинала служащая, разрезая пополам поджаренный калач и густо намазывая его маслом. — Нужна культура, чтоб подать такое кофе" (1926), [Собр. соч. в 6 томах, т. 1].

Рядовому населению вместо натурального кофе предлагались заменители под различными неаппетитными названиями: "Желудин" и т. п. В "Дне втором" И.Эренбурга один из героев рассказывает: "Я сегодня был в кооперативе — три сорта кофе: из японской сои, из гималайского жита, еще из какого-то ванильного суррогата — так и напечатано. Спрашиваю: 'А нет ли у вас, гражданочка, кофе из кофе?'" [гл. 15].

Что касается какао, то оно было в конце 20-х гг. и вовсе немыслимой роскошью. В меню правительственного санатория в Крыму в 1929-31 оно значится наряду с такими деликатесами, как фрукты, осетрина, пирожные, мясо [Геллер, Некрич, Утопия у власти, т. 1, стр. 252-253]. Какао ощущалось как продукт не только недоступный, но в каком-то смысле и философски несовместимый с пролетарской диктатурой. В одном очерке В.Катаева бывший царский генерал, работающий в штабе Фрунзе, пьет довоенное какао "Эйнем" и предвидит, что пьет его в последний раз — ведь у большевиков какао быть не может [Пролетарск. полководец, в кн. Почти дневник, стр. 441]. В стихах Маяковского какао не раз упоминается как принадлежность быта "буржуев", закономерно отсутствующая в рабоче-крестьянской республике: *За тучей / берегом // лежит/ Америка.// Лежала,/ лакала // кофе, какао* [Хорошо, гл. 12]. Упрекая Ф.Гладкова в приукрашивании колхозной жизни, поэт иронизирует: *Прочесть, /что написал пока он, // так все колхозцы / пьют какао* [Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы (1928)].

"Кофе тебе будет, какава!" — формула, в комически сгущенном виде передающая все презрение мужика и плебея Пряхина к "образованному" Васисуалию.

30. — *Я не виноват!....Все не виноваты!....*

3с. Диалог Лоханкина с Пряхиным имеет сатириконовский оттенок. Ср. "—Знаю, знаю я, зачем ты на дачу едешь. — Да, ей Богу, отдохнуть. — Знаем мы этот отдых. — Заработался я. — Знаем, как ты заработался!" и т. д. [Аверченко, Фабрикант, Ст 28.1912].

31. — *От меня жена ушла! — надрывался Васисуалий.*

3. Наказание героя хамами часто сочетается с унижением по сексуальной линии: либо женщина оставила героя, либо расправа происходит в ее присутствии, либо то и другое сразу. Типично также присутствие или соучастие в экзекуции удачливого соперника. В "Епифанских шлюзах", как и в ЗТ, героя незадолго до экзекуции бросила невеста, оставшаяся в Англии. В "Докторе Живаго" та же ситуация в смягченном виде: покинутый женой доктор подвергается насмешкам дворника Маркела и его гостей. В "Приглашении на казнь" В.Набокова жена осужденного Цинцинната обманывает его с каждым встречным и переходит в лагерь его врагов. Наказание на глазах женщины плюс увод ее от героя хамами: "Невский проспект" (поручик Пирогов и немцы); "Человек в футляре" (с той оговоркой, что наказывающий — Коваленко — не хам, хотя и наделен витальной силой, типичной для этой роли); "Приключения Растегина" и "Прогулка" А.Н.Толстого; "Картофельный эльф" Набокова; "Груня" Куприна; "Дело Артамоновых" Горького (офицер Маврин отнимает у Якова женщину и при ней дергает его за бороду); "Зависть" Олеши (Кавалерова бьют по лицу и выталкивают из дома на глазах Вали) и т. п. В "Вечере" Бабеля, в "Камера обскура" Набокова экзекуция отсутствует, однако сексуальное унижение, причиняемое герою женщиной в союзе с ее любовником-хамом, представлено в полной мере. Жертвой травли или наказания, усугубляемых обидой в любовном плане, может быть и женщина, как в "Леди Макбет Мценского уезда" (измена Сергея и порка) или в "Гадюке" А.Н.Толстого.

32. *....разглядывая темные, панцирные ногти на ноге Никиты.*

3. Хамам, унижающим нежного героя, придаются черты звероподобия, отталкивающей животной силы: персонаж этого типа предстает голым по пояс, босым, в нижнем белье, он обезьяноподобен, покрыт волосами, издает неприятный запах и т. п. Таков Ноздрев, чуть-чуть не подвергнувший экзекуции Чичикова из-за шашек: "хозяин....ничего не имел у себя под халатом, кроме открытой груди, на которой росла какая-то борода" [гл. 4]. Таковы хамы у Набокова, мучающие героя в "Приглашении на казнь" (тюремщик Родион, пахнущий чесноком, палач мсье Пьер с воняющими ногами), в "Камера обскура" (Горн — по пояс, а то и совершенно голый, обросший шерстью). В "Приключениях Растегина" Семочка Окоемов, спускающий героя с лестницы, "снимал сапоги, чтобы не тосковали ноги...., высунул огром-

ную босую ногу" [гл. 4]. В "Растратчиках" Катаева любовное приключение героя кончается тем, что "из-за занавески вышел сонный детина в подштанниках и, сказавши негромким басом: 'Вы, кажется, гражданин, позволили себе скандалить?', взял Ванечку железной рукой за шиворот, вынес, как котенка, на улицу и посадил перед домом на тумбочку" [гл. 7]. В "Епифанских шлюзах" палач имеет те же признаки [см. примечание 28 выше]. В "Зависти" Андрей Бабичев предстает перед Кавалеровым в кальсонах, вызывая в нем содрогание своей жизненной силой и душевной толстокожестью; позже Бабичев спустит Кавалерова с лестницы и преградит ему путь к Вале. В "Вечере" Бабеля удачливый соперник интеллигента Галина, "мордатый повар Василий,....подтягивая штаны к соскам, спрашивает Галина о цивильном листе разных королей" (ср. использование любознательным Бабичевым знаний Кавалерова в "Зависти"!).

Заметную роль в подобных сценах играют ужасающего вида ногти на ногах мучителя. Эту деталь мы встречаем уже в "Шинели" Гоголя, в сцене, где Акакий Акакиевич заискивает перед Петровичем и выходит от него "совершенно уничтоженный": "Ноги Петровича, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп". У Набокова в "Камера обскура" Горн имеет "грязные и зазубренные ногти на ногах", а в рассказе "Облако, озеро, башня" героя истязает спутник по туристической экскурсии — "упрямое и обстоятельное чудовище в арестантских подштанниках, с перламутровыми когтями на грязных ногах и медвежьим мехом между толстыми грудями". В "Вечере" Бабеля любовное унижение Галина рисуется следующим образом: "Четыре ноги с толстыми пятками высунулись в прохладу, и мы увидели любящие икры Ирины и большой палец Василия с кривым и черным ногтем". Можно объяснить повторяемость данной детали ее смысловой емкостью: в ней совмещаются моменты вульгарной беззастенчивости, обычно связываемой с демонстрацией босой ноги, и сокрушительной, безжалостной силы, выражаемой через образ железных когтей, зубов и проч. Возможно и то, что когтистые ноги несут зооморфные и хтонические коннотации, вполне уместные в мотивах рассматриваемого типа [см. конец примечания 27 к ЗТ 1]. Интерпретаторы демонологического толка прямо говорят, что "Никита Пряхин — бес", и что его "'темный, панцирный ноготь' — это уже не ноготь, а....коготь" [Каганская, Бар-Селла, Мастер Гамбс и Маргарита, стр. 41, 43]. Однако художественно-типологическое объяснение, возводящее данную деталь к широко распространенным в литературе

мотивам (заведомо не всегда имеющим демонскую подоплеку!), кажется нам более реалистичным.

33. *Последним взял розги Митрич....Но Лоханкину не пришлось отведать камергерской лозы.*

1. "Розга и лоза — один и тот же 'инструмент' — это прут аршина в два длиною. У него огромный размах и сильный удар. Розга свистит в воздухе, как стальная рапира. После каждых двух ударов берется новый прут, а то измочалится и не будет, пожалуй, так больно. Чтоб при сильном, изо всей силы, размахе прутик не сломался, к нему с половины подвязан другой прутик. Если секут тонким концом прута, — это 'розги'. Если ударяют толстым концом, тонкий держа в руке, — это 'лозы' или 'комли'. Наказание куда более мучительное и искалечивающее человека. 'Лозы' отменены, оставлены только розги" [Дорошевич, Исчезнут ли тягчайшие наказания? в кн. Избр. рассказы и очерки, стр. 344].

2/3с. Выражение "отведать камергерской лозы" отдает стариной и Пажеским корпусом Митрича; ср.: "Какой из тебя офицер-то выйдет, если не будешь знать, что такое кадетская розга!" А.В.Жиркевич, Розги, в кн. Писатели чеховск. поры, т. 2, стр. 186].

34. *Так это у вас "Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол."? А она в самом деле "пр." и имеет "в. уд."?*

3с. Юмор по поводу сокращений в газетных объявлениях мы находим у сатириконовцев, напр.: "Гимн. 8 кл. г. по вс. пр. тр. пр., р. не ст. Знам. 5, Н.Ф., др." = "Гимназист 8 класса готовит по всем предметам теоретически и практически, расстоянием не стесняется. Знаменская 5, Н.Ф." или "Квартира шесть к., др., пар., шв., тел." = "Квартира из шести комнат, парадная, швейцар, телефон" (в обоих объявлениях в текст попадает бессмысленное "др."). Переговоры между автором объявления и клиенткой похожи на разговор Бендера с Лоханкиным: "[Дама] указала на загадочные слова: 'пр. тр. пр. др.'. — Так вот, пожалуйста, чтоб это все было" [Тэффи, Репетитор, Осенние дрязги, в кн. И стало так, стр. 7-8, 116].

35. *Значит, до физики Краевича вы не дошли?*

1. Краевич К.Д. (1833-92) — преподаватель гимназии, автор стандартного учебника физики, изучение которой начиналось в шестом классе классических гимназий.

"Какой таинственный смысл был в словах и сочетаниях, в именах авторов, в названиях книг и учебников!

Вторая часть хрестоматии Смирновского. История Иловайского. Учебник арифметики Малинина и Буренина. География Елпатьевского.

Задачник Евтушевского. Алгебра Киселева. Физика Краевича. Латинская грамматика Ходобая.

А Записки Цезаря о Галльской войне, с предисловием Поспишиля!

А Метаморфозы Овидия Назона, в обработке для детей и юношества, под редакцией Авенариуса!

Энеида. Одиссея. Илиада.

А словари и подстрочники к Виргилию и Гомеру!

И все это не так, на воздух, на фу-фу, а с допущения цензурой и с одобрения ученого Комитета при Святейшем Правительствующем Синоде.

Что и говорить, крепкая была постройка, основательная.

...А вот поди же ты! Пришел ветер с пустыни и развеял в прах. [Дон Аминадо, Поезд на третьем пути, стр. 10].

36. *Вы не в церкви, вас не обманут.*

2. Эти слова Бендера, по-видимому, позаимствованы из частых инвектив агитпропа против "церковного обмана".

1. В книге Гиппиус напечатано "Висасуалий" — по всей видимости, опечатка.

2. Не исключены и иные коннотации данного эпитета. В одном из очерков Л.Андреева интеллигент (имеющий определенные черты сходства с Лоханкиным) характеризуется следующим сравнением: "Тощий, как *фараонова корова*, и ненасытный, как она..." [О российск. интеллигенте, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 174; выделено нами]. Ср. соответствующие мотивы в образе Васисуалия: "отвратительное мычание" [ниже в ЗТ 13], "повторил Лоханкин коровьим голосом" [ЗТ 21] и в особенности слова: "— Но почему же, почему? — сказал Лоханкин с коровьей страстностью", за которыми почти непосредственно (через одну строчку) следует фраза: "Задрожала фараонская бородка". Таким образом, выражение "фараонова корова" достаточно прозрачно зашифровано в тексте ЗТ; отметим кстати его созвучие с мотивами голодания, истощения и т. п. Резонно предположить знакомство авторов с очерком Л.Андреева и сублиминальное введение в роман андреевского определения интеллигента.

3. Историю вопроса об "антиинтеллигентской" позиции Ильфа и Петрова и обзор соответствующей литературы см. в кн. А.А.Курдюмова [В краю непуган. идиотов, стр. 9-30]. По-видимому, пик этих настроений приходится на 60-е гг., когда попытка говорить об Ильфе и Петрове с одобрением или даже просто анализировать их текст могла вызвать укор со стороны либеральных кругов. Так, А.Жолковский и автор настоящей книги подверглись в 1967 печатному порицанию за то, что взялись разбирать эпизод из ДС (кстати говоря, не имеющий никакого касательства к проблеме интеллигенции) вне связи с "социальным заказом по отношению к интел-

лигенции", т. е., в переводе с тогдашнего эзопова языка, с той травлей ее, которой будто бы запятнали себя авторы романа.

4. Характеристику Ильфа и Петрова как "двух молодых дикарей" см. в мемуарах Н.Я.Мандельштам [Воспоминания, стр. 345].

5. Другим объектом такого рода был "Тихий Дон". Обструкция научно-критического подхода к этому широко популярному, любимому читателями произведению осуществлялась иным способом — настойчивым переносом внимания на личность М.Шолохова и проблему авторства.

6. Н.Я.Мандельштам, Воспоминания, стр. 345.

7. В дополнение к примерам, которыми критик иллюстрирует эти интеллигентские терзания, напомним очень четкую формулировку их у Б.Пастернака: *И разве я не мерюсь с пятилеткой, / Не падаю, не подымаюсь с ней? / Но как мне быть с моей грудною клеткой / И с тем, что всякой косности косней?* [Б.Пильняку (1931)].

8. Ср.: "Русской интеллигенции, особенно в прежних поколениях, свойственно....чувство виноватости перед народом, это своего рода 'социальное покаяние', конечно, не перед Богом, но перед 'народом' или 'пролетариатом'....К этому надо еще присоединить ее жертвенность, эту неизменную готовность на великие жертвы у лучших ее представителей" [С.Булгаков, Героизм и подвижничество, в кн. Вехи, стр. 30]. И критики, и защитники интеллигенции отмечают ее "народопоклонство" [Н.А.Гредескул, Перелом российск. интеллигенции и ее действит. смысл, в кн. Интеллигенция в России, стр. 14].

9. По словам историка русской интеллигенции, последняя "хотела бы решить все вопросы, в том числе и неразрешимые, над которыми тщетно трудились величайшие умы". Она "то и дело прерывает свою работу недоуменными вопросами вроде: 'что такое интеллигенция и в чем смысл ее существования?'[ср. лоханкинское:"вдумайся только в роль русской интеллигенции, в ее значение" или "мог ли он помнить о мелочах быта, когда не было еще уяснено многообразное значение русской интеллигенциии?"], 'кто виноват?', что она не находит своего настоящего дела, 'что делать?'". На первом плане в истории интеллигенции — "психология, психология исканий, томлений мысли, душевных мук идеологов, 'отщепенцев', 'лишних людей', 'кающихся дворян'" [ср.: "И в жизни Васисуалия Андреевича наступил период мучительных дум и моральных страданий"]. Предмет этой истории — "то, что передумали, перечувствовали....благороднейшие умы эпохи,.... все то, что пережила русская интеллигенция в 90-х гг. прошлого века и в начале нынешнего,....все то, ради чего страдали и жертвовали собою лучшие люди России....Напряженно искала она ответа на вопрос 'что делать?'" [Овсянико-Куликовский, Психология русск. интеллигенции, в кн. Интеллигенция в России, стр. 197; его же, История русск. интеллигенции, Собр. соч., т. 7, стр. 5-10; т. 9, стр. 174, 168; т. 8, стр. 114].

10. Дореволюционный интеллигент-народолюбец подвергался насмешкам по многим линиям — в частности, за свой отход от народа в результате революции. В сатирических куплетах говорится о том, как он *Благоговел пред мужичком / Тургенев-*

ского склада, а когда совершилась революция, кричит : *Ой! Караул! Городовой! / Спаси от печенега!* [В.Князев, Песенка о русск. интеллигенте, в журн. "Гильотина", 1918; цит. по кн. Стыкалин, Кременская, Советск. сатирич. печать, стр. 378].

11. В тех же объявлениях упоминается "Реальная энциклопедия практической медицины" в 17 томах (1915). Не ее ли имеют в виду авторы, говоря о "Большой медицинской энциклопедии"?

12. Из историко-культурных особенностей Пажеского корпуса отметим ассоциации его с Мальтийским орденом. Дом Воронцова, где размещался Корпус, был при Павле резиденцией мальтийских рыцарей; мальтийский крест был эмблемой корпуса и нагрудным знаком пажей. Во внутреннем дворе Корпуса находится выстроенная Кваренги часовня св. Иоанна Крестителя — "Мальтийская капелла", упоминаемая в "Поэме без героя" А.Ахматовой.

ГЛАВА 14

Первое свидание

1. *Зрелище для богов, как пишут наиболее умные передовики.*

2. Объяснение этой загадочной фразы, возможно, следует искать в том разыгранно увлеченном и приподнятом стиле, который в те годы культивировался в описаниях производственных процессов [образцы его см. в примечании 8 к ЗТ 11]. Возможно, однако, и то, что слово "передовик" употреблено здесь в смысле "автор газетной передовицы" [это значение, наряду со значением "передовой человек", указано Селищевым, Язык рев. эпохи, стр. 172].

2. *Кто такой Козлевич, чтобы с ним делиться? Я не знаю никакого Козлевича....Какой может быть в этот момент Козлевич?*

2/3. Ср. сходную речевую выразительность у героев С.Юшкевича: "Этель: Давид, Эрш здесь. Он принес тебе шубу. Гросман (сердито): Какой Эрш, какая шуба? Значит, я должен бросить все дела ради какой-то шубы?" [Король, стр. 257] или: "Тина? Кто такая Тина? Не хочу знать Тины" [Miserere, стр. 6]. Ср. также у Чехова: "Что Дымов? Почему Дымов? Какое мне дело до Дымова?" [Попрыгунья].

3. *Вы хотите спросить, известно ли достопочтенному командору, с какой целью он предпринял последнюю операцию? На это отвечу: да, известно.*

2. Стиль парламентских запросов: "известно ли уважаемому депутату (министру), что...." и т. д.

4. — *Отдайте мне мои деньги, — шепелявил он.*

3с. Паниковский выступает в своей архетипической роли — как недисциплинированный спутник, склонный бунтовать против хозяина и вредить общему делу. Сходная сцена есть в "Лесе" Островского — спор Счастливцева с Несчастливцевым из-за денег, которые последний отобрал у купца Восмибратова и отдал Гурмыжской. Счастливцев упрекает товарища за столь идеалистическое употребление денег и требует своей доли: "Подайте мою часть, подайте!" [д. 4, явл. 1].

5. *А вы скоро умрете. И никто не напишет про вас в газете: "Еще один сгорел на работе" И на могиле не будет сидеть прекрасная вдова с персидскими глазами....*

3с. В романе Гофмана пудель обращается с аналогичными словами к коту: "Ты непременно умрешь с голоду жалчайшей смертью, и ни одна живая душа не спросит о том, какими великими познаниями ты обладал, какими отличался талантами; и ни один из стихотворцев, которых ты считал своими друзьями, не поставит камня с дружеским 'Hic jacet...." [Житейск. воззрения кота Мурра, I.2].

6. *Не говорите так! — закричал перепугавшийся Паниковский. — Я всех вас переживу. Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех еще продаст и купит.*

2. Говорить о себе и хвастаться в третьем лице — типичная черта "еврейской речи" в литературе. Ср. выкрики фабриканта Гросмана в драме С.Юшкевича "Король": "С Гросманом они [забастовщики] ничего не поделают. Гросман — это Гросман....Гросман плюет на забастовки, на революции, на погромы....Гросман останется Гросманом, он смеется над вами....Что он потерял? Он плюет на вас!....Гросман не сдается" и т. д. [стр. 355, 373]. Ср. автохарактеристики персонажей в других пьесах этого автора: "Никто не знает Сонькина, как я его знаю", или "Вы еще не знаете, с кем вы имеете дело....Вулих не кто-нибудь. С Яшей Вулихом не шутите" [Повесть о г-не Сонькине, стр. 61; Зять Зильбермана, стр. 6].

7. *Ночь, ночь, ночь лежала над всей страной....Стонал во сне монархист Хворобьев, которому привиделась огромная профсоюзная книжка. В поезде, на верхней полке, храпел инженер Талмудовский, кативший из Харькова в Ростов, куда манил его лучший оклад жалованья....Ворочался на своем диване Васисуалий Лоханкин, потирая рукой пострадавшие места. Старый ребусник Синицкий зря жег электричество, сочиняя для журнала "Водопроводное дело" загадочную картинку....*[и далее до конца абзаца].

3/5. Интерлюдия о ночи, с упоминанием того, где и каким образом проводит эту ночь каждый из героев, — эффектный композиционный момент классического романа. Ночь позволяет представить всех

00064758

героев — в том числе незнакомых друг с другом, географически разделенных, — под одним и тем же углом зрения сна/бодрствования, и этим свести их в некий ансамбль, невозможный при других обстоятельствах. Ночь служит удобной мотивировкой для глобального обзора, "смотра" всего созданного автором мира. При этом персонажи, как спящие, так и бодрствующие, могут быть показаны в типичных для них качествах, в связи с той основной маской, которой каждый из них наделен в романе: так, в ЗТ Талмудовский гонится за лучшим окладом, Синицкий составляет ребусы и проч.

Этому вырисовыванию характерного в каждом из героев способствуют различные параметры сна и ночи. Ночь — момент стабилизации, приведения человеческой жизни к неким основным формулам, момент интимности, "правды", отбрасывания лишнего, возвращения человека к своему глубинному "я"; в сновидениях предстает либо главный интерес или главная проблема данного персонажа (Хворобьев — профсоюзная книжка и т. п.), либо некая мозаика из событий и лиц, составляющих его жизнь. Таким образом, то что делается (думается, видится) ночью и во сне, способно служить эмблемой данного героя и его линии.

Сон, ночное время еще и потому пригодны для этого, что представляют каждого героя в статическом, "остановленном" виде, изолированном от сюжетного действия. В то же время, как было сказано выше, ночь служит архитектонической "шапкой", сводящей воедино разрозненных героев. Это одна из тех точек, где тематико-философское единство романного мира, обычно носящее более или менее умозрительный характер, на короткое время предстает как буквальное и наглядное. Введение осязаемого элемента как субститута какой-либо общей категории — прием, родственный метафоре и символу, каковые, как известно, часто употребляются в особо значительных композиционных точках (начальных, конечных, переходных и т. п.). Поэтому понятно, что мотив 'объединяющей ночи' чаще всего можно встретить именно в таких позициях.

Естественно также, что этот элемент типичен для таких романов, где автор стремится создать замкнутый мир и строит все необходимое ему тематическое и событийное разнообразие на четко очерченном пространстве и материале, которые он полностью контролирует. Ведь именно в таких романах должна время от времени возникать необходимость произвести "смотр" всего подвластного автору мира. Особенностью таких романов является также согласованность, слаженность различных моментов, планов и сюжетных линий, как бы подчиняющихся единому центру управления; это проявляется, напр., в синхронизации кульминационных точек разных линий. Мотив 'объединяющей

ночи' находится в том же ряду. Мы не раз отмечали принадлежность ДС/ЗТ именно к такому типу романов (см. вступительную статью).

Параллели к данному месту ЗТ — описание ночи и того, как проводят ее различные герои, как, где и с кем они спят или бодрствуют, что видят во сне и проч., — многочисленны и в прозе и в поэзии. Из поэтических примеров назовем известный фрагмент Алкмана (VII в. до н. э.) "Спят вершины гор...."; стихотворение Н.Гумилева "Судан" (конец); стихотворение Б.Пастернака "Ночь" ("Идет без проволочек..."). В прозе мы встречаем этот мотив у Скаррона [Комич. роман, начало ч. II], Гевары [Хромой бес, скачок 2-й], Лесажа [Хромой бес, гл. 3], А.Белого [Северн. симфония, стр. 176, 313], И.Бунина [Чаша жизни, финал: вечер в Стрелецке], М.Булгакова [Белая гвардия, финал], В.Каверина [Скандалист, начало и конец романа], В.Аксенова [Затоваренн. бочкотара: несколько ночей с раздельными снами, один общий сон в финале], А.Солженицына [В круге первом, изд. 1978, гл. 71: сон шарашки] и др.

8. *Краны....спускали стальные стропы в глубокие трюмы иностранцев.*

2. Т. е. иностранных грузовых судов — словоупотребление, типичное для 20-х гг. Ср. очерк Н.Осинского "На четырех американцах" об автопробеге на американских машинах [Пр 16.07.29]. "Горд американец ....По праву кичится он почти овечьей мягкостью своего кудрявого руна перед темноватым и неприхотливым персом",— пишет Л.Рейснер о тюках американского и персидского хлопка [Родники (1924), в кн. Избр. произвед., стр. 503]. "Несчастный итальянец жалобно скрипит" [об автомобиле "Фиат", К.Клосс, Школа шоферов, ТД 04.1931].

9. *"И радость первого свиданья мне не волнует больше кровь..."*

2. Неточная цитата из известного романса: *Забыты нежные лобзанья, / Уснула страсть, прошла любовь, / И радость нового свиданья / Уж не волнует больше кровь....*[см. Чернов, Народн. русск. песни и романсы, т. 1, стр. 280]. Романс, музыка и слова которого написаны офицером Анатолием Лениным, посвящен эстрадной звезде Анастасии Дмитриевне Вяльцевой (ум. в 1913): "После окончания своего романа с Вяльцевой [А.Ленин] посвятил ей романс 'Забыты нежные лобзанья...'" [Ишеев, Осколки прошлого, стр. 30]. Он входил в репертуар не менее знаменитой эстрадной певицы Вари Паниной.

10. *Комната была обставлена с примерной бедностью, принятой в дореволюционное время в сиротских приютах и тому подобных организациях, состоявших под покровительством императрицы Марии Федоровны.*

1. Императрица Мария Федоровна, супруга Павла I (1759-1828) стояла во главе воспитательного общества благородных девиц, была

главной начальницей над домами призрения и женскими учебными заведениями. В 1854 основано "Ведомство учреждений императрицы Марии", просуществовавшее до революции. В функции ведомства входили призрение младенцев, воспитание сирот, слепых и глухонемых, попечительство о бедных и т. п. (ср. в ЗТ 23 замечание о "вдовьих брюках" Корейко), а также общеобразовательные задачи. К началу XX в. оно "имело в своем заведывании и на своем попечении свыше 500 благотворительных и воспитательных заведений" [Энц. словарь Брокгауза-Ефрона, т. 60, стр. 656-657]. Другая Мария Федоровна, жена Александра III (1847-1928) также заведовала этим обществом и активно занималась делами сирот и бедных, в частности, основала Мариинские женские училища "для девушек низших слоев городского населения" [там же, т. 36, стр. 627-628, 639]. Приют императрицы Марии Федоровны был и в Одессе (построен в 1892).

11. *— А ведь я к вам с поручением, — сказал он, становясь серьезным.*

3с. Интонационный рисунок напоминает то место в "Анне на шее" Чехова, где его сиятельство, разговаривая с Анной, сменяет шутливый тон на деловой: "— Очень рад, очень рад... — начал он. — А я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что он до сих пор скрывал от нас такое сокровище. *Я к вам с поручением от жены, — продолжал он, подавая ей руку*" (выделено нами).

12. *Это были странные и смешные в наше время люди.*

1/3а. "Пикейные жилеты" были известной достопримечательностью Одессы 20-х гг. Н.А.Розенель, посетившей город в 1925, бросились в глаза "мальчишки-беспризорники и старики из бывших биржевиков по виду". Эти последние были приглашены на съемки фильма "Месс Менд" на роль преуспевающих американцев, для чего вынули из сундуков свои лучшие дореволюционные костюмы [Луначарская-Розенель, Память сердца, стр. 407-408]. В эпоху ЗТ они еще были на виду, как о том рассказывает И.Ильф в очерке "Путешествие в Одессу" (1929):

"Никакая книга не даст полного представления о так называемом 'Острове погибших кораблей'.

'Остров' занимает целый квартал бывшей Дерибасовской улицы, от бывшего магазина Альшванга до бывшей банкирской конторы Ксидиаса. Весь день здесь прогуливаются люди почтенной наружности в твердых соломенных шляпах, чудом сохранившихся люстриновых пиджаках и когда-то белых пикейных жилетах.

Это бывшие деятели, обломки известных в свое время финансовых фамилий.

Теперь белый цвет акаций осыпается на зазубренные временем поля их соломенных шляп, на обветшавший люстрин пиджаков, на жилеты, сильно потемневшие за последнее десятилетие.

Это погибшие корабли некогда гордой коммерции. Время свое они всецело посвящают высокой политике, международной и внутренней. Им известны такие детали советско-германских отношений, которые не снились даже Литвинову" [Собр. соч., т. 5, стр. 89].

13. *Все, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом. Когда-то, лет сто тому назад, Черноморск был действительно вольным городом, и это было так весело и доходно, что легенда о "порто-франко" до сих пор еще бросала золотой блеск на светлый угол у кафе "Флорида".*

1/3b. Ср. аналогичные мечтания крупного нэпмана у В.Инбер: "Илья Абрамович думал так:'Конечно, если Одессе дадут порто-франко, так город оживет, о чем говорить...'" — Статус порто-франко, т.е. территории, где привозимые морем иностранные товары продавались без таможенных пошлин, Одесса имела в 1819-59. Это способствовало превращению ее в цветущий космополитический центр южной России. Статуса вольного города она не имела, но для преисполненных гордостью одесситов эти два понятия сливались в одно: "Вот что такое было порто-франко", — пишет В.Катаев. "Одесса стала чем-то вроде вольного города, и эта райская жизнь продолжалась до 1857 года" [Инбер, Уравнение с одним неизвестным, КН 10.1926; Катаев, Кладбище в Скулянах, стр. 25].

14. *Разговоры пикейных жилетов.*

1. *Конференция по разоружению* — вероятно, конференция 5 держав по морскому разоружению в Лондоне (весна 1930). *Бернсторф,* Иоганн-Генрих фон, граф — германский политический деятель, в 1908-17 посол в США; член германской делегации в Лиге Наций, пацифист, сторонник проанглийской и проамериканской ориентации в немецкой политике. *Сноуден,* Филип — министр финансов в лейбористском правительстве Англии в 1929-31; на международных конференциях добивался увеличения английского участия в европейских делах и английской доли в репарациях. В советской прессе С. описывался как "сухой, злобный, свирепый, брутальный циник", с которым не под силу тягаться даже Бриану, "страшный, как только может быть страшен английский политик" [М.Левидов, Гаагское торжище, Ог 25.08.29]. *Чемберлен,* Остин — министр иностранных дел в консервативном правительстве Англии (1924-29), провербиальный враг СССР. *Бриан,* Аристид — министр иностранных дел Франции в 1925-31; выдвигал идею таможенного, а затем и политического объединения Европы, ко-

торую советская печать резко критиковала как "священный союз европейской реакции против революции" [КН 32.1929; Бриановская пан-Европа на пути к провалу, Пр 17.07.30, и др.]. *Бенеш,* Эдуард — министр иностранных дел Чехословакии в 1918-31, председатель Комитета безопасности Лиги Наций в 1927-38. *Макдональд,* Рамзей — лейбористский премьер-министр Англии в 1929-31. *Гувер,* Герберт — президент США в 1929-33. *Гинденбург,* Пауль фон — фельдмаршал, президент Германии в 1925-34.

15. [Среди известных Остапу способов отъема денег] *имелись такие перлы, как организация акционерного общества по поднятию затонувшего в Крымскую войну корабля с грузом золота....*

1. Английский трехмачтовый винтовой пароход "Принц" затонул в Балаклавской бухте в ноябре 1854, разбившись о скалы в шторм. Вскоре распространились слухи, что вместе с кораблем пошел ко дну груз золота для уплаты жалованья английским войскам в Крыму. Попытки найти корабль и золото производились разными странами начиная с 70-х гг. В советское время легенда о сокровищах "Принца" продолжала волновать умы, и было снаряжено несколько экспедиций, не давших положительного результата. Последняя попытка найти золото с помощью японской водолазной фирмы относится к 1927. По-видимому, все, что было ценного на "Принце", было поднято со дна самими англичанами вскоре после катастрофы. История "Принца" и его поисков отражена в произведениях многих писателей: в "Листригонах" А.И.Куприна, в очерке Б.Пильняка "Синее море" (1928), в повести М.Зощенко "Черный принц" (1936), в того же названия поэмах Н.Асеева (1923), В.Инбер (1928) и др.

16. *....или большое масленичное гулянье в пользу узников капитала...*

1. Праздничные гулянья — масленичные, рождественские, святочные, пасхальные — с площадными театрами, катальными горами и всевозможными увеселениями устраивались с большим размахом вплоть до революции. Благотворительные гулянья также не были редкостью: напр., в 1902 состоялись "Большие рождественские гулянья в пользу высочайше утвержденного Общества доставления дешевых квартир в Петербурге".

Традиция эта продолжалась и в советское время, хотя, конечно, гулянья уже не приурочивались к церковным праздникам. Пресса 1926-29 сообщает о многих подобных мероприятиях в Москве: о гулянье на Октябрьском поле, посвященном годовщине Конституции; о первомайском гулянье с инсценировками (темы: борьба с бюрократизмом, снижение цен, китайские события); о гулянье "Война старому быту!"

(гигантские карикатуры на Чемберлена, городового, священнослужителей...); о гулянье текстильщиков на Воробьевых горах (футбол, городки, гармонисты, хор, оркестр...); об интернациональном гулянье пионеров в Парке культуры и отдыха; о гулянье "За грамотность" в том же парке; о гулянье Осоавиахима в Измайловском зверинце (показательный бой, наполнение аэростата газом, мост на поплавках...) и др. [Алексеев-Яковлев, Русск. народн. гулянья, стр. 121; КН 29.1926; Из 04.05.27; КН 02.1928; КН 25.1927; Из 22.08.29; КН 39.1929; КН 24.1929].

Были и гулянья, посвященные узникам капитала: "В конце июля МОПР организовал большое гулянье в Покровском-Стрешневе, под Москвой. Принимавшие участие в гулянии полит-заключенные, вырвавшиеся из буржуазных застенков, и делегаты собравшегося в Москве VI конгресса Коминтерна выступали с приветствиями и речами" [Ог 05.08.28].

По-видимому, идея о масленичном гулянье в пользу узников капитала связана с тем, что масленица была традиционным праздником, ближайшим по времени ко дню МОПР-а (помощи борцам революции и политзаключенным), отмечавшемуся 18 марта, в годовщину Парижской коммуны. В 1929 масленица приходилась на 8-15 марта, в 1930 на 23 февраля-2 марта [см. ИР за эти периоды]. Перед нами очередная острота Ильфа и Петрова, высмеивающая перекраску старых культурных стереотипов в советские цвета.

2. "Узники капитала" — клише, обозначавшее заключенных (не только политических) в буржуазных странах, заступничество за которых было одной из постоянных тем агитпропа: "В день 1-го мая вспомним об узниках капитала" (из первомайских лозунгов); "Вспомни об узниках капитала! В день 18 марта — все в ряды МОПР!" (лозунг); "На помощь узникам, томящимся в застенках капитала" (газетный рисунок Дени); "Узники буржуазии" (статья о пенитенциарной системе США); "В плену у капитала" (рисунок в журнале: работница за решеткой); "На помощь пленникам капитала" (статья П.Н.Лепешинского). [Пр 04.05.27; Эк 08.1930; Пр 18.03.28; Пж 16 и 19.1930; Ог 18.03.28].

3a. "Господин Фунт, узник частного капитала" [ЗТ 22]. "Танцевальная игра 'Узники капитала'" [фельетон "Веселящаяся единица" (1932), Собр. соч., т. 3].

3b. В комедии В.Шкваркина "Шулер" упоминается "афинский вечер в пользу беспризорных" [стр. 20-21].

17. *....или концессия на снятие магазинных вывесок.*

1. Крутые повороты российской истории XX в. — революция, военный коммунизм, нэп, пятилетки — отражались на внешнем облике городов, и не в последнюю очередь на стиле торговых вывесок. Со-

временники склонны были видеть в ансамбле вывесок и в его изменениях своего рода барометр политического климата в стране. "Вывески доказывали ему, что [советская] власть как будто крепка: вот красный плакат ЦК железнодорожников; черный Центробумтрест; зеленая вывеска Музпреда; оранжевый Новотрестторг; синий Северокустарь — все это новые слова и учреждения, выдуманные теперешней властью....А вот налево — кооператив 'Красная заря'. Это уже и совсем ясное название, и опять-таки доказывает оно, что власть крепка" [Слонимский, Средн. проспект, стр. 46]. В начале 20-х гг. многие отмечают отличие советских вывесок от старорежимных: "За те два года, что я жил в Москве, ржавые вывески, оставшиеся еще с дореволюционных времен, были сняты, появились строгие вывески 'торгов' и 'коопов', акционерных обществ, всяческих артелей, а то и робкие и стыдливые вывески частного капитала" [Либединский, Современники, стр. 52]. Тем, кто помнил старые, во весь фасад, купеческие вывески, где фамилия владельца была означена аршинными буквами, новые вывески — как нэпманские (название товара большими буквами поперек витрины, имя владельца в уголке), так и государственные ("Утильсырье", "Кожместпром", "Горфинотдел") — казались необычно скромными [Каверин, Перед зеркалом, стр. 140; Никулин, Московск. зори, II.1.6]. Однако по сравнению с военным коммунизмом нэп выглядит празднично: "Очереди, карточки, пайки исчезли. Улицы, пестря как клумбы, расцветали новыми вывесками" [Фибих, Какой-то дом, в кн. Дикое мясо, стр. 64].

Но приближаются новые времена, и Ильф и Петров в повести "Светлая личность" (1928) констатируют очередную смену вывесок, знаменующую закат нэпа: "Исчезли частники. Исчезли удивительнейшие фирмы: 'Лапидус и Ганичкин', торговый дом 'Карп и сын', подозрительные товарищества 'Продкож', 'Кожпром' и 'Торгкож'. Исчезли столовые без подачи крепких напитков под приятными глазу вывесками: 'Верден', 'Дарданеллы' и 'Ливорно'. Всех их вытеснили серебристые кооперативные вывески с гербом 'Пищетреста' — французская булка, покоящаяся на большом зубчатом колесе" [Собр. соч., т. 1, стр. 441].

Сюжет ЗТ развертывается в год наступления на нэп. Облагаемые непосильными налогами, нэпманы разоряются и ликвидируют дела, начинается последний раунд снятия и замены вывесок. В ЗТ 15 этот процесс изображен как настоящая чехарда вывесок: затравленный частник сдает свой магазин четырем другим, и на месте одной "гордой, спокойной" вывески появляется пять маленьких; затем все частники исчезают в небытие, и их пять вывесок вновь заменяются одной. Эта победоносная вывеска принадлежит конторе "Рога и копыта", при-

творяющейся государственным учреждением. Очевидно, идею концессии на снятие (нэпманских) вывесок надо понимать как отклик именно на эти симптоматичные явления 1928-30.

3с. Концессия — в данном случае не только актуальный феномен советской экономики 20-х гг., но и литературное заимствование. Ср. О.Генри: "Жители Грассдейла радушно приняли нас, и мы с Энди решили воздержаться от обычных военных действий вроде организации каучуковой концессии или продажи бразильских бриллиантов" [Shearing the Wolf].

5. В выразительном плане можно отметить здесь известный прием черного юмора: гиперболизацию размеров прискорбного факта (в данном случае частой смены вывесок, намекающей на кризис нэпа), сопровождаемую не менее резким преуменьшением его человеческого драматизма. Для достижения этого двойного эффекта неприятностям придается характер настолько регулярный, что с ними можно иметь дело с помощью массовых механических процедур. Примеры: карикатура, изображающая автомат для самоубийц при выходе из казино (опустив монетку, проигравшийся клиент получает выстрел в висок) или профессия Фунта — отсиживание тюремных сроков за руководителей липовых учреждений [ЗТ 15]. В числе подобных дегуманизирующих процедур может фигурировать и концессия: напр., в повести М.Волкова "Т.Т." циничные дельцы организуют концессию по утилизации трупов во время поволжского голода.

18.— *Что там внутри?— спросил любопытный Паниковский. — О! — сказал Остап. — Там внутри есть все: пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход....*

2. "Там внутри" — русское название пьесы М.Метерлинка "Intérieur", шедшей до революции в Московском Художественном театре, а также стихотворения Саши Черного (1909).

"Голубой экспресс"— фильм с авантюрным сюжетом на тему китайской революции (реж. И.Трауберг, Совкино, 1929). О долгой популярности этой картины свидетельствует Ю.Трифонов в повести "Дом на набережной", где ею увлекаются подростки и взрослые еще в конце 30-х гг. [Дружба народов 01.1976, стр. 91, 95; Сов. художеств. фильмы, т. 1, стр. 318].

"Синее море, белый пароход" — из старой воровской и тюремной песни "Погиб я мальчишка, погиб навсегда....": *Черное море, белый пароход, / Мы полетим на дальний восток....*[Полн. сборник либретто для граммофона, стр. 197][1]. С соответственным изменением содержания песня эта получила широкое распространение во время русско-японской войны. Слова о синем море и белом пароходе перешли в частушки [см.

Частушка, стр. 577]. В "Чаше жизни" И.Бунина песню с этими словами поет бродячий музыкант-серб: "Стуча в бубен, он тоскливо-страстно пел....о родине. Он думал о ней, далекой, знойной, рассказывал Стрелецку, что есть где-то серые каменистые горы, ‘синее море, белый пароход’...." [гл. 5].

1. В этой песне есть также строки: *Серая свита и бубновый туз, / Голова обрита, серый картуз*, отразившиеся в "Двенадцати" А.Блока.

ГЛАВА 15

Рога и копыта

1. *Жил на свете частник бедный.*

3. Переиначенный стих из стихотворения Пушкина "Жил на свете рыцарь бедный", включенного в "Сцены из рыцарских времен".

Острот на тему шаткого положения частников было много: "мученики частного капитала", "узник частного капитала", "могила неизвестного частника" и проч. [О.Мандельштам, "Киев", Собр. соч., т. 3, стр. 9; ЗТ 22; Ильф и Петров, Необычайн. истории из жизни города Колоколамска, Чу 04.1929].

2. *Глазиус-Шенкер. Павиайнен. Б.Культуртригер. М.Н.Фанатюк.*

2/4. "О часовщике 'с прекрасной фамилией Глазиус' Ильф весело писал жене из Нижнего Новгорода еще в 1924 г.", — сообщает Л.М.Яновская без указания источника письма [Почему Вы пишете смешно, стр. 27]. Павиайнен — каламбурная фамилия, скрещение "павиана" с распространенной финской фамилией Парвиайнен. В Петербурге был минный завод Парвиайнена, сыгравший заметную роль в февральской революции [см. Козаков, Падение империи, т. 2, стр. 39; Трифонов, Старик, стр. 41]. Этимология последних двух фамилий очевидна. Бюрократ Фанатюк фигурировал в повести Ильфа и Петрова "1001 день, или новая Шахерезада" (1927).

3. *Глазиус-Шенкер ушел в часовой коллектив "новое время".*

2. "Коллектив" в смысле 'учреждение, предприятие' — характерное словоупотребление 20-х гг. Ср. "Рябьев осведомился у

сторожа: — А как мне пройти в коллектив?" [Семенов, Наталья Тарпова, кн. 1, стр. 25].

4. *Новоявленное учрежденьице уже пересекал барьер, выставленный против посетителей....*

1/3. Барьер — непременный атрибут учрежденческого зала. "Барьеры в большом ходу в учреждениях", — констатируют Ильф и Петров в своем эссе о дверях [ДС 28]. У В.Катаева присутственный зал выглядит как "большая комната, о пяти сплошных окнах, доходящих до самого пола, разгороженная, как водится, во всю длину деревянной стойкой" [Растратчики, гл. 1]. Как в советской, так и в классической литературе канцелярский барьер символизирует отгороженность чиновников от живых людей. Так, у Диккенса клерки в адвокатской конторе, потешаясь над клиентом, укрываются за загородкой [Пикв. клуб, гл. 20]. У Кафки конторский барьер имеет вид клетки, надежно отделяющей бюрократов от посетителей-подсудимых [Процесс, гл. 3]. В ЗТ 1 упоминаются дореволюционные "дубовые парапеты, отделявшие присутствие от внешнего беспокойного мира". Барьеру могут даваться композиционные функции, как, напр., в сцене, где Бендер впервые наблюдает Корейко в "Геркулесе" [см. примечание 15 к ЗТ 11].

5. *Контора по заготовке рогов и копыт была открыта по многим причинам.*

1/3. В записной книжке Ильфа упоминается "Секция Труб и Печей"; в повести "1001 день, или новая Шахерезада" — "Контора по заготовке Когтей и Хвостов" с сотрудниками по фамилии Фанатюк, Сатанюк и Шайтанова. Контора по заготовке рогов и копыт появляется в 1928 в фельетоне Ильфа "Случай в конторе" [Собр. соч., т. 5, стр. 166; т. 1, стр. 483; т. 5, стр. 64]. До Ильфа и Петрова мотив учреждения, заготовляющего рога и копыта, фигурировал в высоком романтическом ключе у И.Сельвинского в стихотворении "Алло, Русь!" (1925): рога и копыта, экспортируемые на Запад, превращаются в золото, оборачиваясь для советской России рогом изобилия[1]. Между прочим, поэт связывает данный мотив с темой переработки (рециклизации), которая у него звучит мажорно: *Подумайте только! Желатин, бусы, / Суперфосфат, набалдашник на трость, / Клей и гребенки, муку и зубы / Дают рога, копыта и кость* [Избр. произвед., стр. 124]. Как мы знаем [см. вступительную статью], в поэтическом мире Ильфа и Петрова тема рециклизации играет одну из центральных ролей и многообразно варьируется. Поэтому вполне естественно предположить ее скрытое присутствие и в роде занятий бендеровской конторы.

М.Каганская и З.Бар-Селла выделяют в "рогах и копытах", "печах и трубах", "когтях и хвостах" инфернальный аспект, сближая их с рядом

других находимых ими у Ильфа и Петрова демонологических мотивов [Мастер Гамбс и Маргарита, стр. 25-27]. В этом, конечно, есть свой резон — хотя бы потому, что в сатире 20-х гг. вообще имелась традиция наделять советские учреждения адскими чертами [см. примечания 3 (3с) к ЗТ 11 и 10 к ЗТ 24].

Не случайно, однако, что выбор авторов во втором романе остановился именно на рогах и копытах. По сравнению с двумя альтернативными учрежденческими названиями они несут наиболее широкие смысловые коннотации, выходящие за пределы сферы инфернального; напр., они ассоциируются с домашним рогатым скотом и с песенкой о печальной судьбе "серенького козлика", от которого волк оставил "рожки да ножки". Заготовка рогов и копыт приобрела актуальность зимой и весной 1930 в связи с массовым забоем скота крестьянами в ответ на насильственную коллективизацию (о продаже крестьянами рогов и копыт на клей упоминает, напр., хорошо осведомленный в советских делах Rukeyser [Working Under the Soviets, p. 265]). "Успехам" колхозного движения завуалированно, но красноречиво вторит рост бендеровской конторы. Если в ЗТ 15 туда являлся лишь один мужик с мешком грязных кривых рогов, то в ЗТ 35 в ворота "Гособъединения Рога и Копыта", украшенного портретами вождей, въезжают "трехтонные грузовики, нагруженные доверху кондиционными рогами и копытами". Указанный символизм тем вероятнее, что ведь и первое появление бендеровских "Рогов и копыт" на месте пяти частников имело историко-символический характер, знаменуя смену нэпа новым курсом на индустриализацию и коллективизацию.

6. ***В душе я бюрократ и головотяп. Мы будем заготовлять что-нибудь очень смешное, например, чайные ложечки, собачьи номера или шмуклерский товар.***

1/2. Шмуклер (из евр.-нем. Schmuckler "позументщик) — ремесленник, производящий шнуры, кисти, бахрому. [См. Даль, ТСЖВРЯ, т. 4, стб. 1457; Фасмер, ЭСРЯ, т. 4, стр. 460]. О применении чайных ложечек см. примечание 9 к ЗТ 35.

Бюрократизм и головотяпство — пороки советского аппарата, чаще всего обличаемые в массовых кампаниях и в прессе 1929-30. Под головотяпством понималось неумелое хозяйствование, приводящее к непомерным затратам, порче материала, выпуску ненужной продукции при нехватке нужной и т. п. См. в "Правде" заголовки вроде: "Памятник головотяпству" (о строительстве грандиозного моста через р. Пахру якобы в память Ленина); "Рационализация — головотяпство" (о технических новшествах, приведших к исчезновению товаров в магазинах); "Овощи погибают, головотяпы живы!"; "Посеяли капусту, выросло...

головотяпов" (о перебоях в снабжении овощами) и т. п.

Слово это восходит к "Истории одного города" Салтыкова-Щедрина: "Головотяпами....прозывались эти люди оттого, что имели привычку 'тяпать' головами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадется — об стену тяпают; богу молиться начнут — об пол тяпают...." [О корени происхождения глуповцев].

7. *Паниковский....был назначен на низко оплачиваемую и унизительную для его свободолюбивой натуры должность курьера.*

1/3b. Курьер — маленький человек советского учреждения, одна из низших ступенек служебной лестницы. Приближается по рангу к уборщице, замещая ее в порядке совместительства и коротая с нею свободное время за чашкой чая. Курьеру случается терпеть оскорбления и побои от хама-начальника. Его хрестоматийная обязанность— заваривать и разносить чай сотрудникам. [Булгаков, Кулак бухгалтера, в кн. Ранн. неизвестн. проза, стр. 160; Катаев, Растратчики, гл. 1; Ю.Слезкин, Козел в огороде, гл. 1, и др.]

5. Органичность данного решения проявляется в том, что типовые признаки курьера согласуются с личными чертами Паниковского. В его комплекс 'претензий на респектабельность' входит, среди прочего, чаепитие как атрибут степенного буржуазного быта: "У меня была семья и на столе никелированный самовар" [ЗТ 12]; "Ему хотелось на постоялый двор, к домовитому Козлевичу, с которым так приятно попить чаю и покалякать о всякой всячине" [там же]. Чайный мотив косвенно присутствует и в размышлениях Остапа о конном памятнике П. [см. примечание 9 к ЗТ 35]. С другой стороны, фигура курьера, этого всеобщего мальчика на побегушках, а то и мальчика для побоев, согласуется с инвариантным мотивом 'физической расправы', часто учиняемой над П. другими персонажами.

8. *На базаре была куплена старая пишущая машинка "Адлер", в которой не хватало буквы "е", и ее пришлось заменять буквой "э"..... —* [Уполномоченный по копытам] *купил машинку с турецким акцентом.*

1/3. Из записной книжки И.Ильфа: "В машинке нет 'е'. Его заменяют буквой 'э'. И получаются деловые бумаги с кавказским акцентом" [Собр. соч., т. 5, стр. 154]. Машинка с буквой "э" вместо "е" упоминалась в юмористическом журнале "Бич" [48.1927; указано в кн. Вулис, И.Ильф, Е.Петров, стр. 146].

М.Каганская и З.Бар-Селла видят в этом "акценте" и в ряде других деталей ("Адлер" = "орел"; чуть далее Бендер говорит о себе "я был свободный горный орел-стервятник"; повестка Берлаге с обертонами вызова в ГПУ [ЗТ 16]) намеки на Ленина и Сталина. Вряд ли это

единственно возможные сближения: ведь, напр., не только Сталин, но и Николай II выговаривал на "э" — В.В.Шульгин отмечает его "гвардейский акцент, чуть с налетом иностранных языков" [Дни, стр. 250][2].

Естественнее всего связать акцент машинки с турецкими, т. е. демоническими мотивами в образе Бендера [см. примечание 14 к ДС 5]. Тем самым она естественно впишется и в выявляемую Каганской и Бар-Селла инфернальную символику "Рогов и копыт" [см. выше примечание 5]. — С другой стороны, эта машинка стоит в одном ряду с "Антилопой", собранной из разрозненных частей, и с другими мотивами, воплощающими лоскутный, некомплектный, гетерогенный характер послереволюционной культуры, — одну из центральных тем поэтического мира Ильфа и Петрова.

9. *....Бронзовая чернильница в виде нескольких избушек для разного цвета чернил. Называлось это произведение "Лицом к деревне" и стоило полтораста рублей.*

1. Монументальные письменные приборы — мода, перенятая совбюрократами от ancien régime-а (ср.: "тяжелый письменный стол, крытый бордовым сукном, весь заставленный массивным чернильным прибором с медвежатами" [Тарасов-Родионов, Шоколад (1922), стр. 330]).

2. Союз города и деревни был краеугольным камнем нэпа и пропагандировался на всем протяжении 20-х гг. Слово "смычка" и требование повернуться "лицом к деревне" повторялись в бесчисленных речах, статьях, постановлениях, лозунгах и плакатах, писались на агитационных аэропланах, не сходили со страниц прессы и литературы. Юмористы не замедлили иронически подхватить этот девиз: "Вы поворачиваетесь лицом к деревне и скупаете меха; затем поворачиваетесь лицом к городу и отправляете меха в Москву", — рассказывает нэпман о своих операциях в нарымской ссылке [Шкваркин, Вредн. элемент, стр. 29]. "Сам Сергеев, председатель райисполкома, прибыл устраивать смычку с селянством....По радио стукнула весть о том, что сего числа Сергеев повернется лицом к деревне" [Булгаков, Смычкой по черепу (1925), в кн. Ранн. несобранн. проза, стр. 87]. "Детей я не крестил, я октябрил, и называл: дочь — Декретиной, а сынишку — Смычек, в смысле лицом к деревне, смычки" [Ардов, Лозунгофикация (1926), в кн. Юмористич. рассказы, стр. 13].

"Лицом к..." вообще было одним из самых ходовых клише. Пресса 1929-30 призывает повернуться "лицом к" широкому кругу предметов: к производству, цеху, непрерывке, батраку, беспризорным, массовому потребителю, шефству, аулу, транспорту, району и селу,

статистике, Автодору, радио и др., и корит тех, кто повернут ко всему этому "спиной", а "лицом" обращен к кулаку, торгашу, алкоголю и т. п..

10. *Кто будет вести всю эту переписку с друзьями?*

3с. Из заглавия книги Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями".

11. *— Вот вы смеетесь, — ответил старик, — а моя фамилия Фунт. Мне девяносто лет....— У вас контора, — сказал он наконец....— Значит, вы собираетесь отсиживать сами? Так бы сразу сказали. Зачем же вы морочите мне голову уже два часа?*

2. Фунт, как и Паниковский, — персонаж с подчеркнуто еврейским речевым фоном. Ср.: "— *Вот они смеются,* — с досадой произнесла Сима, — а обе корзины пусты" [Юшкевич, Евреи, стр. 78]. — "Мадам Соловей, *у нас склад* бумаг....Мадам Шепелевич, *у нас контора* сушеных фруктов...." [дамы представляются друг другу; Юшкевич, Комедия брака, стр. 20, выделено нами]. — "Так бы и сказали", "так и говорите", "что вы ко мне пристали", "что вы мне морочите голову" — типичные реплики еврейских диалогов, комичных тем, что возмущающийся обычно сам и повинен в недоразумении и потере времени [см. Шолом-Алейхем, Касриловка, Доктора, в Собр. соч., т. 4, стр. 529; т. 5, стр. 323, 325, 326 и др.; ср. примечание 18 к ЗТ 6].

4. К происхождению имени "Фунт": "Проходя подворотни, где висели доски с фамилиями жильцов, он [Ильф; действие в Одессе в 1920] всегда читал их и беззвучно смеялся. Запомнились мне фамилии Бенгес-Эмес, Лейбедев, Фунт, которые я потом встречала в книгах Ильфа и Петрова". [Т.Лишина, Веселый, голый, худой, в кн. Воспоминания об Ильфе и Петрове, стр. 75].

12. *Я — зицпредседатель Фунт.*

1. Наем подставных лиц для отсидки тюремных сроков — зицпредседателей, зицредакторов, от нем. sitzen "сидеть"— практика, идущая от дореволюционных времен. В период цензурных репрессий после революции 1905 был большой спрос на подставных редакторов [Гиляровский, Москва и москвичи, глава "Москва газетная"]. В юмореске А.Аверченко "Гололедица" фигурирует "зиц-редактор" журнала ("Ответственный редактор! Чуть что — в ответе я!"), человек совершенно невежественный, не имеющий отношения к журнальному делу [Восемь одноактн. пьес, стр. 7-8].

13. *Я сидел при Александре Втором, и при Третьем, и при Николае Александровиче Романове, и при Александре Федоровиче Керенском....*

3b. "Старик потерял счет годам и говорил: 'Я пережил Николая Павловича, Александра Николаевича, Александра Александровича,

00064758

Николая Александровича, Владимира Ильича, — переживу и Алексея Ивановича [Рыкова]" [Б.Пильняк, Красн. дерево, гл. 2].

14. *Где частный капитал? Где первое общество взаимного кредита? Где, спрашиваю я вас, второе общество взаимного кредита? Где товарищества на вере? Где акционерные компании со смешанным капиталом? Где все это?*

1. Фунт сетует по поводу перемен, знаменующих свертывание нэпа. Частные общества взаимного кредита — в том числе первое и второе одесские общества — были ликвидированы в 1929 [Вся Одесса, стр. 259; БСЭ, 1-е изд., т. 34, стр. 691]. Акционерные общества со смешанным капиталом — объединения с участием государственного и частного или советского и иностранного капитала. Товарищества на вере — один из видов товариществ (наряду с простыми, полными, с ограниченной ответственностью, акционерными обществами). Все упомянутые здесь объединения подверглись ограничению и вытеснению в 1929-31[3].

2. Элементы еврейского фона в этой речи Фунта — риторические обороты "где....?" и "спрашиваю я вас". Ср.: "Горе нам, где сладкая революция?" [Бабель, Гедали]; "Я оглядываю жизнь, и спрашиваю: где воля, где мощь, где сила человека?" [Юшкевич, Евреи, стр. 39]; "Я вас спрашиваю, что это за поездка?"; "Я спрашиваю, сумасшедший растяпа, кто так поступает?" [Шолом-Алейхем, Третьим классом, Мариенбад, в Собр. соч., т. 5, стр. 172 и т. 6, стр. 233] и др.

15. *Остап....принялся терпеливо выспрашивать вечного узника, отдавшего жизнь "за други своея".*

2. Цитата из Евангелия от Иоанна: "кто душу свою положит за други своя" [15.13].

1. Отметим у Сельвинского типичные черты учреждения, имеющиеся и в бендеровской конторе, — курьера, чай, пишущие машинки, портреты: *Стрекотали машинки. Портрет потел. / Стыл чай. Жарко. / Курьер, как всегда, принес бюллетень....* Ср. Паниковского-курьера, разливающего чай, машинку "Адлер", а в конце романа — картину конторы, которая могла бы быть насмешливым откликом на бодрые стихи поэта: "Во всех окнах были видны пишущие машинки и портреты государственных деятелей" и т. д. [ЗТ 35].

2. Заметим мимоходом, что, вручая повестку, где Берлаге "прэдлагаэтся нэмэдлэнно явиться", Балаганов "гвардейски размахивает ручищами" [ЗТ 16].

3. "Первое общество взаимного кредита" может содержать в себе и политический намек: это учреждение (правда, в Москве, а не в Одессе), после революции

превратилось в одно из отделений ГПУ. "В доме 'Первого Общества Взаимного Кредита' находятся знаменитые подвалы, где производились расстрелы под шум автомобилей, работавших на полном ходу внутри двора и по Малой Лубянке" [Громов, Перед рассветом, стр. 46]. Намеки на актуальные обстоятельства иногда камуфлируются у Ильфа и Петрова переносом из центра на периферию.

ГЛАВА 16

Ярбух фюр психоаналитик

1. *Бухгалтер Берлага — вице-король Индии.*

1/3с. Как обычно, Ильф и Петров совмещают классические и современные мотивы. Служащий, мнящий себя королем, — это Поприщин из гоголевских "Записок сумасшедшего", с которыми история Берлаги имеет ряд общих моментов; напр., и там и здесь герой черпает пункт своего помешательства из газетной хроники, и в обоих случаях увоз в психбольницу изображается как воцарение: "Итак, я в Испании....Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские и я вместе с ними сел в карету" — "Автомобиль умчал вице-короля Берлагу в его новые владения".

Вице-король Индии для советского читателя 1931 г. был фигурой знакомой, часто упоминаемой в газетах в связи с индийскими событиями. Средства информации говорят о нем не без уважения: "Вице-король, в сущности, является одним из могущественнейших властителей мира" [М.Некрич, Англ. оккупанты в Индии, КН 32.1930].

Остроты Ильфа и Петрова, знакомые с детства, мы склонны воспринимать нерасчлененно, но для читателя 20-х гг. добавление частицы "вице" к традиционному для сумасшедших званию "короля" должно было звучать комически, в параллель к таким поправкам к некогда престижным титулам, как "бывший друг желудка", "зицпредседатель", "по-

луинтеллигент", "отставной бог" и т. п. [примеры из Ильфа и Петрова, Зощенко, Бабеля].

Сюжет о Берлаге, возможно, в какой-то мере является ироническим эхом историй о революционерах-большевиках, прятавшихся в сумасшедшем доме от преследования и ареста. Наиболее известен эпизод такого рода из биографии Камо (С.А.Тер-Петросяна), ставший хрестоматийным и вошедший в энциклопедии. Соавторы ЗТ, вероятно, знали и историю М.Я.Макотинского, который во время гражданской войны, спасаясь от белых, "чтобы не попасть в тюрьму, симулировал сумасшествие, и врачебная экспертиза Одесской [NB] психиатрической больницы не могла разгадать обмана" [А.А.Пирожкова в кн. Бабель. Воспоминания современников, стр. 339]. Такая коннотация поставила бы эпизод с Берлагой в ряд мотивов, комически откликающихся на революционную и коммунистическую топику (сын лейтенанта Шмидта, голодовка Лоханкина, диспут Остапа с ксендзами — см. соответствующие примечания к ЗТ 1, 13 и 17).

2. *Эне, бэнэ, раба, квинтер, финтер, жаба.*

2. Известная детская считалка (имеет продолжение: "эне, бене, рес, квинтер, жаба, жес"). Филологи обнаруживают в ней латинские (квинтер, бене и т. п.) и еврейско-немецкие элементы; ср. немецкие фольклорные тексты, начинающиеся словами Enige, benige....[Орел, К объяснению нек-рых "вырожденных" славянск. текстов, стр. 318-319].

3. [Маленький идиот] *сел на пол и, пуская слюни, сказал: — Эн, ден, труакатр, мадмазель Журоватр.*

1. Не исключено, что фраза маленького идиота отражает дошкольное воспитание детей по системе Фребеля, которым увлекались в России в конце XIX — начале XX в. Система эта имела целью развитие самостоятельности и творческой активности с помощью игр, рукоделий, манипуляций с предметами и т. п. Писатели нередко отзываются о ней с иронией и выражают сомнение в ее полезности. В.Катаев, которого в начале века водили в одесский детский сад, организованный по фребелевской системе, вспоминает: "В чем заключалась эта система — не знаю....Мы разучивали французские песенки и бесхитростные стишки и считалки: '*Эн, дё, труа* — аллон дан лё буа; *катр*, сенк, сиз — кёйир дё ля сериз; сет, юит, нёф — дан мон панье нёф'....Я легко мог *превратиться в идиотика....*" [Разбит. жизнь или Волшебн. рог Оберона, стр. 412-413; выделено нами]. Умственная отсталость как результат обучения по Фребелю упоминается также у А.Аверченко [Жалкое существо, в кн. Рассказы (юмористич.), кн. 3, стр. 42]. Возможно, что в лице маленького идиота, бессмысленно повторяющего русские и французские считалки, Ильф и Петров имели в виду

вывести жертву этого педагогического поветрия своих детских лет. Такое понимание поддерживается замечанием Катаева, имевшего, как известно, во многом общий с Ильфом и Петровым запас юмористических идей и ассоциаций, а также аналогией с другими фигурами сумасшедших — старым учителем географии, сопалатниками Берлаги, — судьба которых связана с определенными событиями и явлениями жизни за стенами психбольницы.

4. *"Я Генрих Юлий Циммерман!"*

1. Юлий Генрих Циммерман — издатель нот и музыкальной литературы, владелец первоклассных магазинов, продававших ноты и музыкальные инструменты. После 1917 эмигрант. По словам мемуариста, имя его прочно входило в культурный лексикон предреволюционной эпохи: "Казалось, он не принадлежал только своим домашним, а всем нам безраздельно. Таким знакомым и неотъемлемым казалось это созвучие, напевный 'хорей', который даже напевали на мотив 'Стрелóчка' [популярная песенка игривого содержания]: 'Юлий Генрих Циммерман'....Казалось даже странным, что он жил таким телесным и простым бытием ординарного человека. Ибо для нас....он был какой-то алгебраической величиной, абстракцией, бестелесною категорией" [Горный, Санкт-Петербург, стр. 12-14]. — Перестановка (Генрих Юлий вместо Юлий Генрих), — очевидно, не ошибка авторов, а подчеркивание параллелизма с именем Гая Юлия Цезаря.

5. *Сладкий запах табака "Наш кепстен" внес в мятежную душу Берлаги успокоение.*

1. "Наш кепстен" — очевидно, советская имитация английского табака "кепстен", популярного в дореволюционные годы и в эпоху нэпа, часто упоминаемого в литературе, напр., у И.Эренбурга: "запахи английского 'кепстена', который покуривали в коротеньких трубочках спецы, и 'шипра' спецовских половин" [Рвач, стр. 217], у В.Катаева [Собр. соч. в 9 томах, т. 1, стр. 155, 175] и др.

6. *Главный врач Титанушкин.*

1. Фамилия вымышленная, но вызывающая психиатрические ассоциации: видным психиатром того времени был П.Б.Ганнушкин, профессор 1-го Московского медицинского института, автор многих научных трудов.

7. *Это грозило вынужденной поездкой на север....*

2. Эвфемизм, обозначавший ссылку. В "Рваче" И.Эренбурга читаем: "кухня была общей, и меню каждого оценивалось с точки зрения этики, эстетики, а также возможности вынужденного переселения в Нарым". В рассказе А.Н.Толстого "Сожитель" (1926) домработница грозит хозяйке-нэпманше: "за Полярный круг угоню". Демьян

Бедный следующим образом передает жалобы нэпмана в 1931: *Плыл на юг я, а вышло — Нордкап! / Лед, заторы, погода свирепа. / — Одним словом, последний этап / Нэпа! / — Да, острить вы ловки! / Последний этап — на пути... в Соловки!* У Ильфа и Петрова в повести "Светлая личность" упомянут некто Тригер, который "запутался в валюте и давно был выслан в область, которая до приезда Тригера славилась только тем, что в ней находился полюс холода". [Эренбург, Рвач, стр. 328; А.Толстой, Собр. соч., т. 4; Д.Бедный, "Юбиляр" (К 10-летию нэпа), Собр. соч., т. 7; Ильф и Петров, Собр. соч., т. 1, стр. 454].

8. *Присяжный поверенный И.Н.Старохамский.*

4. В рассказах Ильфа и Петрова о Колоколамске фигурирует профессор Эммануил Старохамский [Чу 09.1929].

9. [Сотрудники "Геркулеса"], *головы которых, как* [Берлаге] *показалось, соболезнующе качаются в полутьме коридора,...ничего не сказали. И, ничего не сказавши, стали медленно уплывать в темноту. — Друзья! — слабо воскликнул бухгалтер. — Куда же вы?...И вице-король Индии остался один.*

3с. Несомненные отголоски экспрессионистской образности и фразеологии Л.Андреева — недаром тень писателя витает над "Геркулесом" [ЗТ 11]! Ср.: "Два холодных, два бледных, два угрюмых *лица* одиноко выдвигались *из темноты* и *качались* в странной немой пляске...."; "*Двигались в полутьме* две неторопливых фигуры...." [Жизнь Вас.Фивейского, гл. 4, 9]. "Далеко кругом *в полутьме* торчали неподвижные *головы*, слегка освещенные красным со сцены" [Красн. смех, отр. 14]. Персонажи, уходящие в темноту, особенно характерны для мизансцены Л.Андреева (и для постановки "Жизни человека" в МХТ с ее знаменитым "черным бархатом"). "[Иуда] *скрылся в темной глубине* открытой двери" [Иуда Искариот]. "Со смехом *скрывается во тьме*" [Анатэма, конец карт. 6]. "И молча *бежали мы куда-то во тьму*" [Набат]. "Она....*тихо уходила* назад, смутно белея *во мраке*"; "Ночная *тьма* бесследно *поглотила его*" [Жизнь Вас.Фивейского, гл. 6, 11]. "Стариковски сгорбившись, *пошел куда-то в темноту, прочь от всех нас....— Стойте! — крикнул я*,....но он....скоро *пропал* в красноватой *мгле....А я остался один*" [Красн. смех, отр. 5]. (Сходства с ЗТ выделены нами.)

10. *Где были твои глаза, бухгалтер?*

2. Ср. подобные риторические вопросы в устах героев Шолом-Алейхема: "Где были мои глаза? Где была моя голова?" [Мариенбад, Собр. соч., т. 6, стр. 239].

11. *Вот куда завели тебя, бухгалтер, твои странные связи с господином Фунтом....Страшно даже подумать о том, что сказал бы*

старый Фома о проделках своего любимого сына. Но давно уже лежит Фома на втором христианском кладбище,....и только мальчики, забегающие сюда воровать сирень, бросают иногда нелюбопытный взгляд на гробовую надпись: 'Твой путь окончен....'"

3с. К первой фразе — ср. А.К.Толстого: *Все кончено! Так вот куда приводит / Меня величья длинная стезя* [Смерть Иоанна Грозного, д. 1]. В пародийном отступлении об отце Берлаги переплетаются два ряда поэтических штампов:

(а) 'Безучастность мертвеца' (который не откликается на зов живых, не реагирует на их заботы и дела, близкие ему при жизни и т.п.);

(б) 'Вечный покой' (описание тихой могилы и того, какой пейзаж окружает ее, кто из живых посещает или не посещает могилу, что гласит надгробная надпись и т. п.; здесь типичен мотив 'равнодушной природы', а также оборот "только, лишь...", как в данном месте ЗТ).

Эти два ряда мотивов тяготеют к противоположности: если первый из них сетует на то, что умерший покинул живых и глух к их призываниям, то второй, наоборот, часто содержит медитации о том, что живые покинули мертвого, обрекли его на одиночество, о великолепном безразличии окружающего мира и проч.

'Безучастность мертвеца' иллюстрируется примерами типа "Для берегов отчизны дальной" Пушкина (*Но там, увы, где неба своды....*); "Воздушного корабля" Лермонтова (*Но спят усачи-гренадеры..../ И маршалы зова не слышат..../ Но в цвете надежды и силы / Угас его царственный сын....*); или пассажа о матери Козлевича ("Лучше всего, конечно, было бы рассказать про свои страдания нежной морщинистой маме....Но мадам Козлевич давно уже скончалась от горя...." и т. д. [ЗТ 3]).

'Вечный покой' представлен в "Сельском кладбище" Жуковского (*Повсюду тишина, повсюду мертвый сон, / Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает, / Лишь слышится вдали рогов унылый звон, // Лишь дикая сова....*); в романтических поэмах пушкинской поры (*Где прежде цвел его гарем,.... / Там ныне в светлый день весны / Степной волчец и терн колючий / В уединении растут, / И робкий зверь иль змей шипучий / Меж них украдкою ползут* [Жирмунский, Из истории русск. романтич. поэмы, стр. 264]); в описании могилы Ленского (*Там у ручья в тени густой / Поставлен памятник простой* и следующие 2 строфы [Евг. Онегин, 6.XL-XLII]); в "Похоронах" Некрасова (*Будут песни к нему хороводные / Из села по заре долетать....*) и мн. др., от частично примыкающего сюда же "Выхожу один я на дорогу" Лермонтова до

слезного романса "Позабыт-позаброшен" (*На мою на могилку / Знать, никто не придет, / Только раннею весною / Соловей пропоет*).

12. *— Да! — закричал Остап. — Где Козлевич? Паниковский отвел глаза и со вздохом сказал: — С Козлевичем нехорошо....Его охмурили ксендзы. При этом курьер посмотрел на уполномоченного по копытам, и оба грустно покачали головами.*

3с. Весьма похожий диалог происходит между м-ром Пиквиком и его спутниками по поводу исчезновения м-ра Тапмена: Пиквик настойчиво выпытывает у друзей, куда делся Тапмен, те отворачиваются и молчат [Пикв. клуб, гл. 11]. Поиски д'Артаньяном исчезнувших друзей — один из эпизодов "Трех мушкетеров" Дюма [гл. 24-26].

ГЛАВА 17

Блудный сын возвращается домой

1. *Адам Козлевич и ксендзы.*

1. Католическое духовенство в 20-е гг. нередко подвергалось нападкам и преследованиям: среди прочего, ему инкриминировалась связь с иностранными разведками, антисоветская агитация и т. п. В Одессе, Киеве, Минске, Ленинграде и др. в 1925-29 состоялись суды над ксендзами. [Суд: контррев. и шпионск. деятельность польск. католич. духовенства на территории СССР, Пр 25-26.01.28; Б.С.Пшибышевский, Ксендз-белогвардеец (очерк), Ог 12.02.28; Аграновский, На перевале, в кн. От Столбцов до Бухары, стр. 116; Ог 22.05.27; Ог 01.05.27 и др.]

3а. "Блудный сын возвращается домой" — название рассказа И.Ильфа [Ог 15.01.30].

3с. Весь эпизод, особенно сцена на паперти костела, имеет ряд общих черт с несостоявшимся превращением Арамиса в иезуита в "Трех мушкетерах" Дюма [гл. 26, "Диссертация Арамиса"]: (а) обращение Арамиса происходит в отсутствие его друга д'Артаньяна; (б) последний, подобно Бендеру, ищет исчезнувшего друга и застает его в молельне, в благочестивой позе, между кюре и офицером ордена иезуитов; (в) д'Артаньян заводит с Арамисом разговор, в то время как духовные особы бросают на него недовольные взгляды; (г) следует диалог, пересыпанный латынью (ср. "пуэр, соцер...." Бендера); (д) с помощью любовного письма д'Артаньяну удается вернуть своего друга к земным делам, и мушкетеры заказывают обед с четырьмя бутылками

вина (ср. остановку антилоповцев в пивной после вызволения Козлевича).

2. *Всех дезавуирую!*

2. Слово "дезавуировать", по свидетельству А.М.Селищева, было в 20-е гг. неологизмом: "Ленинградская организация дезавуируется ленинградскими рабочими-коммунистами" [Пр 1926; по кн. Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 31].

3. *Костел....врезался в небо, колючий и острый, как рыбья кость.*

1. Одесский костел описан в литературе не раз. Л.Пантелеев упоминает "тот черный костел, который возвышался тогда своей острой готической колокольней в центре города и который так ярко.... изображен на последних страницах бунинских 'Снов Чанга'" [Приоткрытая дверь..., стр. 149]. См. также воспоминания Ю.Олеши [Ни дня без строчки, стр. 67, 97-98].

4. *— Эй вы, херувимы и серафимы! — сказал Остап, вызывая врагов на диспут. — Бога нет!*

1. Сцена не могла не вызывать в памяти читателей знаменитые публичные диспуты между А.В.Луначарским и обновленческим митрополитом А.Введенским в начале 20-х гг.

5. *Пуэр, соцер, веспер, генер, либер, мизер, аспер, тенер. Эти латинские исключения, зазубренные Остапом в третьем классе частной гимназии Илиади и до сих пор бессмысленно сидевшие в его голове, произвели на Козлевича магнетическое действие.*

1/2. Группа латинских исключений — имена 2-го склонения, сохраняющие -e- в косвенных падежах: puer, pueri при норме cancer, cancri. В учебниках им придавалась стихотворная форма, облегчающая запоминание. Исключения — это первое, что ассоциируется у писателей и мемуаристов с гимназической латынью, с тупой зубрежкой, напр.: "Мне в гимназии легко давался латинский язык. Другие, бывало, бьются над исключениями. А мне ничего" [Дорошевич, На смех, стр. 26].

Отношение к древним языкам как к ненужному балласту было типично для левой интеллигенции. Тот же автор пишет о "бессмысленном зазубривании латинских и греческих исключений" и о том, что эти языки "любить, конечно, нельзя" [Маленьк. чиновники, в кн. Избр. рассказы и очерки, стр. 194-198], и подобные отзывы легко умножить. Неприязнь к античности, однако, разделялась далеко не всеми: многие представители интеллигенции, как В.В.Вересаев, П.Н.Милюков, А.Белый и др., в свои школьные годы увлекались ею и становились хорошими филологами-классиками. Вообще не подлежит сомнению огромная роль гимназических древних языков в формировании блестящей культуры серебряного века, равно как и русской школы классической фило-

логии XX в. "Антиклассицизм" левых кругов был не столько неприятием латыни и греческого как таковых, сколько формой политического протеста, мишенью которого была в данном случае консервативная система народного просвещения, внедренная в России в эпоху Александра III и Победоносцева.

6. *Я даже накормил пятью хлебами несколько тысяч верующих..*

1. Любопытная параллель — сообщения прессы о евангелисте Чурикове, чья коммуна в 1929-30 подвергалась резкой критике в печати и в конце концов была закрыта: "'Я, как Христос, пятью хлебами насыщаю пять тысяч человек', говорит Чуриков. Из пуда муки в коммуне выпекают шесть пудов хлеба [добавлением картофельных отрубей]" [КН 02.1929]. О жуликах, выдающих себя в 1924 за Иисуса Христа и св. Ипатия, идет речь в одном из рассказов А.Зорича [Христос на земле, в кн. Рассказы]. — Христос, наряду с Наполеоном и чертом, входит в группу вечных образов, на которые фигура Бендера проецируется неоднократно [см. примечание 5 к ЗТ 10].

2. О пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек, см. Евангелия [Мф. 14.17-21, Лк.9.13-17, Ин.6.9-14].

7. *Ты им про римского папу скажи, про крестовый поход.*

1. Папа Пий XI в начале 1930 призвал к "крестовому походу" католической церкви против большевиков, обвиняя их в преступлениях против человечности и гонениях на церковь. Это вызвало бурную антипапскую кампанию в СССР. Гигантские карикатуры на папу становятся частью политкарнавалов, папе "дают ответ" постройкой самолетов, его имя не сходит с плакатов и со страниц сатирических журналов. Его обвиняют в сговоре с империалистами, заявляя, что "наместник Петра превратил ключи апостолов в ключи от сейфов, банков и трестов". Сочиняются антипапские юморески и куплеты, напр.:

ЕЩЕ О ПАПЕ

Прибежали к папе детки,
Второпях зовут отца.
— Папа! Цифры пятилетки
Выполнимы до конца!..
Ждать такого результата
Неприятно ж, наконец...
— Это правда, бесенята!
Грустно вымолвил отец

[подпись: Скорпион, Ог 10.04.30].

8. *Остап....вспомнил ни к селу ни к городу Серафима Саровского....*

1. Преподобный Серафим Саровский (1759-1833) — иеромонах, один из национальных русских святых. Предавался аскезе, много лет прожил отшельником в лесной пустыни. Предание приписывает ему исцеление больных и увечных, укрощение диких зверей, способность парить в воздухе и др. Пользовался репутацией духовного наставника, вдохновляемого Богом; оставил ряд проповедей о смысле и целях христианской жизни. По какому поводу мог Бендер вспомнить Серафима Саровского в антиклерикальном диспуте? Один возможный ответ состоит в том, что преподобный Серафим, подвергавшийся при жизни нападкам и притеснениям со стороны официальных церковных кругов, мог быть привлечен Остапом как пример ненависти церкви к выдающимся людям — в одном ряду с Галилеем, о котором говорится здесь же. Не исключено, однако, и другое объяснение: торжественная канонизация Серафима Саровского в 1903 вызвала в определенных кругах общества скептические разговоры (при вскрытии могилы святого оказалось, что тело его подверглось тлению; ходили слухи, что это останки не Серафима, а кого-то другого и т. п.), чтó в советские годы давало пищу антирелигиозной пропаганде, постоянно кричавшей об "обмане церкви". [См. Ильин, Преподобн. Серафим Саровский, стр. 40-42; Минцлов, Петербург в 1903-1910 г., стр. 21.]

9. *— На колени! — крикнул Остап голосом Николая Первого, как только увидел бухгалтера.*

1. Как сообщает в своих записках Д.Давыдов, "на следующий день [после 25 декабря] государь, въехав в коляске в толпу, наполнявшую площадь, закричал: ‘На колени!’ — и толпа поспешно исполнила его приказание" [Давыдов, Сочинения, стр. 509; пересказано в "Былом и думах" Герцена, 1.6, подстрочн. примечание].

ГЛАВА 18

На суше и на море

1. *На суше и на море.*

1. "На суше и на море" — название известного в 20-е гг. иллюстрированного двухнедельного журнала путешествий и туризма, а также название фоторубрики в журнале "Огонек".

2. *Серебряная визитная карточка с загнутым углом и длиннейшим курсивом....*

1. Металлическая пластинка с загнутым уголком и гравированной каллиграфической надписью — типичное украшение юбилейных портфелей и папок в дореволюционных учреждениях, моде которых следует, как мы видим, и "Геркулес".

3. *Некоторые из* [мужчин] *ограничивались только фиговыми листиками....*

1. Мужчины в "костюме Адама" на городских пляжах — в 20-е гг. явление довольно обычное [см., напр., фото к очерку "В шуме советск. столицы", Ог 12.06.27; Wicksteed, Life under the Soviets, p. 151].

4. *И мелкая волна приняла на себя Егора Скумбриевича — примерного геркулесовца и общественного работника....Через пять минут....его круглое глобусное брюхо закачалось на поверхности моря.*

3с. Литературность первой фразы весьма ощутима — напр., в сопоставлении с такими строками как: *Прими меня, матушка Волга* [В.Брюсов, Фабричная] и др. Вторая фраза вызывает в памяти финал известного рассказа Л.Толстого: "По волнам колыхалось желтое брюхо мертвой акулы" [Акула, из Второй русск. книги для чтения]; ср. "рыбью фамилию" Скумбриевича.

5. *На груди великого комбинатора была синяя пороховая татуировка, изображавшая Наполеона....*

1. Татуировка была распространена среди заключенных. В книге проф. М.Н.Гернета "Преступный мир Москвы" приводилась статистика татуировок в тюрьмах (их имели до 15% обследованных) и перечислялись наиболее частые рисунки: бабочка, нагая женщина с цветком в руке, сердце, пронзенное стрелой, кресты, птички, надписи, репродукции картин ("Три богатыря"), портреты великих людей и монархов (у одного татуированного — галерея всего дома Романовых) и проч. [А.Шумов, Дикарствующие, КН 40.1927]. Что Остапу доводилось сидеть в тюрьме, мы знаем из ДС 30.

5. Татуированное изображение Наполеона — одно из проявлений наполеоновского мотива в образе Бендера; ср. "зеленый походный пиджак" и "что же вы не бьете вашего гроссмейстера?" [ДС 34], "битва при пирамидах, или Бендер на охоте" [ДС 38], "судьба играет человеком" [ЗТ 23]; см. соответствующие примечания.

6. *Раскрывалась дверь, стриженая служебная голова, просунувшись в комнату, растерянно поводила очами и исчезала.....*

3с. Ср.: "Стекла, звеня, вылетели вон, и *страшная свиная рожа выставилась, поводя очами,* как будто спрашивая: а что вы тут делаете, добрые люди?" [Гоголь, Сорочинск. ярмарка, гл.7; выделено нами].

7. *Погоня Бендера за Скумбриевичем.*

3b. Параллель к этой сцене ЗТ — в "Дьяволиаде" М.Булгакова, где герой, делопроизводитель, гоняется по учрежденческим лестницам за заведующим Кальсонером; последний, предвосхищая Воланда, наделен демоническими чертами и, убегая от преследователя, принимает разные обличия. Инфернальные черты не чужды и "Геркулесу" [см. примечания 3-4 к ЗТ 11].

8. *Его ждут великие дела.*

3с. Фраза, имеющая отношение к биографии А. де Сен-Симона [см. примечание 2 к ЗТ 32].

9. *Общественная работа Скумбриевича.*

3b. Близкую параллель находим в фельетоне В.Ардова "Разоблаченный лжеактивист":

"При некоем учреждении Госкакаду в порядке общественной работы состояло 117 комиссий, троек и кружков. С точки зрения работы Госкакаду все 117 объединений были равно необходимы, и существование каждого из них выливалось в самостоятельную историю, чреватую эпохами расцвета и упадка, борьбы за власть, гнойниками и протоколами. Едва отмирал какой-нибудь орган, справившись или не справившись со своими задачами, как вызывалось к жизни новое

ответвление. Пятерку по балалайкизации музыкального кружка заменила тройка по обследованию шашечного уголка 'Красная дамка'. Возникновение секции городошников восполняло убыль по случаю летнего распада группы 'На лыжах к социализму'.

И надобно отметить, что в Госкакаду был один только человек, который принимал участие решительно во всех упомянутых объединениях. Это был сотрудник отдела рукопожатий тов. Скиселев; он состоял членом 117 комиссий, троек, кружков и комитетов.

Но, как это ни странно, именно такая нагрузка обеспечивала тов. Скиселеву возможность сладостного безделья, нарушаемого только посещением собраний. А так ли уж трудно в наше время посещать собрания?

Тов. Скиселев появлялся обычно между 3-м и 4-м пунктами повестки дня....и громким голосом осведомлял собрание о причинах своего запоздания: — Понимаешь, сейчас только мы кончили в кружке 'Лицом к глухонемым'...." [Ог 20.09.30].

Тот же тип общественного работника, организующего кружки, выведен в "Мастере и Маргарите" Булгакова ["заведующий городским зрелищным филиалом", гл. 17].

10. ***Геркулесовцы сидели на собраниях по три часа кряду, слушая унизительную болтовню Скумбриевича.***

1. Собрания, заседания, совещания — известная болезнь советских учреждений, многократно отраженная в сатирической литературе и в отзывах иностранных наблюдателей. "Служащие советских учреждений смотрят на всякого рода собрания как на одиозную комедию. Присутствие на этих собраниях — одна из тех скучных обязанностей, которые им приходится выполнять, чтобы жить, но оно усугубляет их неприязнь к 'диктатуре пролетариата' и служит предметом постоянных насмешек", — пишет левый французский журналист [Marion, Deux Russies, p. 93]. Американский инженер замечает: "Эти вечные собрания, клубы, политические дискуссии....Когда мозг рабочего занят общественными делами, руки его работают медленнее. Русским, конечно, в уме не откажешь, но они — теоретики, а не люди дела..." [цит. по Viollis, Seule en Russie, p. 179]. В "Крокодиле" высмеиваются заседания, длящиеся далеко за полночь, после которых сотрудники не выходят на работу [Осенний дождичек, рис. К.Ротова, Кр 28.1930].

3b. Нет возможности перечислить все литературные произведения, затрагивающие тему собраний. Одно из наиболее известных — одобренное Лениным стихотворение Маяковского "Прозаседавшиеся"; одно из наиболее остроумных — рассказ Зощенко "Обезьяний язык" (1925).

11. ***Фанерная доска с надписью "Бросившие пить и вызывающие других", под которой, однако, не значилась ни одна фамилия.***

1. Согласно данным советской статистики, потребление спиртного на душу населения в СССР возросло с 1924 по 1927 почти в семь раз [цит. по Istrati, Soviets 1929, p. 86]. "По сводкам МГСПС на семью московского рабочего в год приходится 65 л водки, 90 л пива и 3 л вина общей стоимостью в 178 рублей" [А.Р., О тех, кто пьет, Пж 39.1929]. На фоне хозяйственного кризиса 1928-29 столь стремительный рост алкоголизма, приводящий к падению производительности труда, стал вызывать серьезную тревогу властей. Ко всем ранее запущенным массовым кампаниям — против бюрократов, волокитчиков, разгильдяев, исказителей классовой линии, нетрудовых элементов, церковников, "бывших людей", кулаков, троцкистов, правых и т. п. — добавилась еще одна. В 1929 Совнарком РСФСР вынес ряд постановлений о борьбе с алкоголизмом и "шинкарством". Газеты сообщают о конференциях, экспедициях, антиалкогольных неделях, демонстрациях, опросах общественного мнения, коллективных письмах Сталину и других мероприятиях, посвященных этой теме. Колонны школьников дефилируют по московским улицам с плакатами: "Долой вино и пьяный дурман", "Против пьянства отцов", "Алкоголизм и социализм несовместимы". Выдвигаются требования закрыть пивные, изъять водку и пиво из столовых и клубных буфетов, прекратить их продажу в магазинах, заменить пивоварение производством прохладительных напитков и сладостей. В мае 1929 "Правда" рапортовала о внушительных успехах в битве за трезвость: по словам центрального органа, пивоварение по Союзу сократилось на 30%, пивные заводы переходят на изготовление кваса, содовой и сельтерской воды, пастилы и мармелада. Ликерный завод в Москве переоборудуется в предприятие по выделке фруктовых соков для киселей. Учреждены общественные наблюдатели по алкоголизму и "противошинкарские народные дружины". Параллельно с этим проводятся мероприятия по "культурно-бытовому отвлечению населения от пьянства": пивные превращаются в чайные, театр, кино и книга наносят удар за ударом по водке и самогону. Вместе с тем, по признанию газеты, не везде все обстоит гладко: в Москве, например, наблюдается обратная тенденция — закрываются театры и открываются пивные, "на место кино ставится вино" [Новое на алкогольн. фронте, Пр 06.05.29]. К осени подбиваются итоги летней кампании: газета констатирует, что "инициатива вырвана у врага из рук — он дрогнул, но еще не бежит" [Пр 15.09.29].

Победные реляции с антиалкогольного фронта, вроде приведенных выше, вызывают в ретроспективе некоторые сомнения, явно

разделяемые и авторами романа. Что сокращение выработки пива имело место, поверить нетрудно (на это косвенно указывает и знаменитый арбатовский плакат в ЗТ 2), но объяснялось оно, вероятно, более материалистическими причинами, нежели воздействие статей и лозунгов. Скорей всего, следует воспринимать эти сообщения в рамках общей нехватки потребительских товаров в 1928-29, из которой пресса того времени не делала секрета.

2. "Бросившие пить и вызывающие других" — построено по формуле, имевшей широкое хождение в 20-е гг.: "Колхозники такого-то района внесли в фонд обороны 2 тонны пшеницы и вызывают последовать своему примеру все колхозы района" [Пр 08.08.29]; "Группа рабочих ДГТФ подписалась на полуторамесячный заработок и вызвала администрацию последовать их примеру" [КН 37.1929]. В ряде газет была рубрика "ВНОСЯТ — ВЫЗЫВАЮТ", под которой печатались сообщения о пожертвованиях, напр. "вносим такую-то сумму в фонд помощи жертвам социал-фашизма и вызываем других" [Пр 18.05.29; Из 27-28.08.29] и др.

О внедрении данного штампа в быт свидетельствует сообщение французского гостя: "В тифлисской библиотеке мы познакомились с оригинальной системой вызова читателям. На большой доске выставлены таблички с надписями типа: 'Тов. Михайлов прочел книгу Джека Лондона *Железная пята* и вызывает тов. X также прочесть эту книгу'. Напротив — такая же табличка, пока пустая, для ответа вызываемого" [Wullens, Paris, Moscou, Tiflis, p. 155].

Что надпись, упоминаемая в ЗТ, не выдумана, видно из подписи под карикатурой: "— Ловко я мастеру нашему свинью подложил: бросил пить и его вызвал" [Советск. юмор, ИР 04.05.29; на рисунке — двое рабочих у стенгазеты].

12. ***Вот здесь, в месткоме, он только что говорил по телефону, еще горяча была мембрана и с черного лака телефонной трубки еще не сошел туман его дыхания.***

3с. Литературность этой фразы видна в сопоставлении хотя бы с такими примерами как: "Еще пахло ее хорошим английским одеколоном, еще стояла на подносе ее недопитая чашка, а ее уже не было..." [Бунин, Солнечн. удар; напечатано в СССР в сб. "Дело корнета Елагина" в 1927; см. также примечание 6 к ЗТ 19].

13. ***В нашем Черноморском отделении тоже есть свои слабые стороны, всякие там неполадки в пробирной палатке, но такого, как в "Геркулесе"...***

2. "Неполадки" — из газетного языка: "Заедают неполадки" [Пр 11.29]. Пробирная палатка — см. примечание 10 к ДС 19.

14. *На диване с утра сидел выписанный из Германии за большие деньги немецкий специалист, инженер Генрих-Мария Заузе.*

1. В годы нэпа и индустриализации советская промышленность открыто равнялась на Запад; научно-технический уровень Германии или США был для СССР желанным и недосягаемым образцом. Одним из лозунгов дня было "Учись у немца" [Пр 16.03.29]. Отечественные кадры посылались за границу изучать передовой опыт, а иностранные инженеры, мастера, рабочие (часто — лишившиеся работы в своих странах в результате мировой депрессии) были обычными фигурами на советских предприятиях и стройках.

Им нередко приходилось сталкиваться с косностью и бюрократизмом местного начальства. В истории Генриха-Марии Заузе нет преувеличений. Американский инженер, работавший на советских стройках в 1929-30, описывает ситуацию почти теми же словами, что и авторы романа: "[Русские] платят иностранному специалисту валюту, выкачанную из народа ценой больших жертв, но игнорируют его рекомендации или пытаются его обойти....Джон Колдер, один из лучших американских инженеров, работающих в СССР, после трех месяцев ожидания и полного безделья поехал в Москву, чтобы устроить там скандал....Он приехал сюда с большим штатом помощников, чтобы поставить на ноги транспорт, но в конце концов пригрозил покинуть Россию, если ему и его людям не дадут работы" [Rukeyser, Working for the Soviets, p. 219-220; о мытарствах Колдера упоминает также Б.Галин в документальных очерках "Мечта" (1932)]. В советской прессе эти явления освещались неоднократно; сообщалось, напр., о том, как западный инженер, попытавшийся ввести рационализацию и снизить себестоимость, подвергся травле и выживанию с работы [Безобразн. отношение к иностранн. специалисту, Пр 16.10.29; Неправильн. использование иностранн. специалистов, Пр 19.10.29] и др.

3b. Фигура иностранного специалиста на советской стройке много раз отражена в литературе тех лет. В его лице американская/немецкая целенаправленность, точность, способность работать "как машина" противопоставляется российской лени и расхлябанности — коллизия, известная еще с "Обломова" и "Железной воли", но приобретающая теперь новую актуальность.

Как правило, писатели уважительно оценивают деловую хватку и строгость западных спецов и призывают своих соотечественников учиться у них, не забывая, однако, о преимуществах советской идеологии и социальной системы. В портрет "немца" вводятся традиционные комические черточки — ломаный язык, наивность, педантизм, — призванные уравновесить его превосходство над русским человеком в

деловом отношении. "Шелесни феник для фас нушно, подгоняль штоп работаль!" — прикрикивают немецкие техники на строителей бумажного комбината [Кольцов, В путь (1928)].

У иностранцев оказывается немало причин для недовольства, напр., вынужденные простои: "Бригады, неделю назад попавшие на красную доску, позорно скатывались вниз. Американцы кейфовали за обедом по полтора часа" [Н.Никитин, Поговорим о звездах (1934)]. В пьесе Н.Погодина "Темп" (1929) выведен американец Картер, обладающий столь же непоседливым характером, как и Генрих-Мария Заузе: подобно ему, он жалуется, что теряет время зря, что без конца слышит фразу "на будущей неделе", заявляет, что ему нужен не роскошный кабинет и письменный стол, а работа на стройке, что он не желает получать деньги даром и намерен, расторгнув контракт, вернуться в Америку, и т. п.

В отдельных случаях иностранный специалист наделяется функциями вредителя, как, напр., американец Квелш в пьесе А.Глебова "Рост" (1927).

В "Епифанских шлюзах" А.Платонова злоключения английского инженера спроецированы в петровскую Россию. Как и Г.-М.Заузе, герой этого рассказа переписывается с невестой на родине.

15. — *Wolokita, — взвизгнул он дискантом.*

1/2. Волокита, наряду с бюрократизмом, разгильдяйством, аллилуйщиной и проч., — постоянная мишень критических стрел в печати. "Правда" 1929-30 пестрит заголовками типа: "Триумфальное шествие волокиты", "Музей волокитчиков", "Волокита с кредитами", "Бить тревогу и бить волокитчиков" и т. п.

3а. "Бог правду видит, да не скоро скажет. Что за волокита?" [из записной книжки Ильфа — Собр. соч., т. 5, стр. 182].

16. *Остап....подвел его к висевшему на стене ящику для жалоб.... — Мы, вы, они, оне кладут жалобы....И никто их не вынимает....*

1. В учреждениях вывешивались "ящики для подачи жалоб и заявлений в комиссию по чистке аппарата" [см., напр., КН 30.1929]. Одесская киностудия в 1930 выпустила фильм "Чистка" ("Ящик для жалоб") [Сов. художеств. фильмы, т. 1, стр. 411]. О том, что жалобы никто не вынимает, писал Маяковский в стихотворении "Легкая кавалерия" (1928).

17. — *Ва-ва, — сказал уполномоченный по копытам, прислоняясь к стене, — ва-ва-ва.... — Там, — пробормотал Балаганов, протягивая дрожащую руку.*

3с. Испуг Балаганова стилизован, напоминая одновременно о гоголевском "Ревизоре" и о модернистско-мистической струе в литературе начала века. Ср.:

(а) "Городничий (подходя и трясясь всем телом, силится выговорить): А ва-ва-ва... ва. Хлестаков (быстрым отрывистым голосом): Что такое? Городничий: А ва-ва-ва... ва. Хлестаков (таким же голосом): Не разберу ничего, все вздор. Городничий: Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть..." [д. 3, явл. 6].

(б) "Там, внутри" [русск. название пьесы М.Метерлинка "Intérieur"]; "Это прекрасная Госпожа наша из замка, что *там*....Это я дрожу от радости, что Она *там*....Да, *там*, я Ее вижу, я Ее узнаю...." [Ш.ван-Лерберг, Они почуяли (драма), в кн. Чтец-декламатор, т. 3, стр. 272-277, выделено нами] и др.

18. *Остап открыл дверь и увидел черный гроб....Это был прекрасный агитационный гроб* ["Смерть бюрократизму"]....

1. Перед нами один из элементов площадной, карнавальной и магической образности, к которой так часто прибегали советская пресса и массовая пропаганда 20-х гг. Для расправы с отрицательными явлениями чаще других применялись метафоры суда (ср. показательные суды над галстуком, "бациллой никотина" и проч.) и смерти. Говорилось о том, чтобы "похоронить религию", "убить, задушить, растерзать бюрократизм". Школьники выходили на демонстрацию с лозунгами "Смерть куличу и пасхе"; профессор-юрист читал лекцию под заглавием "Похороны старого права"; смена кабинета в Англии описывалась как "Погребение Болдуина"; пуск фабрики-кухни означал "смерть 24 000 примусов". По-видимому, данный обычай в СССР восходит к международным марксистским традициям: напр., в 1890 рабочие-социалисты в Германии устроили "похороны" враждебного им законодательства, с факельным шествием и пением [А.Овчаренко, Август Бебель, М./Соцэкгиз, 1963, стр. 132].

Развивая метафору дальше, упоминали такие атрибуты, как могила, крест, гроб, свечи и т. п. В разного рода манифестациях и карнавалах эти элементы представали в буквальном виде — как гигантские гробы, кресты, катафалки, отпевания и проч. В журнале "Смехач" изображалась могила старого рубля с крестом в виде экономических "ножниц". В Москве в дни 10-летия Октября ходили трамваи с сооруженной на крыше карикатурой "Российский капитализм в гробу". Бывшие беспризорники, чью коммуну в 1928 посетил М.Горький, к приезду гостя украсили залу картонным гробом с надписью "Капитал". На вхутеиновском карнавале в Парке культуры летом 1929 "нэпман, бюро-

крат, вредитель, кулак и поп ехали в допотопных извозчичьих пролетках на собственные похороны".

Маскарад смерти и погребения применялся также для воздействия на нерадивых работников. На журнальной фотографии 1930 мы видим рабочих литейного цеха, насыпающих символические могильные холмы для лодырей и пьяниц: "Прогульщик Иванов, гуляет второй день, погиб для рабочего класса" и т. п. В Магнитогорске для нарушителя трудовой дисциплины соорудили крест с надписью: "Здесь покоится Ник.Саенко из бригады Ищенко. Спи с миром, дорогой труженик прогулов и пьянки". Частое употребление превратило метафору смерти в назойливый штамп; Ильф и Петров находят оригинальный способ ее комического остранения, изображая испуг наивного Балаганова при виде антибюрократического гроба.

[Piccard, Lettres de Moscou, p. 82; Кольцов, В дороге, в кн. Сотворение мира; Пр 06.05.29; Никандров, Профессор Серебряков, гл. 7; КН 26.1929; Ник.Ассанов, "24 000", КН 50.1929; Moch, La Russie des Soviets, p. 96; Оценка художественн. оформления десятиоктябрия, НЛ 10.1927, стр. 8; Кольцов, В монастыре, в кн. Сотворение мира; Пр 11.06.29; Пж 19.1930; Катаев, Время, вперед!, гл. 4.]

3с. Вместе с тем приключение Балаганова построено по известной схеме готического романа и "черной" литературы: герой блуждает по лабиринтам таинственного замка, поместья или аббатства, наталкиваясь в его комнатах на разного рода ужасы — скелеты, окровавленные плащи, гробы, закованных в цепи узников и т. п. В "Романе леса" А. Радклифф герой находит сундук со скелетом [гл. 4], героиня — гроб, покрытый плащаницей [во сне, гл. 7]. В ее же "Удольфских тайнах" за одной из дверей скрывается труп [III.1][1], в "Дракуле" Брэма Стокера — ящики с землей, служащие постелью вампиру [гл. 4]. В русской литературе эту традицию продолжают Жуковский: *Что ж? В избушке гроб; накрыт / Белою запоной* [Светлана] и Пушкин [Сказка о мертв. царевне].

Пародийное использование этого мотива (сходное с ЗТ в том, что герой ошибается насчет значения гроба) встречаем в рассказе Чехова "Страшная ночь": чиновник и несколько его приятелей с ужасом находят у себя дома гробы, которые, как потом выясняется, присланы на сохранение их общим знакомым, гробовых дел мастером, опасающимся описи имущества.

19. *Я это сделал не в интересах истины, а в интересах правды.*

2. Слова бухгалтера Берлаги — отзвук дореволюционных споров между радикальными интеллигентами и их веховскими критиками об "истине" (как научной, философской категории) и "правде" (как категории, связанной с принципами морали, социальными идеалами и т. п.).

Ср. характеристику П.Б.Струве: "Он был одинаково страстным мыслителем, искателем объективной истины, и страстным борцом за моральную правду и общественное строительство" [Зернов, Русск. религиозн. возрождение, стр. 152]; ср. также статью Н.А.Бердяева "Философская истина и интеллигентская правда" [Вехи].

20. ***В концерне "Геркулес" это называется загнать в бутылку.***

2. Выражение "загнать в пузырек" в смысле "довести до неистовства, до изнеможения" вошло в язык в 20-е гг. из воровского жаргона. "Загнали, наконец, Ванькина в пузырек. Стих Ванькин..." [Булгаков, Ванькин-дурак (1925), в кн. Забытое, стр. 97; см. также Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 77].

1. В другой главе "Удольфских тайн" есть сцена, в которой при известном усилии воображения можно усмотреть еще более близкую параллель к ЗТ. Героиня находит в алькове полуразложившийся труп и падает в обморок [II.6], однако впоследствии [IV.17] выясняется, что то был не настоящий труп, а восковое подобие, хранившееся в замке в целях благочестивого созерцания членами рода, т. е. своего рода "агитационный труп"! Ильф и Петров скорей всего не читали Радклифф; сходство следует считать чисто типологическим, из числа тех, которые указывают на далеко идущую идентичность логики выразительности, управляющей художественным "кристаллообразованием" в самых различных литературах [см. Введение, раздел 6, стр. 82].

ГЛАВА 19

Универсальный штемпель

1. *Начальник "Геркулеса" давно уже не подписывал бумаг собственноручно. В случае надобности он вынимал из жилетного кармана печатку и, любовно дохнув на нее, оттискивал против своего титула сиреневое факсимиле.*

1. Румынский писатель Панаит Истрати, описывая бюрократизм в советских учреждениях, констатирует, что "заведующий трестом или администратор порой вынужден столь часто ставить свою подпись на документах, что заказывает себе резиновую печать-подпись и доверяет ее своей секретарше. Таким образом, он сплошь и рядом не знает, о чем идет речь в подписанных им бумагах" [Istrati, Soviets 1929, p. 55-56]. В прессе 1929-30 нередка критика "штемпелюющих руководителей" [напр., Пр 04 и 22.05.29].

2. *В ответ на ....мы, геркулесовцы, как один человек, ответим....*

2. Призыв или обещание "ответить" на что-либо — одно из самых употребительных клише 20-х гг.: "На окружающую нас экономическую блокаду ответим усилением финансовой мощи Советской страны"; "На бешеное вооружение империалистов ответим выполнением пятилетки в 4 года"; "Наш ответ на последние провокации империализма — это повышение производительности труда и укрепление социалистического хозяйства путем подписки на новый заем"; "В ответ на китайские провокации крестьяне села Минковки решили в полном составе вступить в ряды Осоавиахима и Красного креста"; "Наш ответ китайским белобан-

дитам: строим танк имени читателей 'Правды'"; "Наш ответ Чемберлену"; "В ответ кулаку" и т. п. [Пр и КН 1927-30.]

3. *Пункты универсального штемпеля.*

1. Детище Полыхаева откликается на широкую гамму проблем и лозунгов текущего момента:

(д) Уменьшением накладных расходов на календари и портреты. Видимо, имеются в виду календари "пятидневок", особые для каждой группы служащих с одинаковым графиком рабочих и выходных дней [о выпуске таких календарей см., напр., П.Дубнер, Сов. календарь, Ог 13.10.29]. О начинающемся в эти годы засилье портретов вождей Ильф и Петров упоминают не раз [см. примечания 38 к ЗТ 8, 5 к ЗТ 15].

(ж) Отказом от празднования рождества, пасхи, троицы, благовещения, крещения, курбан-байрама, йом-кипура, рамазана, пурима и других религиозных праздников. — В атеистической пропаганде подчеркивался ее универсальный характер: по словам "Правды", "борьба идет не только с христианством, но и с мусульманством, буддизмом, конфуцианством, шаманством" [Пр 11.06.29]. В антирелигиозных шествиях и карнавалах бок о бок фигурировали карикатуры на попов, мулл, раввинов, ксендзов и проч. — напр., народное гулянье "Война старому быту!", где эти служители культов высмеивались рядом с городовыми и Чемберленом [КН 02.1928].

(з) Беспощадной борьбой с головотяпством, пьянством, обезличкой, бесхребетностью и переверзевщиной. — Головотяпство, пьянство — см. примечания 6 к ЗТ 15 и 11 к ЗТ 18.

Обезличка, или обезличенная езда — термин из железнодорожной практики: "кратковременное пребывание на данном паровозе часто меняющихся паровозных машинистов". В феврале 1931 была объявлена помехой развитию ж. д. транспорта [см., напр., ТД 03.1931, стр. 79].

Бесхребетность — проработочный ярлык, наклеивавшийся, в частности, за либерализм и отсутствие четкой классовой линии.

Переверзевщина — литературоведческая школа Валериана Федоровича Переверзева (1882-1968), выводившая все аспекты художественного произведения из классового бытия автора. Весьма влиятельная концепция П. подверглась в 1929-31 резкой критике, в которой тон задавали рапповские круги. Журнал "На литературном посту" из номера в номер печатал статьи, громившие переверзевскую ересь. Ученому вменялись в вину ревизионизм, "меньшевистский объективизм", "отрицание классовой борьбы и действеной роли идеологии", вульгарный социологизм и др. "Разоблачение и критическое преодоление литературоведческой системы В.Ф.Переверзева становится важной очередной задачей марксистско-ленинской мысли", — писала "Литературная газета"

в апреле 1930. [В.Ермилов, Наши творческ. разногласия, НЛП 13-14.1930; А.Прозоров, Воинствующ. переверзевщина, там же; Против механистич. литературоведения, М. 1930; Переверзевщина и творческ. пути пролетарск. литературы, М., 1931, и мн. др.]

и) поголовным вступлением в ряды общества "Долой рутину с оперных подмостков". — Опера подвергалась в 20-е гг. нападкам за консерватизм, за нежелание ответить на социальный заказ, изжить штампы, обновить репертуар и стиль (не случайно любит оперу булгаковский проф. Ф.Ф.Преображенский, вся фигура которого является вызовом советскому мировоззрению). Критики отмечают, что почти всякая попытка оперного театра освоить революционную тему, будь то декабристы или Стенька Разин, сбивается на "Евгения Онегина" [С.Бугославский, Муз. жизнь Москвы, НМ 04.1926]. Несозвучность оперы современной эпохе — предмет разговоров во всех слоях общества; напр., в пьесе Б.Ромашова "Конец Криворыльска" (1926) совслужащий заявляет, что в "Травиате" и "Демоне" "идеологии никакой — одно пение....'Демон' марксизма не выдерживает никак" [д. 2, сц. 8, явл. 1]. В фельетоне "Нюрнбергские мастера пения. В Большом театре" (1929) Е.Петров приводит высказывания рядовых людей о том, что Большой театр следует закрыть и во всяком случае не следует посещать. В рецензиях подчеркивается устарелость оперной тематики и стиля: "Турандот" Пуччини "мало способна тронуть ум и сердце нашего зрителя"; "Тóска" "как была, так и осталась типичной мелодрамой, рассчитанной на вкусы мелкого буржуа", и проч. Общим местом критических статей были презрительные замечания о "слащавой оперной романтике с обычной для нее идеализацией старины", о "шаблонах оперного героя", об "оперном 'мастерстве', от которого шарахается современный зритель".

Цитаделью рутины считались государственые театры оперы и балета (ГОТОБ-ы), в первую очередь Большой театр, дирижер которого Н.С.Голованов не раз подвергался травле. В 1929-30, в связи с мобилизацией искусств на выполнение задач пятилетки, от ГОТОБ-ов стали требовать более решительной перестройки в духе "реконструктивного периода": больше связи с рабочей массой, привлечение артистического "молодняка" и, конечно, освоение современного репертуара. Большой театр защищался как мог, указывая, что готовится ряд новых спектаклей: "Нос" Шостаковича, "Новости дня" Хиндемита, "Стальной скок" Прокофьева, балет "Футболист" В.Оранского и др., что коллектив театра отчитывается в своей работе на ткацких фабриках и в трамвайных парках. Ставились новые оперы на классические сюжеты, напр., "Тупейный художник" Шишова.

Всего этого, однако, было мало проработчикам, требовавшим целиком современной тематики. К осени 1930 "Литературная газета" отмечала, что Большой театр, "взятый на буксир пролетарскими писателями", сдвинулся с мертвой точки и ставит оперы по либретто А.Афиногенова ("Днепрострой"), И.Уткина ("Вышки Октября") и А.Жарова ("На стройке"). Для сочинения музыки привлекаются молодые композиторы из Ассоциации пролетарских музыкантов, и намечено создание экспериментальной мастерской по изысканию советского оперно-балетного стиля. Многое из нового оказывалось недолговечным. В конце того же года "Крокодил" сетует на то, что оперы "Прорыв" и "Вышки Октября" сняты со сцены Большого театра, и репертуар остается прежним; на карикатуре — онегинские сюртуки и боярские кафтаны на подмостках театра, мимо которых, не удостаивая их взглядом, шагают колонны трудящихся.

[Опера "Турандот" в "Аквариуме", Из 24.08.29; На путях компромисса. "Флория Тоска" во втором ГОТОБ, Пр 08.05.30; "Тупейный художник", Из 06.04.29; Перспективы развития сов. муз. культуры: 1-я всероссийск. муз. конференция в Ленинграде, Из 16.07.29; Ильф и Петров, Собр. соч., т. 5; За колоннами Большого театра. О рутине в ГОТОБ, ЛГ 23.09.29; В борьбе за советск. оперу, ЛГ 24.09.30; Кр 34.1930.]

(к) Поголовным переходом на сою. — См. примечание 2 к ЗТ 1.

(л) Поголовным переводом делопроизводства на латинский алфавит. — В 1927-30 осуществлялась латинизация арабского алфавита мусульманских народностей, целью чего было их "культурное перевооружение" [заголовок в КН 19.1931], под которым понималось главным образом ослабление влияния ислама и традиционой культуры. Узбекский, туркменский, таджикский, татарский, азербайджанский и нек. др. языки перешли на латиницу и пользовались ею до 1939-40, когда все они были переведены на русскую графику. Латинизация широко освещалась и приветствовалась в прессе: "Латинский алфавит — этап на великой дороге к завоеванию тюрко-татарскими народами культуры, цивилизации, всех благ прогресса, которыми до сих пор пользовались только европейские народы" [Ог 20.11.27]. "Печатание учебников и перевод делопроизводства в государственных учреждениях на латинский алфавит начнутся в текущем году. Полная ликвидация арабской письменности будет закончена в течение 4 лет" [Пр 12.01.28]. Требование латинизации в "Геркулесе" — острота того же рода, что в "ж" (отказ от курбан-байрама, рамазана и других восточных праздников).

Сопряжение совершенно разных требований, ярлыков и лозунгов, представленное в "универсальном штемпеле" Полыхаева, было чертой стиля эпохи. Харьковский журнал "Новая генерация" на своей обложке перечислял то, с чем он борется: "*Мы против*: национальной ограниченности; беспринципного упрощенчества; буржуазных мод; бесформенных художественных организаций; провинциализма; трехполья; невежества; эклектизма" [НЛ 08.1928, стр. 30]. Этот катехизисный стиль высмеивается также в фельетоне Ильфа и Петрова "Отдайте ему курсив" (1932): *Бойтесь, дети, гуманизма, / Бойтесь ячества, друзья. / Формализма, схематизма / Опасайтесь, как огня. / Страшен, дети, техницизм, / Биология вредна*....и т. д. [Собр. соч., т. 3, стр. 180].

2. "Поголовный" — эпитет, весьма употребительный в 20-е гг. "Рабочие все поголовно бреются", — пишет очеркист. На китайские провокации на КВЖД население отвечало "поголовным вступлением в Красную армию"; в период коллективизации "села вступают поголовно в колхозы"; по поводу смотра производственных совещаний "Правда" пишет, что "нужен не выборочный, а поголовный смотр" [Кольцов, Кинококки (1926), в Избр. произвед. в 3 томах, т. 1, стр. 168-171; Из 08.29; Дан. Фибих, Стальная лихорадка, НМ 07.1930; Пр 17.01.29]. — По поводу слова "долой" (в п. "и" универсального штемпеля) см. примечание 10 к ЗТ 4.

4. *"В ответ на наглое бесчинство бухгалтера Кукушкинда, потребовавшего уплаты ему сверхурочных, ответим...."*

1/2. Призыв "ответить" на чье-то бесчинство внутри своего же коллектива также не был редкостью. Какой характер этот "ответ" мог иметь в эпоху ЗТ, видно из документальных очерков Б.Галина о текстильной фабрике (октябрь 1929): "Слушали: 1. О вылазке классового врага (Иванов — партком). Постановили:...В ответ на вылазку классового врага мы, рабочие-ткачи, постановляем: Шире развернуть соцсоревнование....Перевести на ударную работу отдельные залы, комплексы и мастерские...." "В ответ на вылазку классового врага, выразившуюся в попытке помешать проведению в жизнь рационализаторских предложений, мы, подмастерья 12-го зала ткацкой фабрики 'Пролетарки',....переходим на коллективную работу". Исходом дела был в данном случае суд и приговор к расстрелу [Галин, Переход, стр. 14, 16]. Как видим, в "Геркулесе" поводы для призыва "ответить", как и предлагаемые мероприятия, нарочито смехотворны, однако сама формула реальна и напоминает о вещах достаточно неприятных.

5. *Скумбриевич....организовал, кроме названного общества, еще и кружок "Долой 'Хованщину'!", но этим все дело и ограничилось.*

1/2. Имеется в виду музыкальная драма Мусоргского, шедшая в Большом театре еще до революции и поставленная заново в 1928. Характерная для Ильфа и Петрова игра слов: название классической оперы переосмыслено как слово с пейоративным суффиксом "-щина", широко употреблявшимся в проработочно-идеологическом жаргоне 20-х гг.: маяковщина, есенинщина, воронщина, переверзевщина, чиповщина (от ЧИП — газеты "Читатель и писатель") и т. п. Ильф и Петров не раз высмеивали эти новообразования: ср. "лебедевщина" (от фамилии ученика Лебедева, в рассказе "Разговоры за чайным столом"), "выдвиженщина" (от "выдвиженцев", в записной книжке Ильфа) и т. п. Название кружка напоминает о лозунге "Долой Шиллера!", который выдвинул один из руководителей РАПП-а А.Фадеев [см. его статью под таким заглавием в ЛГ 28.10.29].

6. *Уже опустел "Геркулес" и босоногие уборщицы ходили по коридору с грязными ведрами, уже ушла последняя машинистка, задержавшаяся на час, чтобы перепечатать лично для себя строки Есенина,....— когда дверь полыхаевского кабинета задрожала, отворилась, и оттуда лениво вышел Остап Бендер.*

3с. Риторический оборот, не без иронии примененный здесь, известен в двух вариантах:

(а) '*еще* X — [*а уже*] Y' (смысл: событие Y наступило раньше, чем ожидалось, закончилось раньше обычного и т. п.);

(б) '*уже* X — [*а еще* или *когда*] Y' (Y произошло с запозданием, длилось дольше нормы и т. п.).

Примеры обоих вариантов находим в первой главе "Евгения Онегина":

(а) Еще *амуры, черти, змеи / По сцене скачут и шумят, /* Еще *усталые лакеи / На шубах у подъезда спят, /* Еще *не перестали топать ..../* А уж *Онегин вышел вон.....*

(б) *В постелю с бала едет он, /* А *Петербург неугомонный /* Уж *барабаном пробужден..../ И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз /* Уж *отворял свой васисдас.*

Примеры (б) см. также у Гоголя: "*Уже* отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?" [Ночь перед Рождеством]; "*Уже* слепец кончил свою песню; *уже* снова стал перебирать струны; *уже* стал петь смешные призказки...., *но* старые и малые *все еще* не думали очнуться" [Страшн. месть, финал]; у Чехова: "Когда Аню провожали домой, то *уже* светало и кухарки шли на рынок" [Анна на шее].

3bc. 'Машинистка, задержавшаяся после работы', и 'машинистка, перепечатывающая на служебной машинке посторонний материал (стихи или любовные письма)', — два различных стереотипа.

Примеры первого — у М.Чумандрина: "В коллективе запоздавшая машинистка трещала расхлябанными клавишами 'Ремингтона' — больше не было никого" или у Ильфа и Петрова: "Занятия в Доме народов уже кончились. Канцелярии и коридоры опустели. Где-то только дошлепывала страницу пишущая машинка" [Чумандрин, Фабрика Рабле, стр. 247; ДС 28].

Примеры второго — у Тэффи: "Конторская Мессалина — переписчица Ольга Петровна деловито стучала машинкой, но оживленный румянец на пухло-румяных щеках выдавал, что выстукивает она приватное письмо, и к тому же, любовного содержания" или в советском фельетоне: "Секретарь озабоченно диктовал машинистке [стихи Бальмонта]: 'Хочу быть дерзким, / Хочу быть смелым'..." [Тэффи, Проворство рук, стр. 24; Свэн, Обыкновенн. история, в кн. Сатирич. чтец-декламатор, стр. 140].

Подобное совмещение штампов, типичное для сгущенно литературной поэтики Ильфа и Петрова, неоднократно отмечается в наших комментариях.

7. *"Влача стихов злаченые рогожи, мне хочется вам нежное сказать".*

3с. Неточная цитата из "Исповеди хулигана" С.Есенина: *Я все такой же. / Сердцем я все такой же. / Как васильки во ржи, цветут в лице глаза. / Стеля стихов злаченые рогожи, / Мне хочется вам нежное сказать.*

ГЛАВА 20

Командор танцует танго

1. *Этот харч богов* [Балаганов] *запивал сельтерской водой с зеленым сиропом "Свежее сено".*

1. Из детских воспоминаний В.Катаева: "Деньги, которые мне давали для уплаты за [музыкальные] уроки, я тратил на зельтерскую воду с зеленым сиропом 'свежее сено' или 'ром-ваниль', на рахат-лукум, баклаву и прочие восточные сладости, на приторно-сахарные, как бы лакированные рожки и копру кокосовых орехов" [Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 316].

2. *— Я вам скажу, Шура: Фунт — осел!....Бендер — осел!....Вы знаете, Шура, как я вас уважаю, но вы осел.*

2. Эти выражения — элементы "еврейского стиля" в речи Паниковского. Ср. "Ты осел, Файвель" [В.Сольский-Панский, Шантажист, ТД 09.1927].

3. *Я не Бендер. Я честный!*

2. Ср. этот риторический оборот у героев Шолом-Алейхема: "Нет, Хаим, я тебя ругать не стану. Я — не ты"; "Ты ведь не Курлендер, ты собственным умом это можешь понять"; "Я не Берл Чапник, у меня имеются другие дела" и т. п. [Мариенбад, в Собр. соч., т. 6, стр. 238, 262].

4. *Для Остапа уже не было сомнений. В игре наступил перелом.*

2. Слово "перелом", возможно, введено не без оглядки на частоту его употребления в статьях и лозунгах 1929-30: "Год великого перелома", "Начало перелома" [передовицы ЛГ 02.12.29 и 16.09.29], "Производственный перелом в Донбассе" [обложка Ог 30.10.30] и др. Слово

это, впрочем, мелькает и в более ранней советской публицистике, напр. "Наконец, обозначился перелом" [в гражданск. войне: Сосновский, Сов. новь, стр. 30].

5. *Множество людей....внезапно посыпались в сторону, и на передний план, круша всех и вся, выдвинулось белоглазое ветчинное рыло с пшеничными бровями и глубокими ефрейторскими складками на щеках.*

3с. "В облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно к нему в гости"....[Гоголь, Страшная месть, гл. 10]. "Померещилось ему, что голова арестанта *уплыла* куда-то, а *вместо нее* появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец....Пилату показалось, что *исчезли* розовые колонны балкона и кровли Ершалаима...." [Булгаков, Мастер и Маргарита, гл. 2].

6. *Остап поставил точку, промакнул жизнеописание прессом с серебряным медвежонком вместо ручки.....*

1. Эту вещь с любовью описывает С.Горный среди других предметов дореволюционного быта: "Серебряный медведь-пресспапье, из стилизованного, дырчатого, какого-то рябого серебра: по-видимому, это должно было означать шерсть звериную, начесы металла....На зазубринках, маленьких серебряных космах игрушечного медведя — повисла, зацепилась жизнь...." [Только о вещах, стр. 18].

7. *Первым начал самовар.*

3с. Оживающие, танцующие, поющие предметы — мотив, встречающийся у Диккенса и, возможно, у него позаимствованный. Ср. знаменитое "Начал чайник" [Сверчок на печи]. Мебель, домашняя утварь, реагирующие на настроение обитателей, принимающие участие в действии, в разговорах, — все это можно встретить в "Очерках Боза", где бутылки бренди и рюмки эля вмешиваются в пение [Лондонск. типы, гл. 8] и в "Нашем общем друге", где чучела и заспиртованные уродцы вторят рассуждениям м-ра Вегга [кн. 3, гл. 14].

8. *Остап танцевал классическое провинциальное танго....*

1. Танго в Советской России в 1930 было танцем не столько "позабытым", сколько предосудительным. В романе А.Малышкина "Люди из захолустья" читаем: "Полилось жеманное рыдание танго. То был танец, который считался в те годы [1929] полузапретным, таящим в себе яды иного социального строя...." [гл. "На земле предков"]. Маяковский, который и прежде клеймил танго как танец сытых [Война и мир, ч. 1], в 1928 специально обрушивается на модное "Аргентинское танго", кратко замечая: "за ним империализм" [конспекты докладов о загранице, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 169, 187]. В агитпропе и литературе танго

связывалось с образом жизни чуждой пролетариату элиты — адвокатов, спецов, врачей и т. п., а также нэпманов и спекулянтов [Тарсис, Седая юность, стр. 38; Б.Ромашов, Воздушн. пирог, д. 1, сц. 13, явл. 1]. Аналогичным клеймом отмечены и более новые западные танцы: шимми, чарльстон, фокстрот. "Оркестр благозвучал фокстротами, бывшими в запрещении в те российские годы" [Пильняк, Волга впадает в Каспийск. море, стр. 14].

2. "Под знойным небом Аргентины" — романс из репертуара известной певицы Изы Кремер. В 1918 вышел фильм "Последнее танго" на сюжет этого романса [Сов. художеств. фильмы, т. 3, стр. 286].

3с. Павел Иванович Чичиков, вспомнив, что "у него теперь без малого четыреста душ", танцует один в своей комнате: "позабыв свою степенность и приличные средние лета, произвел по комнате два прыжка, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги" [Мертв. души, гл. 7].

В более широком литературном плане, завершение чего-либо часто сопровождается танцем: танцевальные финалы находим в пьесах Мольера, Брехта ("Кавказский меловой круг", "Швейк во 2-й мировой войне"), А.Файко ("Учитель Бубус", акт 2), Е.Шварца ("Голый король"), в "Сорочинской ярмарке" Гоголя, в "Сверчке на печи" и "Колоколах" Диккенса, в фильме "Грек Зорба" (реж. М.Какояннис) и мн. др. В качестве концовки целого произведения танец позволяет изящно увести персонажей со сцены и дать картину постепенно замирающего действия, когда вымышленный автором мир как бы возвращается в небытие (ср.: "все расплывается в воздухе, я остаюсь один" [Сверчок на печи], "и скоро все стало пусто и глухо" [Сорочинск. ярмарка]). Этот символический оттенок делает танцевальный финал элементом яркосценическим, часто используемым драматургами или теми прозаиками, которые в какой-то мере прибегают к театральным эффектам (случай Ильфа и Петрова).

9. ***Фунт....сидел в кафе "Флорида", обсуждая ужасный факт закрытия Дарданелл в связи с итало-турецкой войной.***

1. Итало-турецкая (Триполитанская) война происходила в 1911-12. Дарданеллы были временно закрыты в связи с итальянскими бомбардировками в апреле 1912.

10. ***— Кто там? — послышался голос подпольного миллионера. — Телеграмма! — ответил великий комбинатор, подмигнув в темноту.***

2. Поздний стук в дверь — предположительно телеграмма, которая оказывается не телеграммой, а чем-то другим, — мотив не новый. Ночной стук может означать прежде всего арест или обыск. Ср. у сатириконовцев: "Обывателев подошел к двери и, не открывая ее, спросил: — Кто там? — Телеграмма! — послышалось за дверью.... — Когда прихо-

дят для обыска, говорят, что телеграмма" [Д'Ор, Телеграмма, в кн. Рыбьи пляски, стр. 13]; "Действительный статский советник Крапивин.... с удовольствием приготовился юркнуть в кровать. В это время у парадного входа раздался робкий звонок. — Кто там? — послышался тонкий пискливый голосок. — Телеграмма! — ответил вкрадчивый мужской голос. Дверь открылась, и через минуту роскошная квартира генерала Крапивина наполнилась дворниками, городовыми и юркими людьми в гороховых пальто" [Д'Ор, Perpetuum Mobile, в кн. О сереньк. людях, стр. 40; то же значение телеграммы у Аверченко, см. Отцы и дети, в кн. Опискин, Сорн. травы].

11. *В утренней тишине слышались только посвистыванме сусликов и скрежетание нагревшихся ножовок.*

3с. Как замечает В.Болен, здесь может быть усмотрен отголосок "Хаджи-Мурата" Толстого: "В сенях еще громче и чаще, чем с вечера, слышны были заливавшиеся перед светом соловьи. В комнате же нукеров слышно было равномерное шипение и свистение железа по камню оттачиваемого кинжала" [гл. 23; см. Bolen, Analysis of the Comic in Ilf and Petrov, p. 63].

12. *— Я бедный и несчастный старик! — всхлипывал* [Паниковский].

2. Ср. "Я же бедняк, бедный бухгалтер. У меня пятьдесят болезней, геморрой, сердцебиение, почки и многое другое" [Юшкевич, Зять Зильбермана, стр. 3].

ГЛАВА 21

Конец "Вороньей слободки"

1. [Птибурдуков] *выпиливал из фанеры игрушечный дачный нужник.... Он считал выпиливание по дереву лучшим отдыхом.*

1. Журнальные рекламы эпохи ЗТ предлагают наборы для выпиливания по дереву: "альбом на 16 листов, новые предметы и игрушки, приложение — 12 пилок" и т. п. [Эк 10.1930 и др.]. Выпиливание, видимо, более соответствовало духу времени, чем выжигание по дереву, каковое считалось старомодным, обывательским занятием [см. примечание 6 к ДС 35]. Тем не менее авторы относятся с иронией и к этому специфически советскому хобби, как и ко всей обстановке нового гнезда Варвары. Старорежимного интеллигента Лоханкина эта "передовая" женщина променяла на мещанина новой формации — с научно-техническим дипломом, страстью к домашнему уюту и мышлением, составленным из газетных штампов: "лучший отдых", "на втором году пятилетки" и т. п. Не символична ли ассоциация обоих мужей Варвары с уборной? Как многократно отмечалось в литературе тех лет, новый обыватель заимствует всю структуру своего быта у прежнего обывателя, лишь слегка перекрашивая ее на советский лад (ср. в особенности сатиру Маяковского). Выжигание анютиных глазок заменилось выпиливанием нужника — вот и вся разница.

3с. Увлечение Птибурдукова имеет параллель в "Бесах", где губернатор фон Лембке — человек недалекий и находящийся под каблуком жены — склеивает из бумаги театр, железную дорогу и кирку со всеми подробностями: "поднимался занавес...., публика выходила из вок-

зала...., пастор выходил говорить проповедь...." [II.4.3; указано в кн. Каганская, Бар-Селла, Мастер Гамбс и Маргарита, стр. 44].

2. [Лоханкин] *по самую бороду был завернут в белое марсельское одеяло....*

1. В.Катаев вспоминает "белоснежные, тканьевые, так называемые 'марсельские' одеяла, которыми застилались наши кровати" [Разбит. жизнь, или Волшебн.рог Оберона, стр. 95].

3.— *Сожжет, старая, всю квартиру! — бормотал* [Митрич].

3b. Ср. сходные мотивы и стиль у О.Форш: "Старуха Лукерьюшка жила *на кухне* [ср.: "жила она (ничья бабушка) на антресолях, над кухней", ЗТ 13]....Слышала *старая* плохо, а видела и того плоше....— *Сожжет дом старуха,* не дослышит, не досмотрит, воров в окно пустит! — охала бабушка всякий раз, как ездила в город" [Хитрые звери, в Собр. соч., т. 5, стр. 159-160; сходства с ЗТ выделены нами].

4. *Все было ясно. Дом был обречен. Он не мог не сгореть. И действительно, в 12 часов ночи он запылал, подожженный сразу с шести концов.*

3c. Ср. Шолом-Алейхема: "Если бы не было застраховано, не горело бы. Сам по себе дом не горит" [Касриловск. пожары, Собр. соч., т. 4, стр. 523].

Архетипический мотив 'пожара', от которого гибнет Воронья слободка, выступает одновременно в двух типичных для него функциях. С одной стороны, это уничтожение "дурного места", где гнездились злые козни и нечистые силы; с другой — это перерождение и переход к новой жизни для некоторых центральных героев (в более серьезном плане — для Бендера, которому после длительного периода оседлости предстоит новый цикл странствий; в пародийном — для Лоханкина, спрашивающего: "Быть может, я выйду из пламени преобразившимся?"). Первое часто встречается в романтической литературе (ср. финалы "Вия", "Падения дома Эшеров" Э.По и мн. др.), второе — элемент универсальный, применяемый в бесчисленном множестве сюжетов (ср. пожар усадьбы в "Дубровском", знаменующий превращение дворянского сына в разбойника, пожар Москвы в "Войне и мире", с которым связано моральное перерождение Пьера, и т. п.). Многие детали пожара в ЗТ являются типичными аксессуарами сцен пожара и сюжетов с перерождением. Таковы, напр., нагота Лоханкина (перерождающийся герой часто бродит по дорогам босой, оборванный и т. п.); спасение книги "Мужчина и женщина" (герой выносит из пламени какой-то один, наиболее дорогой ему предмет); подвиг Пряхина (тот же мотив, и тоже в пародийном виде); падение крыши и поднимающийся к небу столб огня, и проч. Более подробную характеристику

мотивов, применяемых в данной главе, читатель найдет в нашей статье "О горячих точках литературного сюжета" [в кн. Жолковский и Щеглов, Мир автора и структура текста, стр. 118-150].

ГЛАВА 22

Командовать парадом буду я

1. *Знакомая мне учительница французского языка Эрнестина Иосифовна Пуанкаре....Друг моего детства Коля Остен-Бакен.*

1/3с. Иностранцы-учителя, гувернеры и т. п. с переделанными на русский лад именами-отчествами и комичными фамилиями нередки в старой юмористике. Ср. у Чехова: Альфонс Людвикович Шампунь [На чужбине], Уилька Чарльзовна Тфайс [Дочь Альбиона], Бьянка Ивановна Жевузем [В пансионе], гувернантка Луиза Францовна [У телефона], цирковой артист Пуркуа [Глупый француз].

Остен-Бакен — переиначенное Остен-Сакен, фамилия остзейских баронов.

2. *А теперь — продолжим наши игры, как говорил редактор юмористического журнала, открывая очередное заседание и строго глядя на своих сотрудников.*

3с/4. Такими словами открывал заседания редколлегии М.Кольцов в свою бытность редактором журнала "Чудак" (декабрь 1928 — февраль 1930). Ильф и Петров опубликовали в "Чудаке" ряд фельетонов, а также повести "Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска" и "1001 день, или новая Шахерезада" [Галанов, И.Ильф и Е.Петров, стр. 286; Петров, Мой друг Ильф, стр. 62; Ардов, Михаил Кольцов, в кн. Этюды к портретам, стр. 125].

Выражение было позаимствовано Кольцовым из пародийной оперы В.Эренберга на слова М.Волконского "Принцесса Африканская" ("Вампука"), поставленной в 1908: "Строфокамил [король эфиопский]:

Итак, продолжим наши игры. Зовите танцоров, певцов. Пусть они споют и протанцуют" [Русск. театральн. пародия, стр. 528].

Элемент из советской литературной жизни оформлен здесь диккенсовским мотивом — способом выражаться, типичным для Сэма Уэллера [см. примечание 13 к ДС 5]. Ср.: "Ему нужны только вы, больше ему никто не нужен, как говорил личный секретарь дьявола, уволакивая доктора Фауста" или "Выкладывай, да поживее, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фартинг" [Диккенс, Пикв. клуб, гл. 15, 12].

3. *Господин Фунт, узник частного капитала.*

2. Лингвистический фон — клише "узник капитала" [см. примечание 16 к ЗТ 14].

3b. Ср. выражение "мученики частного капитала" в очерке О.Мандельштама "Киев" (1926) [Собр. соч., т. 3, стр. 9].

4. *Я — свободный художник и холодный философ.*

4. "Холодный философ" — один из псевдонимов Ильфа и Петрова в юмористических журналах 20-х гг.

ГЛАВА 23

Сердце шофера

1. *Учебная газовая тревога.*

1. Газовая атака считалась в 1927-30 наиболее характерной чертой современной и будущей войны; соответственно, противогаз ("маска") был одним из ключевых элементов военной подготовки. Лейтмотив этих лет: "Готовьтесь к борьбе против газовой войны" [Пр 02.07.29]. На журнальных фотографиях видны многочисленные трудящиеся в противогазах; в статьях обсуждается постановка противогазного дела на Западе; отряды Осоавиахима в масках шагают в рядах праздничных шествий. Литература, пресса, агитпроп полны упоминаний о газовой теме. К ней не раз обращался Маяковский: *Шагай, / стомильонная масса, // в ста миллионах масок,* и др. [Полн. собр. соч., т. 9, стр. 166, 170, 165]; ее использует Булгаков в пьесе "Адам и Ева" (1931).

Газовые учения, подобные описанным в ЗТ, довольно часто проводились на улицах советских городов. "В начале июня в Ленинграде разыгралось двустороннее воздушно-химическое учение для проверки самозащиты города от газов....В начале шестого часа над Ленинградом появились 12 'неприятельских' самолетов, сбрасывавших условные бомбы, главным образом на крупные предприятия. В результате 350 человек было 'отравлено' и небольшое количество 'ранено и убито'....В военную игру были втянуты десятки тысяч людей" ["Тревога! Газы!!!" КН 29.1928]. "Поезд тихо подходит к перрону, напрягаясь и тормозя. — Не выглядывайте в окно! Не вздумайте открыть его и высунуть любопытную голову. Вы будете немедленно

отравлены....По всему перрону снуют человекообразные чудовища с длинными хоботами и мертво выпученными огромными глазами [ср. в ЗТ: "На великого комбинатора смотрела потрясающая харя со стеклянными водолазными очками и резиновым хоботом"]. Люди в противогазах. Вот несут носилки. Это, очевидно, санитары...." — так описывает журналист противовоздушные маневры в Белорусском военном округе с участием отрядов Осоавиахима и Красного Креста, оказывавших первую помощь "раненым" и "отравленным" [Чар., Только маневры, КН 41.1929]. Близкую к этому картину дает М.Москвин: поезд приближается к Туле, по вагону идет агент ГПУ, запрещая пассажирам выходить и открывать окна: "Тула только что подверглась газовой атаке" [Moskvine, Ma jeunesse en URSS, p. 119].

Как и в ряде других случаев (см., напр., сцену с агитационным гробом в ЗТ 18), Ильф и Петров находят для общеизвестной советской реалии оригинальное сюжетное применение, используя газовую тревогу как механизм бегства Корейко.

3b. Отметим значительный параллелизм между этой главой ЗТ и рассказом Н.Тихонова "Анофелес" [опубл. Звезда 01.1930], где героя также задерживают на улице во время учебной газовой тревоги, укладывают на носилки, бинтуют и уносят в газоубежище. Как и в ЗТ, этот инцидент разрушает планы героя (идущего осуществлять утопический проект вывода из города стариков и создания из них лесной коммуны). Как и в ЗТ [см. ниже примечание 4], пребывание квази-отравленного в подвале газоубежища способствует началу нового этапа в его жизни (отказ от бредовых идей, сближение с коллективом).

2. ***Среди десятка одинаковых резиновых харь уже нельзя было найти Корейко.***

5. Способ, каким подпольный миллионер отделывается от Бендера (надевает противогаз и становится неотличимым от других людей в масках), соответствует инвариантной для Корейко теме растворения в массе стандартных советских людей [см. примечания 1 и 4 к ЗТ 4].

3. ***Последние слова потерпевшего на поле брани были: — Спите, орлы боевые! Соловей, соловей, пташечка.***

2. "Спите, орлы боевые" — песня, популярная в начале века (муз. И.Корнилова, слова К.Оленина). Исполнялась как хорами, так и камерными солистами. "В русском зарубежье, где она получила наиболее широкое распространение, в духе 'лидерн' Шуберта, Шумана и Лоеве, исполняли ее большей частью басы, на манер романса" [Мантулин, Песенник российск. воина, т. 2, стр. 8]. Приводим текст, почти одинаковый в сборниках Мантулина и Чернова [Народн. русск. песни и романсы, т. 1, стр. 187]:

Спите, орлы боевые,
Спите с спокойной душой.
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой.

Долго и тяжко страдали
Вы за отчизну свою,
Много вы грома слыхали,
Много и стонов в бою.

Ныне, забывши былое,
Раны, тревоги, труды,
Вы под могильной землею
Тесно сомкнули ряды.

Спите ж, орлы боевые, и т.д.

Вариацию на тему этой песни находим в "Хорошо" Маяковского:

Спите,
    товарищи, тише...
Кто
    ваш покой отберет?
Встанем,
    штыки ощетинивши,
с первым
    приказом
        "Вперед!"

"Соловей, соловей, пташечка" — припев бравой солдатской песни:

Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет.
Эх, раз, эх, два, да горе не беда,
Канареечка жалобно поет...[1]

В качестве основного текста пелись разные куплеты, смотря по обстоятельствам, напр.: *Слушай, братцы, мой приказ, / Поведу я в баню вас. / Как скомандую: раз, два! / Запевайте соловья. Эй! / Соловей, соловей, пташечка,* и т.п. [Мантулин, Песенник российск. воина, т. 1, стр. 82][2].

О пении "Соловья" в строю ср. в мемуарах С.Зайцевой: "Ровным энергичным шагом шли солдаты....Иногда в такт ударам сапог раздавалось сипловатое и все же пронзительное посвистывание (через стиснутые зубы!), какого я ни у кого кроме русских солдат не слыхала. Где-

то впереди глухой, но верный голос запевал песню; ее дружно подхватывали в рядах: ‘Соловей, соловей, пташечка....’ На фразе ‘Эх, раз, эх, два, да горе не беда’ солдаты проявляли необыкновенную изобретательность: свистали сразу на несколько ладов, дружно вздыхали... Внезапно появлялся в хоре дискант. Крикливо, по-бабьему выводил он верхний голос". [У порога в мир, стр. 134; действие в Петербурге в июле 1914]. Сходное описание этой песни, "со свистом и гиканьем" исполняемой солдатами в те же дни в Москве, дает Б.Уваров [Лихолетье, стр. 53-54].

4. *Газоубежище расположилось в домовом клубе. Это был длинный и светлый полуподвал....*

3с. "Отравление" Бендера газом и насильственное водворение его в газоубежище — архетипические моменты, входящие в то же гнездо мотивов, что и пожар Вороньей слободки [см. примечание 4 к ЗТ 21]. ‘Пожар’, ‘квази-гибель’ героя и ‘пребывание его в изолированном помещении’ — под землей, под водой, во внутренностях огромного зверя, в склепе, в темнице и т. п. — относятся к числу типичных обстоятельств, сопутствующих перерождению, перемене образа жизни, взглядов и привязанностей.

Примеры ‘квази-смерти’, т. е. обморока, увечья или тяжелой болезни, способствующих регенерации героя, можно встретить в бесчисленных произведениях, из которых упомянем лишь два: "Войну и мир" ("желчная горячка" Пьера, пролежавшего три месяца без памяти в Орле; вместе с пожаром Москвы, французским пленом, угрозой расстрела, разорением и смертью жены, болезнь эта приводит к морально-философскому преображению Пьера) и "Дуэль" Чехова (Лаевский, контуженный пулей в шею, переживший страх смерти, по-иному смотрит на мир и становится другим человеком).

‘Пребывание перерождающегося героя в подземельях’ и в других отрезанных от мира местах также иллюстрируется большим количеством сюжетов. Примеры: новелла III.8 "Декамерона" Боккаччо (мужа излечивают от ревности, запирая в гробницу); "Граф Монте-Кристо" Дюма (тюрьма, а затем погружение в море в погребальном саване, предшествуют превращению моряка Эдмона Дантеса в аристократа-миллионера); "Юрий Милославский" Загоскина (герой освобождается от присяги Польше и переходит на сторону России после тяжелого ранения и заключения в уединенную подземную темницу в болотной местности); "Мастер и Маргарита" Булгакова (перемене судеб Мастера и поэта Бездомного предшествует заключение обоих в психбольнице) и мн. др.

В некоторых сюжетах этого типа мы встречаем и людей в *масках*, утаскивающих героя в подземное помещение [напр., Граццини-Ласка, Вечерние трапезы, III.10]. Как и ряд других литературных мотивов "регенеративного" цикла, это, по-видимому, восходит к обрядам инициации, где посвящаемого уводят "на тот свет" люди в масках [см. Eliade, Rites and Symbols of Initiation, p. 9, 11].

Мотив 'воды', играющий в архетипическом плане ту же роль, что и 'огонь', 'квази-смерть' и 'подземелье', появляется несколько ниже, когда Остап хохочет над рассказом Паниковского и Балаганова об их авантюре с гирями : "Смех еще покалывал Остапа *тысячью нарзанных иголочек*, а он уже чувствовал себя освеженным и помолодевшим.... *Лаковая океанская волна* плеснула в его сердце". [См. нашу статью, упомянутую в примечании 4 к ЗТ 21, а также Фрейденберг, Три сюжета или семантика одного.]

5. *Еще сегодня утром я мог прорваться с такой девушкой куда-нибудь в Океанию, на Фиджи, или на какие-нибудь острова Жилтоварищества, или в Рио-де-Жанейро.*

1. Острова Жилтоварищества — каламбурное название ("жилтоварищество" и "острова Товарищества"). Острова Товарищества, или Общества — французское владение в Тихом океане, включающее о. Таити. Название могло быть памятно авторам по "Ниве", где "в 'Смеси' сообщалось о самой большой коллекции марок и о 'танцах жрецов племени Фиджи, или Островов Товарищества'" (в действительности это не одни и те же острова; отметим, однако, ту же ассоциацию в ЗТ) [Горный, Ранней весной, стр. 186].

6. *Вот уж действительно — средь шумного бала, случайно...*

3c. Цитата из стихотворения А.К.Толстого: *Средь шумного бала, случайно, / В тревоге мирской суеты, / Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты....*, известного также по романсу Чайковского.

7. *— Какая фемина! — ревниво сказал Паниковский....В дверях газоубежища показался Остап с феминой под руку.*

3b. Ср. далее: "Паниковский....бродил среди подвод, ломая руки в немой тоске. — Какая фемина! — шептал он. —Я люблю ее, как дочь!" [ЗТ 24]. Похоже на то, что "фемина" восходит к одесскому стилю речи. Мы встречаем ее в довольно сходном контексте у другого писателя-одессита, С.Гехта. В его рассказе "Марафет" опустившийся интеллигент, инженер Нович, выражает этим словом свое восхищение секретаршей, которая любит другого, а на него не обращает внимания: "Вот так фемина! Всем феминам фемина!" [Гехт, Рассказы].

8. *Уже лектор закончил свои наставления..., уже раскрылись двери газоубежища...., а великий комбинатор все еще болтал с Зосей.*

Зс. См. примечание 6 к ЗТ 19.

9. *— Вы пойдете под суд! — загремели басы и баритоны.*

2. "Под суд" — одна из ходячих формул эпохи. В газетах постоянно печатаются призывы отдать под суд тех или иных вредителей производства: "За порчу хлеба — под суд", "Под суд тормозящих работу" и проч. [Пр 1929-30].

По словам Е.Петрова, одна из ранних гудковских заметок Ильфа "кончалась довольно мрачно:'Под суд!'". Знакомые Ильфа сообщают, что писатель любил полупародийно пользоваться этой фразой: "Он часто произносил эти слова, отбрасывая только что прочитанный им новый роман или свежий номер журнала. — Под суд! — восклицал он, поблескивая стеклами пенсне. — Написал фальшивую, лживую книгу? Под суд!....Выпустил плохую картину, без всяких признаков мысли, воодушевления, страсти? Под суд!....Работай, живи, радуйся. Но не ври, не насилуй себя, не паразитируй, не скучай, а не то... Под суд!!! — восклицал он, делая движение головой, будто собираясь бодаться" [Петров, Из воспоминаний об Ильфе, стр. 509; А.Эрлих, Начало пути, в кн. Воспоминания об Ильфе и Петрове, стр. 131-132.]

10. *Мы пойдем по дороге, залитой солнцем, а Фунта поведут в дом из красного кирпича, к которому по странному капризу архитектора привинчены толстые решетки.*

Зс. Ср. *И пошли они, солнцем палимы* [Некрасов, Размышл. у парадн. подъезда].

Остраненное описание тюрьмы встречаем в "Кандиде" Вольтера: "Они были отведены в чрезвычайно холодные помещения, в которых никого не беспокоило солнце" [гл. 6], а также в прозе Г.Гейне: "[Кунц] стал действительным членом одного казенного учреждения....и скончался в Лондоне от чересчур узкого галстука, который затянулся сам собой, когда королевский чиновник выбил доску из-под ног моего знакомца" [Идеи. Книга Le Grand, гл. 6]. Похоже на то, что подобные иронические иносказания при описании тюрьмы и смерти — старая традиция, восходящая по меньшей мере к плутовскому роману XVI-XVII в.

11. *— Где же дом? — воскликнул Остап. — Ведь тут еще вчера вечером был дом?*

Зс. *Вот место, где их дом стоит; / Вот ива. Были здесь вороты — / Снесло их, видно. Где же дом?* [Пушкин, Медн. всадник, ч. 2].

12. *— Фунт сидел при Александре Втором "Освободителе", при Александре Третьем "Миротворце", при Николае Втором "Кровавом",*

при Александре Федоровиче Керенском... И, считая царей и присяжных поверенных, Фунт загибал пальцы.

1. А.А.Курдюмов замечает по этому поводу: "Текст оказывается здесь несколько двусмысленным: 'присяжные поверенные' названы во множественном числе, а ведь, кроме Александра Керенского, Россией правил еще только один носитель этого звания — Владимир Ульянов" [В краю непуган. идиотов, стр. 107]. Точности ради следует сказать, что Ленин был *помощником* присяжного поверенного [БСЭ, 3-е изд., т. 14, стр. 294]. Это не единственное место у Ильфа и Петрова, где комментаторы усматривают намеки на Ленина [ср. примечание 4 к ЗТ 30][3].

13. *Судьба играет человеком, а человек играет на трубе.*

2. Реминисценция из народного романса "Шумел, горел пожар московский", кончающегося так: *Судьба играет человеком, / Она изменчива всегда, / То вознесет его высоко, / То бросит в бездну без стыда.* В основе романса — стихотворение Н.С.Соколова "Он" ("Кипел, горел пожар московский", 1850), где Наполеон на стенах горящей Москвы предается размышлениям о превратностях фортуны. Романс был популярен с 80-х гг. прошлого века; исполнялся трактирными "машинами" ("оркестрионами"); входил в репертуар Н.В.Плевицкой. В 20-е гг. сохранял популярность, переиначивался на современный лад, напр. "ЦК играет человеком...." [Чумандрин, Фабрика Рабле, стр. 24; текст литературной и народной версий — в кн. Песни и романсы русск. поэтов, стр. 681, 940.]

5. Можно видеть здесь одну из манифестаций наполеоновского мотива в образе Бендера — наряду с изображением Наполеона, вытатуированным на груди великого комбинатора [ЗТ 18] и фразами вроде "что же вы не бьете вашего гроссмейстера" [ДС 34] или "Битва при пирамидах, или Бендер на охоте" [ДС 38].

14. *Паниковский плакал,....шепча: — Какое сердце! Честное, благородное слово! Какое сердце!*

2. Ср.: "Кнехт, вы сами не знаете, какое у вас прекрасное сердце" [говорит еврей Исаак Грабов; С.Юшкевич, Леон Дрей, ч. III, стр. 492]. Ср. также: "Но у меня мягкое сердце" [говорит Иосиф Пунис; Кассиль, Кондуит, Собр. соч. в 5 томах, т. 1, стр. 106].

1. Другой вариант: *Раз поет, два поет, три поет, / Перевернется и снова запоет....*

2. В письме к автору книги В.Н.Мантулин пишет: "Эта песня потеряла чисто-народный колорит за счет фабрично-заводского, частушечного, да и в тексте задорно-деревенский юмор сменился приказчичьим сарказмом. Вот несколько примеров:

*Парикмахером я был, / Усы, бороды я брил, / А забрили и меня, / Так распеваю соловья.... Раньше нежным баритоном / В оперетке шпарил я, / А теперь солдатским тоном / Распеваю соловья....*и т.п.

3. Любопытно заметить, что в "Красном дереве" Б.Пильняка, откуда Ильф и Петров, вероятно, позаимствовали эти слова, имя Ленина упомянуто открыто (но имя Керенского отсутствует) [см. примечание 13 к ЗТ 15].

ГЛАВА 24

Погода благоприятствовала любви

1. *Обо всем, что великий комбинатор сделал в дни, последовавшие за переселением на постоялый двор, Паниковский отзывался с большим неодобрением.*

3с. Ср. сходные зачины глав у Диккенса: "В течение двух *дней, следовавших за* завтраком у миссис Хантер, пиквикисты оставались в Итенсуилле" [Пикв. клуб, гл. 18]; "В течение целой *недели после* счастливого прибытия м-ра Уинкля из Бирмингема, м-р Пиквик и Сэм отсутствовали с утра до вечера....и имели вид таинственный" [ibid., гл. 57]; у А.Франса: "В течение всей *недели, последовавшей за* этим приключением, все мои помыслы были отданы Катерине" [Харчевня королевы Гусиной Лапы].

2. *Из ателье бил беспокойный запах грушевой эссенции.*

1. Запах грушевой эссенции — характерная примета кинофабрики, отмечаемая в фельетонах 20-х гг. [напр., С.Гехт, Путь в Дамаск, Ог 08.07.28]. В.Шкловский видит в нем символ: "Когда я пришел на кинофабрику, первое, что меня поразило, это запах монпансье. Дело в том, что кинематографические ленты клеят грушевой эссенцией, а грушевая эссенция, конечно, пахнет карамелью. Этот запах проникает в режиссерскую комнату и в голову сценариста. Запах монпансье в советской кинематографии можно изгнать только введением в нее работы над реальным историческим материалом" [Монпансье, в кн. Гамбургск. счет, стр. 145].

3. *Он устремил взор на вывеску "1-я Черноморская кинофабрика"....и, промолвив "Голконда", быстро отправился назад, на постоялый двор.*

2. Голконда — государство в Индии в XVI-XVII в., славилась богатством, в частности, алмазами. В литературе (особенно у сатириконовцев) и разговорной речи — синоним крайнего изобилия, напр.: *Ни за какие сокровища Голконды / Ты не купишь вдохновения*....[А.А.Радаков, Жирный, в кн. Русск. стихотворн. сатира 1908-1917, стр. 452]; *Истрачена души Голконда* [А.А.Радаков, Моя осень, НС 07.1916]; "Такая голконда мне и во сне не снилась" [фон Дрейер, На закате империи, стр. 117].

4. *Бендер — автор сценария "Шея".*

1. Сочинением киносценария Бендер включается в очередное массовое поветрие. Писание сценариев было повальной болезнью конца 20-х гг.; кинофабрики захлестнула волна "самотечных" сценариев, лишенных таланта и профессионализма. Этому посвящен фельетон М.Кольцова "Кинококки" (1926): "Когда-нибудь, в свободное время, мы займемся бактериологией и точно изучим новейший бич человечества, могучую бациллу, заражающую миллионы мозговых полушарий, — кинококку" [Избр. произвед. в 3 томах, т. 1, стр. 168-171]. О сценарной эпидемии пишет также Ю.Н.Тынянов: "По большей части все пишут сценарии,....трудно найти честолюбивого человека, который бы не написал хоть однажды сценария. Сценаристов много, сценариев тоже много. Мало только годных сценариев". По словам В.Шершеневича, "несколько лет назад все писали стихи, теперь все пишут сценарии" [Тынянов, О сценарии, газ. "Кино", ленинградск. приложение, 02.03.26; В.Шершеневич, Сценарий (фельетон), "Кино", Москва, 21.12.26; цит. по кн. Тынянов, Поэтика. История литературы. Кино, стр. 323 и 551].

5. *Остап окончил свой труд, вынул из "Дела Корейко" чистый лист бумаги и вывел на нем заголовок:*

"Ш е я"
Многометражный фильм
Сценарий О.Бендера.

3с. Ср. у Гончарова: "Он [Райский] проворно взял чистый лист бумаги и наверху крупными буквами написал:

В Е Р А
Роман...." [Обрыв, V.23].

6. *Немого кино уже нет....Звукового кино еще нет.*

1. Время действия ЗТ совпадает с первыми шагами отечественного звукового кино. В 1930 выпущены сборные звуковые программы, состоявшие из кинохроники, пропаганды и концертных номеров. Пер-

вые полнометражные фильмы — "Путевка в жизнь", "Златые горы", "Одна" — вышли в свет лишь в 1931. Утверждение, что "немого кино уже нет", неточно: оно продолжало существовать еще несколько лет (до 1935) наряду со звуковым. В 1930 велись дискуссии о звуковом кино; критиковались медленность, неэффективность и дороговизна работ по его созданию, как, напр., в карикатуре "Крокодила": "Беззвучная работа. — Ну как? — Не говорит ни бе, ни ме! Еще от соски не отучился" [на рисунке — младенец Звуковое кино сосет соску с надписью "1 млн. рублей", Кр 31.1930], в фельетоне Ф.Толстоевского (Ильфа и Петрова) "Разгул техники" [Ог 10.04.30] и др.

7. — *Вот, например, я! — сказал вдруг швейцар* [до конца абзаца].

1. Погоня за типажами — прежде всего на роли отрицательных и классово чуждых персонажей — отличительная черта киноиндустрии 20-х гг., стремящейся к преувеличенной, плакатной характерности. Эта тенденция проявилась в фильмах С.М.Эйзенштейна "Октябрь" и "Генеральная линия" с их масками кулаков, меньшевиков, городовых и др. Большим успехом на кинофабриках пользовались хромые, горбатые, типажи бандитов, проституток, беспризорных [А.Лугин, За золотым руном, КН 27.1927]. Был велик спрос на бороды. М.Кольцов отмечает, что его нелегко удовлетворить, ибо "рабочие все поголовно бреются" [Кинококки]. Таким образом, швейцар остается одним из немногих образцов бородатого мужчины [см. примечание 3 к ЗТ 8]. Ильф и Петров резко критикуют поэтику типажей в фельетоне "1001-я деревня" [Собр. соч., т. 2, стр. 463-466].

8. — *Мой сценарий "Шея"... — Короче, — сказал Супругов. — Сценарий "Шея"... — Вы говорите толком, что вам нужно? — "Шея"... — Короче. Сколько вам следует?*

3. "Короче" — одно из типичных словечек бюрократа: "Кто рот ни раскроет сквозь решетку, он ему говорит одно только слово:'короче!' Короче. Короче. Каркает, как ворон на суку" [М.Булгаков, Лжедмитрий Луначарский (1926), в кн. Ранн. несобранн. проза, стр. 151].

Диалог того же строения, что и в ЗТ, находим в пьесе А.Файко "Учитель Бубус" (1924): "Секретарь: Господин коммерции советник, я уполномочен президиумом Торговой палаты довести до вашего... Ван Кампердафф: Короче! С.: Господин коммерции советник, я уполномочен Презид... В.К.: Короче! С.: Господин коммерции советник, я упол... В.К.: Короче! С.: Я... В.К.: Короче! С.: (мычит) Мм... мм... мм... В.К.: Короче! Короче! Короче!" [д. 2, сц. 15].

Этот стереотип формировался уже в дореволюционной юмористике. Ср. сцену, где репортер пытается получить интервью у ученого: "—Сотрудник Северн... — Кто такой-с?! — Сотрудн... — А кто такой?!

— Сотр... — Кто такой? Карточку! О Господи!... Что угодно-с? В двух словах, покороче, и мое почтение! — Я, Ваше Превосх... — А! Покороче-с! — Я хотел поинтересоваться только, какого вы мнения о радии...." [Озаровская, Интервью, в кн. Мой репертуар, стр. 161].

В мировой литературе образцы такого диалога находим у Мольера, напр., в "Браке поневоле" [разговор Сганареля с Панкрасом, сц. 4].

5. Любопытна переориентация, которой эта фигура подвергается в диалоге Бендера с Супруговым. В "канонической" ее версии собеседник, требуя от просителя краткости, фактически не дает ему говорить, и тот уходит ни с чем. Здесь же окрик "короче!" имеет противоположный эффект, сокращая путь Бендера к гонорару. Тема ясна: 'ротозейство, разбазаривание государственных средств под маской деловитости'.

9. *Помрежи вели черного козла, восхищаясь его фотогеничностью.*

Зс. Согласно средневековым представлениям, козел связан с демонами и ведьмами. Он непременный участник шабаша [см. В.Брюсов, Огненн. ангел, IV.2; Funk and Wagnall's Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend, p. 456 и др.]. Таким образом, козел вписывается в инфернальную картину кинофабрики [см. ниже примечание 10].

Но у него есть и другая роль, которая в данном случае тоже может быть актуальной. Заметим, что козла на кинофабрике "ведут" куда-то, словно жертву. Козел — "хтоническое животное, соотносимое одновременно с плодородием и со смертью"; в обрядах ряда народов черный козел умерщвляется или приносится в жертву, чтобы обеспечить возрождение [см. В.Н.Топоров, Неск. соображений о происхожд. древнегреч. драмы, стр. 101; его же, Козел, в кн. Мифы народов мира, т. 1]. Но кинопромышленность как раз переживает момент "смерти-возрождения", поскольку, как было заявлено чуть раньше, немое кино уже кончилось, а звуковое еще не родилось. Как показывают другие эпизоды ЗТ, Ильф и Петров чутки к метафорике перерождения [см. примечание 4 к ЗТ 23], равно как и ко всякого рода пограничным и начально-конечным символам.

10. *И в ту же минуту раздался бой вестибюльных часов....С берега, из рыбачьего поселка, донеслось пенье петуха.*

Зс. Конец рабочего дня на кинофабрике открыто соотнесен с историями о чертях, ведьмах, шабаше (курьерша с помелом, летающий ассистент и проч.). Сотрудники, бросающиеся к выходу, завязший в дверях ассистент с копытцами и петушиный крик отсылают нас к гоголевскому "Вию". Бой вестибюльных часов напоминает сказку о Золушке: именно удары часов заставляют героиню поспешно покинуть

бал (при этом теряя туфельку — параллель к застреванию в дверях). Изображение советского учреждения как сборища чертей и ведьм развернуто в "Дьяволиаде" Булгакова, где есть сходная сцена конца дня: "В это мгновение часы далеко пробили четыре раза на рыжей башне, и тотчас из всех дверей побежали люди с портфелями" [гл. 5]; ср. в ЗТ: "и в ту же минуту....", четырехкратный бой часов. По-видимому, мотив восходит к Гофману и его русским последователям, у которых колдовские и инфернальные силы часто действуют под прозаичной чиновничьей личиной.

11. *Антилоповцы вели чистую, нравственную, почти что деревенскую жизнь.*

Зс. Это и некоторые другие места романа [см. примечания 10 к ЗТ 7 и 35 к ЗТ 8], где "закоренелые грешники" приобщаются к чистой и здоровой деревенской жизни, как бы забывая на время о своем греховном состоянии, содержат сентиментальный мотив, представленный, напр., в "Доме Телье" Мопассана, в рассказе Чехова "В овраге" (Анисим) и др.

12. *— Почему вы меня полюбили? — спросила Зося.*

....— Представьте себе, сегодня я получила от него [Корейко] *письмо, очень забавное.... — Что же вам пишет этот пошляк? — Он вовсе не пошляк. Он просто очень несчастный и бедный человек.*

Зс. В этом диалоге Остапа и Зоси наблюдаются совпадения (случайные ли?) с пьесой С.Юшкевича "Комедия брака", где в пределах одной и той же сцены дама спрашивает своего поклонника "Когда же вы меня полюбили?", а затем два другие персонажа ведут следующий диалог: "— Папа, я сегодня получил замечательное письмо от дяди Иосифа. — Что пишет этот дурак? — Он вовсе не дурак... Прочти-ка его письмо. Тут есть обо всем: о колониях, о будущем...." [стр. 2, 5; NB: сходство даже в содержании письма!].

13. *А в комнате старого ребусника у букета засохших роз плакала нежная и удивительная.*

Зс. Концовка главы нарочито литературная. Ср.:

(а) финальные абзацы, чаще всего в имперфекте, начинающиеся с *а* и переключающие внимание в иной план, нежели основное действие: "А далеко в городе нестройно гудели веселые праздничные колокола" [Л.Андреев, Гостинец]; "А ангелочек, повешенный у горячей печки, начал таять...." [его же, Ангелочек] и т. п.;

(б) финалы с чьим-то *плачем*: "А Калганов....закрыл руками лицо и заплакал, долго так сидел и плакал...." [Бр. Карамазовы, III.9.9]; "Гимназисточка плакала" [Л.Андреев, Губернатор]; "И еще в этот день горько-прегорько заплакала одинокая Розина" [его же, Рогоносцы].

Концовки, сочетающие оба элемента, тоже обычны, напр.: "А на софе беззвучно плакала Евлалия...." [Эренбург, Розовый домик, в кн. Бубнов. валет, стр. 55]. "А наверху, уткнувшись в подушку, плакала Таня" [его же, В Проточн. переулке, гл. 4, стр. 54].

Эпизод Бендера — Зоси основан на архетипе 'женщины, удерживающей героя от странствий'. Необходимость продолжать путешествие кладет конец временной оседлости влюбленного героя. Этот мотив представлен в "Одиссее", "Энеиде", в мифе о Тесее и Ариадне, в десятках более современных сюжетов, в том числе (в комическом преломлении) в "Пиквикском клубе" (м-р Пиквик и вдова Бардль), в ДС (эпизод Бендера — Грицацуевой [ср. примечание 18 к ДС 14]) и др.

ГЛАВА 25

Три дороги

1. *Балаганову я куплю матросский костюмчик и определю его в школу первой ступени. Там он научится читать и писать, что в его возрасте совершенно необходимо.*

1. Матроска — стандартный детский костюм, почти что униформа мальчика в хорошем обществе дореволюционной России. Ее носили все дети, от "первого ребенка" империи цесаревича Алексея до сыновей чиновников и гимназических учителей. В мемуарах В.Набокова говорится: "я в наркотическом сне увидел себя ребенком....в слишком нарядной матроске" [Другие берега, VI.6]. Этот наряд не раз фигурирует и в детских сценах его романов: "Все приглашенные мальчики были в матросских костюмах и пахли помадой....Сам Лужин, тоже в матроске, с белой тесемкой и свистком на груди, сидел на венском стуле..." [Защита Лужина, гл. 2]. В автобиографической прозе В.Катаева упоминаются разные виды и детали матросского костюма: "шерстяная синяя матроска с пристроченными вдоль по воротнику белыми тесемками", "пухлая матросская шапочка с лентами", "матросское пальтишко с золочеными дутыми пуговицами" [Белеет парус одинокий, гл. 1; Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 13].

5. Комическая травестия, производимая Остапом, содержит некоторые типовые черты бендеровских острот и одновременно ряд мотивов, инвариантных для Балаганова. Изображение взрослого человека и, в частности, закоренелого жулика в виде невинного ребенка — одна из бендеровских "архиострот"[1] (напр., "ах дети, милые дети лейтенанта

Шмидта...." [ЗТ 6]; "со мною еще мальчик, ассистент...., мальчишка у меня шустрый" о Воробьянинове [ДС 31] и др.). В отношении Балаганова. эта архиострота кажется особенно уместной, поскольку дополнительно мотивируется его личными особенностями, как-то: (а) дюжий рост ("широкоплечий малый" [ЗТ 9], "лопатообразная ладонь" [ЗТ 1]) и (б) малообразованность, простота ("он был убежден, что земля плоская" [ЗТ 2]; "как ваша фамилия, мыслитель?" [ЗТ 1]). Первая из этих черт находит в образе ребенка перевернутое отражение, вторая — прямое. Реализация архиостроты, превращающая ее в конкретную остроту, конкретизирует этот образ ребенка двумя более специфическими деталями детского плана — матросским костюмчиком и начальной школой. Последние являются проекциями тех же двух черт Балаганова: его роста и размашистых манер, часто выражаемых через уподобление матросу [см. примеры в примечании 12 к ЗТ 6], и его малограмотности, т. е. потребности в элементарных знаниях. Шутка о матросском костюмчике и т. п. учитывает, таким образом, основные инварианты данного героя, не упуская в то же время кинуть обычный камень в дореволюционную культуру.

2. *Три дороги....На распутье стоял наклонный каменный столб, на котором сидела толстая ворона.*

3с. Богатыри на перекрестке дорог, надпись на камне, предлагающая на выбор несколько путей, — мотив русских былин, напр., "Алеша Попович и Тугарин", "Саул Леванидович" [Былины, стр. 176, 201]. Он представлен и в западной литературе, как это видно из "Дон-Кихота": "Тут он подъехал к мосту, где скрещивались четыре дороги; тотчас же ему пришло на память, что странствующие рыцари обычно останавливались на перепутьях и размышляли, по какой дороге поехать" [I.4]; встречается также у Филдинга [Том Джонс, XII.3].

Упоминание о "толстой вороне", видимо, является реминисценцией из стихотворения Бунина "На распутье" (*На распутье, в диком древнем поле / Черный ворон на кресте сидит*), цитируемого в первой части романа [см. примечание 4 к ЗТ 7]. На связь с ним указывают и некоторые другие параллели, напр.: "асфальт *желтился* от солнца, *голубой* пар стоял над шоссе" [ЗТ] — *Три пути / Вижу я в* желтеющих *равнинах....// В тишине из* синей *дали кличет*....[Бунин]; "здесь еще летает догорающая *жар-птица*" [ЗТ] — *Не ищу я по свету* Жар-птицы [Бунин].

3. *Илья Муромец — Остап Бендер, Добрыня Никитич — Балаганов, Алеша Попович — Паниковский.*

3с. Фоном этой речи Остапа является известная картина В.М.Васнецова "Богатыри" (Третьяковская галерея). Три конных богатыря всматриваются в даль, причем не все трое (как хочет Остап), а лишь один

Илья приложил ладонь ко лбу. Это одна из русских картин, издавна служивших объектом юмористического переиначивания и применения к современным ситуациям [о других таких картинах см. примечание 15 к ДС 5]; напр., в "Сатириконе" публикуется карикатура Ре-Ми на трех правых журналистов, которые представлены на конях и в костюмах богатырей [Ст 38 1911, обложка], а "Крокодил" изображает в виде богатырей бюрократов и растратчиков [перепечатано в КН 36.1926].

Трудно сказать, в какой мере произведенное Остапом распределение ролей Алеши и Добрыни между Паниковским и Балагановым позволяет говорить о перекличке между характерами спутников Бендера и соответствующих богатырей. В.Я.Пропп резюмирует особенности этих былинных героев следующим образом:

"Добрыня наделяется чрезвычайно высокими моральными качествами....Добрыня получает хорошее воспитание. Воспитанным, культурным, образованным он выступает решительно во всех песнях о нем....В лице Добрыни народ воплотил те качества, которые он в совокупности обозначает словом 'вежество'....— знание внешних форм вежливости и культуры в обращении людей друг с другом....Он умеет держать себя за столом, он знает как сесть и как вести себя за едой....Умение владеть внешними формами жизни....делает его особенно пригодным для дипломатических поручений....Однако основное качество Добрыни, как и других героев русского эпоса, это — беззаветная храбрость, мужество, не знающее пределов....

Из трех героев русского эпоса Алеша самый молодой. Он наделяется не только всеми достоинствами героя, но и некоторыми недостатками, свойственными молодости....[Он] никогда не взвешивает никаких препятствий и опасностей, легкомыслен и смел до безрассудства. Он не изображается обладающим большой физической силой. Наоборот, нередко подчеркивается его слабость, и есть даже такие песни, в которых он изображается хромым....Алеша никогда не теряет присутствия духа и нередко побеждает сильнейшего, но неуклюжего врага своей сметливостью и находчивостью....[Он] отличается остроумием и жизнерадостностью....В позднейшей фольклористике имелась и другая точка зрения, [состоящая в том, что] Алеша — тип отрицательного, безнравственного, аморального эпического героя....

Суровый и могучий Илья, выдержанный и культурный Добрыня, веселый и находчивый Алеша выражают героические черты русского народа" [Пропп, Русск. героич. эпос, стр. 184-185, 209].

Параллелизм между парами Добрыня-Алеша и Балаганов-Паниковский может быть усмотрен в том, что первому из упомянутых антилоповцев, бесспорно, свойственны такие черты как лойяльность, тяга к

порядку и справедливости, определенное дипломатическое искусство (примером чего может служить организация им Сухаревской конвенции), в то время как второй хитер, увертлив, аморален, анархичен и склонен к необдуманным рискованным поступкам. С другой стороны, невежество и неотесанность Балаганова могут рассматриваться как антитетическая параллель к 'вежеству' Добрыни. Можно отметить и еще один общий момент. Взаимоотношения Добрыни и Алеши не всегда были гладкими, и в одном из былинных сюжетов Добрыня даже бьет Алешу за неверность, бросает его оземь: *Повытащил его из-за дубова стола, / Да и метнул он его о дубовый пол* [Былины, стр. 153, 161]. Аналогичным образом Балаганов бьет и валяет по земле Паниковского [эпизод с гирями, ЗТ 20][2].

4. *С него хоть сейчас можно былину писать.*

2. Переиначенное клише "с него можно хоть сейчас картину писать" (о чьей-то живописной внешности). Пророческая ирония этой фразы — в том , что через несколько лет былины действительно начали писать — так наз. советские былины о Ленине, Сталине, Ежове и проч.

5. *Нас еще придавит каким-нибудь "катерпиллером" или комбайном. Умереть под комбайном — это скучно.*

1. "Катерпиллер" — марка трактора: "надменные 'Катерпиллеры', широколапые чудовища, гордость тракторостроения" [И.Изгоев, Завоевание риса, КН 01.1931]. Комбайн в 1929-30 описывается как "крейсер пшеничных полей", "удачнейшая комбинация жнейки и молотилки", "машина, бесспорно производящая ныне переворот в земледелии" [Н.Осинский, Три дня на зерновых гигантах, Пр 31.07.29; И.Гриневский, На полях совхоза "Гигант", НД 05.1929, стр. 86].

6. *По их обобществленным угодьям бродят сейчас многочисленные литературные и музыкальные бригады, собирая материалы для агитпоэм и огородных кантат.*

1. В первые годы пятилетки деятели искусств массами ездили в колхозы и на стройки. Считалось, что писатель или художник — такой же строитель социализма, как рабочий и колхозник, и творческий труд стремились во всем приравнять к производству. Писатели объединялись в бригады, давали соцобязательства, выполняли план, вступали в соревнование, отчитывались на предприятиях и т. п.

Хроника "Литературной газеты" за 1930 полна сообщений об этой кампании: "Включим писателя в социалистическое строительство....100 писателей на индустриальные предприятия и в колхозы....Писатели указывают, что в результате поездок в колхозы они получили богатый материал для своего творчества" [ЛГ 24.02.30]. "Ленинградский отдел ФОСП совместно с Ленотгизом организовал 8 выездных ударных

бригад писателей. Тт. Либединский и Чумандрин уже в течение полугода работают на заводе 'Красный путиловец'. Л.Сейфуллина и О.Форш работают на текстильных предприятиях Ленинграда...." [ЛГ 10.03.30]. "РАПП в колхозах...." [ЛГ 28.04.30]. "Слетов уехал на Сахалин для изучения строительства нефтяных промыслов....В колхозы и коммуны Нижней Волги выехал член 'Перевала' Г.Глинка" [ЛГ 05.07.30]. "Создана ударная бригада писателей по борьбе с угольным прорывом" [ЛГ 09.09.30] и т. д.

3b. Ильф и Петров были не одиноки в своем насмешливом отношении к писательским набегам на заводы и колхозы. Поэт В.Лебедев-Кумач высмеивает халтурность этой "связи с производством" в стихотворении "Братьям-писателям" [Кр 28.1930]. Юморист "Огонька" повествует о бюрократических перипетиях вокруг лопнувшего рельса на дальней железнодорожной станции. Среди прочего, "предстояла поездка [к месту аварии] двух комиссий, 14 экспертов, 11 специалистов. На место происшествия уже выезжала бригада авторов, в составе четырех лирических поэтов, одного египтолога и одной детской старушки. Формируя бригаду, председатель одной из литорганизаций, похлопывая египтолога по плечу, заметил: 'Поезжайте, молодые люди. Вам полезно посмотреть... Напишите роман из жизни рельсов, внесите вклад...'" [Клим Унывалов, Оригинальн. предложение, Ог 30.09.30]. Опубликованный в том же журнале [10.08.30] рассказ В.Ардова "Перпетуум мобиле" стоит привести почти полностью.

"Литератор Многопальцев, член литературного содружества 'Куй железо, пока горячо', сидел у себя за письменным столом и мрачно проглядывал 'Литературную газету'. Мрачность эта обуславливалась тем, что среди писательских имен, усыпавших все четыре страницы газеты, Многопальцев не находил своей фамилии.

'*Писатели на строительстве,* — читал Многопальцев: — писатели Ечкин, Тимофейкин, Сашкина-Машкина и Васютин укатили на строительство. *Писатели в колхозах,* — сообщалось далее: — писатели Гурболиков, Рыдаев, Прасковьюшкин, Иван Дуга и Иван Соха поехали себе в колхозы. *Писатели на местах.* Писатели Живержеев, Подсосов, Кокосов, Скиселев, Иван Штопор и Иван Бутылка сидят уже на местах. *Писатели на места.* А писатели Пуузов, Штопаных, Рысаков, Вырвич, Носовер, Потрохов, Иван Борона и Иван Борода еще только собираются на места. *Писатели на отдыхе.* Писатели С.Пiарной, Д.Симпатичный, Дохман, Рыбчик, Переколбасов, Иван Зга и Иван Бяка уже пристроились на отдых. *Писатели на лечобе.* Писатели К.Аккуратный, Б.Уютная, Ц.Укромная, Крутихин, Глубокопытов и Птиц лечатся от разных неду-

гов. Вчера же заболел писатель Кицис, но он просил не говорить, чем именно'.

Далее сообщалось, кто и что начал писать (отдельно), кто что окончил писать (отдельно) и кто находится как раз в середине творческого процесса (тоже отдельно).

И среди этого табуна имен и псевдонимов ни единая строка не упоминала Многопальцева.

[Многопальцев принимает решение поехать в колхоз. Через десять дней:]

....писатель Многопальцев, мотая головой и подкидывая ногами, ехал со станции на колхозовской лошади.

Из бокового кармана Многопальцева торчал последний номер все той же 'Литературной газеты', сложенный так, что без труда можно было прочесть: *Писатели в колхозы.* Писатели Ящериков, Грудастов, Севрюгин, Малярийный и Многопальцев поехали таки в колхозы'.

А через два часа Многопальцев сидел на крыльце одной из колхозовских изб и, угощаясь жирным деревенским молоком, вел беседу с председателем коллектива. Мычали коровы, блеяли овцы, гоготали гуси, а равно и утки....

— Ну, а пашете вы трактором? — спрашивал Многопальцев, вежливо дав отблеять серому барану.

— А то как же! Трактором пашем! — и председатель колхоза подливал столичному гостю молоко под аккомпанимент двух пятнистых коров.

— Так, так. Ну, а бороните, скажем, тоже трактором?

— Трактором, трактором.

— Та-ак. А жнете?

— Трактором.

— Так, так, так. Ну, а стенгазета?

— Стенгазету делаем не трактором.

— Нет, я говорю: стенгазета у вас есть?

— Это есть.

— Та-а-а-ак... А изба-читальня...

— Изба-читальня не трактором.

— Я знаю. А сено косите трак...

— ... тором. Им.

— А скотину пасете...

— Это уж не им...

На этом месте разговор замер и не возобновлялся до самых сумерек. В сумерки председатель колхоза любезно обратился к писателю:

— Спать мы вас положим на сеновал. Летом хорошо спать на сене...

— Летом замечательно спать на сене! — подхватил Многопальцев. Кстати, вы не знаете, когда отходит следующий поезд на Москву?

— В 12.45...

— А на него можно успеть?

— Если сейчас выехать, то пожалуй...

— Сделайте отдолжение, товарищ, дайте мне лошадку. Мне, знаете, просто не терпится привезти в Москву свои богатейшие впечатления. Значит, я не спутал: пашете вы трактором, а стенгазету делаете не трактором.

— Да, то —трактором, а то — не трактором.

— Пасете не трактором, а бороните трактором.

— Трактором, трактором.

—Жнете трак... Ну, все помню! Велите запрягать!...

Когда писатель Многопальцев подъехал к освещенному станционному зданию, слышно было пыхтение только что приехавшего из Москвы поезда, и какой-то гражданин с чемоданом в руках говорил крестьянам, расположившимся у станции:

— А что, товарищи, из колхоза здесь никого нету?

Вглядевшись, Многопальцев узнал в гражданине своего собрата по перу — писателя Харпилюка. Писатель Харпилюк принадлежал к литературной группировке, носившей причудливое название 'ЛВзЩ24/7'. В этом имени, собственно, больше подходившем для паровоза, чем для объединения художников слова, буква Л обозначала слово 'Литературный', Вз — расшифровывались как 'взвод' в смысле боевой ударной единицы, а Щ24/7 указывали на адрес исполнительных собраний группы: 'Щипок, дом N° 24, квартира N° 7'. В этом военизированном объединении писатель Харпилюк числился как 'поэт бляха N° 13'.

Поэт бляха N° 13 с удовольствием признал коллегу и с неменьшим удовольствием занял его место на колхозовской телеге. Когда возница уже тронул, поэт бляха N° 13 закричал Многопальцеву:

— Большая к вам просьба: приедете в Москву, вышлите мне номер 'Литературной газеты', который выйдет 15-го. Так я и не дождался этого номера...

Многопальцев обещал выслать.

В то время, как Многопальцев сидел в вагоне поезда, везшего его в Москву, а Харпилюк, бляха N° 13, ехал со станции на колхозовской лошади, — в это самое время писатель Пустянский, сочлен литературной ассоциации Кап-кап, у себя дома проглядывал номер 'Литературной газеты'. Тщетно искал он свою кличку среди фамилий и прозвищ, испестривших четыре полосы газеты...."

[Рассказ заканчивается решением Пустянского поехать в колхоз.]

7. *Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!....Здесь сидит еще на своих сундуках кулак Кащей, считавший себя бессмертным и теперь с ужасом убедившийся, что ему приходит конец.*

1/3. Неточная цитата из вступления к "Руслану и Людмиле" Пушкина: *Там царь Кащей над златом чахнет; / Там русский дух... там Русью пахнет!* Эта хрестоматийная фантазия на темы народных сказок часто цитировалась и переиначивалась, напр. "Про дом Глафиры Петровны местные патриоты говорили: 'Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!' После собраний здесь пахло водкою и махоркою" [Сологуб, Творимая легенда, стр. 177]. "Здесь Цекубу, здесь леший бродит, русалка на пайке сидит" [Н.Асеев, Московск. улицы (очерк), КН 09.1926] и др. — Кащей Бессмертный — "в восточнославянской мифологии злой чародей, смерть которого спрятана в нескольких вложенных друг в друга животных и предметах" [Мифы народов мира, т. 1, стр. 629]. Конец Кащея — намек на "ликвидацию кулачества как класса" в 1929-31.

8. *Но нам с вами, богатыри, от него кое-что перепадет, в особенности если мы представимся ему в качестве странствующих монахов.*

1. Монахи из ликвидированных советской властью монастырей, странствующие в поисках нового места жительства, — заметный элемент российской жизни 20-х гг. [см., напр., Fletcher, Russian Orthodox Church Underground, p. 38, со ссылкой на Платонов, Православн. церковь в 1917-35; Wicksteed, Life under the Soviets, p. 143-144]. Остап, вне сомнения, намекает на сочувствие крестьянства к притесняемой церкви. Обратим внимание на туманную форму намека: как правило, авторы ЗТ избегают прямо касаться столь болезненных точек современности.

9. *Но Паниковский не успел закончить своей речи. Раздался ужасный тошнотворный треск, и антилоповцы в секунду очутились прямо на дороге в самых разнообразных позах....*

3с. Сходным образом оформлена дорожная катастрофа в "Харчевне королевы Гусиной Лапы" А.Франса. Карета, в которой спасаются от погони герои этого романа, терпит крушение — по-видимому, под действием чар — в тот самый момент, когда аббат Куаньяр, подобно Паниковскому, обращается к спутникам с прочувствованной речью о своих любимых занятиях, мечтах и планах на будущее. Авария обрывает

аббата, как и П., на середине фразы. "Страшный толчок свалил нас всех, осыпав градом битого стекла, на пол кареты в живописном беспорядке....Среди бесформенного хаоса конских крупов, грив, ног и животов торчали задранные к небесам сапоги нашего кучера....Второй кучер, которого отбросило в овраг, плевал кровью....Одна рессора лопнула, одно колесо сломалось и одна лошадь захромала". Как и П., аббат Куаньяр гибнет вскоре после крушения и похоронен своими спутниками на деревенском кладбище.

5. Катастрофа "Антилопы" подготовлена двумя параллельными рядами нарастающих предвестий: с одной стороны, ее собственной агонией ("Антилопе было нехорошо...."; толчки, хрипы в моторе и проч.), с другой — бредовой речью Паниковского о поединке с гусем. Поскольку все авантюры П. кончаются поражением и низвержением на землю, то кажется естественным, чтобы это произошло и в данном случае. И действительно, взрыв машины совпадает с кульминационным моментом охоты на гуся ("я его хвата..."). Таким образом, речь П. по сути дела в той же мере подготавливает к катастрофе, что и нарастающая неисправность машины.

Эта функция его речи, однако, остается замаскированной до последнего момента, так что взрыв "Антилопы", несмотря на двойную подготовленность, оказывается ошеломляющей неожиданностью, как это и должно быть в хорошем сюжете с "внезапным поворотом"[3]. В самом деле, охота на гуся развертывается не наяву, где читатель уже привык ожидать провала П., а в воображении последнего, где более естественно ожидать победы. Более того, азарт охоты и близкий триумф охотника отвлекают внимание от другой линии предвестий — неполадок внутри автомобиля, — тем самым частично маскируя и ее. Отсюда вся неожиданность развязки.

Однако гибель "Антилопы" — больше чем очередная неожиданность: она наносит последний удар компании героев и знаменует конец их совместных похождений, и в этом финальном качестве она носит экстраординарный и подчеркнутый характер. Злая судьба П. предстает здесь со своего рода восклицательным знаком по сравнению со всеми предыдущими его неудачами. Этот особый акцент выражается в том, что не только реальные авантюры П. приводят к фиаско и падению на землю, но и его попытка компенсировать эту неудачливость в фантазии парадоксально кончается тем же, и притом в буквальном, физическом смысле. Этот усиленный акцент проявляется и в том, что фиаско П. распространяется на сей раз и на его спутников, вместе с ним растягивающихся в дорожной пыли. Кульминация линии П. оригинальным образом переплетена с финальной катастрофой всего совместного

предприятия — совмещение, лишний раз свидетельствующее о сюжетном мастерстве соавторов ЗТ.

10. *Жизнь прекрасна, невзирая на недочеты.*

2. Попурри из старых и новых штампов. "Жизнь прекрасна" — говорится для подбадривания отчаивающихся: "Жизнь прекрасна! (Покушающимся на самоубийство)" [заглавие рассказа Чехова (1885)]; "Гражданин Подсекальников! Жизнь прекрасна!" [Н.Эрдман, Самоубийца, д. 1, явл. 13]. "Невзирая на" — советское клише: "критиковать, невзирая на лица" и проч. "Недочеты" — также современный газетный термин: "Со всеми этими перегибами и недочетами необходимо покончить" [Пр 1928-29].

11. *— Хлопнули Алешу Поповича да по могутной спинушке! — сказал Остап, проходя.*

3с. Бендер довольно верно имитирует стиль былин. Ср. такие былинные стихи, как *И ляпнул он в Идолище поганое; // Захватил Добрыню за могуты плеча; // Сорубил враг буйную головушку,* и т. п. [Былины, стр. 83, 153, 157].

12. *Смерть Паниковского.*

3с. Один из усталых путников отстает от группы, затем вовсе исчезает из виду; хватившись, товарищи отправляются на поиски отставшего и находят его мертвым... Выразительность подобного построения делает его удобным для развертывания мотива 'смерть в пути', и поэтому трудно верить, чтобы ЗТ 25 было единственным местом, где встречается эпизод данного типа. Действительно, мы находим его в романе Т.Готье "Капитан Фракасс" (1863): группа бродячих актеров, дав спектакль в замке некоего маркиза[4], движется в буран через снежную равнину; самый худой и слабый из них, Матамор, отстает; трое из спутников пускаются на его поиски и обнаруживают замерзший труп. На другой день товарищи хоронят его на пустыре вблизи придорожной гостиницы [гл. 6: Effet de neige].

13. *После псалма вы скажете: "Бог дал, бог и взял", потом: "Все под богом ходим", а потом еще что-нибудь, лишенное смысла, вроде: "Ему теперь все-таки лучше, чем нам".*

3с. Остап цитирует наиболее избитые афоризмы об умерших. В одном из рассказов А.Аверченко — писателя весьма чуткого к штампам и, подобно Ильфу и Петрову, склонного воспроизводить их в концентрированном виде — мы встречаемся с тем же их набором, в той же последовательности:

"— Боже, — качает головой толстяк, — жить бы ему еще да жить.

Эта классическая фраза рождает еще три классические фразы:

— Бог дал — бог и взял! — профессиональным тоном заявляет лохматый священник.

— Все под богом ходим, — говорит лиловая женщина.

— Как это говорится: все там будем, — шумно вздыхая, соглашаются три гостя сразу.

— Именно — "как это говорится", — соглашаюсь я. А я, в сущности, завидую Ивану Семенычу!

— Да, — вздыхает толстяк. — Он уже там!

— Ну, там ли он — это еще вопрос. Но он не слышит всего того, что приходится слышать нам" [День человеческий, в кн. Избр. рассказы, стр. 73].

14. *"Владѣние помѣщика отставного майора Георгія Афанасьевича Волкъ-Лисицкаго".*

3с. Имя смонтировано из литературных элементов. В "Кому на Руси жить хорошо" Некрасова [гл. 5] изображен помещик *Гаврило Афанасьевич* Оболт-Оболдуев. Он имеет предка, о котором говорится: *Волками и лисицами / Он тешил государыню,* да и сам является азартным охотником на лисиц. В фамилии отставного майора слышится также созвучие с именем художника-авангардиста Эль Лисицкого, весьма активного в эти годы. — Ср. фамилии Волк-Столбунский, Волк-Демьянский [В.Л.Кигн-Дедлов, Лес, в кн. Писатели чеховск. поры, т. 2, стр. 239; А.Аверченко, Дьявольск. козни, в кн. Рассказы для выздоравливающих].

15. *Надгробная речь Бендера о Паниковском.*

2. Ряд элементов этой речи напоминает стилистику И.В.Сталина:

Но был ли покойный нравственным человеком? Нет, он не был нравственным человеком. — Риторика вопросов и отрицательных ответов с повтором чрезвычайно типична для Сталина: "Случайны ли эти лозунги? Нет, к сожалению, не случайны"; "Можно ли утверждать, что у нас были уже все эти условия года два или три назад? Нет, нельзя утверждать этого"; "Есть ли в этих требованиях что-либо унизительное для людей, желающих остаться большевиками? Ясно, что тут нет и не может быть ничего унизительного" и мн. др. [О правом уклоне в ВКПб (апрель 1929); Политич. отчет 16-му съезду ВКПб (июнь 1930) — Сочинения, т. 12, стр. 13, 65; т. 13, стр. 8].

Все свои силы он положил на то, чтобы жить за счет общества. Но общество не хотело, чтобы он жил на его счет. — Переносы из предложения в предложение одних и тех же сочетаний слов также характерны для Сталина: "Еще требуется, чтобы эта *власть пользовалась поддержкой* миллионных масс рабочих и крестьян. *Пользуется ли* она такой *поддержкой*? Да, *пользуется.* Во всем мире не найдете вы другой

такой *власти*, которая бы *пользовалась такой поддержкой* рабочих и крестьян, какой пользуется Советская власть....Все эти факты, в которых наглядно видна *поддержка* Советской *власти* со стороны миллионных масс, общеизвестны" [О задачах хозяйствеников (февраль 1931), Сочинения, т. 13, стр. 32; выделено нами].

1. См. Щеглов, Семиотический анализ одного типа юмора, где детально разбирается и данное высказывание Бендера.

2. Стоит отметить, что хулиган в одноименном стихотворении Маяковского иронически сравнивается с Добрыней Никитичем [Полн. собр. соч., т. 7, стр. 182].

3. О конструкции "Внезапный поворот" см. Shcheglov and Zholkovsky, Poetics of Expressiveness, p. 130-142.

4. Вероятно, является случайным совпадением то, что и смерть Паниковского наступает после спектакля (правда, несостоявшегося).

ГЛАВА 26

Пассажир литерного поезда

1. *Все вы по вечерам будете петь в вагоне "Стеньку Разина", будете глупо реветь "И за борт ее бросает в надлежащую волну".*

2. Народная песня на основе стихотворения "Из-за острова на стрежень" поэта-фольклориста Д.Н.Садовникова (1847-83) о любви Степана Разина к пленной персидской княжне, которую, по преданию, он в ответ на насмешки товарищей бросил в Волгу.

Песня пользовалась популярностью начиная с 90-х гг. и долгие годы была едва ли не неизбежным номером любого массового времяпровождения. "Где-то в роще, под звон гитары, кто-то нежнейшим тенором запевал песню о Стеньке Разине. Она слушала песню, прикрыв глаза, видела волжские волны, поглощающие персидскую княжну...." [Гумилевский, Собачий переулок, стр. 142]. "[На свадьбе омещанившегося пролетария] пели всей комнатой, вразброд и старательно, про персидскую княжну и Разина, про кавалеристов Буденного, про вольную цыганскую палатку" [Фибих, Дикое мясо, стр. 24]. Иностранный гость слушает пение "Stenka Razin" в 1929 на волжском пароходе [Farson, Seeing Red, p. 185]. Мелодия песни "докатилась до чужих морских и океанских берегов" и звучит без слов во многих портах мира, наигрываемая на гитаре и аккордеоне [З.Арбатов, Батько Махно, Возрождение, 29.1953, стр. 102]. Таким образом, пение "Стеньки" в ЗТ — пример банального, предсказуемого поведения. Слова песни переиначены: в оригинале — *в набежавшую волну.* [Текст литературной и народной версий — в кн. Песни и романсы русск. поэтов, стр. 826, 957.]

2. *Два брата-корреспондента — Лев Рубашкин и Ян Скамейкин.*

4. Имя первого брата позаимствовано из "Нивы", где печаталась реклама корсетов "Лев Рубашкин, Лодзь" [сообщено О.Роненом].

3. *Стихотворный фельетонист, подписывавшийся псевдонимом Гаргантюа.*

4. Как полагают, прототипом этого персонажа послужил поэт-сатирик Эмиль Кроткий (Э.Я.Герман, 1892-1963), работавший вместе с Ильфом и Петровым в журнале "Чудак". Среди черновиков ЗТ есть запись: "Эмиль: Ведь верно! Ведь правильно?" [Вулис, Галанов, Примечания, Собр. соч., т. 2, стр. 543].

4. *"Эй, полна, полна коробочка..."*

2. Неточная цитата из песни на слова "Коробейников" Некрасова: *Ой, полна, полна коробушка, / Есть и ситцы и парча. / Пожалей, моя зазнобушка, / Молодецкого плеча.* Включаемая в песенники с конца XIX в., песня вошла в репертуар всех слоев населения, исполнялась в быту и с эстрады. Часто переиначивалась в политико-агитационных целях [см. Песни и романсы русск. поэтов, стр. 1038].

5. *"Есть на Волге утес, диким мохом порос..."*

2. Народная песня, в основе которой — стихотворение поэта А.А.Навроцкого (1839-1914) "Утес Стеньки Разина". Входит в песенники с начала XX в., но пользовалась популярностью уже в 70-80-е гг. [Песни и романсы русск. поэтов, стр. 759, 946, 1051]. Не путать с песней "Стенька Разин" о романе Разина и княжны [см. выше примечание 1]!

ГЛАВА 27

"Позвольте войти наемнику капитала"

1. *Лавуазьян* [принес] *котлеты с налипшими на них газетными строчками.*

3c. Ср. "Иностранцы разворачивали кулинарию, завернутую в газеты их стран; держа ее перед зеркалом, можно было бы прочесть передовицы из Бергена или Киева" [Ж.Жироду, Зигфрид и Лимузэн (рус. пер. 1927), гл. 1].

2. *"Молнируйте инструкции аральское море лавуазьян".*

2. Глагол, звучавший в 1930 как неологизм: "Несколько лет назад Наркомпочтель ввел 'телеграммы-молнии', и публика ввела, на манер слова 'телеграфьте', слово 'молнируйте'" [ТД 09.1930, стр. 77].

3. *Они увидели первого верблюда, первую юрту и первого казаха в остроконечной меховой шапке и с кнутом в руке....Началась экзотика....*

3b. Азиат, удивленно взирающий на поезд (самолет, трактор...) — один из штампов журналистики, кино- и фотохроники первых пятилеток. "Когда я в кино увидела Турксиб — как старый киргиз встречает паровоз, я чуть было не расплакалась: так это прекрасно!" — пишет героиня романа И.Эренбурга "День второй" [гл. 9]. Репортажи о Турксибе полны вариаций на тему "старое и новое". Пассажиры-казахи выглядывают из окон вагона; верблюд нюхает рельсы, казахи смотрят на поезд; верблюды на фоне проходящего поезда и холмов; "юрта кочевника и мачты антенны, дикие табуны и электрический фонарь" и т. п.

[Открытие Турксиба, Ог 20.05.30; кадры из фильма "Турксиб", КН 32.1929; КН 50.1929; Вит. Федорович, Турксиб, Пр 21.07.29].

4. *Рассказ господина Гейнриха об Адаме и Еве.*

3b. Комсомольцы с такими именами фигурируют также в пьесе М.Булгакова "Адам и Ева", написанной в 1931, т.е. почти одновременно с романом Ильфа и Петрова [см. Булгаков, Пьесы]. Отметим прозорливость предсказаний Гейнриха о советских Каине и Авеле, "Вавилонской башне, которая никогда не достроится" и т. п.

5. *Рассказ Остапа Бендера о Вечном Жиде.*

3b. Разговор петлюровцев с Вечным Жидом выдержан в духе аналогичных сцен у М.Булгакова. Ср., напр., рассказ "Налет": "—Тю! Жида взяли! — резнул голос в темноте за фонарем.... —Жид, жид! — *радостно* пробурчал ураган за спиной. — И другой? — *жадно* откликнулся бас". Сходная сцена в пьесе "Белая гвардия" (2-я ред. "Дней Турбиных"): "А-а-а... Добро пожаловать!....*Я — веселый.* Ты нас не бойся. Мы жидов любимо, любимо....*Тримайте его, хлопцы.* Держи". Ср. похожие интонации и слова в романе, в сцене погони за Турбиным: "На лице первого [петлюровца] ошеломление сменилось непонятной, зловещей *радостью.* — Тю! — крикнул он, — бачь, Петро: офицер.... — Тримай офицера! — загремела и заулюлюкала вся Владимирская. Еще два раза *весело* трахнуло...." [Ранн. несобранн. проза, стр. 183; Бел. гвардия: пьеса, стр. 57; Бел. гвардия: роман, гл. 13; лексические сходства с ЗТ выделены нами].

Смысл ответного рассказа Бендера — девальвация древних архетипов, на устойчивость которых рассчитывает Гейнрих, утрата ими силы в результате революционного катаклизма. Другие эпизоды, иллюстрирующие эту тему, — рассказы о 'неудачном отшельничестве' (гусар-схимник в ДС 12, Хворобьев в ЗТ 8). Вскоре предстоит крушение еще одного векового архетипа, 'демонического', представляемого самим Бендером. Как бы в предчувствии этого, юмор его к концу второго романа все более отдает горечью и скептицизмом. В лице Вечного Жида обращаются в пыль многие ценности старой цивилизации, в том числе и такие, в которые верил Бендер — ср. упоминания о Риме, Китае, Индии, Колумбе, Рио-де-Жанейро и др. Комментарий к рассказу о Вечном Жиде см. также в книге Каганской и Бар-Селла [стр. 161-163].

ГЛАВА 28

Потный вал вдохновения

1. *Вечер....был настолько хорош, что старожилы, если бы они здесь имелись, конечно, сказали бы, что такого вечера они не запомнят.*

3. Штамп о "старожилах" — один из самых старых и затертых в журналистике. "Старожилы не могли запомнить ничего подобного" [Салтыков-Щедрин, История одного города, "Голодн. город"]. "Здесь со вчерашней ночи поднялась такая буря, какая в октябре, по словам здешних старожилов, редко обрушивалась на этот благодатный уголок" [корреспонденция из Ливадии о кончине Александра III, Всемирн. иллюстрация, 05.11.94]. Штамп этот высмеивают уже сатириконовцы: "Увел жену домой и закатил ей сцену, какой, как говорится, и 'старожилы не запомнят'" [Тэффи, Забытый путь, в кн. Юмористич. рассказы, кн. 1, стр.173]. "И почти каждый день у них [мексиканцев] резня, которой 'старожилы не запомнят'" [А.Аверченко, Мексиканец, НС 03.1913].

2. *Торжественный комплект.*

3с. Состоящее из расхожих штампов "пособие" для механического сочинения стихов и прозы — идея не новая. Оно фигурирует, напр., в "Мещанском романе" А.Фюретьера (1666): "Поэтический словарь для составления стихов, или Сборник слов и фраз, например, *прелести, чары, стрелы, страсть, несравненная краса, неповторимое чудо* и т. д. С предисловием, где показано, что поэтические дрожжи состоят в общем из трех десятков слов, которых вполне достаточно, чтобы

выпекать пышные романы и поэмы" [Фюретьер, Мещанск. роман, стр. 274].

3. *Художеств. очерк-фельетон.*

3. "Художеств. очерк-фельетон" (далее ХОФ) содержит, в пародийном отражении, элементы популярной в начале XX в. урбанистической и индустриальной поэзии (а также декламационной прозы того же содержания), одним из зачинателей которой был Э.Верхарн. Характерными ее чертами являются патетические восклицания, призывы, пророчества, а также изображения индустриальных пейзажей и массовых шествий на фоне грандиозных, устремляющихся вширь и ввысь механических конструкций. Разумеется, ХОФ стоит в конце длинной и разветвленной линии эпигонов этого стиля и пародирует не непосредственно Верхарна, а его отзвуки и отражения в советской литературе и журналистике 20-х гг. Ср. все же такие прямые параллели как: "Последний вал! Девятый час! Двенадцатый Ваал!" [ХОФ] — *Чу! бьет предназначенный час!* [Верхарн, Мятеж, пер. В.Брюсова]; "Вперед! ....Вершится историческая поступь...." [ХОФ] — *Бессчетных шагов возрастающий топот / Все громче и громче в зловещей тени / По дороге в грядущие дни* [Верхарн, там же]; "Это — 'железный' 'конь'!.. Это: — Восточная — Магистраль!" [ХОФ] — *Это Город-спрут / Дыбом взметнулся..../ Это Город-спрут* [Верхарн, Город, пер. М.Волошина].

Черты данного стиля можно разглядеть во многих произведениях начала века, напр., в "Песне о буревестнике" М.Горького: *Это смелый Буревестник.... — Пусть сильнее грянет буря!* и т. п., в стихотворениях в прозе Г.Гершуни: "Мы идем, мы идем, мы идем свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!....Павшим на смену волны несутся... Как они грозны, как они мощны!...." [Разрушенн. мол, в кн. Чтец-декламатор, стр. 31-37], в пародиях на Л.Андреева: "Чу! Слышен топот! Слышен ропот! Слышен шопот! Идут!...." [Венский, Мое копыто, стр. 9] и т. п.

Для нас, однако, наиболее интересны отголоски индустриально-декламационного стиля в советское время, которые могли служить непосредственными прототипами для пародии соавторов ЗТ. Поиски в этом направлении продолжаются. В качестве одного из промежуточных звеньев между Верхарном и ХОФ представляет интерес ритмическая проза А. Гастева, пролетарского поэта и публициста, одного из основателей "Лиги времени" [см. примечание 14 к ЗТ 6]. Произведения Гастева, написанные частично в предреволюционные, частично в первые советские годы, проникнуты тем же индустриально-космическим пафосом, что "Театральный Октябрь" Мейерхольда, "Мистерия-Буфф" Маяковского, архитектурные фантазии Татлина или монументальные

фрески и декорации на темы вселенского торжества пролетариата, украшавшие стены российских городов в годы военного коммунизма. Несмотря на сравнительную отдаленность поэзии Гастева от эпохи ЗТ, переклички между ней и "Торжественным комплектом" весьма явственны. Приведем некоторые из них [цитаты из Гастева — по его кн. Поэзия рабочего удара].

ХОФ: "— Девятый час!" *Гастев:* "Бьет час" [заглавие]. "Стрелка показывает три с половиной. Мы — люди этого четвертого часа" [Наш отряд].

ХОФ: "Это — 'железный' 'конь'... / Это: — Восточная / — Магистраль! / 'Поют сердца'..." *Гастев:* "О чем же поют гудки? / — Это утренний гимн единства!" [Гудки].

ХОФ: "....Как взвиваются... эти стяги! Эти флаги!.." *Гастев:* "Лапы взвились, крепко сцепились железным объятием, кряжем поднялись кверху...." [Башня]. "На железную молитву взвиваются кронштейны..../ Взвиваются ракеты...." [Манифестация]. "Взовьемся всем веером" [Мост].

ХОФ: "Пусть!" [заглавие]. "Пусть отдельные ошибки. Пусть. /.... Пусть — Ваал капитализма! Пусть — Молох империализма! Пусть! / ....Пусть клевещут. Пусть скрежещут. Пусть выявляется злобный зубовный враг". *Гастев:* "Пусть будут еще катастрофы... / Впереди еще много могил, еще много падений... / Пусть же!" [Башня]. "Рухнули сорок домн и свалились ажурные башни. / Пусть!" [Манифестация]. "Пусть не ты воплотил, но порывы труда боевого другим передай" [Рельсы]. "Может быть....тысяча лучших поэтов бросится в море... / Но пусть! /....Земля застонет. / Она....зарыдает. / Пусть! / Риск мы берем на себя" [Кран].

[Анафоры:] *ХОФ:* "Он пылает под клики трудящихся... / Он выявляет зарю новой жизни..."*Гастев:* "Он несется..../ Космос несется... Он не может стоять, он родится и умирает..../ Он достигает, он торжествует!" [Мы посягнули]. "Он рушится, он падает... мир" [Чудеса работы].

Постоянная тема стихотворений в прозе Гастева (как и многих стихов Верхарна) — массовое шествие или движение к какой-то цели: шагающие, бегущие, взбирающиеся вверх толпы, несущиеся поезда — наиболее типичный их мотив. В "Художеств. очерке-фельетоне" тоже подразумевается движение: "— Вперед!..../ Вершится историческая поступь. Пески прошлого взметаются скоком стали".

Как и в ХОФ, текст у Гастева разбит на короткие абзацы, порой состоящие из одного-двух слов, иногда взятые в кавычки, как цитата, часто выделенные тире, как прямая речь: "Тысяча работников, необъятная площадь станков. / — Песню! / — Железную!" [Ворота]; "Мы

падали. Нас поражали. / Но в муках отчаянных все ж мы кричали: / 'Мы явимся снова, придем!'" [Мы идем]. Ср. в ХОФ: "—Маяк! / Индустриализации!" или: "—Пусть — Ваал капитализма!", или "Это: / — Восточная / — Магистраль! / 'Поют сердца'".

Есть в ХОФ и другие черты, не обнаруживаемые у Гастева и восходящие, по всей видимости, к другим (в том числе более недавним) штампам, выявить которые еще предстоит. В общем плане, впрочем, ясно, что пародия эта отражает наводнявшие тогда прессу панегирики в честь пятилетки с их крикливыми и расплывчатыми призывами к трудовым подвигам; ср.: *Идут, ребята, года пятилетки, / Враг торопится, враг не ждет*....[В.Гусев, МГ 23.1930], или: *Углем страну / Мы двигаем вперед..../ И волны тока, смерч пород, / Вредительства сжигая сор, / Как кровь во всем стучат! Зовет / Нас будущее! Гей, вперед! / Работу — первый сорт!* [А.Кудрейко, МГ 21.1930] и мн. др. в этом роде.

Молох и Ваал, входящие в словарную часть "Комплекта", были общим местом антикапиталистической риторики; ср. рассказ А.И.Куприна "Молох" или стихи пролетарского поэта А.Крайского: *Это был конец тупым страданьям / И над Молохом разбитым крест* [Ежов, Шамурин, Русск. поэзия XX в., стр. 508].

Интересно, что в ХОФ, по-видимому, отразились и некоторые клише дореволюционной журналистики. Так, разбивка текста на короткие абзацы с тире в начале и восклицательным знаком в конце напоминает не только поэтическую прозу Гастева, но и манеру очеркистов типа В.Дорошевича или В.Гиляровского. Ср. следующие два отрывка:

(а) "Но на прислужников уже взметается:
— Последний вал!
— Девятый час!
— Двенадцатый Ваал!
.... Это:
— Восточная
— Магистраль!" [ХОФ].

(б) "Среди свидетелей фигурировало около двадцати, которые сознались:
— В убийстве банкира Лившица.
Уверили, что это:
— Именно они!
В свое время рассказывали все подробности:
— Как убивали....
Подозрение пало, конечно, как всегда в таких случаях:

— Первым долгом на прислугу" [Дорошевич, Пытки, в кн. Избр. рассказы и очерки, стр. 350, 356].

Отрывок из ХОФ по некоторым признакам даже ближе к прозе Дорошевича, чем Гастева. В частности, ХОФ роднит с дореволюционным очерком специфическое употребление двоеточия для выразительного разбиения фразы (у Гастева двоеточие употребляется только традиционным способом, т. е. после verba dicendi). Прием этот был известен Ильфу и Петрову — он спародирован в неизданной главе ДС "Прошлое регистратора загса", где им пользуется старгородский репортер Принц Датский [см. примечание 7 к неизданной главе]. Иначе говоря, авторы ЗТ придали советскому очерку о Турксибе легкий дореволюционный акцент, закамуфлированный одновременным сходством с сугубо революционными моделями (Гастев и др.). Можно видеть в этом скрытую сатиру на мимикрирующих журналистов и литераторов, неспособных избавиться от субстрата старой культуры, — мы знаем, что такая мимикрия является постоянной темой Ильфа и Петрова. Именно такую эволюцию проделал Принц Датский, превратившийся при советской власти в Маховика [см. ДС 13]. Параллели между "Художеств. очерком-фельетоном" и писаниями Принца Датского-Маховика довольно явственны в статье последнего о трамвайном инженере Треухове [см. примечание 8 к ДС 13].

4. *Художеств. стихотворение. Б) Восточный вариант: Цветет урюк под грохот дней, / Дрожит зарей кишлак, / А средь арыков и аллей / Идет гулять ишак.*

3b. Штампы этого стихотворения легко встретить в журнальной поэзии и прозе эпохи; ср., напр., очерк И.Басалаева "Розия-Биби", с обильными восточными глоссами, где всерьез фигурируют и кишлаки, и ишак, и цветущий урюк [ТД 03.1927]. В сценарии "Конфет-минарет", пародирующем весь "азиатский орнамент" (см. ниже), В.Ардов пишет:

"В бедном кишлаке проживает богатый бай, угнетающий всех декхан [sic]. У бая есть достаточный кворум жен, но он сватается к юной Гюли....Цветет урюк.

О сватовстве узнал возлюбленный Гюли — изящный бедняк Али. Али седлает своего верного минарета, заряжает дедовский ятаган разрывной пулей и мчится по направлению к далекому муэдзину, на котором пасут своих ишаков и пропагандируют друг друга декхане. Урюк цветет.

Ночь. Цветет урюк. Богатый бай ложится бай-бай, не подозревая о восстании. Но (цветет урюк) его дом уже окружен....

На развалинах байского дома в видавшую виды диафрагму целуются Али и Гюли. Развесистый (не хуже клюквы) минарет служит фоном. Цветет урюк" [Чу 05. 1929].

5. *АЗИАТСКИЙ ОРНАМЕНТ*

2. Слова, перечисленные в этом списке, относятся к самым затертым штампам восточной тематики. "Для характеристики Средней Азии служат, кроме *кишлака* в смысле деревня, *паранджа* (которой отвечает *чадра* на Кавказе), *бай* в смысле кулак, *декханин* [sic] в смысле крестьянин, *арык* в смысле ирригационный канал и т. д." [Щерба, Современн. русск. литературн. язык, стр. 120]. Бай неизменно выполнял функции "нехорошего человека" в фильмах на среднеазиатские темы [напр., Араби, Земля жаждет, Сын страны, Американец из Багдада, Забыть нельзя, Подъем и др. — все в 1930-31; см. Сов. художеств. фильмы, т. 1]. Басмачи — вооруженные среднеазиатские националисты, боровшиеся против советской власти и коллективизации.

6. *ШАЙТАН-АРБА (Средне-Азиатская ж.д.).*

1. Среднеазиатская железная дорога — система железных дорог советских республик Средней Азии; строилась до революции (начиная с 1880), при советской власти дополнялась новыми линиями и ветками. Не следует путать ее с Туркестано-Сибирской ж. д. (Турксибом) — новостройкой, описанной в ЗТ.

3b. Выражение "шайтан-арба" как элемент местного колорита часто встречалось в очерках и корреспонденциях о советском Востоке. "Большие дети", — пишет журналист о казахах на Турксибе. "Раз приехал в автомобиле участковый инженер и вздумал прокатить здоровенного парня-казака. Подозвал его, усадил рядом с собой. Машина фыркнула, дернула с места. А казак вдруг как заорет: 'Ай, шайтан-арба', как бросится из кузова головой... За ноги его поймали" [Федорович, Конец пустыни, стр. 65]. Напротив, в Таджикистане "уже не боятся 'шайтан-арбы'" [Ю.С., Строим арыки и новую жизнь, Ог 20.07.30]. "Шайтан-арба" — название рассказа Вс.Иванова и фильма по нему, где идет речь об открытии автобусной линии в азиатском городке [Сов. художеств. фильмы, т. 1, стр. 252]. В первомайском номере "Известий" за 1930 напечатана поэма Демьяна Бедного "Шайтан-арба — Про геройское завершение / Без чьей-либо посторонней подмоги / Туркестано-Сибирской железной дороги", в которой кочевники выражают этим словом свою радость при виде паровоза: ***В восторге шумит / Народ у откоса: / "Шайтан-арба!"***

7. *ТВОЯ — МОЯ НЕ ПОНИМАЙ, МАЛА-МАЛА (выражения).*

3b. В литературе 20-х гг. часто фигурируют персонажи из Азии: киргизы, узбеки, китайцы, японцы и т. п.

Выражение "мала-мала" типично для китайцев и японцев и означает "немного, слегка" или "почти, чуть не": "Бандит меня убивал мала-мала", "он меня тиранил мала-мала", "все мадамы нехоросие мала-мала" — так изъясняются московские китайцы в "Зойкиной квартире" М.Булгакова. У Вс.Иванова в "Бронепоезде" участник партизанской войны Син Вин-у говорит: "его меня мало-мало убивать хотела", "нипонса — куна [негодяи], мадама бери мала-мала". В романе П.Павленко "На Востоке" (1936) китаец, едва избежавший смерти, говорит: "мало-мало пропал" [I.1].

Выражение "твоя — моя не понимай" тоже строится по "китайской" модели, в которой личные местоимения предстают в притяжательной форме женского рода, а глаголы — в повелительном наклонении: "его не знай, что делать", "моя твоя понимая есть" [Иванов, Бронепоезд 14-69].

8. [Иностранцы] *приобрели разительное сходство со старинными советскими служащими, и их мучительно хотелось чистить, выпытывать, что они делали до 1917 года, не бюрократы ли они, не головотяпы ли и благополучны ли по родственникам.*

I. О чистке см. примечание 9 к ЗТ 4.

3b. Применение чистки к далеким от советской действительности объектам — один из мотивов сатиры 20-х гг. Маяковский рисует воображаемую чистку Дантеса, убийцы Пушкина [Юбилейное (1924)]. М.Булгаков описывает разговор председателя месткома с египетской мумией: "— А скажи, дорогая мумия, что ты делала до февральского переворота? И тут мумия побледнела и сказала: — Я училась на курсах. — Так-с. А скажи, дорогая мумия, была ли ты под судом при советской власти, и если не была, то почему?.... А что б ты сделала, если бы увидела коммунистов в церкви? А кто такой тов. Стучка? А где теперь живет Карл Маркс?...." [Египетск. мумия: рассказ члена профсоюза (1926), в кн: Ранн. несобранн. проза, стр. 163]. В том же духе — юмореска "Крокодила" по Лермонтову: *Скажи мне, ветка Палестины, / Где ты росла, где ты цвела [до 1905 г.]? / Каких холмов, какой долины / Ты украшением была? [до империалистической войны]? / У вод ли чистых Иордана / Востока луч тебя ласкал [до февральской революции]? / Ночной ли ветр в горах Ливана / Тебя сердито колыхал? [в октябре 1917 г.]?* и т. д. [Кр 16.1927]. См. примечание 6 (п. 5) к ЗТ 9.

ГЛАВА 29

Гремящий Ключ

1. *В первом ряду спокойно сидел табельщик Северного укладочного городка Александр Корейко.... — Александр Иванович! — крикнул Остап, сложив руки трубой....Музыканты заиграли "Интернационал", но богатый табельщик выслушал гимн невнимательно.*

2. До революции, говоря "гимн", подразумевали "Боже, царя храни". Ср. газетное сообщение: "Участвующие с хором,....обратившись к царской ложе, исполнили 'Боже, царя храни'. Многократно исполненный гимн был покрыт громким и долго не смолкавшим 'ура'" [цит. по кн. Елагин, Темн. гений, стр. 178]. "Толпа что-то выкрикивала и пела — но, кажется, не гимн....Оркестр заиграл гимн, публика кричала 'ура'...." [Милюков, Воспоминания, т. 1, стр. 313; т. 2, стр.96].

3с. "Богатый табельщик" напоминает о "золотом мусорщике" у Диккенса [прозвище Боффина в "Нашем общем друге].

5. Очередное проявление темы Корейко — стремления выглядеть стандартным советским гражданином. Как и в ЗТ 11, Бендер пытается выделить миллионера из массы, в которой тот хотел бы затеряться.

2. *Открытие Турксиба.*

1. Из корреспонденции журнала "Экран", описывающей ту же церемонию (в целях сокращения заменяем абзацы косой чертой): "Айнабулакское плато, окруженное отрогами джунгарского Алатау, выбрасывает из своих ущелий отряды всадников, мчащихся из далеких аулов, юрт и казакских колхозов. / Район, примыкающий к месту смычки, представляет огромный лагерь. Одна за другой устанавливаются юрты.

Как грибы после дождя, растут аулы. В Айна-Булаке черно от народа. / Туркестано-Сибирская магистраль сейчас, на глазах у 20 тысяч трудящихся, будет открыта для сквозного движения. / На трибуну поднимаются представители союзных республик, правительства, партийных, профессиональных и общественных организаций. / Близится смычка. / Отдаются последние распоряжения. / Резкий свисток объявляет начало работ по окончанию укладки. / Раздается "Интернационал". / Укладчики Турксиба вмиг разбрасывают последние шпалы; звенят рельсы, стучат молотки, вбивая в тело шпал последние костыли. / На трибуну поднимается [начальник строительства] тов. Шатов..../[Зачитываются телеграммы, которыми обменялись Сталин и Шатов.] / Рабочие качают тов. Шатова..../ После митинга состоялась закладка памятника Ленину. / Затем состоялись народные казакские игры — борьба, скачки, в которых принимали участие тысячи. / Над лощиной, у которой расположена станция, реял аэроплан, возбуждая удивление и восторг кочевников" [Эк 14.1930 (15 мая)].

3. *Самый последний костыль в каких-нибудь полчаса заколотил в шпалу начальник строительства.*

1. "Станция Айна-Булак. Шатов, начальник строительства, вбивает последний костыль" [фото в КН 15.1930].

4. *Корреспонденты единогласно решили не писать об Узун-Кулаке, что значит Длинное Ухо, что в свою очередь значит — степной телеграф. Об этом писали все, кто только не был на Востоке, и об этом больше невозможно читать.*

3b. Это и в самом деле было давнишним общим местом очерков о Востоке. Ср.: "Бежит, бежит узун-кулак. Из дома в дом, из лавки в лавку....Скоро идет узун-кулак, и о многом рассказывает узун-кулак (примеч.: узун-кулак — точно ‘длинное ухо’, в переносн. смысле молва, слухи)"; "‘Узун-кулак’ завтра же разнесет по степи весть о суде (примеч.: узун-кулак — людская молва)"; "На открытие станции Отар съехались казаки из отдаленных улусов на верблюдах, на лошадях и быках. Их никто не приглашал, потому что нет еще средств подать в степи быструю весть. Но у кочевников есть особый телеграф: ‘узун-кулах’ — длинное ухо — верховой от улуса к улусу" и т. п. [И.Басалаев, Розия-Биби, ТД 03.1927; Л.Соловьев, Вор, ТД 06.1927; Федорович, Конец пустыни, стр. 75];

5. *Может быть, вы хотите, чтоб я спел вам серенаду Шуберта "Легкою стопой ты приди, друг мой"?....На вас треугольная шляпа?....А где же серый походный пиджак?*

3c. Цитируются "Серенада" Шуберта из цикла "Лебединая песня" (слова Л.Рельштаба, русск. текст Н.П.Огарева) и "Воздушный корабль"

Лермонтова (*На нем треугольная шляпа / И серый походный сюртук*). Упоминаемая далее пещера Лейхтвейса — мотив из рыночной литературы начала века [см. примечание 10 к ДС 9].

6. *За холмами залегли мои молодцы.*

3с. Штамп "мои молодцы" употребляет в рассказе А.Аверченко счетовод Химиков, воображающий себя романтическим разбойником: "Этот негодяй уложил лучшего из моих молодцов....Мои молодцы пронюхали, что у нее водятся деньжата...." [Страшный человек, в кн. Избр. рассказы, стр. 53-54]. Возможна также реминисценция из Блока: *За холмом отзвенели упругие латы....*

7. *Старик замахивался на них* [кочевников] *салфеткой и дребезжал: — Отойди, Мамай, не видишь, что делается? Ах, господи! Соус пикан перестоится! И консоме с паштетом не готово!*

3с. Ср. описание приема в барском доме у Бунина: "*Старик*-буфетчик волновался, ссорился с Агафьей Петровной, *шипел* и *замахивался серебряной ложкой* на Устю, накладывая граненые вазы вареньем" [Святые; выделено нами].

8. *На столе все смешалось.*

3с. Видимо, попытка реминисценции из Толстого ("Все смешалось в доме Облонских").

9. *Антона Павловича кормил, принца Вюртембергского!*

1/3с. Идет ли здесь речь о реальном лице, нам установить не удалось. Во всяком случае несомненно, что "Антон Павлович" — это имя и отчество принца Вюртембергского, а не писателя А.П.Чехова, как решил французский переводчик ЗТ Ален Прешак, переведя эту фразу так: "Moi qui ai servi Anton Pavlovitch, qui ai servi le prince de Württenberg!" с примечанием: "Anton Pavlovitch Tchekhov était un fin gourmet" [Ilf et Petrov, Le veau d'or, p. 499]. Фамилии высоких особ типа "Вюртембергский", "Ольденбургский" и др. предварялись титулом и именем-отчеством, как это и имеет место в данной фразе ЗТ (напр., Е.И.Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский).

Правильность нашего понимания текста подкрепляется литературными параллелями. В рассказе Чехова "Хирургия" фельдшер с гордостью говорит, что он "господину Египетскому, Александру Иванычу, [зубы] рвал". В другом чеховском рассказе, "Капитанский мундир", портной Меркулов хвастается тем, что обслуживал знатных людей, в том числе "*На барона Шпуцеля шил, Эдуарда Карлыча...*" [сходство с ЗТ выделено нами]. С этим портным у бывшего метрдотеля Ивана Осиповича обнаруживаются и другие моменты сходства. Меркулов, давно уже прозябающий в провинции среди "хамов", гордится своей былой столичной славой и благородными клиентами; кричит на местного

дьячка: "Отойди от меня, длиннополая кутья!" (И.О. кричит: "Отойди, Мамай!"); заявляет "И помру! Пущай лучше помру, чем зипуны шить!" (ср. И.О.: "Покормлю и умру"); получает после многолетнего перерыва большой заказ и настолько этим польщен, что готов не брать с клиента денег (ср. И.О.: "Мне и денег платить не нужно"). Иными словами, похоже на то, что Ильф и Петров позаимствовали у Чехова как модель ситуации в целом, так и отдельные детали ее разработки, как, напр., фразу о "бароне Шпуцеле, Эдуарде Карлыче". (Возможно даже, что имя-отчество "принца Вюртембергского" служит скрытым намеком на источник фигуры и реплик старого буфетчика!)

10. *Отбыл в лучший мир, иде же несть ни болезни, ни печали, ни воздыханий, но жизнь бесконечная...*

2. "Иде же несть...." — из кондака "Со святыми упокой..." [Молитвослов, стр. 66, 209].

11. *Легенда озера Иссык-Куль....Старый кара-калпак Ухум Бухеев рассказал мне эту легенду, овеянную дыханием веков.*

3c. Как и многое другое в ДС/ЗТ, пародия эта уходит корнями в сатириконовскую юмористику. Ср. рассказ А.Аверченко "Легенда старого озера": "Я не встречал ни одного порядочного озера, которое не имело бы своей собственной легенды", — говорит художник Воздухов. "Да", — отвечает поэт Клюнин, — "у этого озера есть своя старая поэтичная легенда. Мне ее рассказали суровые прибрежные рыбаки в один тихий весенний вечер...." По своему сюжету легенда весьма сходна с той, которая рассказывается в корреспонденции Яна Скамейкина. Ср. также в очерке А.И.Куприна: "Эту прелестную древнюю легенду рассказал мне в Балаклаве атаман рыбачьего баркаса Коля Константи...." [Аверченко, Рассказы (юмористич.), кн. 3, стр. 135; Куприн, Листригоны, гл. 5.]

12.....*молодая, быстроногая, как джейран (горный баран) жена хана красавица Сумбурун....Привязав к ней слиток чистого золота весом в семь джасасын (18 кило), бросил драгоценную ношу в горное озеро.*

3. В эпоху Турксиба и увлечения среднеазиатским couleur locale не были редкостью "восточные очерки" вроде следующего:

"В алачуге (1) — темно, холодно....На земле, на войлоке — согретый чурек (2), мягкий овечий пиндыр (3), молоко буйволицы, каймаки (4), айран (5)....Енжа (6) — рослая, жирная, сладкая, колышется радостно....*Примечания*: 1. алачуг — юрта; 2. чурек — хлебные лепешки; 3. пиндырь — сыр; 4. каймак — сливки; 5. айран — кислое молоко; 6. енжа — самая полезная для скота трава" [Э.Корелли, Дни — как арба на повороте, Эк 22.1930][1] .

В.Ардову принадлежит остроумная пародия на подобный стиль — очерк, в котором встречается 11 экзотических слов ("чорчок", "улюси" и т. п.), причем каждое повторяется минимум трижды, всякий раз с другим переводом (напр., "чорчок: 1. будь по-вашему, 2. красавица, 3. покрывало, плащ") [Очерк путевой экзотический, в кн. Ардов, Цветочки, ягодки и проч., стр. 254].

Увлечение восточным лексиконом и пародии на него известны начиная с эпохи романтизма. Не пытаясь обозреть весь материал, напомним южные поэмы Пушкина с комментариями к словам "аул", "уздень", "сакля", "чихирь", "кунак" и др.; греческие стихи Н.Ф.Щербины и пародии на них Козьмы Пруткова; кавказские стихи Я.П.Полонского со множеством сносок-глосс; наконец, стихи Хлыщова из повести Некрасова "Краска братьев Дирлинг": *Ассан сидел, нахмуря брови, / Кальян дымился, ветер выл. / И грозно молвив: "крови! крови!", / Он встал и на коня вскочил. // ....Мешок о лук седельный бился, / Горела под конем трава. / Но не чурек в мешке таился: / Была в нем вражья голова!*....К слову чурек сделана была выноска: 'чурек — черкесское кушанье'". Как мы отмечали не раз, обыгрываемые Ильфом и Петровым советские штампы часто имеют корни в дореволюционной и всеобщей литературе.

"Сумбурун" — характерная для Ильфа и Петрова контаминация слов: "Сумурун" (название знаменитого в свое время немецкого немого фильма с восточной тематикой в духе "1001-й ночи" [1920, реж. Э.Любич; в советск. прокате — "Жемчужина гарема"]) и "сумбур".

13. *Не наврал ли вам липовый кара-калпак Ухум Бухеев?*

2. "Липовый" в значении "фальшивый" — неологизм 20-х гг., проникший в язык из воровского жаргона [см. Похождения липового рабкора, Пр 1926; Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 77].

1. Еще один пример восточного жанра с ежестраничными объяснительными глоссами — очерки Л.Аргутинской "Страницы большой книги" [МГ 14-16.1930]. Некоторые употребляли восточные слова и без перевода, напр.: "— Якши новая жизнь! — говорит мне, сверкая зубами, иолдаш Юсуф-Мемедьяров, сознательный шахтер" [Адалис, Вступление к эпохе, стр. 48].

ГЛАВА 30

Александр-ибн-Иванович

1. *В нагретом и темном вагоне....пахло кожей и ногами.*

3с. "Пахло" — см. примечание 2 к ДС 8. В "Анне на шее" Чехова ср. сходное по неожиданности сочетание разнородных запахов: "Пахнет светильным газом и солдатами"

2. *Станция Хацепетовка! Выходите, гражданин!*

1. Хацепетовка — железнодорожная станция в Донбассе к северо-востоку от Сталино (бывш. Юзовки).

3. *Где лимитрофные латы и злотые?*

1. Лимитрофы — европейские государства, пограничные с СССР и полностью или частично входившие в состав бывшей Российской империи: Литва, Латвия, Эстония, Польша, Финляндия, Румыния. Латы и злотые — валюта Латвии и Польши.

4. *Просто два врача-общественника едут в Москву, чтобы посетить Художественный театр и собственными глазами взглянуть на мумию в Музее изящных искусств.*

1. По поводу "мумии в Музее изящных искусств" французский комментатор ЗТ весьма категорически утверждает, что речь идет о мавзолее Ленина [Ilf et Petrov, Le veau d'or, p. 499]. Подобного рода намеки, закамуфлированные частичным переименованием и переносом в другое место, вообще говоря, не чужды Ильфу и Петрову: ср. хотя бы намек на снос Красных ворот в ДС 3. Вопрос лишь в том, могли ли соавторы ЗТ пойти на столь рискованное озорство, предполагающее к тому же весьма непочтительное отношение к советским официальным

святыням, не вполне вяжущееся с известными нам взглядами писателей. Для того или иного решения данной проблемы может представить интерес следующее обстоятельство: в мае 1930, когда происходит этот разговор между Бендером и Корейко, мавзолей был закрыт, т. к. на месте бывшего деревянного здания возводилось нынешнее каменное, строительство которого завершилось в октябре 1930. Новый мавзолей уже функционировал, когда писались и печатались турксибские главы романа.

5. *Знаете, Лев Рубашкин, не пробуждайте во мне зверя, уходите отсюда.*

3с. Данный штамп был распространен в эпоху символизма, ср. у А.Блока: *Она любила только зверя / В нем раздразнить — и укротить....* [В те ночи светлые, пустые....]; "Этим можно только озлобить человека и разбудить в нем зверя" [Интеллигенция и революция]; у Ф.Сологуба: "Его задача — усыпить в человеке зверя и разбудить человека" [Творимая легенда, стр. 251].

6. [Остап] *увидел черное абиссинское небо, дикие звезды и все понял.*

3ас. Ср.: "он сидел под большими абиссинскими звездами...." [ДС 12]. Образ восходит, видимо, к Н.Гумилеву: *Как любил я бродить по таким же дорогам, / Видеть вечером звезды, как крупный горох....* [Абиссиния].

7. *С Остапа слетела капитанская фуражка и покатилась в сторону Индии....*

3с. Личные предметы, перестающие слушаться хозяина, покидающие его, — мотив, выражающий неудачливость и униженность. Помимо головного убора, убегать от своего владельца может пуговица [Достоевский, Бедн. люди, письмо Девушкина от 9 сентября], косичка [Гофман, Золотой горшок, вигилия 1], постельное белье, посуда [К.Чуковский, Мойдодыр, Федорино горе]. Шляпа особенно показательна, будучи известным символом статуса, достоинства и индивидуальности [см. напр., Chevalier et Gheerbrant, Dict. des symboles, "Chapeau"; Cooper, An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbols, p. 80]. Порча шляпы — унижение для хозяина: в фильме Чаплина "Пилигрим" котелок героя кладут на тарелку, заливают глазурью и кремом, кромсают ножом, пытаются съесть. Сорвать с чьей-то головы шляпу и "пустить ее колесом через весь двор" — вопиющее оскорбление [Диккенс, Наш общ. друг, I.8]. Замечания о комизме и уничижительности погони за собственной шляпой мы находим у Н.Готорна [The Goldthwaite Treasure], у Достоевского [Подросток, III.5.3]. Сцены погони за шляпой авторы ЗТ могли встречать в "Пиквикском клубе", где подобный казус

случается с м-ром Пикwиком и где имеется авторское отступление на эту тему [гл. 4; рисунок Р.Сеймура] и в фильмах Макса Линдера (Макс, пытающийся поднять шляпу на катке). Связь с Диккенсом особенно близка, включая сразу несколько параллелей: как и в ЗТ, в указанной сцене "Пиквикского клуба" герою кричат "Прочь с дороги!", когда он со своими друзьями мешает военным маневрам. Именно в этот момент шляпа слетает с головы Пиквика и начинает катиться вдаль. Он настигает ее, когда она зацепляется за колесо экипажа (в ЗТ — за куст саксаула).

О представленном здесь же мотиве 'экипаж (самолет) и пешеход' см. примечание 18 к ЗТ 7.

ГЛАВА 31

Багдад

1. *....Объявлю священную войну, джихад. Например, Дании. Зачем датчане замучили своего принца Гамлета?*

5. В этом намерении навести порядок в Дании, которое с первого взгляда кажется не более чем легковесной шуткой, при вдумчивом чтении обнаруживается созвучие с некоторыми центральными темами образа Бендера. Как мы знаем, Бендер играет в романе роль своего рода высшего существа, приводящего в трепет и по-своему "наказывающего" тех, кто творит безобразия или глупости; это ясно видно в его отношениях с "Геркулесом", а в менее явной форме — в посещении дома собеса, "Союзе меча и орала" и др.

Эта функция более полно развита у других персонажей "демонического" типа. Мы имеем в виду прежде всего Воланда в "Мастере и Маргарите" (о родстве Бендера и Воланда см. вступительную статью). Последний, как известно, является в советскую Москву (которая, в определенном смысле, может рассматриваться как еще один вариант гамлетовской Дании) и вносит смятение в растленный конформистский мир, расправляясь с его функционерами и беря под защиту "замученного" ими гения. В образе Бендера эти мотивы высокого покровительства и помощи лучшим представителям человечества в основном не получили развития, однако потенциально — в той мере, в какой Бендер принадлежит к данному семейству литературных героев — они ему не чужды и совместимы с его амплуа, откуда и внутренняя органичность его фантазий о наказании датчан за Гамлета.

Напомним, что упоминавшаяся в начале второй части романа гравюра "Явление Христа народу" также может рассматриваться как намек на мессианскую, "карательно-спасательную" ипостась Бендера [см. примечание 5 к ЗТ 10]. Сходную роль играют и довольно частые сопоставления Бендера с Наполеоном [см. примечание 5 к ЗТ 18]. Бендеру, таким образом, постоянно сопутствуют в романе те или иные маргинальные штрихи — будь то гравюра, татуировка, шутка или цитата, — ненавязчиво указывающие на его место в мире литературных персонажей и на потенциальные ответвления его образа.

2. *В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы зачем-то росли.*

3с. Из Лермонтова: *В песчаных степях аравийской земли / Три гордые пальмы высоко росли* [Три пальмы].

3. *Это для вас красиво, для приезжих, а нам здесь жить приходится.*

1. Исчезновение восточного городка, опечалившее Бендера, — часть кампании по борьбе со старым бытом в годы первой пятилетки в Средней Азии. Пресса 1929-30 неоднократно критикует традиционный восточный быт и тех, кто призывает к его сохранению; подчеркивает негигиеничность таких аксессуаров Востока, как арыки, домашние колодцы, городские фонтаны, чайханы, узбекские печи и детские люльки и проч: "Слов нет, национальные кварталы в Самарканде очаровательны, но это экзотическое очарование хрупкой и изящной культуры мгновенно меркнет при мысли о страшной цене, взимаемой за нее историей...."; "Пресловутая красочная романтика Востока постепенно отходит в область преданий. К примеру, знаменитая 'восточная' грязь, некогда приводившая туристов в умиление, теперь не вызывает в нас ничего, кроме чувства досады....Наша задача — не любоваться красотами Востока, но бороться с теневыми сторонами современного быта национальных республик". Газеты указывают на определенные достижения культурного строительства — красные чайханы, "дома дехканина", клубы, дома Санпросвета и т. п., — но признают, что "ростки нового чаще всего переплетаются со столетними корнями и стволами и образуют самые причудливые комбинации" [Г.Шенгели, Спор эпох, НМ 12.1930; Арк. Млодик, В буднях Бухары, Ог 08.09.29; Культурн. строительство Средн. Азии, КН 16.1929; Мих.Идзон, "Дядя Санпросвет идет", Ог 10.03.30.]

Некоторые детали цитированных очерков о Средней Азии близки к мотивам настоящей главы ЗТ (напр., дом Санпросвета, экспонатами которого вначале были лишь скелет и несколько диаграмм, — ср. городской музей с сомнительным зубом мамонта и макетом обелиска). В

целом, однако, картина в ЗТ — строительство в маленьком городке проспектов, дворцов, институтов, филармоний — имеет нарочито преувеличенный характер.

Отметим обычную для Ильфа и Петрова технику двойственного освещения советских новшеств. Уничтожение традиционной культуры вряд ли может вызывать радость, да и описание его соавторами носит, в сущности, довольно устрашающий характер. Молодой энтузиаст музейного дела, как и большинство советских людей в ДС/ЗТ, явно недалек, тогда как Бендер, пораженный обезличиванием Средней Азии, выражает точку зрения нормального человека и здравого смысла. Однако эта позиция частично обесценивается плутовским, аутсайдерским статусом Бендера, в то время как варварство молодого директора музея смягчено и прощено благодаря его причастности к великому историческому делу [см. вступительную статью, § 1.4.4].

3а. Вся история посещения среднеазиатского городка представляет собой переработку рассказа Е.Петрова "Долина" [Собр. соч., т. 5].

4. *Сегодняшний день — это досадное недоразумение, перегибы на местах.*

2. "Перегибы" — политический штамп, означавший чрезмерное усердие в проведении коллективизации и других репрессивных кампаний, напр., "антисередняцкие перегибы и левые искривления линии партии", "перегибы в применении законов о лишенстве", "районные перегибы", "перегибы чистки" и проч. [Пр 01.05.30, 04.01.29, 15.03.29, 27.06.29]. Слово "места" ("провинциальные пункты, провинция"), А.М.Селищев отмечает как неологизм, введенный в обиход большевистскими ораторами, в частности, Лениным [Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 143].

ГЛАВА 32

Врата великих возможностей

1. *Парусиновые туфли* [Балаганова] *потеряли форму и цвет и напоминали скорее молдаванские постолы.*

1. Постолы — "легкая обувь, состоящая из одного или нескольких кусков кожи, стянутых вокруг ступни шнуром. 'Вместо сапог на его ногах были постолы из свиной кожи, стянутые по щиколотке ремешком'. Арк. Первенцев" [ССРЛЯ, т. 10, стр. 1546]. "На всю жизнь запомнились мне молдаване в сыромятных постолах, меховых жилетах и высоких бараньих шапках, которые они носили, несмотря на летнюю жару" [Катаев, Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 308].

2. *— Вставайте, граф, вас зовут из подземелья! — сказал* [Бендер], *расталкивая Балаганова.... — Командор! — закричал* [Шура].

2. Слова "вставайте, граф" известны по биографии французского утопического мыслителя графа Анри де Сен-Симона, который, согласно распространенному преданию, еще юношей заставлял своего лакея каждое утро будить себя словами: "Вставайте, граф, вас (сегодня) ждут великие дела!" ("Levez-vous, M. le Comte; vous avez de grandes choses à faire" [Dondo, The French Faust, p. 15]). Вторая половина этой исторической фразы — "ждут великие дела" — процитирована в ЗТ 18 [см. примечание 8]. Источник слов "вас зовут из подземелья" неясен. Возможна связь с "Пещерой Лейхтвейса" [см. примечание 10 к ЗТ 9] или с мотивом Дон Жуана и статуи Командора (ср. восклицание Балаганова).

3. *— Забурел, забурел! — радостно вскрикивал Балаганов.*

2. Забуреть — возгордиться, зазнаться; неологизм 20-х гг., пришедший из воровского арго [Селищев, Язык рев. эпохи, стр. 76], но в эпоху ЗТ уже широко распространенный в речи разных слоев общества. Типично его употребление при встрече давно не видевшихся знакомых: "Внезапно он стал звать меня к себе. Говорил, что я 'забурел'. Смачно описывал радости скромной выпивки" [Ардов, Три встречи, в кн. И смех и грех, стр. 63]; "— Не узнаете? Забурели?" [Е.Петров, Энтузиаст, Собр. соч., т. 5, стр. 404].

4. *Безымянный палец моей левой руки унизан брильянтовым перстнем....Ну, каковы ваши достижения?*

2. Юмористическое употребление глагола, объект которого обычно стоит во мн. числе ("пальцы, унизанные перстнями").

"Наши достижения" — название журнала, посвященного успехам пятилетки. Журнал, основанный М.Горьким, издавался в 1929-37.

5. *Конгресс почвоведов приехал в полном составе осматривать опытную станцию.*

1. 2-й международный почвоведческий конгресс состоялся в Ленинграде 20-30 июля 1930. 31 июля участники конгресса выехали в полуторамесячную экскурсию по Советскому Союзу [Пр 01.08.30].

6. *Номеров не было ни в одной гостинице.*

1/3b. Совершенно независимо от конгрессов, съездов и пионерских слетов достать номер в гостинице в 1929-30 было нелегким делом. Преимущественным правом на получение комнаты пользовались иностранцы и командировочные. Английский автор вспоминает: "Гостиница 'Прогресс' [во Владимире] была столь прогрессивной, что отказывалась принимать гостей: чтобы убедить их дать мне номер, пришлось пойти в горсовет. Когда секретарь сказал директору гостиницы, что надо быть вежливым с иностранцем, даже если тот странно выглядит, мне дали место в номере с семью койками" [Farson, Seeing Red, p. 31]. Сходную картину рисуют и другие путешественники по Союзу: советскому гражданину отказывают наотрез, иностранцу после некоторых препирательств дают комнату без удобств [Le Fevre, Un bourgeois au pays des Soviets, p. 75-76; O'Flaherty, I went to Russia, p. 201; Darling, Ding goes to Russia, p. 54].

Это положение сатирически изображено в рассказе М.Зощенко "История с переодеванием", где герою приходится притвориться испанцем, чтобы получить "шамбер-циммер" в одной из южных гостиниц. Для советских людей, путешествующих по собственной надобности, гостиничный сервис был попросту закрыт: все места резервировались для граждан, едущих в организованном порядке или по делам службы

[М.Кольцов, Невск. проспект (1928); Dubois, URSS: une nouvelle humanité, p. 94-95]. Но и командировочным далеко не всегда был обеспечен кров: напр., в рассказе С.Н.Сергеева-Ценского "Конец света" (1931) герой приезжает в Керчь на рыбозавод, регистраторша в гостинице знает его лично, и все же устроиться удается только на лестнице, на диване, полном клопов [в кн. Под чист. звездами].

7. *Нет! Парад решительно не удавался....*

Зс. Злоключения Остапа-миллионера, демонстрирующие бессилие больших денег в рабоче-крестьянском государстве, — почти зеркальная антитеза приключений Генри, героя новеллы М.Твена "Банкнота в миллион фунтов стерлингов", где доказывается обратный тезис — всесилие больших денег в государстве буржуазном. Если Бендер, имея деньги, не может ни сделать каких-либо приобретений, ни даже поесть щей в профсоюзной столовой, то герою М.Твена капиталистический истэблишмент, наоборот, предлагает *все* мыслимые блага и услуги, причем платить ни за что не приходится, т. к. обществу оказывается достаточно одного вида миллионной банкноты. И там и здесь решающей оказывается не наличность, а принадлежность или непринадлежность к привилегированной группе — в одном случае богачей, в другом трудящихся. Другие общие точки двух рассказов: а) величина богатства (один миллион); б) экспериментальный характер обладания им (в новелле Твена он более эксплицитно выражен, т. к. там заключается пари, но и у Ильфа и Петрова ситуации придана чистота и наглядность научного опыта); в) неразменность, цельность одного миллиона как показательной и символической суммы (у Твена банкноту так и не удается разменять, в ЗТ авторы все время подчеркивают, что миллион остался миллионом, несмотря на траты: "Остап каждый день считал свой миллион, и все был миллион без какой-то мелочи" [ЗТ 32]; "если не считать 50 тысяч Балаганова,....то миллион был на месте [ЗТ 33]; "Остап боролся за свой миллион, как гладиатор" [ЗТ 36] и др.). Параллелизм с новеллой М.Твена был еще полнее в первоначальном варианте ЗТ, где Бендер отказывался от богатства и женился на Зосе [см. Собр. соч., т. 2, стр. 537-539].

8. *Заграница — это миф о загробной жизни. Кто туда попадет, тот не возвращается.*

Зс. Ср. слова Тютчева: "Возвращающиеся из-за границы столь же редки и столь же нереальны, как выходцы с того света, и, право, трудно упрекать тех, что не возвращаются, настолько хотелось бы быть в их числе" [из письма 1858 г.; цит. по кн. Вейдле, Задача России, стр. 194]. У Тютчева, видимо, реминисценция из "Гамлета": *Боязнь страны, откуда ни один / Не возвращался....*[III.1, пер. Б.Пастернака].

9. ***— Это карета прошлого, — сказал он брезгливо, — в ней далеко не уедешь.***

3с. Неточная цитата из "На дне" М.Горького, где Сатин говорит: "В карете прошлого никуда не уедешь" [д. 4]. "Вместо 'никуда' часто цитируется 'далеко'" [Ашукин, Ашукина, Крылат. слова, стр. 74].

10. ***Пришлось сесть в трамвай. Вагон был переполнен. Это был один из тех зараженных ссорою вагонов, которые часто циркулируют по столице....*** [до конца абзаца].

1/2. В эпоху ЗТ трамвай в Москве, как и в других крупных городах, часто состоял из одного вагона, так что слова "трамвай" и "вагон" были синонимами. Ср. в "Докторе Живаго": "Юрий Андреевич....сел в вагон трамвая, шедший вверх по Никитской....Он попал в неисправный вагон, на который все время сыпались несчастья....Вагон пришел в движение, но, проехав совсем немного по Пресне, остановился" [XV.12]. Трамвай мог, однако, иметь и второй вагон, который назывался прицепным вагоном, или прицепом.

Давка в трамваях — частый предмет жалоб, острот, фельетонов тех лет. Иностранцы единодушно пишут о московских трамваях, с которых свисают до земли гроздья людей, которые берутся штурмом [Viollis, Seule en Russie, p. 25-26, 139; Béraud, Ce que j'ai vu à Moscou, p. 25; Slonimski, Misère et grandeur de la Russie rouge, p. 40]. Советская печать возмущается тысячными очередями на остановках, путаницей в расписании, медленностью движения: "Кажется, что это и не вагон вовсе, а металлический пирог с начинкой для какого-то чудовищного людоеда. Начинка потеет, давит друг дружке ноги, висит целыми гроздьями на подножках, ворчит и переругивается" [Трамвайн. кошмар, Пр 26.06.29].

О трамвайных перебранках описанного в ЗТ типа рассказывает английский профессор в своих зарисовках Москвы в 1927: "То и дело вы попадаете в трамвай, в котором злоба буквально кипит и каждый переругивается с каждым, причем я никогда не мог установить причину этих ссор; они, как правило, вспыхивают внезапно и в одно мгновение охватывают всю едущую публику. Видимо, нервы у всех настолько взвинчены нестерпимыми условиями [езды], что любое раздраженное замечание, словно детонатор, вызывает общий взрыв. Зараженный раздором трамвай уже неизлечим; я лишь однажды наблюдал случай, когда ссора затихла сама собой" [Wicksteed, Life under the Soviets, p. 86].

3. Битком набитый трамвай часто фигурирует среди манифестаций советского уклада жизни с его крайней уплотненностью, стиснутостью, порождающей гротескные ситуации и странные взаимоотношения. Другими образами этого ряда являются очередь и коммунальная

квартира. Совмещение квартиры и трамвая находим в рассказе М.Булгакова "Площадь на колесах" [в кн. Ранн. несобр. проза].

Трамвайная езда в литературе XX в. часто символизирует жизнь, переняв это значение от более традиционных видов передвижения — "телег жизни", "карет прошлого" и проч. В этой роли трамвай выступает в стихах Мандельштама *Нет, не спрятаться мне от великой муры...*(1931), в сцене смерти Живаго [Пастернак, Доктор Живаго, XV.12] и др. Трамвай — один из многочисленных в ЗТ образов, связанных с дорогой и движением.

Мотив трамвайной склоки, причина которой утеряна, возник раньше, чем сам трамвай: ср. рассказ А.Аверченко "Корень зла", где аналогичная ссора происходит в конке [Рассказы (юмористич.), кн. 3, стр. 14]. В советской журнальной прозе эта тема также уже затрагивалась до Ильфа и Петрова: "В трамвае скандальчик — обычный скандальчик, выросший на почве тесноты, давки и чьего-то лишнего словечка, оброненного не по злобе, а по нервности. На ближайшей 'узловой' остановке много народу оставит вагон, станет свободно телам, сбитым в кучу, цепляющимся за ремни, за переплеты рам, разрядится атмосфера, и скандальчик так же быстро и неожиданно, как разгорелся, — погаснет, если... если в вагоне нет Зайчикова....Зайчикову удается поджечь горючий материал. К его требованию [составить протокол] присоединяются. Перебранка, как огонь, захватывает новые и новые участки. Недоразумения уже новые, ссоры уже новые; основной скандальчик уже изжит. В вагоне милиционер....Появляются свидетели" [Исидор Гуревич, Вы его знаете (рассказ), Ог 21.10.28].

ГЛАВА 33

Индийский гость

1. *Индийский гость*

3с. Название главы взято из "Садко" Н.А.Римского-Корсакова, где есть Индийский гость, Варяжский гость и другие гости, каждый со своей песней. Применительно к Тагору — шутка журналистского типа, т. е. в достаточной мере элементарная и напрашивающаяся сама собой. Ср. "Индийский гость (приезд Р.Тагора в Европу)" [ИР 07.02.31].

2. *Лучший апартамент из четырех комнат занимал знаменитый индусский поэт и философ....*

1. Индийский писатель и философ Рабиндранат Тагор посетил Советский Союз 11-25 сентября 1930. По его словам, Тагор приехал, "чтобы поучиться" и, в частности, посмотреть, как осуществляется культурная революция. Был в гостях у московских пионеров [КН 26-28.1930 и др.]. Путешествия Тагора, его встречи с деятелями культуры освещались мировой и советской прессой уже давно. Ю.Тынянов писал в 1921: "Имеется еще один амбасседер, всемирный — Рабиндранат Тагор. Он уже мало пишет, но зато много разъезжает....Читает лекции (конечно, о спасении мира). О нем все пишут. Самое имя ‘Рабиндранат Тагор’ ласкает европейский слух. В еженедельниках картинки: Тагор в индусском костюме, Тагор читает лекцию, дорогой Тагор говорит с дорогим Гауптманом: ТАГОР, ТАГОР, ТАГОР, ТАГОР!" [Записки о западн. литературе, в журн. "Книжный угол" N° 7-8, 1921-22; цит. по кн. Тынянов, Поэтика. История литературы. Кино, стр. 127].

'Визит индуса' был для русской публики уже знакомым культурным стереотипом, идущим от серебряного века с его оккультно-философскими исканиями: ср., напр., описание теософских бдений с участием гостя из Индии во второй симфонии А.Белого. Незадолго до войны в Москве находился Шахид Сураварди, приглашенный консультантом в Художественный театр, и его приезд тоже переживался как сенсация [Зерновы, На переломе. Индус в Москве, стр. 206-207]. Тагор был широко известен и почитаем в России еще до революции [см. примечание 11 к ЗТ 6]. Соавторы верны своему принципу — вводить в сюжет романа элементы отстоявшиеся, занимающие видное место в культурном пейзаже эпохи, а если возможно, то и обеих эпох — советской и дореволюционной.

5. Обращаясь к Тагору в Москве 1930 года, Остап Бендер пытается найти альтернативу наседающей отовсюду советской "нови", но терпит смешную неудачу, т.к. этот источник мудрости оказывается заражен все тем же советским мировоззрением, от которого Бендер так раздраженно отмахивается. Напрашивается параллель с Хворобьевым, не нашедшим спасения и во сне! Как известно, Р. Тагор во время визита в Москву и в вышедшей вскоре книжке "Письма из России" с энтузиазмом принял миф об СССР как стране будущего, в особенности восхищаясь отказом нового социалистического человека от буржуазных собственнических устремлений. Этот предательский удар со стороны восточного философа — последняя капля в чаше огорчений Бендера, которому теперь не остается ничего другого, как искать утешения в личной жизни, в обществе Зоси Синицкой.

3. *Но философ уже пел нежным голосом "Марш Буденного", которому он выучился у советских детей.*

2. "Марш Буденного" — песня Дм. Покрасса на слова А.Д'Актиля: *Мы красная кавалерия, и про нас / Былинники речистые ведут рассказ....* (1920). Песня звучала в 20-е гг. повсюду и неоднократно упоминается в литературе. [Текст в кн. Русск. сов. песни, стр. 31].

4. *"Не счесть алмазов пламенных в лабазах каменных".*

3с. Искаженная цитата из песни Индийского гостя: *Не счесть алмазов в каменных пещерах, / Не счесть жемчужин в море полуденном / В далекой Индии....*

ГЛАВА 34

Дружба с юностью

1. *Рассказы пассажиров о миллионерах.*

3c. Полусказочные истории о необыкновенных происшествиях, предшествующие действительному событию того же рода (в данном случае — предъявлению Остапом миллиона) и своей литературностью оттеняющие его подлинность, — известная схема, применяемая, напр., в "Вие" Гоголя (рассказы в кухне сотника о ведьмах). У Ильфа и Петрова она дана в знаменательно измененном виде: реальный миллион, демонстрируемый Остапом студентам в конце главы, не произведет никакого эффекта.

2. *У одной московской девицы в Варшаве умер дядя и оставил ей миллионное наследство, а она даже не знала.*

3b. Рассказываемая здесь история напоминает сюжет кинокартины "Кукла с миллионами" (1929, сценарий Ф.Оцепа и О.Леонидова): "В Париже умерла вдова-миллионерша мадам Колли. Все свое состояние, вложенное в акции 'Триполликанала', она завещала проживающей в Москве племяннице Марусе Ивановой. В завещании указывалось, что у Маруси имеется родимое пятно на плече и что ее документы зашиты в куклу. Два претендента на богатое наследство вдовы, молодые люди Пьер и Поль,...отправились в Москву на поиски Маруси Ивановой. После ряда приключений авантюристам удалось встретить Марусю Иванову. Студентка вуза, она с помощью своего жениха Миши разоблачила искателей миллионов. В довершение всего выяснилось, что компания 'Триполликанал' обанкротилась и парижские миллионы

лопнули, как мыльный пузырь" [Сов. художеств. фильмы, т. 1, стр. 271-272]. Как можно видеть, сюжет фильма включает также мотив ДС (документы в кукле, как сокровища в стуле) и финал, сходный с финалом обоих романов (потеря сокровища).

3. *Миллион! Понимаете, целый миллион....Миллион тонн чугуна.*

1/2. Ср. "Миллион тонн металла. Кузнецкстрой", очерк И.Экслера [Пж 18.1930]. Последующая история Бубешко — отголосок кампании против "правого оппортунизма", достигшей своего апогея во время и после XVI-го партсъезда (лето 1930). Правые во главе с Бухариным, Рыковым и Томским подверглись разгрому за расхождение с курсом ЦК на форсированную индустриализацию. Пресса обрушилась на правых, обвиняя их в нежелании признать свои ошибки, в отмалчивании, вилянии и двурушничестве, т. е. в том, чем грешит и тов. Бубешко. Позиция говорящих амбивалентна: должным образом осуждая Бубешко за "бесхребетное виляние", они в то же время явно считают нелепой и цифру в миллион тонн, требуемую от него планом.

4. *Слова* [индусского философа] *сейчас же записываются на граммофонную пластинку. А так как старик любит поговорить,....то пластинок скопилось восемьсот вагонов и теперь из них уже делают пуговицы.*

3/5. Мотив переработки человека (в данном случае — плодов его интеллекта) в пуговицы встречается в "Пер Гюнте" Ибсена, где особый персонаж с дьявольскими связями, Пуговичник, преследует заглавного героя с ложкой, намереваясь переплавить его из "дефектной" пуговицы в стандартную. Вопреки протестам Пер Гюнта, заявляющего, что он — не пуговица, а неповторимая индивидуальность, Пуговичник говорит: *....Предстоит тебе быть сданным в лом, / Чтоб вместе с прочими быть перелитым* [д. 5, пер. Ганзен]. Мотив этот, аллегорически переносимый на животных, воспроизводится в "Зависти" Ю.Олеши: "Собираемая при убое кровь может быть перерабатываема....на выработку светлого и черного альбумина, клея, пуговиц, красок...." [из статьи Бабичева: 1.7] и в "Египетской марке" О.Мандельштама, где герой, пораженный сценой самосуда, "вместо всяких мыслей повторял: — Пуговицы делаются из крови животных!" [гл. 4; этот и два предыдущих примера взяты из пока что неопубликованной статьи А.К.Жолковского, посвященной сопоставлению "Зависти" и "Египетской марки"].

Мотив переработки (рециклизации) гуманистических ценностей, общий для этих трех эпизодов и для шутки Бендера об индийском философе, является, как мы знаем, одним из центральных в тематике ДС/ЗТ. Переработка человека в пуговицы, видимо, может рассматриваться как последняя степень перечеркивания и нивелирования его

личности, поскольку пуговица в литературе фигурирует как объект сугубо тривиальный, как символ неодухотворенного, серийного, маргинального и т. п. Она наделена этим значением, напр., в "Бедных людях" Достоевского, где крайняя униженность героя выражается в необходимости лезть под стол за оторвавшейся пуговицей [письмо от 9 сентября]; в рассказе Тэффи "Пуговица" [в кн. И стало так], где свадебное путешествие молодых супругов по Европе проходит в поисках пуговицы для дамской перчатки (пуговица и перчатка — двойная маргинальность!); в "Клопе" Маяковского с его парадом вещей, воплощающих мещанский быт, с "голландскими самопришивающимися пуговицами" на первом месте; или в воспоминаниях Ф.И.Шаляпина, где не без иронии рассказывается, как М.Горький, страстный коллекционер предметов старины, восхищался "какой-то китайской пуговицей" как высоким проявлением человеческого духа [Маска и душа, НМ 05.1988, стр. 217]. В рассматриваемой шутке Бендера найден способ превращения в пуговицы не самого человека, а его речи, причем характерно, что этой сугубой "десакрализации" высказываний индийского мудреца предшествует, в виде своего рода отказного движения, их усиленная "сакрализация" (немедленная запись кажого слова философа на пластинки, сотни вагонов пластинок).

5. Перед ним сидела юность, немножко грубая, прямолинейная, какая-то обидно нехитрая. Он был другим в свои двадцать лет. Он признался себе, что в свои двадцать лет он был гораздо разностороннее и хуже...."Чему радуется эта толстомордая юность? — подумал он с внезапным раздражением. — Честное слово, я начинаю завидовать".

3b. "После обеда к Михаилу заглянули комсомольцы....Эта косолапая честность, прямота, грубость жестов и слов, которыми прикрывался юношеский идеализм, его очаровывали и раздражали, как старика выцветшие фотографии его молодости. Он ведь еще недавно был таким же! (Он никогда не был таким же. Прошлое, впрочем, легко забывается.) Он уже им завидовал. Он уже чувствовал, что они выиграли, они, с их жизнью впроголодь, с клеенчатыми тетрадками и горластым пением. Отчаявшись, он решился на героическое нападение. Выбрав одного,....Михаил прервал сообщение о сборе на заводах и неожиданно спросил:

— Простите, товарищ, я вот вам один интимный вопросец поставлю. Не хочется ли вам иногда, так сказать, разложиться?... Ну, знаете, разное: то есть кутнуть в ресторане, что ли, или к девочкам?...

Ясные глаза выдержали наскоки глаз Михаила,....они не зажмурились, не вздумали отвернуться, улизнуть под веки. Только к их до-

исторической, догрехопаденческой успокоенности примешалась некоторая доля удивления:

— Нет" [Эренбург, Рвач, стр. 239-240, глава "Одесские развлечения героя"].

6. *Переключите избыток своей энергии на выполнение какого-нибудь трудового процесса. Пилите дрова, например. Теперь есть такое течение.*

3b. Не исключено, что этот совет восходит к стихам Маяковского: *Любить — / это значит: / в глубь двора // вбежать, / и до ночи грачьей, // блестя топором, / рубить дрова, // силой / своей / играючи* [Письмо тов. Кострову из Парижа о сущности любви (1928); отмечено в кн. Яновская, Почему Вы пишете смешно, стр. 60]. Ср. также: "От любви надо мосты строить и детей рожать..." [Клоп, карт. 6]. Стихи Маяковского цитирует в своих воспоминаниях В.Катаев [Разбит. жизнь, или Волшебн. рог Оберона, стр. 503]. Хотя приводятся они вне связи с ЗТ, факт их цитирования Катаевым наводит на мысль, что стихотворение в свое время могло вызывать интерес в среде Ильфа и Петрова, и что сопоставление тем самым не лишено оснований. (Л.М.Яновская делает его с неоправданной, на наш взгляд, категоричностью.)

7. *"Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке....Сергей поп, Сергей поп!"*

2. Старинная песня "Вдоль да по речке...." использовалась как строевая песня в царской армии [см. Краснов, "Павлоны", стр. 44; Козаков, Крушение империи, т. 2, стр. 20, 48]. Приведем несколько строк из "канонического" ее текста по книге Чернова [Народн. русск. песни и романсы, т. 1, стр. 26]:

Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке
Серый селезень плывет....
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Добрый молодец идет....
Чешет он кудри, чешет он русы
Частым гребнем-гребешком....
Сам с кудрями, сам со русыми
Разговаривает....

Песня подвергалась как серьезным, так и пародийным переделкам, сохранявшим зачин (иногда в варианте: *Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому*) и характерный рефрен "Разговариваю(е)т". Остап заискивает перед студенческой компанией, предлагая исполнить антирелигиозную версию "Сергей поп". В этой популярной в 20-е гг. песне описывается озорство "комсомольцев Коминтерна" в церкви: *Вдоль да по бережку, / Бережку крутому / Ходит Сергей-поп презлой....// А во храме божьем /*

В виде непригожем / Комсомольцы всей толпой....// Сергей-поп в обиде: / В этаком-то виде / Только божий храм срамить!....// Ну, а комсомольцы / Все сцепившись в кольца, / Хоровод давай водить....// Господи-Исусе, / То не в нашем вкусе, / Убирайтесь-ка вы прочь!....// К чорту, пресвятые, / Все мы молодые, / Рождество ведь наша ночь [текст песни по кн.: Комсомольск. песенник; Коробейник]. Куплеты сопровождались припевом, исполнявшимся на одной ноте:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей валеный сапог,
Пономарь Сергеевич
И дьячок Сергеевич,
Вся деревня Сергеевна,
Разговаривают...

[текст припева — по пьесе Б.Ромашова "Конец Криворыльска" (д. 2, сц. 7, явл. 2), где его поют марширующие по улице комсомольцы; действие пьесы — в 1926].

8. *У Петра Великого / Близких нету никого. / Только лошадь и змея, / Вот и вся его семья.*

4/3с. Текст этой частушки (намекающей на фальконетову статую Петра в Ленинграде) был сочинен и подарен Ильфу и Петрову поэтом и сценаристом М.Д.Вольпиным [сообщено М.В.Ардовым со слов В.Е.Ардова].

Частушка Вольпина, очевидно, резюмирует в непочтительном тоне "трех главных персонажей 'петербургского мифа', каким он обычно предстает в поэзии начала века" [см. Иванов, О воздействии "эстетич. эксперимента", стр. 352; Осповат, Тименчик, "Печальну повесть сохранить...", стр. 190-194].

9. *Что ж вы, черти, приуныли?*

2. Из песни о Степане Разине [*Из-за острова на стрежень*, см. примечание 1 к ЗТ 26]: *Что ж вы, черти, приуныли, / Эй ты, Филька, черт, пляши! / Грянем, братцы, удалую / На помин ее души...* Есть определенное созвучие между песней и данной сценой романа: в обоих случаях герой действует, раззадоренный своими спутниками, которых, однако, его поступок не удовлетворяет, а приводит в уныние.

10. *В дверях показался проводник, прижимая подбородком стопку одеял и простынь.*

3с. Аналогичный финал (проводник, приступающий к своим "вечерним", завершающим день обязанностям) имеет рассказ Чехова "Красавицы": "Знакомый кондуктор вошел в вагон и стал зажигать свечи".

ГЛАВА 35

Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник

1. *Я обманул вас, Адам....Я не могу подарить вам ни "изотта-фраскини", ни "линкольна", ни "бьюика"....Государство не считает меня покупателем.*

3с. Ср. "Madame! Я обманул вас. Я вовсе не граф Гангский. Никогда в жизни не видел я ни священной реки, ни цветов лотоса...." [Г.Гейне, Идеи. Книга Le Grand, гл. 5].

2. *Вчера на улице ко мне подошла старуха и предложила купить вечную иглу для примуса.*

1. О ручной торговле иглами для чистки головки примуса мы читаем в очерке Б.Губера "Красноармейское лето", где приводятся выкрики московских уличных торговцев: "— Газета 'Вечерняя Москва', пять копеек, крушение скорого поезда с человеческими жертвами... — Вечная стальная игла для примуса, вечная стальная.... — Клубнички пожалуйте...." [КН 30.1929].

3. *"Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты".*

3с. Из стихотворения Пушкина "К ***" [А.П.Керн]. Есть явная перекличка между романом Остапа с Зосей и этим стихотворением: у Пушкина идет речь о двух встречах, разделенных промежутком времени, и о превращении мимолетного увлечения в глубокое чувство. Первая встреча Бендера с Зосей в ЗТ 23 также отмечена цитатой из известного стихотворения (*Средь шумного бала, случайно*). Так как оно

является в некотором смысле вариацией пушкинского "К ***" (а именно, говорит о случайной встрече, увлечении и возможности более глубокого чувства), можно видеть в этих поэтических комментариях к линии "Остап — Зося" развитие единой темы (пушкинской, "онегинской" [см. ниже примечание 5]).

4. *Это я-то, которого любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник.*

3b. Ср.: "Моей любви добивался весь цвет интеллигенции: начальник милиции, соборный регент, два зубных врача, а один незаменимый прямо говорил: 'Дора, хотите — я к вашим ногам весь земной шар положу?' Он в Наркомземе отделом заведовал" [Шкваркин, Шулер, стр. 35].

5. *Тело мое прописано в гостинице "Каир", а душа манкирует, ей даже в Рио-де-Жанейро не хочется. А тут еще атмосферный столб душит.*

3c. Отдаленное интонационное созвучие с "Евгением Онегиным": *А он не едет; он заране / Писать ко прадедам готов.... / А он упрям, отстать не хочет....* [8.XXXII]. Бендер сравнит себя с Онегиным несколькими страницами ниже [см. примечание 12].

6. *С противоположной стороны к нему* [чемодану], *нагибаясь и вытягивая руки, подходил гражданин средних лет и весьма обыкновенной наружности.*

3c. Данная сцена перекликается с тем местом пушкинского "Станционного смотрителя", где "хорошо одетый молодой человек" подбирает деньги, брошенные смотрителем наземь.

7. *Сжечь его в камине!.... Поступок Клеопатры!*

3c. Имеется в виду легенда, согласно которой Клеопатра пила растворенный в уксусе жемчуг. Бросаемые в камин ассигнации напоминают о другой "роковой женщине" — Настасье Филипповне [Достоевский, Идиот, I.16].

8. *"Вот навалился класс-гегемон на миллионера-одиночку!"*

2. Выражение "класс-гегемон" применялось в марксистской публицистике еще до 1917. Примеры современных употреблений, приводимые А.М.Селищевым: "класс-гегемон", "пролетариат играет роль гегемона всей демократии", "гегемон-пролетариат" [Язык рев. эпохи, стр. 31]. В начале 1931 вышел на экраны фильм "Гегемон" о жизни рабочего класса, получивший сравнительно широкий отклик в печати [Сов. художеств. фильмы, т. 1, стр. 364].

9. ***Купить пятьдесят тысяч серебряных ложечек, отлить из них конную статую Паниковского и поставить на могиле?***

3с. Мотив конной статуи из серебряных ложечек находим у Г.Гейне: "В детстве я слышал предание, будто скульптор, отливавший [конную] статую [курфюрста в Дюссельдорфе], во время литья вдруг с ужасом заметил, что ему нехватает металла, — тогда граждане поспешили к нему со всех концов города, неся с собой серебряные ложки, чтобы он мог кончить отливку. И вот я часами простаивал перед статуей, ломая себе голову над тем, сколько на нее пошло серебряных ложек...." [Идеи. Книга Le Grand, гл. 6].

5. В то же время этот, по-видимому, заимствованный у Гейне мотив хорошо согласуется с фигурой Паниковского, в которой идея буржуазной, "чайной" респектабельности занимает видное место ("у меня была семья и на столе никелированный самовар" [ЗТ 12]; П. присматривает за самоваром и разносит чай в качестве курьера [ЗТ 15]; П. пьет чай на постоялом дворе в обществе "домовитого Козлевича" [ЗТ 12]).

10. ***"Я, говорит*** [Скумбриевич], ***родился между молотом и наковальней" Этим он хотел подчеркнуть, что его родители были кузнецы.***

2. Выражение "между молотом и наковальней", нередкое в марксистской публицистике, позаимствовано из одноименного романа Ф.Шпильгагена [о Шпильгагене см. примечание 2 к ДС 34]. Означает тяжелое положение, когда опасности и неприятности грозят с двух сторон: "русская интеллигенция....оказалась между молотом и наковальней" или "положение буржуазии между молотом и наковальней" [В.В.Воровский, Леонид Андреев; Ленин, Политич. софизмы; цит. по Ашукин, Ашукина, Крылатые слова, стр. 365]. Скумбриевич, приписывая себе пролетарское происхождение, комично использует эту метафору в более буквальном смысле.

11 *Первая категория обеспечена.*

1. Первая категория — наиболее суровый случай увольнения по чистке, подлинный волчий билет. Ср. разъяснения "Правды": "Президиум ВЦСПС постановил, что лица, снятые по чистке госаппарата по второй и третьей категориям, т. е. сохраняющие право работать в предприятиях и учреждениях социалистического сектора, могут оставаться в рядах профсоюзов. Лица, вычищенные по первой категории, т. е. лишенные права работать в советских, хозяйственных, кооперативных и прочих предприятиях социалистического сектора, исключаются из профсоюзов" [Хроника чистки, Пр 04.07.29]. Исключение же из профсоюза означало потерю продовольственных карточек и целого ряда

прав, т.е. фактически переход на положение лишенца [см. примечание 5 к ЗТ 12].

12. *— Да, — ответил Остап, — я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью.*

3с. О перекличках с "Евгением Онегиным" см. выше примечания 3 и 5. "Рыцарь, лишенный наследства" (The Disinherited Knight) — псевдоним, принимаемый героем романа Вальтер Скотта "Айвенго". Изгнанный из дома отцом, Айвенго участвует в крестовом походе, в то время как его возлюбленная, леди Роуэна, обещана в жены другому рыцарю, более приемлемому с политической точки зрения (параллель к треугольнику Зося-Бендер-Фемиди). Вернувшись в Англию, Айвенго отвоевывает свои права на родовое поместье и на руку невесты.

13. *Учебно-показательный пищевой комбинат ФЗУ....*

1. Обилие экспериментальных и показательных предприятий — характерная черта 20-х гг. с их бурными поисками новых форм быта. И.Эренбург в романе "Рвач" упоминает об "опытно-показательной колонии с трудовыми процессами" в начале нэпа и иронизирует: "Было ли тогда что-нибудь в России не 'опытно-показательным'? Быстро забылось это время, быстро сгорели проекты, и только поныне красующаяся в Москве, на Неглинном проезде, загадочная для детей вывеска 'Показательное производство халвы' говорит о былом" [стр. 94, глава "Мофективная секция собеза"]. В годы первой пятилетки это поветрие возродилось в связи со строительством пищевых комбинатов и с попытками рационализировать питание в условиях напряженного труда и нехватки продуктов. Очеркист эпохи ЗТ пишет: "Готовить нужно не только вкусно, но и научно-питательно" и ссылается на опытную станцию общественного питания при МОСПО, где "изготовление пищи ведется по манометру и хронометру". Он, однако, констатирует что "опытно-показательные столовые отличаются часто только худшими обедами" [Д.Маллори, За новую кухню, КН 10.1930].

14. *Бендер-Задунайский.*

2. Импровизированный псевдоним Остапа лежит на пересечении нескольких ассоциативных рядов.

Прежде всего, достаточно прозрачна связь его с подлинным или мнимым происхождением Бендера [см. примечание 14 к ДС 5]. "Задунайский" значит "турецкий": все песни русско-турецкой войны содержат мотив "за Дунаем".

Несомненна также связь данного псевдонима с геополитическими устремлениями и с полководческими претензиями героя ЗТ. Петр Александрович *Румянцев-Задунайский* (1725-96) был выдающимся военачальником екатерининской эпохи, чье имя связано с русско-турецкими

войнами 1768-91. Русские войска под командованием Румянцева осадили и взяли штурмом турецкую крепость *Бендеры* в Бессарабии. В конце романа Остап предпримет попытку пробиться через Бессарабию на Запад, т. е., в какой-то части повторить маршрут румянцевской армии, доставивший генерал-фельдмаршалу его почетное прозвище. Полководческие мотивы в образе Бендера известны ("я — как Суворов!" [ДС 39]; "нам предстоят великие бои" [ЗТ 2]; "взять крепость неожиданной атакой не удалось, придется начать правильную осаду" [ЗТ 14]; многократные сравнения с Наполеоном, и др.).

С другой стороны, данный эпитет напоминает претенциозные псевдонимы провинциальных актеров: в романах и мемуарах фигурируют актеры "Крамес-Задунайский", "Орлов-Задунайский" [Крымов, Сидорово ученье, стр. 267; Алексеев, Серьезное и смешное, стр. 249]. Заметим, что развенчивающие Остапа упоминания о комике, о конферансье, о вранье и т. п. появляются именно в этих главах [ЗТ 34-35][1].

Наконец, "Бендер-Задунайский" мог вызывать в памяти читателя фамилию *Шмидт-Очаковский*, которую принял сын лейтенанта Шмидта Евгений [см. об этом примечание 15 к ЗТ 1].

1. Не исключены и собственно жульнические асоциации: в фельетоне М.Булгакова "Типаж" растратчик и вымогатель именует себя "Котомкин-Таврический".

ГЛАВА 36

Кавалер ордена Золотого Руна

1. *Странный человек шел ночью в приднестровских плавнях.*

1. Попытка Бендера перейти румынскую границу характерна для первой трети нашего века, когда эта страна часто служила отдушиной и транзитным пунктом для беженцев из южной России — равно как и лазейкой для нелегального проникновения в СССР. Восставший броненосец "Потемкин" в 1905 ушел в Констанцу (Румыния), где часть матросов получила временное убежище. В конце гражданской войны днестровские плавни становятся театром драматического исхода частей белой армии, отступающих от большевиков.

Румынские власти и пограничники были известны недружелюбным отношением к русским беженцам, которых они, как правило, прогоняли назад, на русский берег Днестра, как это случилось и с Бендером. Участник этого исхода В.В.Шульгин описывает случаи ограбления русских румынами: "Когда наступил вечер, румыны развернули свою настоящую природу. Они приступили к нам с требованием отдать или менять то, что у нас было, т. е. попросту стали грабить. Сопротивляться было бесполезно. Один толстый полковник пробовал устроить скандал, вырывался, но его схватили, побили и отняли все, что хотели. Брали все, что можно. У одних взяли сапоги, дав лапти, у других взяли штаны, у третьих френчи, не говоря о всевозможных мелочах, как то часы, портсигары, кошельки, деньги....Разумеется, поснимали кольца с рук. Словом, произошел форменный грабеж....Затем вывели на берег Днестра и показали жестами, что следует возвращаться

в Россию." [В.Янковский, Кандель, Возрождение 30.1953, стр. 102 сл.; Шульгин, 1920 г., стр. 94-95.]

3с. Экспозиция главы имеет некоторое сходство с началом романа Ж.Верна "Un drame en Livonie", где герой, пробираясь через льды и снега, бежит из России и подходит к литовской границе ("Этот человек был один в ночи" — гласят первые слова романа).

2. *Крест был приобретен у бывшего иподиакона кафедрального собора гражданина Самообложенского.*

2. Каламбурная фамилия — скрещение "Преображенского" с "самообложением", т.е. "формой добровольного привлечения средств населения в сельской местности и дачных поселках для проведения работ местного характера по благоустройству...." [БСЭ, 3-е изд., т. 22]. "Самообложение — рычаг культурной революции", — заявляла пресса [заголовок в Пр 27.09.29].

3. *Он строил* [шубу] *четыре месяца, строил как дом, изготовлял чертежи, свозил материалы.*

3с. "Строительство" шубы, затем отнимаемой у героя, имеет параллели с историей Башмачкина из гоголевской "Шинели" [см. Bolen, Analysis of the Comic in Ilf and Petrov, p. 68]. Текстуальные сходства: "[Бендер] опомнился на льду,....без шубы" — [Акакий Акакиевич] опомнился и поднялся на ноги,....он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет".

4. *Теперь несколько формальностей с отзывчивыми румынскими боярами — и путь свободен.*

2. Бояре (румынские помещики) — один из атрибутов Румынии в советской политической мифологии. В прессе упоминается "боярская оккупация Бессарабии" [КН 05.1929]. О писателе Панаите Истрати, впавшем в немилость за опубликование откровенной книги о Советском Союзе, писали, что он хочет стать "опорой белого террора румынских бояр" [Бор. Волин, Литературн. гайдук, Пр 20.10.29]. Аналогичное место занимало понятие "паны" в материалах о Польше; ср. оба эти термина у Демьяна Бедного: *Ну что ж, бояре и панове, / Мы держим ружья наготове* [подпись под карикатурой, КН 06.1929].

5. *Я частное лицо и не обязан интересоваться силосными ямами, траншеями и башнями. Меня как-то мало интересует проблема социалистической переделки человека в ангела и вкладчика сберкассы.*

1. Силос — важная тема пропаганды и агитации в 1930. Нарком земледелия СССР обратился к комсомолу с призывом взять на себя руководство и ответственость за постройку миллиона силосных ям и траншей [КН 15.1930]. "Правда" посвящает этой кампании целую страницу под шапкой: "За силос, за социалистическое животновод-

ство", с подзаголовками: "Голос за силос" (стихи А.Жарова), "Тонна силоса — полтонны молока", "Окружить кулака силосными траншеями, бить в два удара — по хребту кулака и по бесхребетным правым оппортунистам, забывающим о силосе — тракторе животноводства" и др. [Пр 31.07.30].

Сберегательные кассы были еще одной большой темой агитпропа конца 20-х гг., нашедшей отражение в лозунге "Кто куда, а я в сберкассу" и в сотнях других плакатов и заголовков: "Водка — враг, сберегательная касса — друг тебе", "Сберегательная касса — верный друг и кассир трудящихся", "Лишний рубль в сберкассе крепит финансовую мощь страны", "Рабочий и работница! Состоишь ли ты в сберкассе?" и др. В прессе преподаются многочисленные советы о том, как лучше организовать личный бюджет, "самую хаотическую часть нашего бытия" (напр., верный путь разбогатеть — это класть всю получку в сберкассу и ежедневно брать оттуда сколько нужно на жизнь, и т. п.). Граждане призываются "сдать кошельки с грязными и мятыми бумажками в музей, как исторический пережиток". В феврале 1930 число вкладчиков в советские сберкассы составляет, по сообщениям газет, более 8 млн. [Л.Сергеев, Миллионы живые и мертвые, КН 08.1930; Е.Сергеева, О личном бюджете, Пж 08.1930 и др.]

6. *Я на вас буду жаловаться в Сфатул-Церий, в Большой Хурулдан!*

1. Остап имеет весьма приблизительное представление о румынских государственных учреждениях. Сфатул-Церий — понятие историческое: так называлось учредительное собрание Бессарабии, утвердившее передачу края Румынии в 1918. Большой Хурулдан — собрание народных представителей в Монголии после 1921, а также в советской Бурятии: "В Бурят-Монгольской республике собирался съезд делегатов, 'Великий Хурулдан'" [Талызин, По ту сторону, стр. 181].

7. *Сигуранца проклятая!*

1. Сигуранца ("безопасность") — тайная полиция, еще один постоянный атрибут буржуазно-помещичьей Румынии: "Бессильны сигуранца и белый террор в борьбе против всепобеждающей стойкости борцов пролетарской революции" или "[П.Истрати] припал жадными устами к румынской сигуранце". С нею связываются варварские пытки и избиения. [Под гнетом рум. буржуазии (к годовщине захвата Бессарабии), КН 04.1930; Бор. Волин, Литературн. гайдук, Пр 20.10.29; В.Дембо, Между Днестром и Дунаем, КН 05.1928.]

8. ***Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу, завиток чьих-то твердых черных волос и чудом сохранившийся в битве орден Золотого Руна.***

3с. Орден Золотого Руна, единственный остаток бендеровского богатства, — символическая виньетка в конце романа, посвященного погоне за сокровищами. Золотое руно — драгоценный объект поиска в мифе об аргонавтах; согласно некоторым современным толкованиям, оно выражает одновременно некие идеалистические устремления, "поиск истины и духовной чистоты", и неверный путь к достижению идеала [Chevalier et Gheerbrant, Dict. des symboles: "Toison d'or"]. Подобная интерпретация согласуется с образом Бендера, который, по замыслу авторов, является героем целенаправленным и по-своему идеалистичным, но в некоем более высоком смысле заблуждающимся. Обратим внимание на изящество и смысловую емкость заключительной виньетки: в ордене Золотого руна воспроизводятся важные темы романа ("золотой телец", ancien régime, "королевское" превосходство Бендера над окружающими), но в абстрактно-метафорическом и "облегченном" виде, как это и подобает концовке, функция которой — снятие напряженности, переход от "mediae res" сюжетного действия к дистанцированному от него неподвижному символу.

[illegible]

ДОБАВЛЕНИЯ

К первому тому ("Двенадцать стульев")

ГЛАВА 35. И др.

+3А [после 3]. *Их внимание было привлечено предметом, плывшим по течению впереди лодки....Это был стул, вскрытый на "Скрябине".*

3с. Ср.: "Говоря так, он заметил нечто красное и блестящее, плавающее подле корабля....Оказалось, что это один из его баранов" [Вольтер, Кандид, гл. 20]. Параллель тем правдоподобнее, что в данной главе есть и другое совпадение с "Кандидом" [см. примечание 8].

8. *Разговаривая подобным образом, концессионеры приткнулись к чебоксарскому берегу.*

3с. +Формула эта встречается уже у Рабле, одного из любимых авторов И.Ильфа: "Разговаривая о всяких таких пустяках, приблизились они к своим судам и, не мешкая далее, покинули остров Шели" [4-я кн. Пантагрюэля, гл. 11, пер. Н.Любимова].

ГЛАВА 38. Под облаками

10. *Налево живой человек стоит, а чем живет и как туда попал, тоже неизвестно.*

3с. +Сама ситуация со священником, стоящим на скале, воспроизводит один из наиболее эффектных мотивов романтической литературы, столь часто пародируемой в ДС/ЗТ. В "Манфреде" Байрона заглавный герой стоит один на утесах, и мимо него, как и мимо отца Федора, пролетает орел [акт 1, сц. 2]; то же у Пушкина: *Кавказ подо мною....*и т. д. ; *Орел, с отдаленной поднявшись вершины / Парит неподвижно со мной наравне* [Кавказ]. Дальнейшие параллели к ДС — в повести В.Ф.Одоевского "Город без имени": "Мы заметили на вершине почти неприступного утеса нечто, имевшее вид человека....Мы удивились, каким образом это существо могло взобраться на вершину почти по голым отвесным стенам" [Русск. ночи, ночь 5]. Ср. также "Тень барда" Бетховена (сл. Ф.Германа): *Высоко на скале поет / Седого барда тень....*; картину К.Д.Фридриха "Путник над облаками" (1818); пушкинское *Ты видел деву на скале* [Буря] и мн. др.

Ко второму тому ("Золотой теленок")

ГЛАВА 2. **Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта**

17. *Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах.*

2. +Данное место соотносится также с многократными упоминаниями в Новом Завете о старцах, юношах, ангелах и т. п., облеченных в белые одежды [см. Апокалипсис 3.4-5, 18; 4.4; 7.13; Деяния 1.10; Мк. 16.5 и др.]. Штаны, как предмет вожделенный и недоступный в 1930 [см. примечание 11 к ЗТ 7], вполне могли использоваться соавторами как пародийный субститут евангельских "одежд". Ср. и более явные отсылки к библейскому тексту: "[Счастье] бродит по стране в длинных белых одеждах...." [ЗТ 7 — именно та глава, где речь идет об одежде и где "Штанов нет"], а также: "Тело облачено в незапятнанные белые одежды" [ДС 35].

+18А [после **18**]. *У меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс.*

2. Ср.: *Правила чту, уважаю милицию....*[В.Лебедев-Кумач, Чего пристали? ("Крокодил" 1927), цит. по Стыкалин, Кременская, Советск. сатирич. печать, стр. 389]. Один из примеров того, как достаточно непритязательные остроты, носившиеся в речевом "воздухе" эпохи, превращаются у соавторов ДС/ЗТ в провербиальные, будучи вставлены в классическую "оправу", в данном случае в речевую мозаику образа Бендера.

21. *Лицо его сразу же затвердело и снова приняло медальные очертания.*

+3с. Черты, близкие к "медальному" типу, имеют демонические персонажи Гоголя и А.Белого: у ростовщика Петромихали лицо неподвижное, темнооливкового или бронзового цвета [Портрет, Полн, собр. соч., т. III, стр. 82, 431], у Шишнарфнэ "черный профиль" [Петербург, гл. 6, "Не хорошо..."].

23. *Великий комбинатор чувствовал себя в положении хирурга, которому предстоит произвести весьма серьезную операцию....* [до конца абзаца].

3с. +Ср. также о Наполеоне перед Бородиным: "Он....небрежно болтал так, как это делает знаменитый, уверенный и знающий свое дело оператор, в то время как он засучивает рукава и надевает фартук, а больного привязывают к койке" [Война и мир, III.2.29]. Налицо очередной наполеоновский штрих в обрисовке Бендера, причем на сей раз давае-

мый косвенно, через посредство Толстого. См. ниже добавления к ЗТ 20 и 32.

ГЛАВА 3. **Бензин ваш — идеи наши**

13. *По ночам* [Козлевич] *носился с зажженными фарами мимо окрестных рощ, слыша позади себя пьяную возню и вопли пассажиров....*

3с. +Ср. также: "[Балага] любил слышать за собой этот дикий крик пьяных голосов: 'Пошел! пошел!'" [Толстой, Война и мир, II.5.16].

15. *Сам катайся. Душегуб!*

3с. +Ср. также: "— Душегуб! — вдруг крикнул [высокий малый] на целовальника. — Вяжи его, ребята!" [Война и мир, III.3.23].

ГЛАВА 5. **Подземное царство**

+1А [после **1**]. *Скоробогачи....в шубках, подбитых узорным мехом "лира".*

1. "Подстежка на суконных мужских шубах — черный натуральный мех с узором в виде маленьких белых лир" [Е.М.Сахарова, Комментарии, в кн. Ильф и Петров, Золотой теленок, М./Книга, 1989, стр. 472].

ГЛАВА 7. **Сладкое бремя славы**

+13А [после **13**]. *Первый километр жулики тяжело дышали.*

3с. Ср.: "На протяжении первых 3-4 миль оба джентльмена не произнесли ни слова...." [Диккенс, Пикв. клуб, гл. 9, сцена погони].

ГЛАВА 8. **Кризис жанра**

2. *— Снятся, проклятые, — донесся до Остапа голос старика.*

3с. +Ср. также: "— Нет спокоя, проклятые! — проворчал он [кн. Н.А.Болконский] с гневом на кого-то" [Война и мир, III.2.3].

ГЛАВА 11. **Геркулесовцы**

7. *Разговоры Бомзе с сослуживцами.*

+3с. Как всегда, типичные явления советской жизни совмещены с литературными прототипами. Ср. отзывы Бориса Друбецкого о Кутузове, попеременно критические и восторженные, в зависимости от собеседника [Война и мир, III.2.22] и далее такое же поведение князя Василия: "— Что я вам говорил про Кутузова?....Я говорил всегда, что он один способен победить Наполеона....— Я удивляюсь только, как можно было поручить такому человеку судьбу России" [IV.1.2].

ГЛАВА 13. **Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции**

+10А [после 10]. — *Полюбуйся, Сашук! — закричала Варвара.*

2. Сашук, Васюк [В.Катаев, "Квадратура круга"], Женюк и т. п. — именования, характерные для "плебейского" стиля 20-х гг.

+23А [после 23]. — *А может быть, так надо, — ответил муж, поднимая фараонскую бороду....*

3с. Словами "Так надо" заканчивается "Война и мир" Л.Толстого (точнее, основной текст романа, перед эпилогом): "— Нет, нет, это так надо... [сказала Наташа]. Да, Мари? Так надо..." и ранее: "'Ну что же делать; уж если нельзя без этого? Что же делать?! Значит, так надо', — сказал он [Пьер] себе" [IV.4.18-19]. Это не исключает, конечно, и более непосредственных источников лоханкинской фразы в "интеллигентском" языке рубежа двух столетий.

ГЛАВА 15. **Рога и копыта**

6. *В душе я бюрократ и головотяп.*

+3с. Выражение "в душе", "по натуре" (ср. также ЗТ 32, где Бендер "плакал и клялся, что в душе он почвовед") восходит к дореволюционному юмору. Ср.: "Фиников, надворный советник и в душе кадет" [А.Амфитеатров, Друг-читатель (1907), в кн. Князев, Русск. смех]; "Я по натуре студент" [Л.Андреев, Дни нашей жизни, д. 4]; "— Боже мой! Кто же из нас в душе не коммунист! — говорили тетки" [Кассиль, Швамбрания, Собр. соч. в 5 томах, т. 1, стр. 264].

ГЛАВА 16. **Ярбух фюр психоаналитик**

+5А [после 5]. *Он такой же король, как вы — Цезарь.*

2. Оборот, типичный для персонажей с еврейским фоном, ср.: "Это такая же коза, как вы — губернатор" или "Это такая же коза, как я — раввинша" [Шолом-Алейхем, Заколдованн. портной, гл. 7, 9].

+9А [после 9]. *Что же ты наделал, бухгалтер Берлага?*

2. То же, ср.: "Подумай, если остался у тебя хотя бы обломок клепки в голове, что ты натворил?"; "Или....ехать в Варшаву исправлять все то, что ты там натворил?" [Шолом-Алейхем, Мариенбад, Собр. соч., т. 6, стр. 233, 242].

ГЛАВА 18. **На суше и на море**

13. *Неполадки в пробирной палатке.*

2. +Слово "неполадки" внедрилось в советский язык в 1925-27: в 1924 в лозунгах упоминаются "неладки", а в 1928 говорят о "неполадках" как о еще свежем термине [см. Организация труда 01.1924; Ог 19.1928]. Оно, однако, встречалось уже в дореволюционной речи: "Всякую неполадку насквозь увидит" [Мамин-Сибиряк, ССРЛЯ].

+3с. "В нашем Черноморском отделении тоже есть свои слабые стороны...." — ср. А.К.Толстого: *То ж бывало у нас и на Лысой Горе....* [Поток-богатырь]; перекличка правдоподобна ввиду густых демонологических ассоциаций как "Геркулеса", так и "Рогов и копыт".

14. *Генрих-Мария Заузе.*

+3с. С упомянутым выше советским архетипом 'нетерпеливого зарубежного специалиста' соединены в образе Г.-М.Заузе черты персонажа старой литературы — 'наивного иностранца', изумляющегося российским обычаям, "остраняющего" их своим непониманием (ср., напр., письма Заузе невесте с рассказом Чехова "Глупый француз").

ГЛАВА 20. **Командор танцует танго**

+3А [после 3]. *У него было изнуренное лицо карточного игрока....*[до конца абзаца].

3с. Развернутое сравнение Бендера с карточным игроком выдержано в стиле Толстого: ср., напр., длинное отступление о пчеловоде [Война и мир, III.3.20]. Оно будет продолжено в ЗТ 23, где игроку изменяет счастье: "Игрок, ухвативший на рассвете счастливую талию и

удивлявший весь стол, неожиданно в десять минут спустил все....". В "Войне и мире" есть и буквальная параллель к этим местам ЗТ: "Наполеон [при Бородине] испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает" [III.2.34]. См. также добавление к ЗТ 32 ниже.

ГЛАВА 22. **Командовать парадом буду я**

+1А [после 1]. *Вот папка весом в 3-4 кило....Папка продается за миллион. Если вы ее не купите, я сейчас же отнесу ее в другое место.*

3с. Предложение купить папку (в ЗТ 20 и ЗТ 30 называемую "жизнеописанием" Корейко) имеет параллель в "На всякого мудреца довольно простоты" А.Н.Островского, где Голутвин предлагает Глумову приобрести составленную им "биографию" Глумова, угрожая в противном случае "продать в журнал" [д. 4, сц. 2, явл. 3].

+1Б [после 1А]. *Это я говорю вам как специалист по рогам и копытам.*

2. Фраза "с акцентом", ср.: "Это я говорю вам как шамес, а не как сват" [Бабель, Закат].

+3А [после 3]. *Я устал и есть хочу.*

2. Из известного до революции сентиментального стихотворения для детей "Сиротка" ("Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал...."): *Боже! — говорил малютка. /— Я прозяб и есть хочу....* Автор стихов К.Петерсон [текст в кн. Русская поэзия — детям, Л./Сов. писатель, 1989 (Б-ка поэта, б. серия), стр. 129].

ГЛАВА 23. **Сердце шофера**

+13А [после 13]. *Бендер шел позади всех, опустив голову и машинально мурлыча: "Кончен, кончен день забав, стреляй, мой маленький зуав".*

2. Перифразированный припев модной песенки "Филибер" (слова К.Подревского, муз. обработка Б.Прозоровского): *В путь, в путь, / кончен день забав, / в поход пора. // Целься в грудь, / маленький зуав, / кричи "Ура!"* [указано в комментариях Е.М.Сахаровой к кн. Ильф и Петров, Золотой теленок, М./Книга, 1989, стр. 480].

ГЛАВА 24. **Погода благоприятствовала любви**

+1А [перед 1]. *Заглавие.*

3с. Возможно, реминисценция из "Пиквикского клуба" Диккенса. Ср.: "Время и место благоприятствовали созерцательности" [гл. 11]. "Мирное уединение Дингли Делла....благоприятствовало росту и развитию нежных чувств" [начало гл. 8]. Фраза "Погода не благоприятствовала любви" в романе Л.Никулина [Время, пространство, движение, т. 2, стр. 73] — вероятно, перифраза из Ильфа и Петрова.

ГЛАВА 28. **Потный вал вдохновенья**

4. *Цветет урюк под грохот дней, / Дрожит зарей кишлак, / А средь арыков и аллей / Идет гулять ишак.*

+2/3с. Все это было штампом уже в дореволюционной журналистике. Ср.: "Он только что полез в арык за уплывавшим в мутной воде урюком"; "Он был беднейший из беднейших жителей-полукочевников кишлака Турк"; "За арбами трусил мелкими шажками ослик" и т. д. [Е.Ардов (Е.И.Апрелева), Средне-Азиатск. очерки, Шанхай/Слово, 1935, стр. 77, 123, 143; печатались в русск. прессе до 1917]. В этих же очерках упоминаются "красивые бухарские евреи в меховых шапках с бархатным верхом" [стр. 24]; ср. точно такую шапку, покупаемую Ухудшанским [ЗТ 32, конец главы].

ГЛАВА 29. **Гремящий Ключ**

6. *За холмами залегли мои молодцы.*

3с. +У Толстого в сцене бунта крестьян Лаврушка (блефуя, как и Остап) спрашивает Ростова: "Прикажете наших *из-под горы* кликнуть?" [Война и мир, III.2.14, выделено нами].

ГЛАВА 32. **Врата великих возможностей**

7. *Нет! Парад решительно не удавался, хотя все было на месте. Вовремя были высланы линейные, к указанному сроку прибыли части, играл оркестр. Но полки смотрели не на него, не ему кричали "ура"....*

3с. +Ср. у Толстого продолжение пассажа о Наполеоне как игроке [начало его см. выше, в добавлении к ЗТ 20]: "Войска были те же, гене-

ралы те же, те же были приготовления, та же диспозиция, он сам был тот же...., но страшный взмах руки падал волшебно-бессильно" [Война и мир, III.2.34]. Как видим, в обрисовке Бендера отражены различные грани карьеры Наполеона (как победы, так и неудачи).

ГЛАВА 34. **Дружба с юностью**

1. *Рассказы пассажиров о миллионерах.*

3c. +Другой представленный здесь литературный мотив — 'удивительные рассказы, случайно подслушиваемые кем-то, не принадлежащим к компании рассказчиков (обычно во время ночлега)': ср. "Бежин луг" Тургенева, "Принц и нищий" М.Твена [гл. 17: принц в лагере бродяг] или "Ночной разговор" Бунина.

НЕВЫЯСНЕННОЕ

ЗТ 28: *С грохотом перекатываясь через искусственные сооружения...., а также* бросая трепетную тень на горные ручьи, *литерный поезд проскочил городок под тополями* [явная стихотворная цитата выделена нами].

00064758

Библиография

Anikst, Mikhail. La Pub en URSS dans les années 20. London/Chêne, 1987.
Benjamin, Walter. Moscow Diary. Harvard Univ. Press, 1986.
Béraud, Henri. Ce que j'ai vu à Moscou. Paris/Les Editions de France, 1925.
Bolen V.G. Analysis of the Comic in Ilya Ilf and Evgenij Petrov's "Twelve Chairs" and "The Golden Calf". Ph.D. dissertation. Ann Arbor/Univ. of Michigan, 1968.
Brooks, Jeffrey. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton Univ. Press, 1985.
Chadourne, Marc. L'URSS sans passion. Paris/Plon, 1932.
Chessin, Serge de. La nuit qui vient de l'Orient. Paris/Hachette, 1929.
Chevalier, Jean et Gheerbrant, Alain. Dictionnaire des symboles. 9-me édition. Vol. 1-4. Paris/Seghers, 1979.
Cooper J.C. An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbols. London / Thames and Hudson, 1978.
Darling, Jay N. Ding Goes to Russia. N.Y./Whittlesey House, 1932.
Dayot, Armand. Napoléon raconté par l'image. Paris/Hachette, 1895.
Despréaux, Elise. Trois ans chez les Tsars rouges. Paris/Spes, 1931.
Dillon E.J., Dr. Russia To-Day and Yesterday. An impartial view of Soviet Russia. N.Y./Doubleday, Doran and C°, 1930.
Dondo M. The French Faust: Henri de Saint-Simon. N.Y. 1955.
Douillet, Joseph. Moscou sans voile (neuf ans de travail au pays des Soviets). Paris/Spes, 1928.
Dreiser, Theodore. Dreiser Looks at Russia. N.Y./Horace Liveright, 1928.
Dubois, Joseph. URSS: une nouvelle humanité. Paris/Librairie Valois (Enquête 10), 1932.
Eaton, Richard. Pionniers ou déments? Paris/Plon-Nourrit et C° (Librairie Plon), 1924.
Eliade M. Rites and Symbols of Initiation. N.Y./Harper and Row, 1975.
Fabre Luce, Alfred. Russie 1927. Paris/Bernard Grasset, 1927.
Farson, Negley. Seeing Red: Today in Russia. London/Eyre & Spottiswoode, 1930.
Fischer, Marcoosha. My Lives in Russia. N.Y./Harper and Brothers, 1944.
Fletcher, William C. The Russian Ortodox Church Underground: 1917-1970. Oxford Univ. Press, 1971.

F r e n z e l, Elisabeth. Motive der Weltliteratur. 3. Auflage. Stuttgart/A.Kröner, 1988.
Funk and Wagnall's Standard Dictionary of Folklore, Mytholohy and Legend. N.Y./Harper and Row, 1984.
G l a e s e r, Ernst et W e i s k o p f F.C. La Russie au travail. 265 photographies. Paris/Flammarion, n/d [начало 30-х гг.].
G r a d y, Eve Garette. Seeing Red: Behind the Scenes in Russia Today. N.Y./ Brewer, Warren and Putnam, 1931.
I l f, Ilya et P e t r o v, Evguéni. Les douze chaises. Traduit du russe par Alain Préchac. Paris/Scarabée, 1984.
I l f, Ilya et P e t r o v, Evguéni. Le veau d'or. Traduit du russe par Alain Préchac. Paris/Scarabée, 1984.
I s t r a t i, Panaït. Vers l'autre flamme: après 16 mois dsns l'URSS. 7-me éd. Paris/Rieder, 1929.
I s t r a t i, Panaït. Vers l'autre flamme II: Soviets 1929. 8-me éd. Paris/Rieder, 1929.
J o u y, E. de. L'Hermite de la Chaussée d'Antin, t. 5, Paris/Pillet, 1816.
K o k o v t z o f f W.N., comte. Le bolchevisme à l'oeuvre. Paris/Marcel Giard, 1931.
L e F e v r e, Georges. Un bourgeois au pays des Soviets. Paris/Tallandier, 1929.
L o n d o n, Géo. Elle a dix ans, la Russie rouge! Paris/Fayard, 1927.
M c W i l l i a m s R.F. and M.S. Russia in 1926. Toronto/Dent and Sons, 1927.
M a r i o n, Paul. Deux Russies. Paris/La Nouvelle Société d'Edition, 1930.
M a s s i e, Robert K. Nicholas and Alexandra. N.Y./Dell Books, 1978.
M e r c i e r, L.S. Tableau de Paris. Paris/Pagnette-Lecou, 1853.
M o c h, Jules. La Russie des Soviets. Paris/L'Ile de France, 1925.
M o s k v i n e M., ancien komsomolets. Ma jeunesse en URSS (traduit du russe). Paris/Payot, 1934.
O ' F l a h e r t y, Liam. I Went to Russia. London/Jonathan Cape, 1931.
O u d a r d, Georges. Attrait de Moscou. Paris/Plon, 1933.
P i c c a r d E. Lettres de Moscou (1928-33). Neuchatel, Paris/Victor Attinger, n/d [ок. 1960].
P o s n e r, Wladimir. U.R.S.S. Paris/Les Oeuvres représentatives, 1932.
R i p e l l i n o, Angelo Maria. Maïakovski et le théâtre russe d'avant-garde. Paris/L'Arche, 1965.
R o m a n o v Family Album, The. Introductory Text by Robert K.Massie. N.Y./The Vendome Press, 1982.
R u k e y s e r W.A. Working for the Soviets. An American Engineer in Russia. N.Y./Covici-Friede, 1932.
S a v i n e, Nicholas and B e n s o n, Stella. Pull Devil — Pull Baker. London/Macmillan, 1933.
S c h o u l g u i n e, Vassili. La résurrection de la Russie: mon voyage secret en Russie soviétique. Paris/Payot, 1927.
S e l i g m a n, Kurt. The History of Magic and the Occult. N.Y./Harmony Books, 1983.
S h c h e g l o v, Yuri K. The Poetics of Molière's Comedies. In: Russian Poetics in Translation, vol. 6. Univ. of Essex and Holdan Books, 1979.
S h c h e g l o v, Yuri K. and Z h o l k o v s k y, Alexander K. Poetics of Expressiveness: a Theory and Applications. Amsterdam/John Benjamins, 1987.
S h o s t a k o v i c h D.D. Testimony: the Memoirs of Dmitri Shostakovich as related to and edited by Solomon Volkov. N.Y./Harper and Row, 1979.
S l o n i m s k i, Antoni. Misère et grandeur de la Russie rouge. Paris/NRC, 1933.
V i o l l i s, Andrée. Seule en Russie. Paris/Gallimard, 1927.
V o r a g i n e, Jacques de. La légende dorée. T. I-II. Paris/Garnier-Flammarion, 1967.
VU: enquête. Le 8 novembre 1931: Au pays des Soviets. Paris, 1931.
W a r t a n o f f, Boris. Un russe retrouve son pays. Paris/Tallandier, 1935.

W e r t h, Nicolas (ed.) Etre communiste en URSS sous Staline. Paris / Gallimard-Juillard (Collection Archives), 1981.
W i c k s t e e d A. Life Under the Soviets. London/John Lane the Bodley Head, 1928.
W u l l e n s, Maurice. Paris, Moscou, Tiflis. Paris/Les Humbles, 1927.
Z e h r e r, Ute-Marianne. "Dvenadcat' stul'ev" und "Zolotoj telenok" von I.Il'f und E.Petrov. Entstehung, Struktur, Thematik. Gießen/W.Schmitz Verlag, 1975.

А в е р ч е н к о А. Веселые устрицы. Юмористические рассказы. СПБ/ изд. Корнфельда (Б-ка "Сатирикона"), 1911.
А в е р ч е н к о А. Рассказы для выздоравливающих. Петроград/Нов. Сатирикон, 1916.
А в е р ч е н к о А. Избранные рассказы. М./Сов. Россия, 1985.
А в е р ч е н к о А. Восемь одноактных пьес и инсценированных рассказов. СПБ/изд. Корнфельда, 1911.
А в е р ч е н к о А. Рассказы (юмористические). Кн. 2. СПБ/Шиповник, 1910.
А в е р ч е н к о А. Рассказы (юмористические). Кн. 3. Петроград / Шиповник, 1916.
А в е р ч е н к о А. Черным по белому. Рассказы. Петроград/Нов. Сатирикон, б/г.
А в е р ч е н к о А. Чудеса в решете. Петроград/Нов. Сатирикон, 1915.
А в е р ч е н к о А. Юмористические рассказы. М./ИХЛ, 1964.
А в е р ч е н к о А., Б у х о в А., В е н с к и й Е. и др. Самоновейший письмовник. Петроград/Нов. Сатирикон, 1916.
А в е р ч е н к о А., Л а н д а у Г. Экспедиция в Западную Европу сатириконовцев. СПБ/изд. Корнфельда, б/г.
А в и л о в а Л.А. Рассказы. Воспоминания. М./Сов. Россия, 1984.
А г р а н о в с к и й А. От Столбцов до Бухары. М.-Л./ГИЗ, 1930.
А д а л и с. Вступление к эпохе. М./Сов. лит-ра, 1934.
А з о в, Влад. "Цветные стекла" (сатирические рассказы). СПБ/изд. Корнфельда (Б-ка "Сатирикона"), 1911.
А л д а н о в М.А. Ключ. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1955.
А л е к с е е в А.Г. Серьезное и смешное. М./Искусство, 1967.
А л е к с е е в М.П. Из истории испано-русских литературных отношений. В кн.: Алексеев, Русская культура и романский мир, Л./Наука, 1985.
А л е к с е е в - Я к о в л е в А.Я. (запись и обработка Е.Кузнецова). Русские народные гулянья. М.-Л./Искусство, 1948.
А н д р е е в, Леонид. Полное собрание сочинений. Т. 1-8. СПБ/изд. Маркса, 1913.
А н н е н с к и й, Иннокентий. Книги отражений. М./Наука (Лит. памятники), 1979.
А р д о в В. И смех и грех. М./Сов. писатель, 1935.
А р д о в В. Ильф и Петров (воспоминания и мысли). "Знамя", N° 7, 1945.
А р д о в В. Цветочки, ягодки и пр. Юмористические рассказы и сценки. М./Сов. писатель, 1972.
А р д о в В. Этюды к портретам. М./Сов. писатель, 1983.
А р д о в В. Юмористические рассказы. М./ИХЛ, 1980.
АХР. Выставка "Искусство и массы". XI-я выставка АХР-а с секциями и филиалами. М., 1929.
А ш у к и н Н.С. и А ш у к и н а М.Г. Крылатые слова. М./Правда, 1986.
Б а б е л ь И. Блуждающие звезды (киносценарий). М./Кинопечать, 1926.
Бабель. Воспоминания современников. М./Сов. писатель, 1972.
Б а л ь з а к О. де. Собрание сочинений в 15 томах. М./ИХЛ, 1951-55.

Б а р к П.Л. Главы из воспоминаний. "Возрождение", тетрадь 43, июль 1955.
Б а р к П.Л. Главы из воспоминаний: период национального выздоровления. "Возрождение", тетрадь 48, декабрь 1955.
Б а х т и н М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М./ИХЛ 1965.
Б е г а к Б., К р а в ц о в Н., М о р о з о в А. Русская литературная пародия. М./Госиздат, 1930.
Б е д н ы й, Демьян. Собрание сочинений в 8 томах. М./ИХЛ, 1963-65.
Б е л и н к о в А. Сдача и гибель советского интеллигента. Мадрид, 1976.
Б е л о у с о в И.А. Ушедшая Москва. В кн.: Н.С.Ашукин (ред.), Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в., М./Моск. рабочий, 1964.
Б е л ы й, Андрей. Крещеный китаец. Nachdruck der Ausgabe Moskau 1927. München/W.Fink (Slavische Propyläen, Bd. 23), 1969.
Б е л ы й, Андрей. На рубеже двух столетий. Chicago (Reprint: Russian Language Specialities), 1966.
Б е л ы й, Андрей. Северная симфония. В кн.: Белый, Четыре симфонии, München/W.Fink (Slavische Propyläen, Bd. 39), 1971.
Б е н у а А.Н. Мои воспоминания. Т. 1-2. М./Наука (Лит. памятники), 1980.
Б и л л ь - Б е л о ц е р к о в с к и й В.Н. Луна слева. В кн.: Билль-Белоцерковский, Пьесы, М./ИХЛ, 1934.
Б и л л ь - Б е л о ц е р к о в с к и й В.Н. Штиль, пьеса в 12-ти картинах. М.-Л./ГИЗ, 1927.
Б о б о р ы к и н П.Д. Василий Теркин. В кн.: Боборыкин, Собрание романов, повестей и рассказов в 12 томах, т. 12., СПБ/изд. Маркса (прилож. к "Ниве"), 1897.
Б о к М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1953.
Большая Советская энциклопедия. 1-е издание [в 66 томах]. М./Сов. энциклопедия, 1926-47.
Большая Советская энциклопедия. 3-е издание [в 30 томах]. М./Сов. энциклопедия, 1970-78.
Большая Энциклопедия. СПБ/Просвещение, 1900-01.
Б р и к е р, Борис. Природа комического в романах И.Ильфа и Е.Петрова. Ph.D. dissertation, Edmonton/University of Alberta, 1986.
Б у г а е в а К.Н. Воспоминания о Белом. Berkeley/Berkeley Slavic Specialities (Mod. Russ. Literature and Culture: Studies and Texts, vol. 2), 1981.
Б у л г а к о в В.Ф. Лев Толстой в последний год его жизни. М./ИХЛ (Серия лит. мемуаров), 1957.
Б у л г а к о в М. Белая гвардия. Пьеса в 4-х д. (вторая редакция пьесы "Дни Турбиных"). München/Otto Sagner (Arbeiten und Texte zur Slavistik, Bd. 27), 1983.
Б у л г а к о в М. Пьесы. Париж/Ymca Press, 1974.
Б у л г а к о в М. Забытое. München/Otto Sagner (Arbeiten und Texte zur Slavistik, Bd. 29), 1983.
Б у л г а к о в М. Ранняя неизвестная проза. München/Otto Sagner (Arbeiten und Texte zur Slavistik, Bd. 24), 1981.
Б у л г а к о в М. Ранняя неизданная проза. München/Otto Sagner (Arbeiten und Texte zur Slavistik, Bd. 12), 1976.

Б у л г а к о в М. Ранняя несобранная проза. München/Otto Sagner (Arbeiten und Texte zur Slavistik, Bd. 20), 1978.
Б у л г а к о в М. Рассказы. М. (Юмористич. б-ка ж-ла "Смехач"), 1926.
Б у н и н И.А. Горький. В кн.: Бунин, Под серпом и молотом. Сборник рассказов, воспоминаний, стихотворений, Лондон, Онтарио/Заря, 1975.
Б у н и н И.А. Собрание сочинений в 9 томах, т. 9. М./ИХЛ, 1967.
Б у р о в, Александр. Бурелом. Роман-летопись поколений последних императоров в 3 томах. Paris, 1955-57.
Б у х о в, Арк. Рассказы, памфлеты, пародии. М./Моск. рабочий, 1972.
Былины. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1938.
В Политехническом: "вечер новой поэзии". М./Моск. рабочий, 1987.
В а д и м о в, Евг. Люди и звери ("Славная школа"). Очерки. Белград/изд. Рыбинского, 1929.
В е й д л е В. Задача России. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1952.
В е н с к и й, Евгений. Мое копыто. Книга великого пасквиля. СПБ / Северн. дали, 1910.
Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 3-е. М./типогр. Саблина, 1909.
В и т т е С.Ю., гр. Воспоминания. Т. 2 (Царствование Николая II). Берлин/Слово, 1922.
Военная энциклопедия, т. 6. СПБ/типогр. Сытина, 1912.
В о и н о в а А. (Сент-Элли). Совбарышня Нина. Комедия. М./Театр. изд-во, 1926.
В о л к о н с к и й С., кн. Мои воспоминания: Родина. Берлин/Медн. всадник, 1922.
В о р о н о в и ч Н. Записки камер-пажа императрицы Александры Федоровны. Нью-Йорк, 1952.
Воспоминания об И.Ильфе и Е.Петрове. М./Сов. писатель, 1963.
Воспоминания о Юрии Олеше. М./Сов. писатель, 1975.
Вся Москва 1928. Адресно-справочная книга. М., 1928.
Вся Одесса и Одесская губерния. Адресная и справочная книга. Одесса, 1925.
В у л и с А. И.Ильф, Е.Петров. Очерк творчества. М./ИХЛ, 1960.
В ы ш е с л а в ц е в Б.П. Тайна детства (из воспоминаний). "Возрождение", тетрадь 46, октябрь 1955.
Г а в р и и л К о н с т а н т и н о в и ч, вел. кн. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1955.
Г а л а н о в Б. Илья Ильф и Евгений Петров: жизнь, творчество. М./Сов. писатель, 1961.
Г а л и н Б. Переход. Книга очерков 1929-1930. М./Моск. рабочий, 1930.
Г а л и ч, Юрий. Гусарские сказки. Рига/Лукоморье, 1933.
Г а л и ч, Юрий. Императорские фазаны. Рига/изд. Дидковского, б/г.
Г а л и ч, Юрий. Легкая кавалерия. Рига/Грамату драугс, 1928.
Г а р и н - М и х а й л о в с к и й Н.Г. В сутолоке провинциальной жизни, 1886-1896. В кн.: Гарин, Собрание сочинений, т. 4, М./ИХЛ, 1958.
Г а р р и А. Паника на Олимпе. Л./Изд-во писателей, 1933.
Г а с т е в А. Поэзия рабочего удара. М./ИХЛ, 1971.
Г е л л е р М., Н е к р и ч А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. Т. I-II. London/Overseas Publications Interchange Ltd., 1982.
Г е л ь ц е р М., канд. историч. наук. Гусар-монах. "Огонек", N° 31, 1960.
Г е р у а Б.В., ген. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж/"Танаис", 1969.
Г е х т С. Рассказы. М./б-ка "Огонек", 1925.
Г и л я р о в с к и й В.А. Сочинения в 4 томах. М./Правда, 1967.

Г и н з б у р г, Евгения. Крутой маршрут. Кн. 1. Нью-Йорк/Посев, 1985.
Г и п п и у с З. Дмитрий Мережковский. Париж/Ymca Press, 1951.
Г л а д к о в, Александр. Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки. М./Сов. писатель,1986.
Г л а д к о в, Теодор и С м и р н о в, Михаил. Менжинский. М./Мол. гвардия (Жизнь замечат. людей), 1969.
Г л а д к о в Ф.В. Энергия. М./ ИХЛ, 1936.
Г л е б о в, Анатолий. Пьесы. М./ИХЛ, 1934.
Г л у м о в А.Н. Нестертые строки. М./ВТО, 1977.
Г о г о л ь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. М./изд. АН СССР, 1937-52.
Г о р б у н о в И.Ф. Полное собрание сочинений в 2 томах. СПБ/изд. Маркса, 1904.
Г о р н ы й, Сергей. Всякое бывало. Берлин/Изд-во писателей, 1927.
Г о р н ы й, Сергей. Ранней весной. Берлин/Парабола, 1928[?].
Г о р н ы й, Сергей. Санкт-Петербург (видения). Мюнхен/Милавида, б/г.
Г о р н ы й, Сергей. Только о вещах. Берлин/Петрополис, б/г.
Г о р ь к и й М. Портреты. М./Мол. гвардия (Жизнь замечат. людей), 1963.
Г р о м о в Н. Перед рассветом. Берлин/Медн. всадник, б/г [20-е гг.].
Г у л ь, Роман. Азеф. Исторический роман. Нью-Йорк/Мост, 1959.
Г у л ь, Роман. Конь рыжий. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1952.
Г у м и л е в Н.С. Собрание сочинений в 4 томах. Вашингтон/изд. Камкина, 1962-68.
Г у м и л е в с к и й Л. Собачий переулок. В кн.: Гумилевский, Собрание сочинений, т. 3. М./Никитинск. субботники, 1928.
Г у с е в - О р е н б у р г с к и й С. Горящая тьма. Современные рассказы. Нью-Йорк/Индер-Зверь, 1926.
Д а в ы д о в, Денис. Сочинения. М./ИХЛ, 1962.
Д а л ь В.И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1-4. СПБ-М./Вольф, 1903-09.
Д а н и л о в С. Гоголь и театр. Л./Госполитиздат, 1936.
Д е н и к и н А.И., ген. Старая армия. Т. 2. Париж/Родник, 1931.
Д и к к е н с, Чарльз. Собрание сочинений в 30 томах. М./ИХЛ, 1957-63.
Д о б у ж и н с к и й М.В. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк/Путь жизни, 1976.
Д о л г о п о л о в Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А.Белого "Петербург". В кн.: А.Белый, Петербург, М./Наука (Лит. памятники), 1981.
Д о н - А м и н а д о. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1954.
Д'О р О.Л. О сереньких людях. Юмористические рассказы. СПБ/изд. Корнфельда (Б-ка "Сатирикона"), 1912.
Д'О р О.Л. Рыбьи пляски. Юмористические рассказы. Петроград (Нов. б-ка "Журнала Журналов"), 1916.
Д о р о г о й ч е н к о А. Большая Каменка. М.-Л./Мол. гвардия, 1931.
Д о р о ш е в и ч В.М. Иванов Павел. Париж/Очарованн. странник, 1927.
Д о р о ш е в и ч В.М. Избранные рассказы и очерки. М./Моск. рабочий, 1962.
Д о р о ш е в и ч В. На смех. Юмористические рассказы. СПБ / изд. Корнфельда (Юмористич. б-ка "Сатирикона"), 1912.
Д о р о ш е в и ч В.М. Сахалин (каторга), ч. 1-2. М./типогр. Сытина, 1903.
Д о р о ш е в и ч В.М. Собрание сочинений, т. 1, 2, 3. М./типогр. Сытина, 1905.
Д р е й е р В.Н., фон, ген. На закате империи. Мадрид/изд. автора, 1965.
Е в л о г и й, Митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т.Манухиной. Париж/Ymca Press, 1947.
Европейская поэзия XX века. М./ИХЛ (Б-ка всемирн. литературы), 1977.

Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней. М./Нов. Москва, 1925.
Елагин Ю. Укрощение искусств. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1952.
Елагин Ю. Темный гений (Всеволод Мейерхольд). Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1955.
Жаров М. Жизнь, театр, кино. Воспоминания. М./ВТО, 1967.
Жига И. Начало. Повесть о великих днях. М.-Л./Моск. рабочий, 1928.
Жирмунский В.М. Из истории русской романтической поэмы. В кн.: Жирмунский, Байрон и Пушкин, Л./Наука, 1978.
Жолковский А.К. Замятин, Орвелл и Хворобьев. О снах нового типа. "Грани", N° 140, 1986.
Жолковский А.К., Щеглов Ю.К., Мир автора и структура текста. Статьи о русской литературе. Tenafly, N.J./Эрмитаж, 1986.
Жолковский А., Щеглов Ю. Структурная поэтика — порождающая поэтика. "Вопросы литературы", N° 1, 1967.
Забытый Бабель. Сборник малоизвестных произведений. Составитель проф. Н. Строуд. Ann Arbor/Ardis, 1979.
Зайцев, Борис. Москва. Мюнхен/Echo Press, 1973.
Зайцева, София. У порога в мир. 2-е изд. Шанхай, 1947.
Закушняк А. Вечера рассказа. М./Искусство, 1984.
Заяицкий С. Баклажаны. М./Круг, 1927.
Заяицкий С. Жизнеописание С.А.Лососинова. М.-Л., 1928.
Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1953.
Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Пер. с англ. Paris/Ymca Press, 1974.
[Зерновы]. На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Paris/Ymca Press, 1970.
Зозуля Е. Я дома. М./Сов. писатель, 1962.
Зорич А. Рассказы. Л./Изд-во писателей, 1933.
Иванов Вяч. Вс. О воздействии "эстетического эксперимента" Андрея Белого. В кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества. М./Сов. писатель, 1988.
Иванова, Тамара. Мои современники, какими я их знала. Очерки. М./Сов. писатель, 1984.
Ильинский И.В. Сам о себе. М./Искусство, 1984.
Ильин В.Н. Преподобный Серафим Саровский. 3-е изд. Нью-Йорк/Путь жизни, 1971.
Ильф, Илья и Петров, Евгений. Как создавался Робинзон. М./Сов. лит-ра, 1933.
Ильф, Илья и Петров, Евгений. Собрание сочинений в 5 томах. М./ИХЛ, 1961.
Инбер В. За много лет. М./Сов. писатель, 1964.
Инбер В. Как я была маленькая. М./Детгиз, 1954.
Инбер В. Ловец комет. Расказы. М.-Л./ЗИФ, 1927.
Инбер В. Соловей и роза. Рассказы. Харьков/Пролетарий, 1928.
Интеллигенция в России. Сборник статей. СПБ/Земля, 1910.
Иринин, Мих. Теория беззащитности. Роман. В кн.: "Земля и фабрика" [альманах], вып. 11, М./ИХЛ, 1931.
Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания 1889-1959. Нью-Йорк, б/г.
Каверин В. Освещенные окна. М./Сов. писатель, 1978.

К а в е р и н В. Перед зеркалом. Скандалист, или Вечера на Васильевском острове. В кн.: Каверин, Избранные произведения в 2 томах, т. 1, М./ИХЛ, 1977.
К а г а н с к а я, Майя, Б а р - С е л л а, Зеев. Мастер Гамбс и Маргарита. Тель-Авив, 1984.
К а м е н с к и й С. Век нынешний и век минувший (воспоминания). Париж, 1958.
К а р а б ч е в с к и й Н.П. Жизнь и суд. Рига/Русск. право [1920-е гг.]
К а с с и л ь Л. Собрание сочинений в 5 томах, т. 1. М./Детск. лит-ра, 1965.
К а т а е в В. Алмазный мой венец. М./Сов. писатель, 1981.
К а т а е в В. Бородатый малютка. Рига/Граммату драугс, 1929.
К а т а е в В. Кладбище в Скулянах. М./Мол. гвардия, 1976.
К а т а е в В. Почти дневник. М./Сов. писатель, 1962.
К а т а е в В. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона. М./ Детск. лит-ра, 1973.
К а т а е в В. Собрание сочинений в 9 томах. М./ИХЛ, 1968-72.
К а т а е в В. Сухой лиман. Повести. М./Сов. писатель, 1986.
К и р ш о н В. Драматические произведения 1927-32 гг. Л./ИХЛ, 1933.
К л е й н м и х е л ь М., графиня. Из потонувшего мира. Мемуары. Берлин, б/г.
К н я з е в В. Первая книга стихов (1905-1916 гг.). П./Госиздат, 1919.
К н я з е в В. Русский смех. Сборник сатиры и юмора. П./Б-ка "Синего журнала", 1915.
К о з а к о в, Михаил. Девять точек. Роман. Кн. 2. М./Сов. писатель, 1935.
К о з а к о в, Михаил. Крушение империи. Роман в 4 книгах. Т. 1-2. М./ИХЛ, 1962.
К о з а ч и н с к и й А. Зеленый фургон. В кн.: Год 22-й, альманах 14-й, М./ИХЛ, 1938.
К о л е с н и к о в Н.В. Святая Русь. Большой роман в 4 частях. Часть 1: Накануне. Шанхай/Россия, 1927.
К о л ь ц о в М. 18 городов. М./Федерация, 1931.
К о л ь ц о в М. Действующие лица. М./ИХЛ, 1931.
К о л ь ц о в М. Избранные произведения в 3 томах. М./ИХЛ, 1957.
К о л ь ц о в М. Сотворение мира. В кн.: Кольцов, Собрание сочинений, т. 1, М./ИХЛ, 1935.
Комсомольский песенник. 9-е изд. М./Мол. гвардия, 1927.
К о н ц е в и ч И. М. Оптина пустынь и ее время. Jordanville, N.Y./Holy Trinity Monastery, 1970.
К о о н е н А. Страницы жизни. М./Искусство, 1975.
К о п е л е в Л. На крутых поворотах короткой дороги. N.Y./Chalidze Publications, 1982.
Коробейник. Новый народный песенник. Ив.-Вознесенск/Основа, 1927.
К о р о б о в Я. Петушиное слово. М.-Л./ГИЗ, 1927.
К о р я к о в, Михаил. Живая история. München/Echo Press, 1977.
К р а н д и е в с к а я - Т о л с т а я Н.В. Воспоминания. Л./Лениздат, 1977.
К р а с н о в П.Н., ген. "Павлоны". 1-е Военное Павловское училище полвека тому назад. Париж/изд. Главн. Правления Зарубежн. Союза Русск. Военн. Инвалидов, 1943.
Краткая литературная энциклопедия в 9 томах. М./Сов. энциклопедия, 1962-78.
К р е м л е в, Илья. В литературном строю. Воспоминания. М./Моск. рабочий, 1968.
К р и в о ш е и н а Н.А. Четыре трети нашей жизни. Paris/Ymca Press, 1984.
К р ы м о в, Вл. Сидорово ученье. Роман в 3 частях. Париж, 1950.

Кузмин М. Проза. Т. 1-[10]. Berkeley/Berkeley Slavic Specialties (Mod. Russ. Literature and Culture: Studies and Texts, Vol. 14-23), 1984-[.....].

Кузьмин Н.В. Штрих и слово. Л./Художник РСФСР, 1967.

Куприн А.И. Киевские типы. В кн.: Куприн, Собрание сочинений в 9 томах, т. 9, М./Правда, 1964.

Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М./ИХЛ (Серия лит. мемуаров), 1966.

Курдюмов А.А. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Paris/La Presse libre, 1983.

Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М./Сов. художник, 1983.

Ларионов, Виктор. Последние юнкера. Франкфурт/Посев, 1984.

Лейкин Н.А. Наши заграницей. 35-е изд. Сан-Франциско/Глобус, 1981.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 1-55, справочные тома 1-2. М./Госполитиздат, 1958-72.

Леонов, Леонид. Собрание сочинений в 9 томах. М./ИХЛ, 1960-63.

Либединский, Юрий. Современники. М./Сов. писатель,1958.

Лидарцева, Нора. Воспомининия о Репине. "Возрождение", тетрадь 47, ноябрь 1955.

Лидин, Вл. Идут корабли. Роман. В кн.: Лидин, Собрание сочинений, т. 4, М.-Л./Госиздат, 1928.

Лихачев Д.С. Литературный "дед" Остапа Бендера. В кн.: Лихачев, Литература — реальность — литература, Л./Сов. писатель, 1981.

Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца. М./Искусство, 1965.

Майн-Рид, Томас. Огненная Земля. М./изд. Сытина, 1908.

Мандельштам Н.Я. Воспоминания. 3-е изд. Париж/Ymca Prss, 1970.

Мандельштам, Осип. Собрание сочинений в 3 томах. Нью-Йорк/ Международн. Литературн. Содружество, 1967-71.

Мантулин, Валентин. Песенник российского воина. Т. 1. Нью-Йорк, 1970. Т. 2. Нью-Йорк, 1985.

Маркелов, Константин. На берегу Москва-реки. Paris/Imprimerie d'art Voltaire, [1927].

Маршак С.Я. В начале жизни (страницы воспоминаний). В кн.: Маршак, Сочинения в 4 томах, т. 4, М./ИХЛ, 1960.

Масс В., Типот В. Настоящая любовь. Пьеса в 4 д., 6 карт. М.-Л./изд. МОДПиК, 1928.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 томах. М./ИХЛ, 1955-61.

Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. Т. 1-2. М./Искусство, 1968.

Меромский А. Язык селькора. М./Федерация, 1930.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т.1-2. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1955.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. М./Сов. писатель,1966.

Минцлов С.Р. Петербург в 1903-1910 годах (дневник). Рига/Книга для всех, 1931.

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. М./Сов. энциклопедия, 1980.

Молитвослов. Изд.3-е. Джорданвилль, Н.-Й./Свято-Троицк. монастырь, 1976.

Морфесси, Юрий. Жизнь, любовь, сцена. Воспоминания русского баяна. Изд. 2-е. Париж/Орфей, 1982.

Москвин Н. Встреча желаний. Новеллы. М./ИХЛ, 1936.
Москвин Н. Гибель реального. Роман-хроника 1912-1919 г. М.-Л./ ИХЛ, 1931.
Москвин Н. Двадцать пять рассказов. М./Сов. писатель, 1940.
Набатов, Илья. Заметки эстрадного сатирика. М./Искусство, 1957.
Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3 томах. М./ИХЛ, 1957.
Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917, в 2 книгах. Кн. 1. Нью-Йорк/изд. А.К.Наумовой и О.А.Кусевицкой, 1954.
Нежданова А.В. Материалы и исследования. М./Искусство, 1967.
Нежный, Игорь. Былое перед глазами. Театральные воспоминания. М./ВТО, 1965.
Неклюдов С.Ю. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива). В кн.: Проблемы славянской этнографии, Л./Наука, 1979.
Никандров Н. Профессор Серебряков. В кн.: Никандров, Любовь Ксении Дмитриевны. Рассказы, М./Недра, 1926.
Никулин Л. Время, пространство, движение. Т. 1: Записки спутника. Т. 2: Молодость героя. М./Сов. лит-ра, 1933.
Никулин Л. Московские зори, кн. 1-2. М./Моск. рабочий, 1964.
Никулин Л. Годы нашей жизни. Воспоминания и портреты. М./ Моск. рабочий, 1966.
Новейший чтец-декламатор. Составил Л.Б.Раевский. Варшава/изд. Боркуша, 1914.
Новиков, Андрей. Причины происхождения туманностей. "Красная новь", N° 2, 1929.
Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1952.
Оболенский А.В., кн. Мои воспоминания. "Возрождение", тетрадь 47, ноябрь 1955.
Оболенский А.В., кн. Мои воспоминания и размышления. Стокгольм/изд. ж-ла "Родные перезвоны", 1961.
Овсянико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. В кн.: Овсянико-Куликовский, Собрание сочинений, т. 7-9. М.-П./Гос. изд-во, 1923-24.
Огнев Н. Исход Никпетожа: дневник Кости Рябцева. Кн. 2. М.-Л./Мол.гвардия 1932.
Огнев Н. Крушение антенны. Рассказы. М./Сов. лит-ра, 1933.
Озаровская О.Э. Мой репертуар. Сборник произведений для эстрады. СПБ/изд. Корнфельда, 1911.
Олеша, Юрий. Ни дня без строчки. М./Сов. Россия, 1965.
Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1-2. Франкфурт/Посев, 1971.
Опискин, Фома. Сорные травы. СПБ/Нов. Сатирикон, 1914.
Орел В.Э. К объяснению некоторых "вырожденных" славянских текстов. В кн.: Славянское и балтийское языкознание, М./Наука, 1977.
Осинский Н. Автомобилизация СССР. М./Госиздат, 1930.
Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. "Печальну повесть сохранить..." М./Книга, 1987.
Памятники византийской литературы IV-IX веков. М./Наука, 1968.
Панова В. Заметки литератора. Л./Сов. писатель, 1972.
Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. Л./Сов. писатель, 1980.
Панова В. Собрание сочинений в 5 томах, т. 3. Л./ИХЛ, 1970.
Пантелеев Л. Приоткрытая дверь... Рассказы, очерки и др. Л./Сов. писатель, 1980.
Пантюхов, Олег. О днях былых. Maplewood, N.J./Durand House, 1969.

00064758

П а п е р н ы й З. Благородное лицо — смех. Вступит статья. В кн.: Ильф и Петров, Двенадцать стульев, М./Книга, 1987.
Парад бессмертных. Альманах "Крокодила" к 1-му съезду советских писателей. М./изд. "Правды", 1934.
Парнасс дыбом: про собак, козлов и Веверлеев. 2-е дополненное изд. Харьков/Космос, 1926.
П а с т е р н а к А.Л. Воспоминания. Мюнхен, 1983.
П а с т е р н а к Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг. N.Y./HBJ, 1981.
Пауки в банке. Альманах "Сатирикона". СПБ/ изд. Корнфельда, 1911.
П а у с т о в с к и й К.Г. Беспокойная юность. В кн.: Паустовский, Собрание сочинений в 8 томах, т. 4, М./ИХЛ, 1968.
П а у с т о в с к и й К.Г. Начало неведомого века. Там же.
П а у с т о в с к и й К. Время больших ожиданий. М./Сов. писатель, 1960.
Песни и романсы русских поэтов. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1963.
Песни русских рабочих. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1962.
П е т р о в Е. Из воспоминаний об Ильфе. В кн.: Ильф и Петров, Собрание сочинений в 5 томах, т. 5 (см. настоящую библиографию).
П е т р о в Е. Мой друг Ильф (публ. А.Вулиса). "Журналист", N° 6, 1967.
П и л ь н я к Б. Волга впадает в Каспийское море. М./Недра, 1930.
Писатели чеховской поры. Избранные произведения писателей 80-90-х гг. в 2 томах. М./ИХЛ, 1982.
П л а т о н о в, Андрей. Чевенгур. Paris/Ymca Press, 1972.
Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Ред. В.П.Семенова-Тян-Шанского. Л., 1926.
Под гармошку. Тысяча частушек. М.-Л./Мол. гвардия, 1927.
Под чистыми звездами. Советский рассказ 30-х гг. М./Моск. рабочий, 1983.
Полный сборник либретто для грамофона. ч. 2. СПБ, б/г.
Полный сборник романсов и песен в исполнении А.Д.Вяльцевой, Вари Паниной, М.А.Каринской. Варшава/тип. "Конкордия", 1913.
П о л я к о в, Владимир. Моя 190-я школа. В кн.: Поляков, Семь этажей без лифта, М./Сов. писатель, 1974.
Поэты-демократы 1870-1880-х гг. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1968.
П р о п п В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л./изд. ЛГУ, 1946.
П р о п п В.Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М./ИХЛ, 1958.
П у д о в к и н В. Собрание сочинений в 3 томах, т. 1. М./Искусство, 1974.
П у ш к и н А.С. Полное собрание сочинений в 16 томах. М.-Л./изд. АН СССР, 1937-49.
П я с т В. Встречи. М./Федерация, 1929.
Р а ф а л ь с к и й, Сергей. Что было и чего не было. London/Oversras Publications Interchange Ltd., 1984.
Р е й с н е р, Лариса. Избранные произведения. М./ИХЛ, 1958.
Р о в и н с к и й Д. Русские народные картинки, кн. III-V. СПБ/Отд. русск. яз. и словесности Императороской Академии наук (сборники 25-27), 1881.
Р у д н и ц к и й К. Режиссер Мейерхольд. М./Наука, 1969.
Русская драма эпохи Островского. М./изд. МГУ (Университетск. б-ка), 1984.
Русская стихотворная сатира 1908-1917 гг. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1974.
Русская театральная пародия XIX —начала XX в. М./Искусство, 1976.
Русские народные песни. Составл. А.М.Новиковой. М./ИХЛ, 1957.

Русские очерки. Т. 1-3. М./ИХЛ, 1956.
Русские повести XIX века, 70-90-х гг. Т. 1-2. М./ИХЛ, 1957.
Русские советские песни, 1917-1977. М./ИХЛ, 1977.
Русский романс. Сост. В.Рабиновича. М./Правда, 1987.
Самойлович Р. Спасательная экспедиция на ледоколе "Красин". "Наши достижения", № 1, 1929.
Сарнов Б. Тень, ставшая предметом. В кн.: Советская литературная пародия, т. 1, М./Книга, 1988.
Сатирический чтец-декламатор 1917-1925. Составил И.П.Абрамский. М.-Л./Гос. изд-во, 1927.
Сахарова Е. Комментарии. В кн.: Ильф и Петров, Двенадцать стульев, М./Книга, 1987.
Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюденний над русским языком последних лет (1917-1926). Изд. 2-е. М./Работник просвещения, 1928.
Сельвинский, Илья. Избранные произведения. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1972.
Семенов С. Наталья Тарпова. Кн. 1. М.-Л./Мол. гвардия, 1929.
Семенов С. Наталья Тарпова. Кн. 2. Л./изд-во писателей, 1931.
Симаков В.Н. Народные песни. М./изд. автора, 1929.
Скачинский А. Словарь блатного жаргона в СССР. Нью-Йорк, 1982.
Славин Л. Портреты и записки. М./Сов. писатель, 1965.
Словарь русского языка. Составлен 2-м отделением Академии наук. СПБ-Петроград-Ленинград, 1895-1930.
Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.-Л./изд. АН СССР, 1950-65.
Слонимский М. Пощечина. Л./Изд-во писателей, 1930.
Слонимский М. Средний проспект. В кн.: Слонимский, Сочинения, т. 3, М.-Л./ЗИФ, 1928.
Смерть Толстого. По новым материалам. М./изд. б-ки им. Ленина, 1929.
Соболь, Андрей. Любовь на Арбате. М./ЗИФ, б/г.
Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Т. 1-4. М./Искусство, 1961-68.
Соколов-Микитов И.С. Свидание с детством. На своей земле. В кн.: Соколов-Микитов, Собрание сочинений в 4 томах, т. 4, М.-Л./ИХЛ, 1966.
Солженицын А. Архипелаг Гулаг. Том 1. Париж/Ymca Press, 1973.
Сологуб, Федор. Творимая легенда, ч. 1. В кн.: Сологуб, Собрание сочинений, т. 18, СПБ/Сирин, 1914.
Сосновский Л. Дела и люди. Кн. 1: "Рассея". М./Красн. новь, 1924.
Сосновский Л. Советская новь. М./Правда, 1925.
Сталин И.В. Сочинения, т. 1-13. М./Госполитиздат, 1949-51.
Старков А. "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" Ильфа и Петрова. М./ИХЛ, 1969.
Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1-2. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1956.
Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать 1917-1963. М./Изд. политич. лит-ры, 1963.
Талызин, Михаил (бывш. управделами НК просвещения УССР и секретарь Комиссии Академич. Центра). По ту сторону. Париж, 1932.

Тарасов-Родионов А. Шоколад. В кн.: Опальные повести, Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1955.
Тарсис, Валерий. Седая юность (из автобиографии). В кн.: Тарсис, Собрание сочинений, т. 12, Мюнхен/Посев, 1968.
Телешов Н. Записки писателя. М./Моск. рабочий, 1958.
Титов В.П. Уединенный домик на Васильевском. В кн.: Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 9, Л./Наука, 1979.
Топоров В.Н. Несколько соображений о происхождении древнегреческой драмы. В кн.: Текст: семантика, структура, М./Наука, 1984.
Третьяков С. Месяц в деревне (июнь-июль 1930 г.). Оперативные очерки. М./Федерация, 1931.
Трифонов Ю. Старик. М./Сов. писатель, 1978.
Тронская М.Л. Политические романы Шпильгагена. "Ученые записки ЛГУ", N° 20, серия филологич. наук, вып. 1, 1939.
Тугендхольд Я.А. Художественная культура Запада. М., 1928.
Тур, братья. Средь бела дня. Фельетоны и рассказы. М./Сов. писатель, 1964.
Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о М.Светлове. М./Сов. писатель, 1973.
Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М./Наука, 1977.
Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Нью-Йорк/изд. им. Чехова, 1952.
Тэффи. Все о любви. Париж/O.Zeluck, б/г.
Тэффи. Городок. Нью-Йорк/Russica (репринт), 1982.
Тэффи. И стало так... СПБ/изд. Корнфельда (Б-ка "Сатирикона"), 1912.
Тэффи. Карусель. 3-е изд. Петроград/Нов. Сатирикон, 1915.
Тэффи. Ничего подобного. Петроград/Нов. Сатирикон, 1915.
Тэффи. Проворство рук. М.-Л./ЗИФ (Б-ка сатиры и юмора), 1926.
Тэффи. Юмористические рассказы, кн. 1. Изд. 5-е. СПБ/Шиповник, б/г.
Тэффи. Юмористические рассказы, кн. 2: Человекообразные. Изд. 2. СПБ/Шиповник, б/г.
Уваров, Борис. Лихолетье. Роман. Шанхай/изд. Малык и Камкина, 1933.
Успенский, Лев. Записки старого петербуржца. Л./Лениздат, 1970.
Файко А. Записки старого театральщика. М./Искусство, 1978.
Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. Т. 1-4. М./Прогресс, 1964-73.
Федорович, Вит. Конец пустыни. М./Федерация, 1931.
Фибих, Дан. Дикое мясо. Рассказы. М./Моск. товарищество писателей, 1931.
Форш, Ольга. Собрание сочинений. М.-Л./ГИЗ, 1928-30.
Фрейденберг О.М. Три сюжета или семантика одного. "Язык и литература", вып. 5, Л./изд. РАНИОН, 1930.
Фюретьер А. Мещанский роман. Пер. с фр. М./ИХЛ, 1962.
Хайт Д. Бурьян. М./Недра, 1927.
Ходасевич, Валентина. Портреты словами. Очерки. М./Сов. писатель, 1987.
Цивьян Ю.Г. К генезису русского стиля в кинематографе. "Wiener Slavistischer Almanach", Bd. 14, 1984.
Частушка. Л./Сов. писатель (Б-ка поэта, б. серия), 1966.
Чернов А.И. Народные русские песни и романсы. Т. 1. Нью-Йорк, 1949. Т. 2. Нью-Йорк, 1953.
Чириков, Евг. Повести и рассказы. М./ИХЛ, 1961.
Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. М./ИХЛ, 1944-51.

Чтец-декламатор. Т. 3, изд. 2-е. Киев/изд. Самоненко, 1909.
Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М./Книга, 1988.
Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко. М./Наука, 1979.
Чуковский К. Серебряный герб. В кн.: Чуковский, Чудо-дерево, Серебряный герб, М./Детск. лит-ра, 1967.
Чуковский К. Современники: портреты и этюды. М./Мол. гвардия (Жизнь замечат. людей), 1963.
Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М./Искусство, 1979.
Чумандрин М. Бывший герой. Л./ЛАПП, Прибой, 1930.
Чумандрин М. Фабрика Рабле. Л./ЛАПП, Прибой, 1929.
Шагинян М. Дневники 1917-1931. Л./Изд-во писателей, 1932.
Шагинян М. Собрание сочинений в 6 томах. М./ИХЛ, 1956-57.
Шаховской В.Н., кн. "Sic transit gloria mundi". 1893-1917. Париж, 1952.
Шидловский С.И., член Государственой Думы. Воспоминания. Ч. 1-2. Берлин/Кирхнер и К°, 1923.
Шкваркин В. Вредный элемент. Водевиль. М.-Л./изд. МОДПиК, 1927.
Шкваркин В. Шулер. Комедия в 3 д., 7 карт. М./Теакинопечать, 1929.
Шкловский В. Гамбургский счет. Л./Изд-во писателей, 1928.
Шкловский В. Жили-были. М./Сов. писатель, 1963.
Шкловский В. Лев Толстой. М./Мол. гвардия (Жизнь замечат. людей), 1963.
Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М./Федерация, 1929.
Шмидт-Очаковский Е. Лейтенант Шмидт ("Красный адмирал"). Воспоминания сына. Прага/Пламя, 1926.
Шолом-Алейхем. С ярмарки. Рассказы. М./ИХЛ, 1957.
Шолом-Алейхем. Собрание сочинений в 6 томах. М./ИХЛ, 1959-61.
Шульгин В.В. Годы. Воспоминания бывшего члена Государственной Думы. М./изд. агентства печати "Новости", 1979.
Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в Красную Россию. Берлин/Медн. всадник [1927?]. Франц. перевод: см. Schoulguine.
Шульгин В.В. Дни. Белград/М.А.Суворин и К°: "Новое Время", 1925.
Шульгин В.В. 1920 г. Очерки. София/Российско-Болгарск. книгоизд-во, 1921.
Щеглов Ю.К. О мифологизме романов Ильфа и Петрова. "Wiener Slavistischer Almanach", Bd. 15, 1985.
Щеглов Ю.К. Семиотический анализ одного типа юмора. "Семиотика и информатика", вып. 6. М./ВИНИТИ, 1976.
Щеглов Ю.К. Три фрагмента поэтики Ильфа и Петрова. В кн.: Жолковский, Щеглов, Мир автора и структура текста (см. настоящую библиографию).
Щерба Л.В. Современный русский литературный язык [1933]. В кн.: Щерба, Избранные работы по рускому языку, М./Учпедгиз, 1957.
Эйзенштейн С.М. Избранные произведения в 6 томах. М./Искусство, 1963-71.
Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М./Искусство, 1974.
Энциклопедический словарь [в 86 томах]. СПБ/Брокгауз и Ефрон, 1890-1907.
Энциклопедический словарь. Т. XIII. СПБ/Брокгауз-Ефрон, 1894.
Эрдман, Н. Мандат. Пьеса в 3 д. München/Otto Sagner (Arbeiten und Texte zur Slavistik, Bd. 10), 1976.
Эренбург И. Бубновый валет и К°. М.-Л./изд. "Петроград", 1925.
Эренбург И. В Проточном переулке. Роман. Рига/Грамату Драугс, 1927.
Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1-2. М./Сов. писатель, 1961.

Эренбург И. Рвач. Париж, 1925.
Эренбург И. Шесть повестей о легких концах. Берлин/Геликон, 1922.
Эрлих А. Нас учила жизнь. Литературные воспоминания. М./Сов. писатель, 1960.
Юшкевич, Семен. Евреи. Роман. В кн.: Юшкевич, Полное собрание сочинений, т. 3, Петроград/Жизнь и знание, 1917.
Юшкевич, Семен. Король. Драма. Там же.
Юшкевич, Семен. Зять Зильбермана. Пьеса в 1 д. Петроград, б/г.
Юшкевич, Семен. Комедия брака. Пьеса в 4 д. СПБ/Театр и искусство, б/г.
Юшкевич, Семен. Леон Дрей. Ч. III. Берлин/изд. Гржебина, 1923.
Юшкевич, Семен. Miserere. В кн.: "Земля" (сборник), т. 6, М. 1911.
Юшкевич, Семен. Повесть о господине Сонькине. Пьеса в 4 д. Берлин/изд. "Москва", 1922.
Яновская Л.М. Почему Вы пишете смешно? М./Наука, 1969.
Ярон Г.М. О любимом жанре. М./Искусство, 1960.

ИМЕННЫЕ УКАЗАТЕЛИ К КОММЕНТАРИЯМ

I. Историко-бытовой указатель
(исторические фигуры, общественные и культурные деятели, частные лица)

II. Литературный указатель
(авторы упоминаемых в комментариях произведений литературы и искусства, названия анонимных произведений, персонажи фольклора)

ERRATA

Том 1

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
123	12 св.	в мае 1923	в мае 1922
155	3 св.	П.П.Горохов	П.Г.Горохов
208	1 сн.	Д.Покрасс	С.Покрасс
238	3 св.	Александровский дворец	Александринский дворец
241	16 сн.	льзя зи	льзя ли
272	8 св.	М.Козачинский	А.Козачинский